

Л. Е. БАЛАШОВ

**Ж И З Н Ь
С М Е Р Т Ь
БЕССМЕРТИЕ**

МОСКВА • 2009

Л. Е. БАЛАШОВ

**Ж И З Н Ь
С М Е Р Т Ь
БЕССМЕРТИЕ**

**2-Е ИЗДАНИЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ,
С ПРИЛОЖЕНИЯМИ**

МОСКВА • 2009

Рецензент:

И. В. Вишев, доктор философских наук, профессор

Балашов Л.Е.

Жизнь, смерть, бессмертие. — 2-е изд., исправ., дополн., с приложениями — М., 2009. — 315 с.

Эта книга не для любителей эзотерики, мистики, пара-науки и т. п. Она для тех, кто любит философию и философствование без посторонних прибавлений. В книге излагается *реалистическая* концепция жизни, смерти, бессмертия. Автор критикует односторонние точки зрения на жизнь только как на смертную или бессмертную. Он выдвигает и обосновывает идею “делания” бессмертия, показывает сложный характер этого “делания”. Анализируя феномен реального бессмертия, автор приходит к выводу, что наряду с *потенциальным* существует *актуальное* бессмертие.

В концентрированном виде основная идея книги выглядит так: абсолютное индивидуальное бессмертие невозможно, но возможно и реализуемо *бесконечное приближение* к идеалу абсолютного бессмертия.

Отзывы и предложения направлять по адресу: 115583, Москва, Воронежская ул., 9, 110. Телефон.: (094) 397-77-91

ISBN

© Балашов Л.Е., 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. Общая характеристика работы.....	6
Глава 1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС. НЕКОТОРЫЕ ВЕХИ.....	10
Глава 2. ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, БЕССМЕРТИЕ.....	21
2.1. Что такое жизнь?.....	21
2.2. Смысл жизни.....	22
2.3. Цель жизни.....	24
2.4. С возрастом время жизни увеличивается или уменьшается?.....	27
2.5. Конечное и бесконечное.....	29
2.6. Смерть-бессмертие в их отношении к конечности- бесконечности существования.....	39
Глава 3. ЖИЗНЬ <i>ПРОТИВ</i> СМЕРТИ.....	47
3.1. Смерть как Абсолют.....	47
3.1.1. Человекоубийственная логика (мыслительные абсолютизации смерти).....	48
3.1.2. Страх смерти и отчаяние (эмоциональные абсолютизации смерти).....	54
3.1.3. Абсолютизация смерти как феномен культуры (некрофилия антикультуры).....	59
О так называемом «праве на смерть».....	67
3.1.4. Философия убийства.....	71
3.1.5. Человек не является чисто смертным существом.....	77
3.1.6. Жить значит умирать?.....	79
3.2. Смерти нет оправдания.....	81
3.2.1. Так ли уж естественна и необходима смерть?.....	82
3.2.2. Смерть — фактор прогресса?.....	84
3.2.3. Нужна ли смерть жизни (для жизни)?.....	89
3.2.4. Бессмертие плохо, значит смерть хороша?.....	97
3.3. Эвтаназия — “хорошая смерть”.....	99
Глава 4. БЕССМЕРТИЕ КАК АБСОЛЮТ.....	103
4.1. О притягательности идеи личного бессмертия.....	103
4.2. Платон и Сенека: доводы в пользу бессмертия.....	106
4.3. Почему абсолютное личное бессмертие невозможно?.....	111
Глава 5. СТРЕЛА ЖИЗНИ: ОТ СМЕРТНОСТИ К БЕССМЕРТИЮ.....	114
5.1. Живая связь смертности и бессмертия.....	114
5.2. Как мы “делаем” бессмертие?.....	122
5.2.1. Продолжение человеческого рода, любовь.....	122
5.2.2. Творческое бессмертие.....	137
5.3. Потенциальное бессмертие.....	142
5.4. Актуальное бессмертие (жить настоящим, в настоящем).....	152
5.5. Активное долголетие.....	164
5.5.1. Антитеза коротколетия и долголетия. Качество и количество жизни.....	165
5.5.2. Почему люди стремятся жить как можно дольше и почему надо жить как можно дольше?.....	169

5.5.3. Что надо делать для того, чтобы жить долго и счастливо?	171
5.6. Виртуальное бессмертие	173
Глава 6. КОНЕЧНОСТЬ И БЕСКОНЕЧНОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ ЖИЗНИ	174
Глава 7. ЗДОРОВЬЕ И БОЛЕЗНИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФИЛОСОФА	177
7.1. Норма и здоровье	177
7.1.1. Норма	178
7.1.2. Здоровье	179
7.1.3. Как поправить-укрепить свое здоровье?	194
7.2. Программа гармонического развития и активного долголетия	196
7.2.1. Постоянная ориентация на полноценную жизнь, активное долголетие, бодрость духа, оптимизм, жизнерадостность и жизнелюбие	197
7.2.2. Любимая работа, творческий труд	205
7.2.3. Любовь, семья, дети, род	206
7.2.4. Духовное совершенствование, постоянный контакт с духовной культурой человечества	211
7.2.5. Физическое совершенствование, регулярная физическая нагрузка, всесторонняя тренировка тела, подвижный образ жизни	229
7.2.6. Рациональное, полноценное, сбалансированное, экологически чистое питание	234
7.2.7. Физическое и духовное, морально-психологическое закаливание, повышение сопротивляемости к различным возмущающим факторам	237
7.2.8. Контакт с людьми, соблюдение баланса между общением и уединением	241
7.2.9. Соблюдение баланса между трудом и отдыхом, между активным и пассивным отдыхом, напряжением и расслаблением	242
7.2.10. Общение с природой; пребывание по возможности в благоприятной окружающей среде	243
Глава 8. НЕГАТИВ ЖИЗНИ: антикультура и антифилософия	245
8.1. Антикультура	245
8.1.1. Антикультура — болезнь цивилизации	245
8.1.2. Пропаганда аномального в современном обществе	248
8.1.3. О влиянии средств массовой информации, художественной литературы, кино на поведение людей, общества в целом	252
8.1.4. Чему учит нынешняя реклама?	259
8.1.5. Распространение наркотической антикультуры как заразы в современной России	262
8.1.6. Некрофилия антикультуры	264
8.1.7. Бум мистицизма	270
8.2. Антифилософия	278

8.2.1. Ф. Ницше — фюрер антикультуры	279
Философский юродивый, этакий философский Хлестаков— Жириновский	279
Антигуманист без всяких оговорок	281
Величайший философский террорист	283
Презрительно-пренебрежительное отношение к женщине	284
Расист, восхвалитель арийской расы как расы господ	285
Философия Ницше — это философия конфликта, агрессии, воинственности	286
Нигилизм Ницше	287
8.2.2. Психоделический мистицизм Карлоса Кастанеды	287
Укол Кастанеды	290
8.3. Несчастное и преступное сознание	293
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Большое открытие маленького человека (<i>от общего к частному или от частного к общему?</i>)	295
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Открытое письмо всем убийцам и заказчикам убийств	297
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. К дискуссиям об отмене смертной казни	301
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. О конце Света (<i>в форме письма</i>)	304
Библиография	308
Указатель имен	313

Жизнь, смерть, бессмертие — магические слова, которые значат бесконечно много для каждого из нас. Люди задумывались над их смыслом с тех пор, как стали людьми. Особенно пытаются разобраться в них философы. И это естественно. Философы — специалисты по общим проблемам бытия. Для них жизнь, смерть, бессмертие имеют не личное только, а универсально-всеобщее значение.

ВВЕДЕНИЕ. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Значимость темы. Тема «жизнь, смерть, бессмертие человека» относится к числу вечных, всегда нуждается в разработке. Каждое время открывает в ней новые грани.

В *теоретическом* плане анализ этой темы позволяет глубже осмыслить сущность человека. Актуальность ее диктуется необходимостью осмысления таких новых реалий нашей жизни, как

— достижения биологической науки, в частности, расшифровка генома человека;

— информационно-компьютерная революция и связанная с ней виртуализация жизни;

— возникшая в XX веке угроза самоуничтожения человечества в результате термоядерной войны.

В *практическом* плане разработка этой темы диктуется необходимостью

— противодействия тому феномену в современной жизни общества, который автор назвал некрофилией антикультуры; эта некрофилия или, как называет ее И.В.Вишев, смертническая парадигма жизни реально угрожает самым основам жизни человека;

— постановки научно-практической задачи значительного увеличения видовой продолжительности жизни человека;

— культурного влияния на людей (в частности, их просвещения) в духе жизнеутверждения, реалистической концепции бессмертия (продолжения рода, творческо-го/социального бессмертия, активного долголетия, увеличения видовой продолжительности человеческой жизни).

Степень разработанности темы. Тема «жизнь, смерть, бессмертие» необъятная. В той или иной мере по ее поводу высказывались почти все философы. В комплексном виде (в триединстве «жизнь–смерть–бессмертие») она разрабатывалась Платоном, Гегелем, некоторыми русскими философами. В отечественной философии последних десятилетий — И.Т.Фроловым, И.В.Вишевым. Отдельные части этой темы («жизнь и смерть», «смерть и бессмертие», «смерть», «бессмертие») рассматривались многими философами. Из отечественных следует указать на И.Д.Панцхаву, И.А.Кривелева, Н.Н.Трубникова, А.В.Демичева, О.С.Пугачева, В.И.Красикова, Н.М.Солодухо.

Постановка проблемы. В работе сделана попытка осмыслить понятия «жизнь», «смерть», «бессмертие» в определенном категориально-логическом поле, прежде всего в их отношении к таким фундаментальным философским категориям как конечное и бесконечное¹.

Проблема «жизнь, смерть, бессмертие человека» рассматривается не только в человеческом, но и в биотическом смысле.

Цель работы — разработка реалистической (нерелигиозной) концепции жизни, смерти, бессмертия человека.

Задачи исследования:

— обоснование необходимости разработки реалистической концепции жизни, смерти, бессмертия человека;

— выявление логики развития представлений о жизни, смерти, бессмертии в истории философии и вообще духовной культуры человечества;

— осмысление логики соотношения категорий конечного и бесконечного и использование их в анализе жизни и смерти, смертности и бессмертия;

— осмысление внутренней природы связи жизни не только со смертью, но и с бессмертием;

— раскрытие соотношения понятий актуального и потенциального бессмертия;

— характеристика особенностей человеческой жизни,

¹ Работа написана в русле и в развитие тех идей, которые изложены в книге: Л.Е.Балашов. Мир глазами философа. (Категориальная картина мира). М., 1997.

человеческой смерти и бессмертия в рамках социальной философии.

Основная идея работы в концентрированном виде выглядит так: абсолютное индивидуальное бессмертие невозможно, но возможно и реализуемо *бесконечное приближение* к идеалу абсолютного бессмертия.

Объектом исследования является сущность и существование человека, человек в своей индивидуальной ипостаси и общей (родовой-социальной) сущности, как живое существо и член общества.

Предметом исследования является жизнь человека, взятая в аспекте конечности и бесконечности существования, в частном случае, в аспекте смертности и бессмертия человека.

Философско-методологические основания работы (принципы, методы):

1. Социально-философский подход: осмысление-анализ жизни человека-индивида в рамках жизни всего человечества.

2. Гуманистическая устремленность, приверженность гуманистическим и вообще витальным ценностям, ориентация на духовное, нравственное здоровье людей, человеческого общества в целом.

3. Опора на здравый смысл и вера в творческую силу человека, в созидательные возможности человечества.

4. Категориально-логический анализ, осмысление жизни-смерти-бессмертия в категориально-логическом поле деятельности, конечности и бесконечности существования, а также таких философско-методологических принципов как принципы объективности, развития, детерминизма, преемственности, единства бытия и небытия, исторического и логического, абстрактного и конкретного, эмпирического и теоретического.

Основные тезисы:

1. Жизнь не является в отдельности ни смертной, ни бессмертной. Она борется со смертью *за* бессмертие. Жизнь соединяет и разделяет их, т. е. *создает и разрешает противоречие между смертностью и бессмертием*. Стрела жизни направлена *от* смертности *к* бессмертию.

2. Смерть возникла на определенном этапе становления живой природы и как эволюционное приобретение жизни не равна ей, т. е. является лишь одной из форм окончивания жизни. Поэтому ценность жизни как таковой нельзя мерить ее отношением к смерти. Смерть отнюдь не придает жизни смысл. Разговоры о положительной ценности смерти для жизни являются не только неуместными, но и опасными, самоубийственными для человечества.

3. Абсолютное индивидуальное бессмертие невозможно, но возможно и реализуемо *бесконечное приближение* к идеалу абсолютного бессмертия. Это *бесконечное приближение* диссертант называет «деланием» бессмертия, показывает сложный характер этого «делания».

4. Анализируя феномен реального бессмертия, диссертант приходит к выводу, что наряду с *потенциальным* существует *актуальное* бессмертие. В этой связи обосновывается введение в философскую литературу понятия «актуальное бессмертие».

Новизна исследования заключается в том, что проблема жизни, смерти, бессмертия рассматривается **комплексно, в едином категориально-логическом поле, в их отношении к фундаментальным философским категориям: конечному и бесконечному.**

В частности:

1. Определяются такие категории социальной философии как жизнь и смерть человека.

2. Осмыслиется соотношение жизни и смерти в аспекте диалектического единства конечного и бесконечного.

3. Выдвигается и обосновывается идея «делания» бессмертия и дается характеристика форм его выражения.

4. Раскрывается различие смысла и цели жизни.

5. Обосновывается положение о том, что жизнь противоположна смерти, а смерть — бессмертию; следовательно жизнь и бессмертие суть одно.

6. Вводится понятие актуального бессмертия.

7. Половая любовь осмысливается не только и не столько как чувство, сколько как особый род совместной деятельности мужчины и женщины, связанный с «деланием» бессмертия.

Теоретическая значимость исследования. Разработана и обоснована реалистическая (нерелигиозная) концепция жизни, смерти, бессмертия в аспекте осмысления новых реалий нашей жизни, таких как (1) достижения биологической науки, в частности, расшифровка генома человека; (2) информационно-компьютерная революция и связанная с ней виртуализация жизни; (3) возникшая в XX веке угроза самоуничтожения человечества в результате термоядерной войны.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут служить методологической основой:

— для постановки и решения фундаментальных научно-практических задач, связанных с увеличением видовой продолжительности жизни человека.

— консультирования в медицинской практике, в психотерапии, в психоанализе, в работе практических философов, в социальной работе.

Они могут быть также использованы:

— в преподавании философии, гуманитарных дисциплин и междисциплинарных предметов.

— в просветительской работе с населением (по линии общества «Знание» и других подобных организаций).

Глава 1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС. НЕКОТОРЫЕ ВЕХИ

Тема «жизнь, смерть, бессмертие человека» необъятная. В той или иной мере по ее поводу высказывались почти все философы.

В древние времена наиболее разработанной была платоновская концепция жизни, смерти и бессмертия. Она интересна двумя моментами.

Во-первых, **Платон** дал развернутую аргументацию в пользу идеи бессмертия души. В “Федоне”¹ он доказывает бессмертие души с помощью идеи взаимоперехода противоположностей. См. об этом ниже, п. 4.2. Подобным же образом аргументировал **Сенека** (см. там же).

¹ Платон. Собр. соч. Т. 2, М., 1993. С. 22-25 (“Федон”, 70c-72d).

От Платона тянется нить к христианскому представлению о бессмертии души и смертности тела.

“Из всего сказанного, — пишет он в “Федоне”, — следует такой вывод: божественному, бессмертному, умопостигаемому, единообразному, неразложимому, постоянному и неизменному самому по себе в высшей степени подобна наша душа, а человеческому, смертному, постигаемому не умом, многообразному, разложимому и тленному, непостоянному и несходному с самим собою подобно — и тоже в высшей степени — наше тело”¹.

В этом высказывании Платона мы видим довольно-таки развитое представление древних о бессмертии. Истоки идеи бессмертия теряются в глубине тысячелетий. На каком-то этапе становления (ближе к началу) эта идея целиком захватила человека, стала доминирующей в его сознании. Человек долго находился в ее плену, прежде чем понял, что в своем абсолютном варианте эта идея не соответствует действительности. Он стал искать компромиссное решение вопроса о бессмертии и смертности. Восточная идея переселения душ и платоно-христианские представления о бессмертии души и смертности тела — наиболее яркие примеры такого компромиссного решения. Каждый из этих вариантов по своему логичен и убедителен. Не случайно на протяжении многих веков эти компромиссные решения жили в сознании людей, а кое-где продолжают жить до сих пор. Почему же мы отвергаем их? Потому что они по-настоящему не решают вопрос о *взаимосвязи* бессмертия и смертности. В них *эkleктически* соединяются идея чистого, абсолютного (всегда равного себе) бессмертия и признание де-факто телесной смертности. Такое соединение от начала и до конца искусственно, так как основано на дуалистическом представлении о параллельном существовании души и тела.

Во-вторых, Платон выдвинул и обосновал тезис о том, что любовь и творчество — проявления бессмертного начала в смертном существе.

Мысли Платона о "делании" бессмертия, о живой связи смертности и бессмертия не раз повторялись последующими поколениями философов и писателей в том или ином виде. См. об этом подробнее ниже, п. 5.1 (с. 78-82).

Другую линию в вопросе о соотношении жизни, смерти, бессмертия представляет **А. Шопенгауэр** и его последова-

¹ Платон. Собр. соч. Т. 2, М., 1993. С. 36 (“Федон”, 80b).

тели. Это так называемая **смертническая парадигма**.

А. Шопенгауэр в своей главной книге "Мир как воля и представление" (Т. 2, гл. XLI) главу о смерти¹ начинает так: "**Смерть — поистине гений-вдохновитель, или мусaget философии**; оттого Сократ и определял последнюю как θανάτου μελέτη (подготовку к смерти (греч.)). Едва ли даже люди стали бы философствовать, если бы не было смерти. Поэтому будет вполне естественно, если специальное рассмотрение этого вопроса мы поставим во главу последней, самой серьезной и самой важной из наших книг." Восхвалявший смерть Шопенгауэр прожил тем не менее 72 года! **Нелогично**. Л. Н. Толстой по этому поводу ехидно заметил: «Никто не мешает нам с Шопенгауэром отрицать жизнь. Но тогда убей себя — и не будешь рассуждать... А живешь, не можешь понять смысла жизни, так прекрати ее, а не вертись в этой жизни, рассказывая и расписывая, что ты не понимаешь жизни... Тебе скучно и противно, так уйди... Ведь, в самом деле, что же такое мы, убежденные в необходимости самоубийства и не решающиеся совершить его, как не самые слабые, непоследовательные и, говоря попросту, глупые люди, носящиеся со своей глупостью, как дурак с писаной торбой?».

А. Шопенгауэр относится к смерти абстрактно-метафизически, как к абсолютной неизбежности. Он всецело находится в рамках старой парадигмы смерти-бессмертия как понятий, отражающих естественный ход жизни, изменить который никто и никогда не может. Смерть для него — нечто раз и навсегда данное. Он даже помыслить не может, что могут быть другие формы оконечивания индивидуальной жизни, не такие как превращение живого в труп. Жизнь Шопенгауэр рассматривает скорее биологически, чем человечески. Взгляд его обращен в прошлое. Будущее он не видит, не видит того, что жизнь меняется, эволюционирует, на базе низших форм образуются высшие. Он фактически отрицает прогресс жизни. Отсюда его фатализм и пассивизм.

(Вообще, **смертническая парадигма** — весьма древнего происхождения. Достаточно упомянуть древнегреческого философа Гегесия (ок. 320-280) или древнекитайского мыс-

¹ Эта глава связана с § 64 первого тома.

лителя Лао-цзы. **Гегесий** получил прозвище Пейситанатос, что означает «проповедник самоубийства» или «учитель смерти» (см. подробнее ниже, стр. 71). А **Лао-цзы** утверждал, что для нас небытие предпочтительнее бытия: "Тот, кто не заботится о том, чтобы жить, мудрее того, кто ценит жизнь"¹.)

Линию Шопенгауэра продолжали Ф. Ницше (с его вечным возвращением) и другие философы жизни, затем экзистенциалисты и некоторые постмодернисты.

Ф. Ницше, например, утверждал, что смерть является более значимым моментом, чем жизнь².

Вслед за Ф. Ницше М. Хайдеггер считал смерть гораздо более важным явлением, чем жизнь. Он трактовал человеческое бытие как «бытие-к-смерти». Смерть для него позитивная, а не негативная характеристика человеческого бытия: она есть то, что делает бытие человека «собственным» («подлинным»); она есть всегда «моя» смерть; через осознание смерти как «моей собственной» осуществляется выход за пределы «несобственного», анонимного существования и открывается возможность поворота к бытию, или к смыслу бытия³. (Оценка учения Хайдеггера о бытии перед лицом смерти дается ниже, стр. 63-64).

Альбер Камю свое эссе «Мифе Сизифе» (раздел «Абсурдные рассуждения», пункт «Абсурд и самоубийство») начинает словами: **«Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема — проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное — имеет ли мир три измерения, руководствуется ли разум девятью или двенадцатью категориями второстепенно.** Таковы условия игры: прежде всего нужно дать ответ. И если верно, как того хотел Ницше, что заслуживающий уважения философ должен

¹ См.: В. С. Соловьев. Китай и Европа. Цит. по: Соловьев В. С. Собр. соч.: В 10 т., 2-е изд. Спб., 1911-1914. Т. 6.

² Недавно Гейдар Джемаль, руководитель Исламского независимого центра «Тахвид» (Москва), почти повторил Ницше в таком риторическом вопросе: «Не естественно ли, что смерть человеку ближе, чем его жизнь».

³ См.: Современная западная философия. М., 1991, статья «Смерть» (В.С.Малахов).

служить примером, то понятна и значимость ответа — за ним следуют определенные действия. Эту очевидность чует сердце, но в нее необходимо вникнуть, чтобы сделать ясной для ума.» (Выделено мной — Л. Б.)

Откуда А. Камю взял, что проблема самоубийства — «лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема»? Это надо быть абсолютно невежественным в философской проблематике¹. Камю, как и некоторые другие философы, просто «помешался» на теме смерти. Он даже позитивные идеи излагает в обертке этой темы. Вот два примера:

«...Умирать имеет смысл только за свободу, ибо лишь тогда человек уверен, что он умирает не целиком» (эта фраза помещена на последней странице обложки под портретом А. Камю русского издания сборника его произведений «Бунтующий человек» — М.: Политиздат, 1990).

Или: «большинство из нас — как у меня на родине, так и в Европе — отринуло этот нигилизм и перешло к поиску нового смысла жизни. Им пришлось освоить искусство существования во времена, чреватые всемирной катастрофой, чтобы, возродившись, начать ожесточенную борьбу против инстинкта смерти, хозяйничающего в нашей истории». (Из речи от 10 декабря 1957 г. по случаю получения Нобелевской премии).

Тяжело читать Камю. Жизнь перед лицом смерти, убийство, самоубийство — в самых разных ракурсах. Чаще всего в связке с другой негативной темой — темой абсурда. Как будто нет других тем. Как будто человек только и думает о смерти и абсурде. Много чести — сверлить мозг этими темами! Если мы рассматриваем тему жизни в ее отношении к смерти как самую важную философскую тему, то этим волей-неволей обесцениваем саму жизнь, выводим за скобки всё ее внутреннее содержание, т. е. всё, что происходит

¹ По боку Платона, Аристотеля, Декарта, Локка, Спинозу, Канта, Гегеля и других величайших умов. Ведь они занимались миром как таковым, категориями как таковыми. Получается по Камю, они занимались второстепенными проблемами философии, а вот он, Камю, вместе с Ницше, Шопенгауэром, Кьеркегором, Ясперсом занимается стоящим делом — проблемой самоубийства, жизни на грани смерти. Категории, категориальный анализ — эта высшая математика философии — для Камю второстепенное дело философии. Какое убожество мысли и духа!

внутри жизни, от рождения до смерти. Мы в таком случае перестаём нормально воспринимать жизнь, не саму ее, а лишь ее границу и фактически становимся пленниками этой границы-смерти. Вспоминается в этой связи высказывание Спинозы: «Человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни». (Этика. — Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 1, М., 1957. С. 576). В самом деле, свободный человек думает не о смерти а о жизни. А тот, кто постоянно думает о смерти — по-настоящему ее пленник, т. е. несвободный человек.

В одном из рассказов А. П. Чехова — «Огни» — состоялся любопытный разговор на тему о смерти:

«— А вы эти мысли бросьте... — сказал инженер серьёзно и настоятельно.

— Почему?

— А потому... Такими мыслями следует оканчивать жизнь, а не начинать. Вы ещё слишком молоды для них.

— Почему же? — повторил студент.

— Все эти мысли о бренности и ничтожестве, о бесцельности жизни, о неизбежности смерти, о загробных потёмках и проч., все эти высокие мысли, говорю я, душа моя, хороши и естественны в старости, когда они являются продуктом долгой внутренней работы, выстраданы и в самом деле составляют умственное богатство; для молодого же мозга, который едва только начинает самостоятельную жизнь, они просто несчастье! Несчастье! — повторил Ананьев и махнул рукой. —

По-моему, в ваши годы лучше совсем не иметь головы на плечах, чем мыслить в таком направлении. Я вам, барон, серьёзно говорю. И давно уж я собирался поговорить с вами об этом, так как ещё с первого дня нашего знакомства заметил в вас пристрастие к этим анафемским мыслям!»

Мой комментарий: «мысли о бренности и ничтожестве, о бесцельности жизни, о неизбежности смерти, о загробных потёмках» не хороши и не естественны **никогда**, в том числе и на склоне лет, в старости. Мне сейчас 59 лет. В основном я уже прожил жизнь. И по-прежнему гоню от себя все эти дурацкие мысли. Был у меня небольшой период в жизни (весной 1994 г.), когда я задумывался о хрупкости жизни и возможности смерти. Наверное, этот период — самый печальный в моей жизни. Потому что я был духовно надломлен (только что окончилась моя депутатская деятельность и некоторое время я был не у дел). Этот период давно позади.

Всякие мысли о бренности и ничтожестве жизни, о неизбежности смерти свидетельствуют лишь о духовной надломленности, растерянности человека.

Пройдет время, может быть не одно десятилетие — и люди будут удивляться этой заикленности ряда известных философов на теме смерти, будут воспринимать это как своего рода философскую болезнь и шире, как болезнь культуры.

Итак, абстрактно-метафизическое понимание жизни, смерти, бессмертия — неискоренимый порок этого направления философской мысли.

Некоторые отечественные философы придают слишком большое значение этому направлению. Так В. С. Малахов утверждает: «тематизацией смерти обозначен водораздел между классической, традиционной и неклассической, современной философией» (Статья «Смерть» в: «Современная западная философия: Словарь. — М., 1991. С. 278). — Это очень сильное утверждение. На самом деле, современная философия более глубоко и детально (по сравнению с предшествующей) рассматривает и тему жизни, и тему смерти, и тему бессмертия. Смерть — лишь один из аспектов общей проблемы «жизнь-смерть-бессмертие». В. С. Малахов прав лишь в том, что, действительно, большая и влиятельная группа современных философов во главе с Хайдеггером и Ясперсом педалирует тему смерти.

Смертнической парадигмы придерживались и некоторые философы материалистического-натуралистического направления. К ним можно отнести большинство философов марксистского направления (характерный пример: в Философском энциклоп. словаре 1983 г. имеется статья "Смерть" [автор — П. П. Гайденко]¹, но нет статьи "Бессмертие"). К

¹ В указанной статье смерть определяется натуралистически, как "естественный конец всякого живого существа". А вот как интерпретирует автор статьи отношение марксистской философии к смерти: "В марксистской философии конечность индивида рассматривается как диалектический момент существования человечества, восходящего в своем поступательном развитии к более совершенным общественным формам выявления "сущностных сил человека". "Смерть,— писал К. Маркс — кажется жестокой победой рода над *определенным* индивидом и как будто противоречит их единству; но *определенный* индивид есть лишь некое *определенное родовое существо* и как таковое смертен" (Маркс К.

ним относится и *К. Ламонт*, американский философ натуралистического направления, автор известной книги «Иллюзия бессмертия»¹.

К натуралистическому направлению можно отнести позицию ряда представителей *психоанализа*. Бессознательное стремление к смерти («Танатос») рассматривается этими представителями как одно из глубинных оснований человеческого поведения наряду с бессознательным стремлением к удовольствию («Эрос»). Как известно, **З. Фрейд** полагал, что жизнь человека управляется не только либидо (половым влечением, инстинктом), но и инстинктом смерти. В статье «По ту сторону принципа наслаждения» он писал: «С точки зрения консервативной природы первичных влечений было бы большим противоречием, если бы целью жизни было никогда до этого не достигавшееся состояние. Скорее всего, этой целью должно быть старое исходное состояние, из которого живое существо когда-то вышло, и к которому оно, идя всеми окольными путями развития, стремится возвратиться. Если мы признаем как недопускающий исключения факт, что все живое умирает, возвращается в неорганическое, по причинам *внутренним*, то мы можем лишь сказать, что *цель всякой жизни есть смерть...*»². Эта аргументация З. Фрейда весьма легковесна и при внимательном разборе не выдерживает критики (см. ниже критику аналогичных аргументов в п. 3.2. «Смерти нет оправдания») ³.

и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 119). Для марксистской философии трагизм С. снимается именно тем, что индивид как носитель всеобщего остается жить в роде". — Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 618).

¹ Впервые книга была выпущена в США в 1934 г., где переиздавалась несколько раз; на русском языке издавалась в 1961 и 1984 годах.

² Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения. СПб, 1994. С. 59.

³ Вообще, к суждениям и выводам Фрейда нужно относиться очень осторожно. Он часто совершал ошибку, которая в логике именуется поспешностью обобщения. Например, он писал: «Каждый человек — психопат. Разница между людьми в этом отношении заключается только в том, что одни знают, что они психопаты, а другие и не подозревают об этом». Весьма неосмотрительное высказывание. Оно, во-первых, внутренне противоречиво. Если все люди психопаты, то, значит, нет нормальных людей и тогда мы не можем знать, что такое норма, а, следовательно, не

Своеобразную позицию в вопросе о жизни, смерти, бессмертии занимал русский философ **А. Н. Радищев** в трактате «О человеке, его смертности и бессмертии». Рассматривая человека как физическое существо, он не находит в нем чего-либо, что указывало бы на «вероятность бессмертия», хотя «желание вечности равно имеет основание в человеке со всеми другими его желаниями»¹. Поэтому согласно А. Н. Радищеву хотя смерть и есть «естественная перемена человеческого состояния»², но «во веки не разрушится, не исчезнет» бессмертная «душа или то, что мысленным существом называем» и что «есть свойство искусно сложенного тела»³.

Другое направление (**бессмертническое, имморталистское**) старалось опираться на достижения науки, техники и технологии. Оно было настроено на волну дерзания и активизма, изменения природы человека в самых ее основах. Такова во многом была философия русских **космистов**. **Н. Ф. Федоров**, например, утверждал, что давняя и высшая цель человечества — победа над смертью, воскрешение всех, обитавших на Земле. Таков сыновний долг живущих перед теми, кому они обязаны величайшим благом жизни. Н. Ф. Федоров попытался таким образом приговорить смерть к смерти. О космистах пишет в ряде своих работ И. В. Вишев (см. ниже).

XX век стал водоразделом в отношении людей к извечной проблеме смерти-бессмертия. До XX века господствовал взгляд, представленный А. Шопенгауэром. В XX веке в результате достижений биологической науки, открытия генетического кода человека и других открытий и изобре-

можем знать и что такое патология. Отсюда утверждение «каждый человек — психопат» не имеет смысла, несостоятельно. Вторых, это высказывание Фрейда характеризует скорее не людей, а самого автора. Как психиатр, он склонен преувеличивать значение психопатологии в поведении людей. «Специалист подобен флюсу — полнота его односторонняя», говорил Козьма Прутков. Фрейд много общался с психопатическими личностями и от этого у него выработался соответствующий, односторонний взгляд на людей.

¹ Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952. С. 329.

² Там же. С. 363.

³ Там же. С. 369-370.

ний люди увидели перспективу ликвидации смерти как запрограммированной неизбежности.

В советской философии вплоть до 80-х годов XX века тема жизни-смерти-бессмертия фактически была под запретом. Допускались лишь единичные публикации и то, в основном, в аспекте критики религиозной концепции бессмертия. Так, в 1967 г. вышла в свет книга **И. Д. Панцхавы** «Человек, его жизнь и бессмертие», в 1972 г. его же книга «О смерти и бессмертии», а в 1979 г. в научно-атеистической серии — книга **И. А. Крывелева** «Критика религиозного учения о бессмертии».

Первую брешь в заговоре молчания пробил **И. Т. Фролов**, выступив в 1980-е годы с серией статей, посвященных разным аспектам темы «жизнь—смерть—бессмертие»¹. С него же начинается реалистическая разработка темы смерти и бессмертия.

Н. Н. Трубников (1929-1983) считал, что нет никакого раз навсегда заданного смысла (или отсутствия смысла) человеческой жизни. Человек — посредством своих замыслов и деяний — придает (или не придает) своей жизни определенный смысл. Общей же предпосылкой этого задания смысла жизни является существование феномена смерти. Ценность этого феномена, по мнению Н.Н.Трубникова, столь же высока, как и ценность самой жизни, ибо только благодаря существованию смерти человек способен понастоящему оценить значимость жизни².

А. В. Демичев (1957-2000) разрабатывал тему смерти и ее место в жизни человека и человечества. Его докторская диссертация называлась: «Философские и культурологические основания современной танатологии» (1997). Он был поэтом, теоретиком художественного направления «некро-реализма», организовал Ассоциацию танатологов Санкт-Петербурга, был одним из инициаторов двух международных конференций под названием «Тема смерти в духовном опыте человечества» (1993, 1995), а также круглых столов «Смерть в новой архаике» (1990), «Смерть как проблема междисциплинарных исследований» (1992), «Смерть Ивана

¹ См.: Академик Иван Тимофеевич Фролов: Очерки. Воспоминания. Избранные статьи. — М.: Наука, 2001. С. 422.

² См.: Трубников Н.Н. О смысле жизни и смерти. М, 1996.

Ильича: стратегия чтения» (1992), «Смерть накануне XXI века» (1994), «Кладбище в жизни города» (1995). Был ответственным редактором пяти выпусков философского альманаха «Фигуры Танатоса»: «Символы смерти в культуре». СПб., 1991; «Философские размышления на тему смерти». СПб., 1992; «Тема смерти в духовном опыте человечества». СПб., 1993; СПб., 1995; «Искусство умирания». СПб., 1998.¹ А. В. Демичев выступил настоящим адвокатом-апологетом смерти, особо подчеркивал "преимущество смерти как последнего и надежного прибежища от скуки бессмертия". По его мнению "ценность и значение философской танатологии прежде всего в том, чтобы помочь человеку, скованному страхом и трепетом, обрести достоинство перед лицом смерти, а значит, — и жизни тоже"².

О. С. Пугачев исследовал этическую сторону проблемы бессмертия в русской философской традиции конца 19-го — начала 20-го века³

В книге **Б. М. Полосухина** «Феномен вечного бытия» (М., 1993) обсуждается идея внеличного бессмертия, внешне напоминающая буддийскую концепцию перевоплощения Я человека.

В работах **И. В. Вишева** содержится большой материал, основанный на анализе данных естественных наук, достижений медицины и техники⁴. Им проанализированы разные гипотезы, концепции, касающиеся разных аспектов соотношения жизни, смерти, бессмертия. Его докторская диссертация: «Проблема смерти и бессмертия человека: становление, эволюция, перспективы решения» (1990 г.). И.В.Вишев выдвинул идею достижения практического бессмертия человека и представил ее обоснование. Он полагает, что эта идея должна быть включена в повестку дня жизни челове-

¹ Сведения о жизни А.В.Демичева взяты из энцикл. словаря: Алексеев П.В. Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды. М., 2002. С. 282.

² Цит. по: Вишев И.В. На пути к практическому бессмертию. М., 2002. С. 75.

³ Пугачев О.С. Этический контекст проблемы бессмертия в русской религиозной философии (конец XIX — начало XX вв). Пермь, 1998.

⁴ См.: Вишев И.В. На пути к практическому бессмертию. М., 2002; Вишев И.В. Проблема личного бессмертия. Новосибирск, 1990 и др.

ского сообщества как научно-практическая задача.

Под практическим бессмертием И.В.Вишев понимает не абсолютное, а условное бессмертие. Следует еще и еще раз подчеркнуть, — пишет он, — понятие «практическое бессмертие человека» обозначает целеустремленное достижение способности человека к такой долгой жизни, которая не ограничивалась бы никаким естественным пределом, и потому можно было констатировать — он стал практически бессмертным»¹. Как видим, в проблеме достижения практического бессмертия И.В.Вишев акцентирует внимание на экстенсивной стороне человеческой жизни, на увеличении ее видовой продолжительности. Этим его позиция отличается от позиции, изложенной в настоящем труде под именем концепции «делания» бессмертия.

Глава 2. ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, БЕССМЕРТИЕ

2.1. Что такое жизнь?

Жизнь — способ существования живого (организмов, животных, человека), выражающийся как минимум в обмене веществом-энергией с окружающей средой и размножении (воспроизведении себе подобных).

В жизни есть свои минимумы и максимумы. Минимальная жизнь — это наличие двух фаз жизненного цикла: обмена веществ (метаболизма у одноклеточных организмов) и размножения (митотического деления у них же).

Своего максимума жизнь достигает с появлением человека. Над двумя фазами жизненного цикла надстраиваются психика (то, что досталось человеку от животных) и культура.

У живых организмов и существ жизнь — биологическая форма деятельности, у человека — биосоциальная форма.

Для человека жизнь — деятельность вообще, интегральная деятельность, жизнедеятельность в самом глубоком смысле этого слова. На фоне жизни человек осуществляет

¹ Вишев И.В. На пути к практическому бессмертию. М., 2002. С. 155.

специальные или специализированные формы деятельности, такие как общение, познание, практическая деятельность, труд, отдых и т. д. Эти формы деятельности существуют и развиваются лишь в общем контексте жизни, жизнедеятельности субъекта.

Существуют три уровня человеческой жизни или три жизни человека:

1. Растительная жизнь — это питание, выделение, рост, размножение, приспособление.

2. Животная жизнь — это собирание, охота, защита, половое и иное общение, уход и воспитание детей, ориентировочная деятельность, игровая деятельность.

3. Культурная жизнь или жизнь в культуре — это познание, управление, изобретение, ремесло, спорт, искусство (искусство), философия.

Такое деление жизни намечалось уже у Аристотеля (см. "О душе", 413a 21 и далее, 414a30-415a10 и далее).

Эти три жизни относительно самостоятельны, одинаково важны для человека, взаимодействуют, взаимовлияют и опосредуют друг друга. В итоге мы имеем одну весьма многообразную, богатую, противоречивую, **человеческую** жизнь.

Наличие третьего уровня жизни у человека делает его жизнь принципиально отличной от жизни растения или животного и это отличие увеличивается с каждым шагом по пути прогресса культуры.

На основе сказанного можно дать такое определение: жизнь человека есть его жизнь как живого существа и жизнь в культуре.

2.2. Смысл жизни

Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег

Р. Киплинг. Заповедь

Вопрос о смысле жизни есть прежде всего вопрос о том, является ли жизнь человеческая осмысленной, т. е. освеще-

на ли она светом разума, мышления¹ или лишена смысла, бессмысленна, никак не управляется разумом человека.

Вопрос о смысле жизни есть также вопрос о ее ценности, значимости для самого человека. Имеет ли жизнь смысл, стоит ли жить?²

В этом вопросе есть еще такой оттенок: о смысле жизни мы говорим тогда, когда жизнь осмысливается **в целом**, когда выясняются вопросы **«что такое жизнь?»**, **«для чего, зачем живет человек»**, **«для чего, зачем живу я»**, **«что я делаю в этом мире?»**, когда наша жизнь осмысливается в контексте жизни всех людей, вообще жизни на Земле, вообще бытия мира.

Нужно четко различать понятия ”смысл жизни” и ”цель жизни”. Когда перед человеком стоит цель стать, например, врачом, ученым, инженером, то в этом еще нет ответа на беспокоящий его вопрос о смысле жизни (во всяком случае ответ ощущается им лишь интуитивно, в чисто эмоциональном ключе). Человек в своих размышлениях идет дальше: для чего нужно стать врачом, инженером, ученым? Таким образом, если цель указывает на то, к чему человек стремится, то смысл жизни говорит о том, во имя чего он это делает.

Некоторые люди, в т. ч. некоторые философы, полагают, что смысл жизни в том, чтобы искать этот смысл. Н.А. Бердяев, например, писал: «Пусть я не знаю смысл жизни, но искание смысла уже дает смысл жизни, и я посвящу свою жизнь этому исканию смысла» (“Самопознание”, III глава). Такой взгляд на смысл жизни по форме не более чем игра слов, умничанье... Искать все время, всю жизнь смысл жизни — это какой-то инфантилизм. Взрослый, зрелый человек так или иначе находит смысл жизни и реализует его, живет осмысленной жизнью. Человек, ищущий смысл жизни, только пытающийся его найти, — это еще не определившийся, не сформировавшийся человек, который пока не состоялся как решающий жизненные задачи. Смысл жизни в

¹ “Смысл” очень близок по своему значению понятию мысли; “смысл” и “мысль” буквально сливаются в словах “осмысление”, “осмыслить”.

² Оба значения выражения “смысл жизни” вытекают из значения слова “смысл”. В Словаре русского языка С.И. Ожегова (1991 г.) это слово толкуется так: “Смысл, 1. Содержание, значение чего-н., постигаемое разумом”

этом похож на цель. Прежде чем достигать цель, двигаться от цели к результату, человек должен определить для себя цель, поставить ее. Но целеполагание — лишь первый этап. Человек совершает действия не для того только, чтобы поставить, определить цель, а для того, чтобы достигнуть ее. Так и смысл жизни. Поиск смысла жизни — первая часть проблемы. Вторая часть — реализация смысла жизни, смыслозначимая, осмысленная жизнь.

Далее, очень важно, с одной стороны, искать и находить смысл жизни, а, с другой, не переоценивать значение этого вопроса, не заикливаться на поисках смысла жизни. Жизнь отчасти имеет смысл, а отчасти не имеет.

Жизнь имеет смысл в той мере, в какой она осмысленна, разумно организована, человечески значима.

Жизнь не имеет смысла, т. е. вопрос о ее смысле неуместен в той мере, в какой она автоматична и растительна, в какой она управляется инстинктами, регулируется органическими потребностями. Французское “селяви” (“такова жизнь”) как нельзя лучше передает ее автоматизм, растительность. Наличие этой второй стороны жизни позволяет человеку не напрягаться слишком сильно в поисках смысла жизни, не спешить с жизнеразличимыми ответами и решениями, т. е. в какой-то мере расслабиться, отдаться потоку жизни, плыть по ее течению.

В чем же конкретно смысл жизни? Ясно, что каждый отвечает на этот вопрос по-своему. С другой стороны, в нем есть общие моменты. Это — любовь и творчество. В подавляющем большинстве случаев люди осмысливают-оценивают свою жизнь именно в русле этих двух категорий. *Любовь поддерживает, умножает жизнь, делает ее гармоничной, гармонизирует. Творчество обеспечивает прогресс жизни.*

2.3. Цель жизни

Блажен, кто выбрал цель и путь
И видит в этом жизни суть.

Шеллинг

Человек наиболее живет в то время, когда он чего-нибудь ищет

Ф.М. Достоевский

Жизнь — это процесс постоянного выбора. В каждый момент человек имеет выбор: или отступление, или продвижение к цели. Либо движение к еще большей боязни, страхам, защите, либо выбор цели и рост духовных сил. Выбрать развитие вместо страха раз десять в день — значит десять раз продвинуться к самореализации.

А. Маслоу

Жизнь без цели, как правило, приводит к деградации личности.

Адмирал Бэрд («Один»)

Цель «задает» целостность деятельности. Если это цель жизни, то она определяет целостность жизни. У человека, не имеющего цели жизни, и жизнь не реализуется как органическое целое в биосоциальном, т. е. человеческом смысле. «Жизнь без цели — человек без головы» — гласит народная мудрость.

Не всякий человек ставит перед собой цель жизни, но если ставит, то этим человек полагает ее как *целенаправленную* деятельность.

Вообще в реальной жизни существует целое *дерево целей*. Цель жизни — это главная или общая цель жизни. Помимо нее существуют либо подчиненные, промежуточные, либо побочные цели. Подчиненные и промежуточные цели — это цели, осуществление которых открывает путь к главной цели жизни, приближает к ней. Побочные или параллельные цели — это цели, которые формируют всю «кухню» жизни, обуславливают полноценное гармоническое развитие человека. В своей сумме они не менее важны, чем главная цель жизни (например, цель укрепить здоровье средствами физической культуры, построить дом, различные увлечения, хобби). В некоторых ситуациях возникает конфликт между главной целью жизни и побочными целями. Этот конфликт может завершиться либо победой главной цели жизни, либо победой побочных целей.

Главная цель жизни — это цель, осуществление которой оправдывает жизнь человека в целом, как личности, субъекта, стоящего где-то наравне с обществом, осознающего свои цели как цели человека вообще или цели того или иного сообщества людей. В главной цели жизни по логике вещей сливаются воедино стремления человека как индивидуума и цели общества.

Проблема определения цели жизни сродни проблеме выбора профессии. В формировании цели жизни «участвуют» и случайность, и необходимость, и внешние обстоятельства, стимулы, и внутренние побуждения, мотивы.

Обычно под целью жизни понимают цель, которую человек ставит в русле профессиональной, творческой деятельности, которая ориентирует его в направлении создания нового, небывалого, новых материальных или духовных благ, ценностей.

На самом деле, если исходить из того, что смысл жизни состоит не только в творчестве, но и в любви, **человек должен ставить перед собой как минимум две цели жизни.** Одна цель касается реализации любви, животворчества. Она непререкаема, т. е. каждый человек независимо ни от чего должен ставить перед собой цель создать семью, дом любви, родить детей и вырастить их. Без этого не будет продолжения рода, продолжения жизни человечества. Другая цель жизни касается профессиональной, творческой деятельности человека.

Да и в творческой деятельности бывает и так, что человек не останавливается на выборе какой-то одной цели жизни. Яркий пример: две жизни А.П. Бородина как композитора и ученого-химика.

Если цель поставлена, то она становится законом деятельности, категорическим императивом, необходимостью, которой человек подчиняет свою волю.

Таким образом, можно видеть две стороны сознательной жизнедеятельности: *целеполагание* (поиски цели, выбор цели) и *целенаправленность* (целеустремленность, движение к цели, вернее, от цели к результату). Обе стороны важны для человека в равной степени.

Отдавая отчет в важности цели и связанных с ней целеполагания и целеустремленности, не следует, однако, абсолютизировать ее. *Жизнь в некотором смысле есть единство цели и бесцельности*, т. е. единство организованности и неорганизованности, труда и отдыха, напряжения и расслабления. Бесцельность реализуется прежде всего в том, что наряду с главной целью жизни существует множество побочных целей. Поиск и реализацию побочной цели (и вместе с тем отвлечение от главной цели) можно интерпретировать

как бесцельность. Говорят же, что нельзя все время работать, думать об одном, что нужно отвлекаться, развлечься, отдохнуть, снять напряжение, переключиться на другой род деятельности. Не случайно современный человек все больше внимания уделяет побочным занятиям, хобби, интуитивно сознавая, что напряжение труда, главной цели, главного дела жизни может просто уничтожить его.

Нужно также иметь в виду, что жизнь человека не всегда протекает на уровне целеполагания и реализации целей. Человек может совершать целесообразные действия, минуя стадию целеполагания, чисто инстинктивно, безотчетно. Например, потребность в отдыхе, сне может “реализоваться” в виде цели (поисков ночлега и т. п.) или непосредственно — человек незаметно для себя уснул в метро. Или такой пример: когда человек случайно касается рукой горячего предмета, то он отдергивает ее — здесь совершено целесообразное действие, но нет целеполагания и сознательного стремления к цели.

Когда возникает необходимость целеполагания? Вероятно тогда, когда между потребностью и ее удовлетворением имеется какое-то препятствие (не очень большое, но и не очень маленькое) или для удовлетворения потребности нужно совершить сложные ориентировочные действия.

2.4. С возрастом время жизни увеличивается или уменьшается?

Пока ты не доволен жизнью, она проходит

Л.Б. Лебединская

Жизнь в известном смысле можно уподобить стакану воды. Разные люди по-разному оценивают наполненность стакана. Если оптимисты говорят: стакан наполовину полный, то пессимисты утверждают, что он наполовину пустой. Так и жизнь. С возрастом жизнь прибывает или уменьшается? Одни ощущают, что с возрастом жизнь увеличивается, расширяется. Действительно, само слово «возраст» указывает, что жизнь возрастает. Другие — что она уменьшается, сжимается как шагреновая кожа. Ведь чем дальше мы от рождения, тем ближе к смерти: чем больше мы живем, тем меньше осталось нам жить.

Одни говорят: Не тот стар, кто далек от колыбели, а тот, кто близок к могиле. (*Из радиоспектакля*)

Другие думают так, как сказал А.С.Пушкин в минуту печали:

Летят за днями дни,
и каждый час уносит частичку бытия.

С одной стороны, каждый час, действительно, уносит частичку бытия, если исходить из того, что каждый час приближает нас к смерти, сокращает как шагреновую кожу время жизни. Но, с другой, каждый час **прибавляет** частичку бытия, увеличивает время жизни, если отсчитывать его от дня рождения. Каждый час жизни, если он прожит с пользой-удовольствием, не только физически увеличивает время жизни, но и побеждает смерть, т. е. является шагом к бессмертию.

В свете сказанного становится понятным следующее высказывание одного из семи греческих мудрецов, Бианта: **«Жизнь надо размеривать так, будто жить тебе осталось и мало и много»**. (Диоген Лаэртский, с. 81). В самом деле, с одной стороны, нужно торопиться жить, делать дела, помня о том, что жизнь (и всё в ней) имеет срок. С другой, нужно ставить и достигать большие, долговременные цели, а также делать всё по возможности обстоятельно, с чувством, с толком, с расстановкой, как говорят, поспешать, не торопясь.

Древние — юные или старые?

Мы юнее древних или старше? Древние — старше нас или юнее? Древний мир — старый или юный по отношению к нам?

Этот вопрос высвечивает проблему: существует ли прогресс жизни или человечество деградирует, дряхлеет? Если рассматривать древних как юных и зрелых, а нас как старых и дряхлеющих, то ясно, что мы деградируем и движемся к концу. Если древних рассматривать как юных, а нас как возмужавших, повзрослевших, позрелевших, то, значит, мы сильнее древних.

Этот вопрос имеет такую сторону-подоплеку: древние мудрее нас, более знающие, более владеющие истиной или мы мудрее древних и более знающие? Верующие, считаю-

щие Библию священным писанием, вольно или невольно занимают позицию, что древние мудрее нас, больше нас знают и т. д. и т. п. В Средние века в Европе господствовала точка зрения, по которой древние были мудрее нынешних. Тертуллиан, один из отцов церкви, утверждал: «Истина существовала первоначально, а заблуждение явилось впоследствии» (с. 177)¹. Критерием истины являются одинаковость, единодушие, древность. «Учение наше древнее всякого другого; а потому оно и истинно» (Там же, с. 182). Кстати «недвижный» Китай потому и был недвижимым, что на протяжении тысячелетий свято чтит древность, древние обычаи, традиции, установления. Самый известный и самый почитаемый мыслитель Китая — Конфуций — провозгласил: «Нет ничего лучшего, чем следовать древним». Этот тезис можно рассматривать как вечный девиз воспитания по китайскому образцу. С самого детства китайцы впитывают в себя традиции и наследие духовной культуры своего народа, следуя его заветам: «Из древних, чудесных камней сложите ступени будущего».

2.5. Конечное и бесконечное

Жизнь человека выражается в отношении конечного к бесконечному
*И.А. Бунин*²

Смерть и бессмертие — частные выражения всеобщих категорий конечного и бесконечного. Вполне естественно, их анализу должен предшествовать анализ указанных категорий.

Проблема конечного и бесконечного — одна из самых сложных и запутанных. Прежде всего это связано с выражением понятий конечного и бесконечного в языке. Исторически понятие бесконечного возникло как отрицание конечного. На это указывает этимология слова "бесконечное". Оно буквально означает "неконечное", то, что не является конечным (так не только в русском, а и в других языках: древнегреческом — *apeiron*, латинском — *infinitum*, немецком — *unendliches*, английском — *endlessness* и т. д.). В течение

¹ Творения Тертуллиана, христианского писателя, в конце второго и в начале третьего века. Часть первая. СПб., 1847.

² См.: Бунин И.А. Освобождение Толстого.

многих веков и тысячелетий печать отрицательного содержания слова "бесконечное" лежала тяжким бременем на понятие и категории бесконечного. До сих пор некоторые исследователи понимают бесконечное именно в этом простом отрицательном смысле. Э. Кольман, например, пишет: "Как я считаю, "бесконечность" является, собственно, просто формальнологическим отрицанием "конечности", отношение между ними контрадикторно (т.е. противоречиво, как А и не-А — Л.Б.)"¹. Формальнологический подход к соотношению конечного и бесконечного мы должны отвергнуть как совершенно бессодержательный и пустой. В самом деле, с точки зрения формальной логики в объем понятия "неконечное" входит *все, что угодно*, кроме самого конечного. Например, "острое", "влажное", "глупое". Ясно, что бесконечное не является такого рода "неконечным". Оно не просто отрицание, а "свое иное" конечного. "Свое" в словосочетании "свое иное" означает, что конечное и бесконечное не являются самостоятельными определениями, а принадлежат или относятся к более общей категории, которая делает их своими друг для друга (эта категория либо подразумевается, либо называется; в нашем случае чаще всего называется "количество").

Именно как "свое иное" конечного понимают бесконечное его исследователи. Далее, это было бы совсем неплохо, если бы отношение "своего иного" было *взаимным*: не только бесконечное — "свое иное" конечного, но и конечное — "свое иное" бесконечного. Но в том-то и дело, что многие исследователи рассматривали и продолжают рассматривать бесконечное лишь в его отрицательном содержании, как *иное* конечного, пусть *свое*, но все же *иное* конечного, а конечное — как всецело *положительную* категорию, играющую роль *базового* определения, *точки отсчета* для характеристики бесконечного. В соответствии с такой логикой на долю бесконечного достаются исключительно отрицательные определения: неопределенность, неупорядоченность, иррациональность и т. п.

Первыми философами, рассматривавшими бесконечное (беспредельное) как неопределенное, неупорядоченное, иррациональное, по существу, как антитезу бытия, были *пифа-*

¹ Кольман Э. Кибернетические аспекты космологии в свете философии. — Вопросы философии, 1969, № 7. С. 101.

горейцы. Числу как символу определенности, завершенности, совершенства они противопоставляли "беспредельное" — символ неопределенности, незавершенности. Пифагорейское учение представляет мир в виде шара, окруженного со всех сторон "беспредельным". "Беспредельное" пифагорейцев, в отличие от апейрона Анаксимандра, не является первоначалом, оно противопоставлено вещам и явлениям мира как совершенно от них отличное и не связанное с ними. Поздние пифагорейцы понимали под беспредельным просто пустоту, отсутствие всякого бытия, небытие¹. Одним словом, к пределу пифагорейцы относили все положительное, к беспредельному все отрицательное. "В доксографии, — пишет А.С. Богомолов, — мы постоянно встречаемся с отождествлением беспредельного с *ataktos* — беспорядочным, даже беспутным; с *alogos* — непостижимым, бессмысленным, неразумным и т. д. (см. Heidel W. *Peras and apeiron in the pythagorean philosophy*. — *Archiv fur Geschichte der Philosophie*. Bd XIV. 1901). Установлена и связь "по вертикали" предела и беспредельного и соответствующих им категорий с хорошим и дурным"². Противопоставление предела и беспредельного в социально-нравственном плане ассоциировалось с противоположностью закона и беззакония. Об этом говорит сохранный Диогеном Лаэртским (VIII 23) фраза: "Содействовать закону, с беззаконием воевать"³. Известно также высказывание пифагорейца Филолая: "Ложь и зависть присущи природе беспредельного, бессмысленного и неразумного"⁴. "Можно сказать, — пишет В.В. Соколов, — что пифагорейская противоположность предела и беспредельного — это по существу первая формулировка противоположности *рационального* и *иррационального*. Предел означает познаваемость мира, осуществляемую в различных числовых закономерностях, открытых пифагорейцами, особенно в геометрии (например, известная всем теорема Пифагора), а также в акустике (например, зависимость высоты тона звучащей струны от ее длины). Беспредельное же как выражение иррационального тоже имело свою математическую ил-

¹ См.: Конечное и бесконечное. Киев, 1983. С. 18-19.

² Богомолов А.С. Диалектический логос: Становление античной диалектики. М., 1982. С. 85.

³ См. там же.

⁴ См.: Маковельский А.О. Досократики. Ч. 3, Казань, 1916. С. 36.

люстрацию в открытой пифагорейцами несоизмеримости стороны квадрата и его диагонали. В пифагорейской категории беспредельного можно усматривать связь с хаосом Гесиода¹.

Пифагорейскую точку зрения на бесконечное разделяли крупнейшие мыслители древности — *Платон* и *Аристотель*. Последний оставил после себя подробное исследование проблемы бесконечного (см.: *Физика* III 4-8; *Метафизика* XI 10).

Если суммировать все сказанное Аристотелем по данной проблеме, то вырисовывается сложная и противоречивая картина.

Во-первых, исходя из буквального значения слова "бесконечное" и опираясь на пифагорейскую традицию, греческий мыслитель выдвинул и обосновал идею потенциально бесконечного, т. е. всегда незавершенной, открытой, незамкнутой бесконечности, которая существует только в возможности, а в действительности оконечивается. А.С. Кармин указал следующие основные моменты аристотелевской концепции потенциально бесконечного:

"1. Реально существующие величины всегда конечны; говорить об их бесконечности можно только в том смысле, что они могут стать сколь угодно большими или малыми, оставаясь при этом конечными. Таким образом, бесконечное существует не как какой-то определенный реальный предмет, а лишь как процесс неограниченного изменения реальных конечных предметов. "Бесконечное не следует брать как определенный предмет, например, как человека или дом, а в том смысле, как говорится о дне или о состязании, бытие которых не является определенной сущностью, а всегда находится в возникновении и уничтожении и хотя является конечным, но всегда иным и иным" (Аристотель. *Физика*. М., 1936. С. 52. 206а 30).

2. Бесконечное не представляет собой целого в отличие от конечного. Оно не может охватывать целостное множество объектов, является всегда чем-то незавершенным, неопределенным, неоформленным; обладает бытием лишь постольку, поскольку оформляется, определяется, ограничивается в конкретных конечных вещах. Бесконечное "не охватывает, а охватывается... Бесконечное скорее подходит под определение части, чем целого, так как материя есть часть целого, как медь для медной статуи" (там же, с. 54. 207а 25).

3. Бесконечное — не нечто абсолютно противоположное конечному; оно есть не что иное, как такое конечное, в котором всегда сохраняется возможность выхода за его границу. "Не то, вне чего ничего нет, а то, вне чего всегда есть что-нибудь, то и есть

¹ История античной диалектики. М., 1972. С. 100.

бесконечное"; "бесконечное имеется там, где, беря известное количество, всегда можно взять что-нибудь за ним"(там же, с. 53. 207a 1, 8)¹.

Укажем еще один момент концепции: конечное Аристотель рассматривал как базовое, всецело положительное определение, а потенциально бесконечное — как его негативный слепок, как "лишенность"².

Во-вторых, Аристотель засвидетельствовал, пусть под критическим углом зрения, основные моменты концепции актуально бесконечного:

Анаксагор и Демокрит "говорят, что *бесконечное есть непрерывное* по соприкосновению /частиц/. И первый утверждает, что *любая из частей есть смесь, подобная целому*, так как можно видеть, что любая /вещь/ возникает из любой"³.

"...у бесконечного же не существует начала, так как оно было бы его концом. Далее /бесконечное/, будучи неким началом, не возникает и не уничтожается; ведь то, что возникает, необходимо получает конечное завершение, и всякое уничтожение приводит к концу. Поэтому, как мы сказали, у него нет начала, но оно само, по всей видимости, есть начало /всего/ другого, *все объемлет и все управляет*, как говорит те, которые не признают, кроме бесконечного, других причин... И оно *божественно, ибо бессмертно и неразруσιμο*, как говорит Анаксимандр и большинство физиологов"⁴.

Некоторые считают таким /единым и простым началом/ бесконечное, а не воздух или воду, чтобы все прочее не уничтожалось от их бесконечности, так как /эти элементы/ противоположны, например воздух холоден, вода влажна, огонь горяч. Если бы один из них был бесконечным, все остальные были бы уничтожены; теперь же, как говорят они, /бесконечное/ есть нечто иное, из чего эти /элементы/ порождаются"⁵.

"Анаксагор неразумно говорит о *пребывании /неподвижности* — Л.Б./ бесконечного, а именно что бесконечное поддерживает само себя вследствие того, что оно находится в самом себе, так как ничто другое его не окружает, как будто, где что находится, так оно и есть по своей природе"⁶.

Мелисс "говорит, что *целое бесконечно*... ведь такую важность они придают бесконечному именно потому, что оно "*все объемлет*" и "*все заключает в себе*", так как имеет некоторое сходство с целым"⁷.

¹ См.: Конечное и бесконечное. Киев, 1982. С. 37-28.

² Аристотель. Соч. в 4-х т.т. Т. 3, М.,1981. С. 121 ("Физика" 208a 1).

³ Там же. С. 110 (203a 21).

⁴ Там же. С. 110-111 ("Физика", 203b 7-15).

⁵ Там же. С. 114 ("Физика", 204b 24-30).

⁶ Там же. С. 115 ("Физика", 205b 2-5).

⁷ Там же. С. 120 ("Физика", 207a 15-21).

"... *бесконечное* противоположно тому, что /о нем обычно/ говорят: не *то*, вне чего *ничего нет*, а то, вне чего всегда есть что-нибудь, то и есть *бесконечное*. Вот пример: ведь и *кольца*, не имеющие камня, называют *бесконечными*..."¹.

В-третьих, параллельно (и вопреки) своей основной концепции *бесконечного* Аристотель поддержал и развил идею древних о *бесконечном* как вечном и непреходящем, как *бесконечном* круговом движении:

"мы видим другие пространственные движения — вечные движения планет (ибо вечно и не знает покоя тело, совершающее круговое движение; это показано в сочинениях о природе)"².

"... существует нечто вечно движущееся беспрепятственным движением, а таково движение круговое; и это ясно... так, что первое небо /сфера неподвижных звезд — Л.Б./, можно считать, вечно"³.

"учение о небесных светилах" "исследует сущность, правда, чувственно воспринимаемую, но вечную".

"А если имеет место единое /движение/, оно не может быть *бесконечным* во времени — за исключением одного, а именно перемещения по кругу"⁴.

"Теперь мы скажем о том, что возможно /движение/ *бесконечное*, единое и непрерывное и что это есть /движение/ по кругу"⁶.

"У кругового же движения /начало и конец/ смыкаются, поэтому только оно одно совершенно"⁵.

"... никакое изменение не может быть *бесконечным* и непрерывным, кроме перемещения по кругу"⁸.

"А совершенное первичное несовершенного и по природе, и по определению, и по времени, так же как непреходящее /первичное/ подверженного гибели. Далее, то, что может быть вечным, первичнее того, которое не может им быть; и вот, движение по кругу может быть вечным, из других же /видов движения/ ни перемещение. ни какое-либо иное не может, так как должна наступить остановка, а остановка есть исчезновение движения"⁹.

Мы намеренно привели почти все тексты из сочинений Аристотеля, относящиеся к проблеме конечного и бесконечного. В них — драма идей, настойчивое стремление философа *прояснить* эту проблему, распутать клубок разноречивых мнений. Для нас важно то, что Аристотель не огра-

¹ Там же. С. 119 ("Физика", 206b 31-207a 1-4). Везде подчеркнута мной — Л.Б.

² Аристотель. Соч. Т. 1, М., 1976. С. 312 (Метафизика, 1073a 30-34).

³ Там же. С. 309 (Метафизика, 1072a 22-23).

⁴ Там же. С. 312 (Метафизика, 1073b 7-8).

⁵ Аристотель. Соч. Т. 3, М., 1981. С. 204. (Физика, 241b 18-20).

⁶ Там же. С. 248 (Физика, 261b 26-27).

⁷ Там же. С. 255 (Физика, 264b 26-28).

⁸ Там же. С. 256 (Физика, 265a 11-12).

⁹ Там же. С. 256 (Физика, 265a 23-28).

ничился каким-то одним пониманием соотношения конечного и бесконечного, а попытался дать полный категориально-логический портрет этих понятий.

* * *

Итак, с нашей точки зрения реальные *конечное* и *бесконечное* существуют в единстве друг с другом, как моменты *количества*. В математике имеют дело с различными *идеализациями* конечного и бесконечного, возникают и конкурируют теории, берущие за основу либо одно, либо другое, либо третье. Так, существует *финитная* математика или математика конечного. А, с другой стороны, с ней сосуществует и конкурирует математика бесконечных множеств (актуально бесконечного). Существуют также и промежуточные концепции математики, признающие потенциальную бесконечность, но отрицающие актуальную. Ясно, что общие понятия, отражающие *реальные* конечное и бесконечное, не то же самое, что математические абстракции конечного и бесконечного. Как категории мышления (и, соответственно, как философские категории) они богаче и глубже математических понятий конечного и бесконечного. С другой стороны, последние обладают большей определенностью и они успешно “работают” в естественнонаучном познании и в практике. Математические и конкретно-научные абстракции конечного и бесконечного расширяют эмпирическую базу познания реальных конечного и бесконечного.

Вопрос о соотношении конечного и бесконечного следует решать двояко. С одной стороны, бесконечное *внешне* конечному, есть *выход за пределы конечного*; там, где есть бесконечное, нет конечного, и, наоборот, где есть конечное, нет бесконечного. Здесь налицо простое отрицание одного другим. Об этом говорит и этимология слова “бесконечное”. С другой стороны, бесконечное — как “*свое иное*”, как *противоположность* конечного — *внутренне* ему. Иными словами, отношение конечного и бесконечного является не только внешним, но и внутренним, не только отрицательным, но и *положительным*. Это такая пара противоположных определений, которые не существуют друг без друга, взаимопределяются.

Нетрудно показать, что в известном смысле *всякое конечное внутри себя бесконечно*, т. е. то, что мы принимаем

за конечное, *в себе, внутри себя* бесконечно. Нечто только тогда конечно, когда оно выходит за пределы самого себя, т. е. когда оно или сравнивается, или реально взаимодействует с чем-либо другим, или переходит в другое.

Возьмем сначала конечное в пространственном смысле — *ограниченное*. Всякий раз, когда мы говорим об ограниченном, то имеем в виду, что это ограниченное ограничено чем-то другим. Иначе невозможно было бы провести *границу*. Только при условии, что есть *другое*, кроме этого нечто, можно говорить об ограничении нечто. Другое и “делает” нечто ограниченным, т. е. конечным. Иными словами, всякое тело ограничено другими телами, а не потому, что оно *внутри себя, само по себе* ограничено. Значит, внутри себя ограниченное (нечто, принимаемое за ограниченное) неограниченно, бесконечно, попросту говоря — целая вселенная. Любое тело, атом или частица, если бы не было *других* тел, атомов, частиц, представляли бы собой вселенную. В какой-то мере это так и есть.

Теперь возьмем конечное во временном аспекте — как *временное, преходящее*. Всякое нечто когда-то не существовало и когда-то не будет существовать. Временное, преходящее означает, что до *этого* временного существовало *другое* временное, из которого оно возникло, и, в свою очередь, “уступит место” другому временному, которое будет существовать после него. Таким образом, *другие* временные до и после *этого* временного *оконечивают* его во времени. Но внутри себя, само по себе это нечто не конечно, не временно, не преходящее, а *вечно*. *Вечность* — не потусторонняя категория; она присутствует здесь, сейчас, внутри того, что мы принимаем за временное, преходящее. Диалектическая связь вечного и преходящего состоит не только в том, что первое “складывается” из второго (преходящих “вещей”), а и в том, что вечное присутствует в самом преходящем. “Механизм” этого присутствия хорошо показал еще Эпикур на примере соотношения жизни и смерти. “Смерть, — писал он, — не имеет отношения к нам: ибо то, что разложилось, не чувствует, а то, что не чувствует, не имеет никакого отношения к нам”. Этим рассуждением Эпикур как бы развел жизнь и смерть по разным “углам”. Он наглядно продемонстрировал, что конечность бытия и само бытие — разные

“вещи”. Об этом же говорит и другой его афоризм: “Когда мы существуем, смерть еще не присутствует, а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем” (см. также стр. 45). Пусть смерть оконечивает жизнь индивидуума, но поскольку она нечто другое по сравнению с жизнью, постольку сама жизнь внутри себя не смертна, не временна, т. е. вечна, бессмертна. Правильно сказал Эмерсон: “Жизнь — это вечность в миниатюре”. Мы живем ради того, чтобы жить, а не ради того, чтобы умереть.

Итак, вечное присутствует в том, что мы принимаем за временное, преходящее. Повторимся здесь: прав был Гегель, когда истинное бесконечное характеризовал как посюстороннее, замкнутое в себе, актуально бесконечное. Знаменательно, что истинную бесконечность он представлял именно в виде круга (“Истинная бесконечность, повернутая обратно к себе, имеет своим образом *круг*, достигшую себя линию, которая замкнута и всецело налична, не имея ни *начального* пункта, ни какого-либо *конца*”¹). Как мы уже говорили, круг в нашей версии категориальной логики является геометрическим образом *внутреннего* противоречия, определяемого как взаимопереход противоположностей. Круг же является образом обратимого времени (“круг времени”), обратимых процессов, обуславливающих существование *целостных* материальных образований (стабильных элементарных частиц, атомов, молекул, твердого тела и т. д.). Вспомним также, что круг (колесо, шар) у многих народов был символом вечности, незыблемости, порядка.

Могут спросить: а как быть с бесконечным многообразием, неисчерпаемостью, всегда незавершенным процессом смены состояний? Это так называемая открытая или незамкнутая бесконечность. Вслед за Гегелем скажем, что она не является истинной бесконечностью. Она якобы — как бы — квазибесконечность. Ее место — где-то в промежутке между конечным и бесконечным. В ней конечное *переходит* в бесконечное. Открытая бесконечность не является подлинной бесконечностью еще потому, что она, если брать ее целиком, существует только в возможности, потенциально. Актуально она существует лишь в виде конечного.

¹ Гегель. Наука логики. Т. 1, М., 1970. С. 215.

[Выше мы уже говорили, что слово "бесконечное" означает, представляет не одно, а два понятия или, лучше сказать, две категории бесконечного: бесконечное в смысле *сильного* отрицания, *противоположности* конечного (анти-конечного) и бесконечное в смысле *слабого* отрицания, *полуотрицания* конечного, просто как неконечное, нескончаемое. Первое бесконечное фигурирует в философии и науке под именами абсолютного, актуального, действительного, собственного, истинного, категорематического бесконечного. Второе бесконечное фигурирует под именами потенциального, несобственного, синкатегорематического бесконечного, неистинной, дурной бесконечности, бесконечного прогресса, ряда.]

Квазибесконечное (промежуточное между конечным и бесконечным)

Хотелось бы несколько развить мысль о промежуточных, переходных состояниях-звеньях между конечным и бесконечным. Мы рассматриваем конечное и бесконечное не как противостоящие друг другу стороны, не имеющие никаких точек соприкосновения между собой, а как противоположности, постепенно переходящие друг в друга. Такому взгляду на соотношение конечного и бесконечного мешает установившаяся среди философов традиция (о чем мы говорили выше) рассматривать бесконечное как *не*конечное, т. е. по принципу "или-или": либо конечное, либо бесконечное — третьего не дано. Традиция обусловлена в значительной мере не критическим отношением философов к особенностям формирования слова и понятия "бесконечное" в естественном языке, а именно тем, что это понятие образовано путем приставления к слову "конечное" частицы "бес", т. е. через простое отрицание. В самом *слове* "бесконечное" мы видим только отрицательное содержание. Это противоречит реальному смыслу *понятия* "бесконечное", которое, напротив, выражает нечто в высшей степени положительное (вечное, незыблемое, непреходящее). Нужно отказаться от буквального понимания термина "бесконечное" и основанной на нем традиции рассматривать бесконечное лишь в его противопоставленности конечному. Так же, как между качественными субкатегориями "всеобщее" и "специфическое" суще-

ствуют промежуточные звенья, выражаемые понятиями “общее”, “частное”, так и между бесконечным и конечным имеются плавные переходы, выражаемые теми или иными понятиями. Если, например, взять конечное существование во времени (временное, преходящее), то можно увидеть, как различны сроки существования тел и организмов. Время существования стабильных элементарных частиц (протонов, электронов) сравнимо с временем существования нашей части Вселенной (15-18 млрд лет), т. е. приближается к бесконечности. А, с другой стороны, время существования нестабильных элементарных частиц исчезающе мало (например, продолжительность жизни нейтральных пионов π^0 -мезонов — около 10^{-16} с¹). Таким образом, границы временного, преходящего “простираются” от исчезающе малого до чрезвычайно длительного, долговременного, долговечного. Мы привели пример с элементарными частицами, т. е. неорганическими телами. Не менее впечатляюще различие между сроками существования живых организмов: от нескольких часов (бабочки-однодневки) до нескольких десятков тысяч лет (некоторые виды деревьев).

2.6. Смерть-бессмертие в их отношении к конечности-бесконечности существования

В живой природе и человеческом обществе связь конечного и бесконечного приобретает характер *взаимоопосредствования*. Это отчетливо видно на примере соотношения смертности и бессмертия.

Первоначально живое являло собой скорее промежуточную, переходную форму конечного и бесконечного, чем их взаимоопосредствование. В *делении* простейших одноклеточных организмов мы видим некоторую нераздельность, непосредственный переход от конечного к бесконечному (конечное еще не отдифференцировано достаточно четко от бесконечного, а бесконечное от конечного; индивидуум и род еще не обособились друг от друга. Деление одноклеточного организма есть просто его *тиражирование*, копирование, повторение). Тем не менее уже в делении выступают основные черты *размножения* — величайшего завоевания

¹ См.: Завельский Ф.С. Время и его измерение. М., 1977. С. 143.

жизни. Возьмем для сравнения кристаллическое тело и живой одноклеточный организм. Первое сохраняет себя лишь благодаря устойчивости химических связей между его "частями" и устойчивости самих "частей" — атомов. Возмущающие действия среды сразу или постепенно разрушают кристаллическое тело, прекращают его существование, оконечивают. Конечность кристаллического тела, таким образом, не подконтрольна ему самому, внешня ему. Если нет возмущающих действий среды, то такое тело может существовать неопределенно долго, почти вечно. С другой стороны, оно совершенно незащитно перед внешней средой и его существование может прекратиться в любой момент. В самом кристаллическом теле нет программы его оконечивания, саморазрушения, перехода в другое тело. Химическая связь, благодаря которой оно существует, "нацелена" только на сохранение, на "химическое бессмертие". Конечное и бесконечное оказываются для бытия кристаллического тела, хотя и взаимозависимыми, но все же достаточно равнодушными друг к другу противоположностями.

Совсем другое мы видим у живых организмов. Программа оконечивания заложена в них самих. Если химическая связь внутри кристаллического тела "нацелена" только на сохранение, то биохимические процессы, происходящие в живом организме, направлены не только на его сохранение, но и на преобразование, на переход в другой организм и даже на смерть, т. е. разрушение, распад — в случае многоклеточных организмов. Конечный срок жизни живого организма запрограммирован в нем самом: конечное, таким образом, присутствует в самом бесконечном, опосредует его. Это одна сторона соотношения конечного и бесконечного применительно к существованию живого. Другая сторона состоит в том, что хотя живой организм и оконечивает себя, он все же сохраняет, обессмертивая себя, делает себя бессмертным — *благодаря воспроизведению себе подобных*. По образному выражению американского цитолога Д. Мэзии "благодаря размножению клеток жизнь ухитряется обвести вокруг пальца время и притом с двойным выигрышем — вместо одной клетки получить две"¹. Хорошо сказано: "обвести вокруг пальца время"! Своим размножением организм

¹ Мэзия Д. Живая клетка. М., 1962. С. 67.

как бы предупреждает разрушающее действие времени, осуществляет прорыв в бессмертие. Кристаллическое тело — игрушка в "руках" природной стихии, его время "жизни" целиком зависит от прихотей окружающей среды. Живой организм, включив в себя конечность, изменчивость, получил возможность приспосабливаться к изменяющимся условиям среды и этим в какой-то мере обезопасил себя от них. Он поставил сам себе предел существования, но так, что его конец совпадает с началом существования подобного ему организма, являющегося для него дочерним. Последний продолжает "дело" приспособления к изменяющимся условиям среды и так до бесконечности. Живой организм, таким образом, обладает пластичностью, которая совершенно не свойственна кристаллическому телу.

Кристаллическое тело не знает воспроизведения себе подобных и поэтому по отношению к нему бессмысленно говорить о бессмертии рода. Его "жизнь" целиком ограничивается рамками "индивидуального" существования. Жизнь же организма неотделима от жизни рода. Его бренность как бы нейтрализуется, снимается в бессмертии рода. С другой стороны, последнее возможно лишь при наличии конечных существований отдельных организмов.

Далее, если внимательно приглядеться к различиям внутри живого, то можно увидеть, что для одноклеточных организмов, размножающихся путем митотического деления, противоположность конечности и бесконечности существования не так ярко выражена, как для многоклеточных организмов, размножающихся половым путем. (Выше мы уже говорили о том, что первоначально живое являло собой скорее промежуточную форму конечного и бесконечного, чем их взаимопосредствование, предполагающее яркую выраженность того и другого как противоположностей). О конечности существования одноклеточных нельзя говорить как об их смертности. Соответственно и об их бессмертии в строгом смысле говорить нельзя. Ведь бессмертие — противоположность смертности. Одно без другого не существует. Если нет смертности, то нет и бессмертия. Мы же не говорим о разрушении кристаллического тела как о его смерти и о неопределенно долгом существовании тела как о его бессмертии. Конечно и одноклеточные организмы погибают,

если условия среды для них крайне неблагоприятны. Но их гибель не есть их смерть в точном смысле этого слова. В них самих нет "механизма", программы умирания, смерти, как это мы видим у многоклеточных организмов. Последние при *любых* условиях среды запрограммированы на смерть. Одноклеточные же запрограммированы только на деление, размножение и если погибают, то лишь при неблагоприятных изменениях окружающей среды. К. Ламонт справедливо пишет: "Смерть не есть необходимое или всеобщее явление; она возникла после того, как живые существа достигли некоторого прогресса в процессе эволюции. Существовали и существуют различные одноклеточные организмы — амебы, грибки, морские водоросли, которым внутренне не присущи старость и смерть; они погибают только вследствие внешних случайностей — нападения врага или чрезвычайно неблагоприятной внешней среды. Эти мельчайшие организмы размножаются путем деления тела: один индивид становится двумя, и после этого процесса не остается ничего, что соответствовало бы трупу. Такое деление может продолжаться бесконечно"¹. Примерно об этом же пишет отечественный ученый В. М. Дильман: "Теоретически некоторые простейшие одноклеточные организмы бессмертны, так как после каждого деления подобного существа возникают два полностью одинаковых дочерних потомка, обладающих всеми свойствами исходного организма. В благоприятных условиях процесс последовательных делений может продолжаться неограниченно... Если бы эта способность наблюдалась только у одного вида простейших или даже у одной ветви, то и тогда это было бы основанием для утверждения, что теоретически существует жизнь без внутренних причин смерти при наличии определенных благоприятных условий внешней среды"². В. М. Дильман упоминает о проверенном в эксперименте делении парамеции в течение 8400 поколений как доказательстве возможности неограниченного процесса последовательных делений. Но сама жизнь демонстрирует нам это на каждом шагу. В настоящее время на Земле существуют и процветают многочисленные одноклеточные организмы, которые начали делиться, размножаться

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 83.

² Дильман В.М. Большие биологические часы. М., 1981. С. 14.

миллиарды лет назад. Они фактически не знают смерти! Они делятся и делятся практически бесконечное число раз, пока существуют благоприятные условия среды.

В свете сказанного хотелось бы обратить особое внимание на необходимость четкого разграничения понятий "гибель" и "смерть". Не все, что является гибелью, заслуживает названия смерти и, наоборот, не все, что умирает, гибнет. Строго говоря, смерть — это прекращение жизнедеятельности многоклеточного организма в результате *совместного* действия внутренних и внешних факторов жизни (естественного развития организма и неблагоприятных условий среды). Одноклеточные организмы, делящиеся митотически, не умирают, поскольку их естественное развитие приводит к делению, а не к смерти. Если их жизнедеятельность прекращается, то не в результате естественного развития, а вследствие неблагоприятных внешних воздействий. Поэтому прекращение их жизнедеятельности следует называть не смертью, а гибелью. Гибель — это прекращение существования чего-либо живого (или связанного с ним) вследствие внешних неблагоприятных воздействий. Гибнут не только отдельные живые организмы, но и их сообщества (надорганизменные образования — популяции, человеческие цивилизации, народы, государства), гибнут также предметы культуры и т. д.

Итак, феномен смертности возникает лишь на стадии многоклеточных организмов, размножающихся половым путем. Эти организмы не просто гибнут, а умирают. Их смерть обусловлена как внешними случайными причинами, так и внутренними условиями существования, что дает основание рассматривать ее как необходимый момент окончания жизни многоклеточных организмов. "Вряд ли стоит доказывать, — пишет В.М. Дильман, — что устранение внешних причин болезней не спасет высшие организмы от смерти. Для каждого вида организмов характерен определенный предел длительности жизни. Крыса не может прожить более четырех лет, слон — более 80, и никто не наблюдал, чтобы крыса жила дольше, чем это в норме свойственно слону. Устранение внешних неблагоприятных факторов может лишь привести к тому, что продолжительность жизни индивидуума совпадет с видовым ее пределом. Так,

если средняя длительность жизни человека составляет сейчас около 70 лет, то видовой ее предел... считается равным 120 годам. Пока же у большинства организмов видовых пределов жизни достигают только отдельные представители"¹.

На запрограммированный характер смерти у высших организмов косвенно указывает такой факт. Отдельные организмы в силу каких-то наследственных аномалий ускоренно проходят этапы жизненного цикла и умирают намного раньше своих сородичей. Венгерский король Людовиг II в 14 лет имел большую бороду, а в 18 лет она поседела. В 30 лет Людовиг умер со всеми признаками глубокой старости. Медицинская статистика знает случаи, когда новорожденные оказывались маленькими стариками. Индивидуальное развитие многоклеточного организма закономерно приводит его к смерти.

Смерть как запрограммированный конец — эволюционное приобретение жизни и не исключено, что человек, изменив соответствующим образом свою генетическую программу, может покончить со смертью. Жизнь как таковая не носит в себе зародыш смерти. Она, бесспорно, носит в себе зародыш изменения, преобразования, но не смерти, а тем более не гибели².

Возникновение смерти как явления оконечивания жизни привело к большей дифференциации (большему противопоставлению) конечного и бесконечного. Смертность отдельного биологического индивида и бессмертие рода — это, в известном смысле, кричащие противоположности. С другой стороны, большая дифференциация конечности и бесконечности существования сопровождалась углублением их взаимоотношения, опосредствующих связей между ними. Половое размножение как раз играет роль такого опосредователя. Оно, с одной стороны, противопоставляет

¹ Дильман В.М. Большие биологические часы. М., 1981. С. 16.

² Здесь мы противопоставляем свою точку зрения точке зрения Гегеля, утверждавшего, что "жизнь как таковая носит в себе зародыш смерти" (Гегель. Энцикл. филос. наук. Т.1, М., 1974, С. 206 /§ 81/. См. также § 92). Смертность отнюдь не является внутренним свойством *всякой* жизни. Одноклеточные не несут в себе зародыша смерти.

организм и род (конечное и бесконечное), а, с другой, явля-
ется связующим звеном между ними.

Противопоставляющая роль полового размножения со-
стоит в том, что оно, во-первых, делает ненужным индиви-
дуальное "бессмертие" организма и, во-вторых, при половом
размножении организм не повторяется полностью в своем
потомстве, не тиражируется один к одному и, следовательно,
не сохраняет себя в своей особенности. Конечность,
особенность, индивидуальность отдельного организма вы-
ступает в этом случае ярче, острее, обнаженнее.

Роль полового размножения как связующего звена со-
стоит в том, что оно "приобщает" организм к бессмертию и
в гораздо большей степени, чем это было у делящихся орга-
низмов. *Продолжение рода* — реальное биологическое бес-
смертие высших организмов. В нем мы видим постоянный
переход конечного в бесконечное, а бесконечного в конеч-
ное, причем так, что ни конечное, ни бесконечное не исче-
зают, но сохраняются как моменты этого перехода. В чисто
конечном существовании нет продолжения рода, как нет его
и в чисто бесконечном существовании.

В человеческом обществе происходит дальнейшее уг-
лубление взаимоотношения конечного и бесконечно-
го. Проблема смертности и бессмертия осознается и решает-
ся как одна из важнейших проблем человеческого бытия. К.
Ламонт пишет по этому поводу:

""Все люди смертны" — этими словами начинается самый
знаменитый из силлогизмов, гласящий далее: "Сократ — человек"
и "следовательно, Сократ смертен". Отрасль философии, извест-
ная под названием логики, превозносила этот силлогизм как при-
мер совершенного рассуждения; мало того, философия в целом
потратила очень много времени и массу энергии на исследование
того, в чем заключается подлинное и полное значение этого сил-
логизма... Суть вопроса заключалась в следующем: насколько
серьезно мы должны относиться к высказыванию о том, что люди
и Сократ смертны? Ведь существует известное противоположное
высказывание по этому вопросу — что люди и Сократ *бессмерт-
ны* или по крайней мере бессмертно то, что мы называем их лич-
ностями или душами. В самом деле, сам Сократ, если верить
"Диалогам" Платона, был одним из первых философов, выдвиг-
нувших гипотезу бессмертия души.

Поставим вопрос по-другому: когда люди умирают, а это, как
каждый должен допустить, действительно происходит с нами,

умирают ли они *действительно*, то есть остаются ли они мертвыми? Или, как это формулирует Иов: “Если человек умрет, то будет ли он снова жить?” Не может быть сомнения в том, что эта проблема смерти или тайна смерти — была одним из первых и главных стимулов философского исследования. Опять-таки именно Сократ, согласно платоновскому диалогу “Федон”, называл философию размышлением о смерти, что, выражаясь проще, означает размышление о том, смертен человек или бессмертен”¹.

Многие философы связывают проблему смертности и бессмертия с проблемой смысла жизни. И это справедливо, поскольку данная проблема заставляет человека, хочет он того или нет, осмысливать жизнь в целом.

Жизнь, смерть, бессмертие — явления одного порядка. И если жизнь противоположна смерти, а смерть — бессмертию, то, следовательно, жизнь и бессмертие суть одно. Из этого умозаключения мы можем видеть, что бессмертие — не потусторонняя для жизни категория, а внутренне присущее ей². С другой стороны, смерть (как это мы выяснили раньше) не совсем внешня жизни, хотя и противостоит ей. Правильно поэтому сказать так: *жизнь создает и разрешает противоречие между смертностью и бессмертием*. В

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 15.

² Эпикур говорил: «...Самое страшное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения, так как когда мы существуем, смерть еще не присутствует; а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем» (См.: Материалисты Древней Греции. М., 1955. С. 209). А.Н.Чанышев ему возразил: «Последнее, конечно, софизм. Эпикур закрывает глаза на то, что смерть — это прежде всего умирание, переход от бытия к небытию, а уже после этого небытие, которое не страшит Эпикура как мудреца.» (А.Н.Чанышев. Курс по древней и средневековой философии. М., 1991. С. 90). Я всё-таки считаю, что прав больше Эпикур, а не А.Н.Чанышев. Смерть — направленность к небытию, нежизни. В смерти акцент падает не на том, что находится еще внутри жизни, а на том, что вне ее, на небытии. А.Н.Чанышев акцентирует внимание на процессуальности смерти, на том что она **умирание**, т. е. что она **внутри** жизни. Я был бы согласен с А.Н.Чанышевым, если бы человек умирал **всю** жизнь. Но ведь это не так. Среднестатистический человек умирает лишь **в конце жизни**, на склоне лет, когда он уже решил основные задачи жизни (родил, воспитал себе подобных, работал-творил). Конец жизни — это не сама жизнь. Он лишь ничтожная часть жизни, и в количественном плане, и в содержательном, качественном плане. Поэтому на 90-99 процентов смерть **вне** жизни, **а не** внутри ее. И поэтому, когда мы живем, смерти нет, а когда смерть есть, нас нет.

этой формуле — общее решение проблемы смертности и бессмертия.

Точка зрения, которая противопоставляет смертность и бессмертие, считает их несовместимыми, несоединимыми, в конечном счете парализует волю и разум людей или заводит их в тупик. В самом деле, тот, кто отрицает смертность и верит в личное бессмертие (бессмертие души), тем самым обесценивает реальную жизнь, как бы сказать, совместную жизнь души и тела. А тот, кто считает, что человек только смертен, стремится жить одним днем, не заботясь о будущем, не заботясь об улучшении жизни вообще, так как для него существует только понятие его конкретной, данной жизни.

Мы взяли крайние случаи, но они наглядно показывают, к чему может привести противопоставление смертности и бессмертия, абсолютизация одной из сторон этого противоречия жизни.

Глава 3. ЖИЗНЬ ПРОТИВ СМЕРТИ

Человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни.

Б. Спиноза. Этика

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья...

А. С. Пушкин. Из Элегии

3.1. Смерть как Абсолют

Если стоять на позиции, что человек *только* смертен, то это приводит к различного рода нелепым выводам и опасным решениям. Об одном из таких выводов мы писали выше. Он прямо ведет к махровому эгоизму и самоизоляции.

Но это еще не самое крайнее следствие из мыслей о смерти.

3.1.1. Человекоубийственная логика (мыслительные абсолютизации смерти)

Если постоянно думать о смерти (сверлить мозг мыслью об этом), то можно сначала прийти к мысли о ненужности жизни, а затем к мысли о самоубийстве и на самом деле покончить с собой. (Так, кстати, и бывает в некоторых случаях, когда человек сознательно занимает позицию умирающего, мирится с неизбежностью смерти, ничего не предпринимает для поддержания своей жизни. Человек может даже внушить себе, что он умирает, и это внушение порой оказывается настолько сильным, что смерть действительно наступает. Описан случай, когда в США умер преступник, приговоренный к смертной казни. В то время, когда преступник сидел на стуле, ток из-за неисправности сети не был подключен, однако смерть наступила!¹)

Могут сказать, что мысль о смерти — это только мысль. Да, конечно, мысль о смерти и сама смерть не одно и то же. Тем не менее она, если человек сосредоточивает на ней внимание, может оказаться роковой для него.

Ц.П. Короленко и Г.В. Фролова пишут: “Немецкий психиатр профессор Вольф ввел, например, понятие “психогенное самоубийство”, когда речь идет о совершено необъяснимой смерти человека физически здорового, но духовно надломленного, уставшего бороться со сложными психологическими ситуациями...”

У взрослого человека, слишком сосредоточившегося на своих бедах и неудачах, может возникнуть хроническое дурное настроение и хроническая депрессия, которую некоторые исследователи описывают как хроническое самоубийство: думая часто о смерти, желая ее приближения — как избавления от трудностей — человек теряет аппетит, вкус к жизни, перестает следить за своим здоровьем. Возникает состояние, похожее на смерть Вуду — человек голодает, тоскует, возникает бессонница, беспричинная рвота, постепенно все функции угнетаются, органы человека один за другим выходят из строя... Человек стремится к смерти — и умирает”².

¹ См.: Буль П.И. Психотерапия, гипноз, внушение и современная медицина. Л., 1979. С. 23.

² Короленко Ц.П., Фролова Г.В. Вселенная внутри тебя. Новосибирск. “Наука”, 1979. С. 129-130.

В чистом виде мысль о смертности, умирании ни к чему иному не приводит, как только к действительной смерти.

Возведенная в ранг философской концепции мысль о смертности, бренности, конечности человеческого существования ведет к представлению о бессмысленности жизни, о тщетности всяких человеческих усилий. Характерна в этом отношении позиция библейского проповедника, именуемого Экклезиастом: “участь сынов человеческих и участь животных — участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом; потому что все — суета! Все идет в одно место: все произошло из праха, и все возвращается в прах”(Екклесиаст 3, 19-20). Этот вывод Экклезиаста восприняли некоторые проповедники христианской религии и интерпретировали его в том смысле, что быстротечная жизнь человека на Земле сама в себе не имеет никакой ценности и нужно поэтому стремиться к жизни вечной за гробом. Весьма показательны поучения православного деятеля В. Гурьева, содержащиеся в его книге “Поучения по руководству жития блаженного старца Серафима” (М., 1904). Он пишет: “Размышление о смерти и спасительно и полезно”. Особенно важны, по его мнению, четыре “пользы”:

- 1) “Размышление о смерти удаляет человека от грехов”.
- 2) “Этим человек угождает богу”.
- 3) “Приучает человека смотреть на его земную жизнь, как на жизнь временную и скоропреходящую, приучает смотреть на ее блага, как на тленные и суетные, на тело, как темницу для души”.
- 4) “Кто всегда приуготовляется к смерти, тот узнает способ благополучно умереть...”

Далее этот богослов поучает: “Учись жить на свете, — советует отец сыну. Научись хорошо умирать, — должно советовать христианину”.

Эти поучения можно было бы квалифицировать как пример непревзойденного жизнененавистничества, но скорее всего в них больше самообмана и ханжества, чем искреннего неприятия земной жизни.

Православный богослов не оригинален. За две с половиной тысячи до него Сократ в передаче Платона высказывал сходные мысли. “А вам, мои судьи, — говорил он, — я хочу

теперь объяснить, почему, на мой взгляд, человек, который действительно посвятил жизнь философии, перед смертью полон бодрости и надежды обрести за могилой величайшие блага. (...) Те, кто подлинно предан философии, заняты на самом деле только одним — умиранием и смертью. Люди, как правило, этого не замечают, но если это все же так, было бы, разумеется, нелепо всю жизнь стремиться только к этому, а потом, когда оно оказывается рядом, негодовать на то, в чем так долго и с таким рвением упражнялся!” (Федон, 63е-64а). В другом месте он поясняет: “...истинные философы гонят от себя все желания тела, крепятся и ни за что им не уступают, не боясь разорения и бедности в отличие от большинства, которое корыстолюбиво” (82с). “Кто заботится о своей душе, а не холит тело, тот расстается со всеми этими желаниями” (82d). “Тем, кто стремится к познанию, хорошо известно вот что: когда философия принимает под опеку их душу, душа туго-натуго связана в теле и прилеплена к нему, она вынуждена рассматривать и постигать сущее не сама по себе, но через тело, словно бы через решетки тюрьмы, и погрязает в глубочайшем невежестве...” (82е)¹

В.С.Нерсисянц комментирует: «Подобные суждения Сократа опираются на величественное и глубокое, по его оценке, сокровенное учение пифагорейцев, гласившее, что мы, люди, находимся как бы под стражей и не следует ни избавляться от нее своими силами, ни бежать» (Платон. Федон 62b). Смысл пифагорейского учения о таинстве жизни и смерти состоит, в частности, в том, что тело — темница души и что освобождение души от оков тела наступает лишь со смертью. Поэтому смерть — освобождение, однако самому произвольно лишать себя жизни нечестиво, поскольку люди — часть божественного достояния, и боги сами укажут человеку, когда и как угодна им его смерть. Закрывая таким образом лазейку для самоубийства как произвольного пути к освобождению, пифагорейское учение придает жизни напряженный и драматический смысл ожидания смерти и подготовки к ней.

Рассуждая в духе пифагорейского учения Сократ считал, что он заслужил смерть, поскольку боги, без воли которых ничего не происходит, допустили его осуждение...

¹ См.: Платон. Собр. соч. в 4 т.т. Т. 2, М., 1993. С. 14, 38, 39.

Сократовская версия жизни в ожидании смерти была не безразличием к жизни, но, скорее, сознательной установкой на ее достойное проведение и завершение.» (Нерсисянц. Сократ. М., 1984. С. 117-118).

Эта позиция пифагорейцев и Сократа — лукавство и/или фатализм. Разве приготовление к смерти не является фактическим (растянутым во времени) самоубийством?! И разве пассивное ее принятие не является фатализмом?! Такая позиция (пассивного принятия смерти) фактически означает отказ от лечения в случае заболевания, отказ от медицинской помощи, отказ от защиты в случае опасного для жизни нападения и т. п.

К сожалению, указанная позиция Сократа и Платона многократным эхом отозвалась в истории человеческой мысли. Вот некоторые заявления:

Цицерон в «Тускуланских беседах» (I, 30: «...философствовать — это... приготавливать себя к смерти».

Монтень в «Опытах», в главе с соответствующим названием «О том, что философствовать — это значит учиться умирать»: «Цицерон говорит, что философствовать — это не что иное, как приготавливать себя к смерти. И это тем более верно, ибо исследование и размышление влекут нашу душу за пределы нашего бренного "я", отрывают ее от тела, а это и есть некое предвосхищение и подобие смерти; короче говоря, вся мудрость и все рассуждения в нашем мире сводятся, в конечном итоге, к тому, чтобы научить нас не бояться смерти».

Подобные заявления можно встретить у *А. Шопенгауэра* (см. выше, стр. 13), *А. Камю* (см. выше, стр. 14) и некоторых других философов.

Нечто подобное я услышал из уст артистки Евдокии Германовой в программе Максимова на телеканале «Культура» 27.01.2004 (00.32). Она воспроизвела слова американского писателя Фолкнера: «Смысл жизни — это приготовиться к тому, чтобы долго быть мертвым» и прокомментировала: «это гениальная фраза, просто гениальная».

И все же люди нередко, концентрируя свои мысли на неотвратимости смерти, приходят к неутешительному выводу о тщетности своих усилий, к различным пессимистическим

решениям. Даже у такого сильного человека и глубокого мыслителя, как Лев Толстой, бывали минуты пессимизма и слабодушия, вызванные этими мыслями. Вот что пишет об этом И. И. Мечников: “Когда Толстой, преследуемый страхом смерти, спросил себя, не может ли семейная любовь успокоить его душу, он тотчас увидел, что это — напрасная надежда. К чему, спрашивал он себя, воспитывать детей, которые вскоре очутятся в таком критическом состоянии, как их отец?”. Далее Мечников цитирует Толстого: “Зачем же им жить? Зачем мне любить их, растить и блюсти их? Для чего же отчаяние, которое во мне, или для тупоумия? Любя их, я не могу скрывать от них истины, — всякий шаг ведет их к познанию этой истины. А истина — смерть”. Мечников комментирует: “Понятно, что некоторые люди, дойдя до такого пессимистического воззрения, воздерживаются от произведения потомства”¹.

Видите, как Толстой повернул вопрос: “смерть — истина”. Поистине убийственная фраза! Но в том-то и дело, что смерть — не вся истина, а следовательно — полуложь.

Горькие рассуждения Толстого и комментарий Мечникова обнаруживают еще одну важную сторону вопроса: чистые мысли о смерти, смертности человека *несовместимы* с семейной любовью, деторождением. И если последние — факт и истина, то, следовательно, первые не соответствуют действительности. И еще: производство потомства, продолжение рода — это, как мы уже говорили, прорыв в бессмертие, это реальное, фактическое *соединение* конечности и бесконечности существования. Естественно, мысль о чистой смертности (“только смертности”) человека *сопротивляется* этому соединению и в отдельных случаях, как указывает И. И. Мечников, *на самом деле* препятствует ему. Нужно, следовательно, гнать эту мысль прочь как вредную и опасную для человека.

И. И. Мечников приводит также мнения некоторых деятелей о тщетности научных исканий и открытий, поскольку они не находят “другого конечного решения, как предложения могильного уничтожения”. Он пишет:

“Когда в споре о банкротстве ее (науки — Л. Б.) Ш. Роше приводит благодетельное лечение дифтерита специфической сы-

¹ См.: Мечников И.И. Этюды о природе человека. Гл. IX.

вороткой в доказательство могущества научных открытий, то Брюнетьер отвечает ему: “Серотерапия не помешает нам умереть и, более того, не научит нас, зачем мы умираем”. Всегда мы возвращаемся к вопросу о смерти. Стоит ли вылечивать от дифтерита ребенка, обреченного сделаться взрослым, чтобы узнать о неизбежности смерти, которая должна наполнить его ужасом?”.

Далее Мечников комментирует:

“Если наука бессильна разрешить важнейшие задачи, терзающие человечество, если она отказывается от этого по недостатку знания, если она не находит другого конечного решения, как предложение могильного уничтожения, то легко понять, что многие даже самые выдающиеся умы отворачиваются от нее. Желание найти какое-нибудь утешение в страданиях нашего бытия без определенной цели направляет их в объятия религий и метафизик. Вот почему в современном человечестве, несомненно, замечается стремление назад к вере. Погружаются в мистицизм, думая, что он даст ответ менее безотрадный, чем уничтожение, небытие”¹.

Как видим, здесь тот же мотив, что и в рассуждениях Толстого. Только на этот раз речь идет не о семейной любви и производстве потомства, а о научном творчестве. Зачем творить, выдумывать, пробовать, если нас всё равно ждет могильное уничтожение?! Мысль о чистой смертности и здесь направлена против соединения конечности и бесконечности существования. Ведь научное творчество, как и семейная любовь, разрешает противоречие между смертностью и бессмертием, *делает* человека бессмертным.

Последний комментарий Мечникова интересен еще тем, что в нем явственно показано, к чему может привести противопоставление смерти и бессмертия. Либо полное уничтожение и тогда все бессмысленно, либо вера в потустороннее бессмертие — здесь нет ничего, кроме шараханья из крайности в крайность. Сначала мы доводим до абсурда мысль о смерти, приравниваем ее к полному уничтожению, а затем отбрасываем ее, отказываемся от всякого рационального объяснения и бросаемся в объятия религии и мистицизма, которые обещают нам потустороннее бессмертие.

Итак, в мыслях о смерти, смертности есть своя, *человекоубийственная логика*, отравляющая сознание человека, мешающая ему жить, любить и творить. Эти мысли ядовиты не только своей логикой, но и своей *эмоциональной* силой.

¹ См.: Мечников И.И. Этюды о природе человека. Гл. IX.

Они лежат в основе таких эмоциональных состояний, как *страх смерти* и *отчаяние*. В этих состояниях, правда, нет прямого стремления к смерти. Тем не менее они убивают, быстро или медленно, в зависимости от своей силы.

3.1.2. Страх смерти и отчаяние (эмоциональные абсолютизации смерти)

Страх смерти хуже самой смерти
Поговорка

Мужество — это когда человек не дает
страху руководить своей жизнью.
Неизвестный автор

Сразу же оговоримся, в умеренной дозе страх смерти необходим человеку. Такой страх лучше называть не страхом, а *боязнью, неприятием, нежеланием смерти*. Боязнь, нежелание смерти вытекает из нашего естественного инстинкта самосохранения. Страх же смерти есть преувеличенное, гипертрофированное переживание опасности смерти. Оно так же вредно, пагубно, как и пассивное приятие или прямое стремление к смерти. Это тот случай, когда говорят: крайности сходятся. Испытывающий сильный страх смерти подвергает себя почти такой же опасности, как и стремящийся к ней. Известна такая притча:

— Куда ты идешь? — спросил странник, повстречавшись с Чумой.

— Иду в Багдад. Мне нужно уморить там пять тысяч человек.

Через несколько дней тот же странник вновь встретил Чуму.

— Ты сказала, что уморишь пять тысяч, а погубила пятьдесят! — упрекнул он ее.

— Нет, — возразила Чума. — Я уморила только пять тысяч, а остальные умерли от страха.

Как видим, люди давно знали о таком свойстве сильного страха смерти.

Игорь Вагин, автор книги «Заяц, стань тигром», комментирует: «Это древняя притча. Но если вы поинтересуетесь данными Всемирной организации здравоохранения, то уз-

наете, что во время стихийных бедствий, катастроф, природных катаклизмов от полученных травм гибнут всего лишь 30 процентов людей. Остальные умирают... от страха!»

“Крайний ужас, — пишет К. Ламонт, — может парализовать человека, лишить его дара речи или вызвать сильное сердцебиение; после землетрясений находят мертвых мужчин и женщин, у которых нет никаких следов повреждений”¹. Говорят: у страха глаза велики. Действительно, в основе страха смерти лежит преувеличенное представление о всеисилии смерти, о том, что жизнь есть нечто весьма хрупкое, жалкое, беспомощное по сравнению с Ее Величеством Смертью.

Еще более глубоким эмоциональным состоянием, подавляющим всякую волю, всякое сопротивление, является *отчаяние* (чувство полной безнадежности, безысходности). В научной литературе не раз описывались случаи, получившие название “смерть Вуду”.

“Явлением этим, — пишут Ц.П. Короленко и Г.В. Фролова, — интересовались многие исследователи; причина смерти имела чисто психологическую окраску. Исследователи замечали, что австралийские аборигены, узнав, что на них “брошено” проклятье или колдовство за то, что они нарушили какой-либо важный запрет (табу), реагировали яркими симптомами паники, переходящей в отчаянье, отказ от всякой деятельности, апатию. Состояние это приводило к смерти.

(...) Рихтер предполагал, что... причиной ее (“смерти Вуду” — Л.Б.) является не страх, а безнадежность. (именно безнадежность, утверждают некоторые исследователи, становится также причиной смерти многих людей, терпящих бедствие на воде и т. п. Латинское изречение “пока дышу — надеюсь”, видимо, будет соответствовать истине и в другом его прочтении: “пока надеюсь — дышу”).

(...) Смерть в результате ожидания смерти и сегодня не является редкостью... Возможно, у людей, живущих в крайне суеверном окружении, механизм ожидания смерти может быть значительно усилен. Возможно, что процесс “аутосуггестии” — самовнушения — изменяет жизненно важные физиологические механизмы, в результате происходит нарушение центра вегетативной нервной системы. Характерно, что результаты патологоанатомических исследований в таких случаях указывают на симптомы вазомоторного паралича... Разумеется, не суеверия служат пусковым толчком, а усиленные эмоции страха, длительное чув-

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 95.

ство тревоги, угрозы. И даже не сам страх непосредственно перед какой-то причиной, а фрустрация, такие ситуации, в которых возникает твердое убеждение, что все напрасно, спасения нет”¹.

О пагубности психологического настроя, лежащего в основе отчаяния, писал французский врач Ален Бомбар. Он провел специальное исследование причин гибели потерпевших кораблекрушение. Вот что мы читаем в его книге “За бортом по своей воле”:

“Ежегодно пятьдесят тысяч человек погибает, уже находясь в спасательных судах. Неужели ничего нельзя сделать для их спасения? А если можно, то что? Я принялся перечитывать легендарные рассказы о потерпевших кораблекрушение, но, судя по ним, всякая борьба казалась безнадежной, а всякая надежда бессмысленной.

(...) 14 апреля 1918 года трансатлантический пассажирский пароход “Титаник” столкнулся с айсбергом. Через несколько часов “Титаник” затонул. Первые суда подошли к месту катастрофы всего через три часа после того как пароход исчез под водой, но в спасательных шлюпках уже было немало мертвецов и сошедших с ума. Знаменательно, что среди тех, кто поплатился безумием за свой панический страх или смертью за безумие, не было ни одного ребенка моложе десяти лет. Эти малыши находились еще в достаточно разумном возрасте.

Подобные примеры подкрепили мое интуитивное убеждение, что моральный фактор играет решающую роль. Статистические данные, утверждающие, что 90% жертв погибает в течение первых трех дней, следующих за кораблекрушением, сразу стали удивительно понятными. Ведь для того чтобы умереть от голода или жажды, потребовалось бы гораздо больше времени!

Когда корабль тонет, человеку кажется, что вместе с его кораблем идет ко дну весь мир; когда две доски пола уходят у него из-под ног, одновременно с ними уходит все его мужество и весь его разум. И даже если найдет в этот миг спасательную шлюпку, он еще не спасен. Потому что он замирает в ней без движения, сраженный обрушившимся на него несчастьем. Потому что он уже больше не живет. Окутанный ночной тьмой, влекомый течением и ветром, трепещущий перед бездной, боящийся и шума и тишины, он за каких-нибудь три дня окончательно превращается в мертвеца.

Жертвы легендарных кораблекрушений, погибшие преждевременно, я знаю: вас убило не море, вас убил не голод, вас убила не жажда! Раскачиваясь на волнах под жалобные крики чаек, вы умерли от страха.

Итак, для меня стало совершенно очевидным, что множество потерпевших кораблекрушение гибнет задолго до того, как физи-

¹ Короленко Ц.П., Фролова Г.В. Вселенная внутри тебя. Новосибирск. “Наука”, 1979. С. 25-28.

ческие или физиологические условия, в которых они оказываются, становятся действительно смертельными.

Как же бороться с отчаянием, которое убивает вернее и быстрее любых физических лишений?”¹.

Переплыв на надувной лодке Атлантический океан без запасов пищи и воды, А. Бомбар доказал, что даже в самых отчаянных условиях можно с успехом бороться за жизнь.

Его опыт повторили в четырех экспедициях болгарские мореплаватели Дончо и Юлия Папазовы. В книге “С “Джу” через Тихий океан” Дончо Папазов не раз отмечал, что борьба с испугом, страхом, отчаянием — непереносимое условие выживания в экстремальных условиях. Он, например, писал:

“Меня много раз спрашивали: “А не страшно ли вам?” И я всегда затруднялся с ответом. Я не могу утверждать, что мне неведом страх. Не умею также объяснить, как удаётся усилием воли отбросить его. Подавить. Заглушить его, четко и ясно сознавая, что закравшийся в душу страх — это начало предательства цели, усилий, друзей. И все-таки одни люди рождаются трусливыми или с годами возвращают в своей душе страх. Другие вовсе не ведают страха. Третьи преодолевают его. У нас с Джу даже испуг — табу. Оставляем его на берегу, сделав его уделом дней подготовки к экспедиции и рассуждений о возможных злоключениях и авариях”².

В одной книге приводится мудрая притча о надежде. Ее рассказал Александр Жебровский, один из героев-моряков, выдержавших 82-дневное вынужденное плавание на небольшом катере в океане. Вот как передает этот рассказ писатель Л. Наумов:

“— А кто из вас, ребята, знает старого моряка Ивана Аурова? — спросил Жебровский...”

— Это прадед мой. Толковый был старик. Рассказывал он как своему сыну — деду значит моему, а уж тот — мне. Эта сказка, как вам сказать, стала вроде нашим семейным гербом... Пришел как-то моряк к мудрецу и говорит: “пропаду, наверное. В такую бурю в последний раз попали — не приведи господи! еле жив остался. Посоветуй мне, ты все знаешь: как мне живым остаться до старости?” Что же, — отвечает мудрец, — это можно. Вот тебе, говорит, кувшин, с ним не пропадешь”.

Плавает моряк год-другой. Шторма переносит почище того, в который мы сейчас попали. И ничего — живет. “Что же, — думает он, — за кувшин такой, что он от беды меня оберегает?” Отвинтил он раз пробку и заглянул внутрь. А в кувшине ничего нет

¹ Бомбар А. За бортом по своей воле. М., 1958. С. 7-8.

² Папазовы Дончо и Юлия. С “Джу” через Тихий океан. М., 1983. С. 81. См. также стр. 72, 68, 78-79, 80.

— пустой. “Вот тебе и раз — удивился моряк. — Что же мудрец мне голову морочит?”

Пришли они в порт, где этот мудрец жил, и моряк пошел к мудрецу. “Что же ты, мудрец, мне пустой кувшин дал? Там же ничего нет”. “Как нет? — спросил мудрец. “Так и нет, смотри сам”. Заглянул мудрец в кувшин и говорит: “Э-э, плохо ты смотришь, парень. Там есть одна вещь. Надеждой она прозывается. Надеждой! С нею моряк никогда не пропадет. Все может моряк потерять, но надежду он терять не должен. С нею из любого шторма, из любой беды выйдет моряк, и какая бы буря ни разразилась, какой бы шторм ни бушевал, — всегда у моряка должна жить надежда, что все будет хорошо. Она его и хранить от всех невзгод будет. Вот так!”...

Понравилась тогда моему деду — Ивану Ауорову — эта сказка, и определил он тогда так: пусть в нашем моряцком роду будет жить вот эта самая надежда. И что ж! У нас в роду никто в море не погибал, все до старости доживали, а ведь моряками были все — и прадед, и дед, и отец мой. Вот какие дела-то, ребята. Так что надежду никогда терять нельзя”¹.

Мы не случайно привели здесь высказывания людей, побывавших в экстремальных условиях и выдержавших испытание с честью. Это компетентные высказывания. В них выражено твердое убеждение, что страх смерти и отчаяние — эти *эмоциональные абсолютизации смерти* — вредны, опасны, пагубны для человека.

Страх смерти может быть пагубен не только в экстремальных ситуациях, но и в обычной жизни. Например, умеренный страх за жизнь ребенка толкает родителей на действия, тормозящие его нормальное развитие. «...мне кажется правдой, — писал известный педагог Януш Корчак, — что чем больше мать из состоятельных кругов страшится мысли о возможной смерти ребенка, тем меньше у него условий стать хоть сколько-нибудь физически развитым и духовно самостоятельным человеком. Всякий раз, когда я вижу в выкрашенной белой масляной краской комнате, среди белой полированной мебели, в белом платице, с белыми игрушками бледного ребенка, я испытываю неприятное чувство: в этой хирургической палате, а не детской комнате должна воспитаться малокровная душа в анемичном теле».²

¹ Наумов Л. 82 дня в океане. В: “Океан покоряется людям”. Владивосток. 1961. С. 99-100.

² Корчак Я. Как любить ребенка. М., 1990. С. 46 (№ 38).

3.1.3. Абсолютизация смерти как феномен культуры (некрофилия антикультуры)

Апология смерти и “метафизика ужаса” (Ю.Н. Давыдов) занимали видное место в культуре XX века и продолжают занимать сейчас. Это связано прежде всего с такими трагическими событиями как первая и вторая мировые войны и наступившей после них невиданной в истории гонки вооружений.

Вот как описывает эту ситуацию известный физик Макс Борн:

«Непрерывно ведутся чудовищно дорогие приготовления к войне, не допустимые ни при каких обстоятельствах. Такова безумная ситуация, в которой мы пребываем. Кажется, будто цивилизация осуждена на уничтожение по причинам, скрытым в ее собственной структуре. Литература и философия нашего времени отражают эту ситуацию: я имею в виду романы Олдоса Хаксли и Джорджа Оруэлла, а также труды философов-экзистенциалистов.»

Возведение смерти в Абсолют выросло до масштабов гигантского социального явления, стало феноменом массовой культуры. Эти бесконечные романы и фильмы ужасов, катастроф, триллеры, боевики и т. п., информационная некрофилия в средствах массовой информации [СМИ]... Одним словом, постоянная обращенность к теме смерти, некрофилия. Взять хотя бы эти фильмы ужасов. Да и не только они. Вспоминается французский фильм “Дива”. Обыкновенный фильм, не относящийся к разряду фильмов ужаса. И что же? На протяжении полутора часов в нем совершается множество убийств и притом с легкостью необыкновенной. Такое впечатление, будто не людей убивают, а семечки щелкают или консервные банки вскрывают. Жутко становится на душе. Неужели жизнь человека и в самом деле — копейка? Демонстрируемые в фильмах многочисленные сцены насилия и убийства вольно или невольно воспитывают зрителя в духе философии “бытие перед лицом смерти”, т. е. *постоянной обращенности сознания к смерти*.

Дело не только в фильмах. Современная культура заражена трупным ядом абсолютизации смерти, смертной природы человека. В ней весьма значительны апокалипсиче-

¹ Борн М. Моя жизнь и взгляды. М., 1973. С. 77.

ские, человекоубийственные настроения. Если в прошлом веке философы провозглашали “бог умер”, то в нынешнем столетии некоторые кликушествуют: “человек умер”. Говорят также о смысле смерти, о ее положительном значении для жизни, о бытии перед лицом смерти и т. д. и т. п.

Еще на рубеже XIX и XX веков появились писатели, драматурги, которые избрали тему смерти главной в своем творчестве. Взять хотя бы бельгийского драматурга Мориса Метерлинка. Он написал целый ряд пьес в духе “театра смерти”:

«Метерлинк пишет символистские драмы из цикла «театра смерти». . . Он сконденсировал в себе «фламандский мистицизм». Место бога в мировоззрении Метерлинка было занято еще более безликим и неопределенным понятием, Неизвестным. Трибуной Неизвестного стал символистский театр Метерлинка, «театр смерти». Философия Метерлинка была одной из многих попыток идеалистической мысли конца XIX века подыскать подходящую замену скомпрометированной идее бога («бог умер»), найти ему аналогию, которая была бы, однако, свободна от церковных несообразностей и была бы философски более или менее респектабельной.

Философия Метерлинка до крайности проста: Человек — жертва Неизвестного, бессильное и жалкое существо, «без видимой цели отданное во власть безразличной ночи». Соответственно, **«наша смерть руководит нашей жизнью, и наша жизнь не имеет иной цели, чем наша смерть»** (выделено мной — Л. Б.). Пьесы Метерлинка — иллюстрация к этим размышлениям о Неизвестном. В «театре смерти» дело обходится «без дела, без мысли». Персонажи Метерлинка не способны к действию, они абсолютно беспомощны. Как кролик перед удавом, застыли они перед таинственным Неизвестным в томительном ожидании. Действие внешнее заменяется в «театре смерти» быстрой эволюцией внутреннего состояния персонажей, нарастанием беспокойства, тревоги и напряжения. Персонажи «театра смерти» — не характеры, не личности. Это безымянные, безликие статисты в драме, герой которого один — Неизвестное. Символист Метерлинк обожествил незнание, неизвестность. Все остановилось в «театре смерти»». (См.: Верхарн. Метерлинк. БВЛ. Том 142. "Худож. литература", 1972 г.)

Наша отечественная культура конца XIX — начала XX века не осталась в стороне от этого увлечения темой смерти. Деятели Серебряного века всю эксплуатируют эту тему. Резко возросло число самоубийств, террор стал почти обычным явлением русской жизни. . . В итоге — Первая мировая война и кровавая баня гражданской войны.

Ю. Н. Давыдов в книге “Этика любви и метафизика своеволия” подверг тщательному анализу этот феномен современной культуры, показал его истоки и всю его опасность. В главе с характерным названием “Метафизика ужаса” он пишет:

“Феномен страха нельзя считать ни локальным или периферийным, ни поверхностным или мимолетным явлением культуры... Об этом говорит уже простой факт глубокой укорененности в ней целой отрасли “духовного производства”, специализирующейся на извлечении “эстетического” и всякого иного эффекта из демонстрации ужасного и чудовищного”¹.

Ю. Н. Давыдов убедительно показывает, что в нагнетании атмосферы страха повинны и философы, те, кто стремится “представить Смерть единственным абсолютom”, а “беспредельный Страх перед нею — истинно человеческим отношением к бытию”. Возник заколдованный круг: “”метафизика ужаса” ссылается на “ужасную жизнь”, последняя же снова отправляет нас к “метафизике ужаса””².

Далее Ю. Н. Давыдов справедливо отмечает, что нормальные люди, не зараженные бациллами философии “бытия перед лицом смерти”, всегда относились к смерти как подчиненному моменту жизни, отодвигали ее с “авансены жизни” в “сумрачный угол жизни, подальше от яркого солнечного света”. Он пишет:

“...сколь бы пронизывающей, гипнотизирующей, поражающей воображение любого смертного ни была время от времени навевающая его мысль о том, что ему — увы! — не дано жить вечно, здоровая духоподъемляющая культура всегда находила эффективные средства справиться с нею: ... сделать так, чтобы вездесущий персонаж с косою в костлявых суставах не выступал на авансцену человеческого сознания, не застил свет жизни.

С точки зрения такой культуры смерть неизменно представляла как хотя и неотъемлемый, непрременный, но все же лишь подчиненный, служебный момент целостности универсума, выполняющий в нем специфически “технические” функции... Ни одна человеческая кончина не рассматривалась при этом как результат спонтанного произволения смерти, хотя это совсем не исключало у нее (то есть у ее олицетворения, рожденного наивной фантазией народа) и собственного рвения и азарта. На костлявой ноге смерти всегда угадывалась невидимая, но прочная цепь, которую держал некто, неизмеримо более могущественный и властный, чем

¹ Давыдов Ю.Н. Этика любви и метафизика своеволия: Проблемы нравственной философии. М., 1982. С. 10.

² Там же. С. 16, 15.

она, всегда имевший возможность поставить эту кровожадную старуху на свое место — в сумрачный угол жизни, подальше от яркого солнечного света. Там и должна она была стоять в нетерпеливом ожидании, пока не исполнится срок, отведенный тому или иному конченому существу, — лишь после этого ей дозволялось прикоснуться к нему, дабы свершить неизбежное... И между прочим, как раз это ощущение “подконтрольности” смерти, сознание того, что действует она отнюдь не на свой страх и риск, а покорствуя высшей воле, сообщало ее облику некий оттенок приниженности...

Вполне понятно, что такой персонаж не мог глубоко и надолго завладеть человеческим интеллектом: напряженно ищущая мысль быстро “проскакивала” через него, обнаруживая за его спиной гораздо более мощные силы, от которых зависела сама “конечность” и “смертность” человека и которые, следовательно, обуславливали и саму смерть. Обнаружив за исполнительной инстанцией законодательную, мысль теряла интерес к первой и тем с большей настойчивостью взывала ко второй, ища у нее разгадку смерти. Так преодолевался страх перед неистойвой смертью, превращаясь в проблему смысла жизни... Живые, растущие культуры добуржуазного прошлого, да и сама буржуазная культура, не ставили — не хотели и не могли ставить — вопрос о смертности и смерти человека иначе как в форме проблемы самой жизни — ее смысла и значения”¹.

Ю.Н. Давыдов очень хорошо показывает также, что возведение смерти в абсолют стало возможным благодаря абсолютизации в человеке “вот этого”, принадлежащего только ему как индивиду, изолированному, противопоставленному другим людям, обществу в целом.

Чтобы смерть предстала, пишет он, “уже не как служанка высших сил, а как самовластная госпожа, как единственное абсолютное божество, — необходимо было весьма существенное, далеко идущее изменение мирозерцания, мироощущения и самой жизни людей. Для того чтобы индивид воспринимал смерть таким образом... чтобы смерть превратилась в его глазах в единственно достоверный Абсолют — негативный, в отличие от прежних позитивных абсолютов, “микрокосмос” конечного, неизбежно партикулярного существования индивида должен был не просто подняться на уровень “макрокосмоса” универсальной жизни, но и полностью заслонить его: тогда-то гибель этого “микрокосмоса” с необходимостью представляла как поистине космическая катастрофа, перед лицом которой все утрачивает свой смысл.

Важнейшим, определяющим моментом такого мироощущения необходимо становилась не просто утрата веры в бога, но полная утрата веры в какие бы то ни было общезначимые идеалы и цен-

¹ Давыдов Ю.Н. Этика любви и метафизика своеволия: Проблемы нравственной философии. М., 1982. С. 19-20.

ности вообще, в какие бы то ни было абсолюты... кроме Смерти, которая и занимала их место по принципу “свято место пусто не бывает”. Человек, взятый в качестве “вот этого” — конечного: частного, одностороннего и ограниченного индивида, — должен был осознавать себя единственным кумиром, своим собственным идеалом, своей высшей и последней ценностью. Себе, любимому, должен был он воскурять фимиам, приносить жертвы и петь возторженные религиозные песнопения — только при таком самоощущении и самосознании он мог прийти к устрашающему выводу о том, что над ним есть только одна высшая инстанция, одна абсолютная власть — власть Смерти. Вывод, ошарашивающий, тем более что он возник как столь же непредвиденный и неожиданный, сколь и закономерный и даже фатально необходимый, результат *эгоистического* самоутверждения и неизбежно вытекающего отсюда *самообожествления*...

Таким образом, факт человеческой “конечности”, с которым по-своему справлялась каждая из великих культур прошлого, выдвинулся на передний план. Смерть стала солировать на сцене человеческого сознания, привлекая напряженное внимание индивида, завораживая его рассудок, усыпляя нравственное чувство, парализуя волю...”¹.

Другим результатом абсолютизации “вот этого” в человеке является разрыв связей с другими людьми, с обществом, т. е. уничтожение того, что продуцирует и обеспечивает реальное бессмертие человека.

“Человек этот, — пишет Ю.Н. Давыдов, — должен сознавать и чувствовать себя абсолютно одиноким в мире, он уже не может ощущать свои природно-социальные связи, свои душевные привязанности, свои духовно-культурные определения как нечто неотъемлемое от него, непосредственно достоверное, имеющее внутреннее отношение к подлинности и аутентичности его существования. Его кровно-родственные узы — отношение к родителям и дальним родственникам, его семейные привязанности — отношение к жене, детям, внукам, его душевно-духовные связи — отношение к друзьям, к своему поколению, к современникам вообще, наконец, его традиционно-культурные зависимости — отношение к более отдаленным предкам и потомкам, — все это утрачивает для него свое живое содержание, свое поистине одухотворяющее значение: формализуется, принимает форму чего-то совершенно необязательного, внешним образом навязанного, если не чуждого и враждебного...

Стоит ли повторять, что перед лицом смерти такой человек не может предположить, что его переживет нечто существенное, устойчивое, заслуживающее серьезного отношения. Все свое он унесет с собою в пустоту небытия, а то, что не было им самим,

¹ Давыдов Ю.Н. Этика любви и метафизика своеволия: Проблемы нравственной философии. М., 1982. С. 20-21.

тождественным его “самости”, не представляется ему ни ценным, ни истинным, ни субстанциальным. Но тем более ужасающим будет сознание, с которым он встретит свою кончину: сознание того, что воистину “все кончено” — эти слова приобретают здесь совершенно буквальный смысл абсолютной катастрофы, метафизической аннигиляции бытия... Все те житейские страхи, волнения и тревоги, что сберег этот “метафизический” эгоист, боясь растратить свою индивидуальность на окружающих его солюдей, он слагает теперь к костлявым ступням последнего своего божества — своей смерти, принявшей в его глазах вид Абсолюта: конечной инстанции, через отношение к которой обретает смысл (вернее — бессмысленность, ибо это ведь негативный абсолют, все превращающий в буквальную противоположность) и человеческое существование, и сама жизнь¹.

Здесь нелишним будет упомянуть два имени, сослуживших своим духовным труположеством дурную службу философии. Это М. Хайдеггер и К. Ясперс.

Ироничный К. Поппер пишет о них: “Хайдеггер изобретательно применяет гегелевскую теорию ничто к практической философии жизни, или “существования”. Жизнь, существование могут быть поняты только благодаря пониманию ничто. В своей книге “Что такое метафизика?” Хайдеггер говорит: “Исследованию подлежит только сущее и больше — ничто,... единственно сущее и сверх того — *ничто*”. Возможность исследования ничто (“Где нам искать Ничто?”) Как нам найти Ничто?”) обеспечивается тем фактом, что “мы знаем Ничто”; мы знаем его через страх: “Ужас приоткрывает Ничто”.

“Страх”, “страх ничто”, “ужас смерти” — таковы основные категории хайдеггеровской философии существования, т. е. такой жизни, истинным значением которой является “заброшенность в существование, направленное к смерти”. Человеческое существование следует интерпретировать как “железный штurm”: “определенное существование” человека является “самостью, страстно желающей свободно умереть... в полном самосознании и страхе”...

К. Ясперс декларирует свои нигилистические тенденции даже яснее (если это вообще возможно), чем М. Хайдеггер. Только когда вы сталкиваетесь с ничто, с аннигиляцией, учит Ясперс, вы оказываетесь способным испытать и оценить существование. Чтобы жить по существу, вы должны жить в состоянии кризиса. Чтобы распробовать жизнь, следует не только рисковать, но и терять! — опрометчиво доводит Ясперс историцистскую идею изменения и судьбы до ее наиболее мрачной крайности. Все вещи должны исчезнуть, все заканчивается поражением. Именно таким образом его лишенный иллюзий интеллект понимает настоящий историцистский закон развития. Столкнитесь с разрушением — и

¹ Там же. С. 23-26.

вы постигнете захватывающий пик вашей жизни! Мы в действительности живем только в “пограничных ситуациях”, на грани между существованием и ничто. Блаженство жизни всегда совпадает с окончанием ее разумности, особенно с крайними ситуациями жизни тела, прежде всего с телесной опасностью. Вы не можете распробовать жизнь, если не вкусите поражения. Наслаждайтесь собственным уничтожением!

Можно назвать это философией игрока или гангстера. Нетрудно догадаться, что эта демоническая “религия страстей и страха, триумфатора и загнанного зверя” (О. Колнаи), этот действительно абсолютный нигилизм имеют немного почитателей. Это — вероисповедание группы утонченных интеллектуалов, отказавшихся от своего разума и вместе с ним и от своего человеческого достоинства¹.

Всё справедливо в оценках К. Поппера, кроме одного: что этот нигилизм имеет “немного почитателей”. Прошло несколько десятилетий с того времени, как Хайдеггер и Ясперс выступили со своими ядовитыми учениями, а их вольные или невольные “почитатели” множатся и множатся, и конца им пока не видно.

После известных событий 1985-1991 г.г., когда идеологические барьеры пали, и в России стало модным говорить-писать на тему смерти. В искусстве это стало каким-то наваждением. Российские кинематографисты в последние 10-12 лет ставили фильмы почти исключительно в жанре триллеров, боевиков, детективов...

Дело дошло до того, что и в рекламе мы начинаем видеть этот почерк мрачных экзистенциалистов. Так, реклама премьеры фильма «Марш-бросок» по 1-му телеканалу (с 17 февраля 2004 г.) предваряется следующей псевдофилософской сентенцией: «Чтобы знать вкус жизни, надо почувствовать дыхание смерти». Прямо «бытие перед лицом смерти»! Вот тебе Хайдеггер и Ясперс в рекламном исполнении. Оказывается, тот кто не почувствует дыхание смерти, не знает вкуса жизни. Жизнь сама по себе уже неинтересна, невкусна. Да здравствует балансирование на грани жизни и смерти! Ведь без этого балансирования ты не почувствуешь дыхание смерти, а, значит, не будешь знать вкуса жизни. Одно слово: негодяйская реклама.

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2, М., 1992. С. 92-94.

Я хотел бы обратить внимание на эту **вакханалию разрушения**. В рекламе фильмов и в самих фильмах преобладают сцены, в которых стреляют, взрывают, совершаются бесчисленные аварии автомобилей, бьются стекла, рушатся здания и т. д. и т. п. В информационных программах телевидения и радио на первом месте в большинстве случаев сюжеты катастроф, терактов, аварий и т. п. разрушительных сцен.

Что-то похожее мы уже переживали. Люди время от времени бывают одержимы страстью к разрушению. Французский историк-медиевист Жак ле Гофф писал об **иступленной силе разрушения**, которая овладела людьми раннего Средневековья:

«Прежде чем постепенно возобновилась созидание, Западом долго овладела иступленная сила разрушения. Средневековые западные люди — это отпрыски тех варваров, что подобны аланам в описании Аммиана Марцеллина: «То наслаждение, которое добродушные и миролюбивые люди получают от ученого досуга, они обретают в опасностях и войне. Высшим счастьем в их глазах является смерть на поле боя; умереть от старости или несчастного случая для них позорно и является признаком трусости, обвинение в которой страшно оскорбительно. Убийство человека — это проявление геройства, которому нет и достойной хвалы. Наиболее славным трофеем являются волосы скальпированного врага: ими украшают боевых коней. У них не найдешь ни храма, ни святилища, ни даже крытой соломой ниши для алтаря. Обнаженный меч по варварскому обычаю, вонзенный в землю, становится символом Марса, и они набожно поклоняются ему как верховному владыке тех земель, по которым проходят».

Страсть к разрушению прекрасно выражена хронистом VII в. Фредегаром в словах, вложенных в уста матери одного варварского короля, наставлявшей сына: «Если ты хочешь стать на путь подвига и прославить свое имя, разрушай все, что другие построили, уничтожай всех, кого победишь; ибо ты не можешь строить выше, чем делали твои предшественники, и нет подвига более прекрасного для обретения славного имени.» (Жак ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 24).

И в философии появились «специалисты»-танатологи. Сравнительно недавно в возрасте 42-х лет умер философ А. В. Демичев. Практически всю свою короткую жизнь он разрабатывал тему смерти. Он буквально положил ее на алтарь смерти (см. об этом выше, стр. 20).¹

¹ Игра со смертью обычно бывает смертельной. Вот пример: «он часто играл со смертью, называл ее другом, говорил, что не хочет ее пропустить. А потом целую страницу тетради исписал фразой «Господи, помоги мне», возможно уже понимая, что за слова придется отвечать. Так 35 лет назад в парижском отеле встретил

На Третьем Российском философском конгрессе в Ростове на Дону (сентябрь 2002 г.) можно было видеть это присутствие моды на смерть. Так, на секции «Философская антропология» тон дискуссии был задан выступлением профессора В. Д. Губина на тему «Смерть человека и предмет философской антропологии» (см. тезисы в 3-м томе материалов конгресса). Вот некоторые утверждения профессора: «Человек — постоянное умирание, исчезновение», «Человеческая жизнь — это всегда цепь неудач. По большому счету у нас ничего не получается», «Мы становимся живыми, когда умираем», «Большинство людей живет так, что в их существовании нет никакой необходимости». Комментарии, как говорится, излишни.

К сожалению, апология смерти в философии и культуре не так невинна; смыкаясь с антигуманизмом она подготавливает почву для развязывания авантюр, грозящих гибелью всему человечеству. В современном мире всё взаимосвязано и действия отдельных людей могут привести к неисчислимым бедствиям (например, ядерный терроризм). “Болтовня” философов по поводу бытия перед лицом смерти льет воду на мельницу опасных авантюристов, готовых пойти на риск уничтожения всего человечества, приучает людей к мысли о возможной гибели человечества.

О так называемом «праве на смерть»

Писатель и философ А. В. Кацура, выступая на итоговом заседании российских участников Всемирного философского конгресса в Стамбуле (август 2003 г.) сказал буквально следующее: «Некто из философов заявил о праве на смерть: «дайте мне право умереть»». И.В.Вишев справедливо возразил ему: «важнее право на жизнь, а на смерть мы и без права все обречены».

«Право на смерть», в самом деле, нелепое выражение. Жизнь тем и отличается от смерти, что она может прерваться в любой момент не по воле и желанию человека. Смерть же наступит рано или поздно **в любом случае**, хочет этого

свою смерть лидер легендарной группы Дорс Джим Моррисон (1943-1971). Ему было 27 лет» — календарь телеканала «Культура», 3 июля 2006 г.

человек или нет. Право на что-то — это положительное понятие, означающее ту или иную форму свободы. «Право на смерть» такое же нелепое понятие, как и право на убийство, на насилие, право на преступление, право на аморальный поступок. Есть такие возможности или такие желания, которые выходят или находятся за пределами прав человека. Права человека ничего не значат без обязанностей. Ведь любое право одного человека не должно вступать в конфликт с правами другого человека. Право матери — желать своему ребенку жить, жить и жить. Она дала ему жизнь и, естественно, желает чтобы он в полной мере воспользовался этим даром жизни. Поэтому, долг подросткового ребенка, сознающего свою ответственность перед матерью, — жить и делать всё для того, чтобы не допустить своей преждевременной кончины. А уж о праве на смерть он и помыслить не должен, если, конечно, он хороший сын или хорошая дочь. Да, бывают случаи, когда человек жертвует своей жизнью, например, на войне. Однако, эти случаи — исключения, которые лишь подтверждают правило. Жертвы могут быть оправданы, если они ради жизни на Земле. В фильме «Чапаев» есть один характерный диалог мальчика с военным поваром: «Дядь, а дядь, за что люди на смерть идут? — За что?.. гм, ясно за что, за ж-и-з-н-ь, каждому хорошей жизни хочется». Если люди идут на смерть, то не потому, что они решили воспользоваться своим «правом на смерть». Просто к этому их **вынуждают** обстоятельства, внутренние (например, невыносимые страдания) или внешние (например, участие в военных действиях).

Вообще «право на смерть» — лукавое выражение. Что имеется в виду под смертью? Своя или чужая смерть? Если своя, то это право нужно именовать правом на самоубийство. Если чужая, то это право нужно именовать правом на убийство. Ясно, что никакого права на убийство у человека нет. Следовательно, о праве на смерть как общем праве, объединяющем и право на самоубийство, и право на убийство, говорить нельзя. То есть «право на смерть» — настолько неопределенное выражение, что оно может быть истолковано и как право на убийство и вообще как право на уничтожение жизни как таковой. Остается первое значение:

право на самоубийство. Именно его обычно имеют в виду, когда говорят о праве на смерть. В последнее время такое «право» нередко связывают с понятием и феноменом эвтаназии (см. ниже, стр. 98). В моральном и гуманистическом смысле права на смерть нет и быть не может. В тех немногих случаях, когда человек жертвует своей жизнью во имя жизни других или когда он смертельно болен и из-за невероятных страданий хочет уйти из жизни, речь на самом деле идет не об осуществлении права на самоубийство, а о **вынужденном** шаге, т. е. чем-то прямо противоположном осуществлению права. **То или иное право человека — это возможность поступать определенным образом, допускаемая принятыми в данном обществе (или общепринятыми) нормами морали и права.** Разве мораль и право разрешают самоубийство и убийство? Нет. Человек, конечно, может покончить жизнь самоубийством или убить кого-нибудь. Да, он имеет такую возможность. Но он **не имеет права** это делать. То есть мораль и право как таковые не разрешают человеку осуществлять такую возможность, осуждают стремление осуществить самоубийство или убийство. Могут спросить, а как быть со смертной казнью? Ведь получается, некоторые люди (судьи и палачи) имеют право кого-то убивать. Да, такое «право» есть, но это не вообще право на убийство, а весьма ограниченное «право» (регулируемое законом) принимать решение о смертной казни и исполнять это решение. Кстати, правильнее говорить не о праве некоторых людей на смертную казнь, а о печальной, тяжелой **обязанности** этих людей (судей и палачей) принимать решение о смертной казни конкретного человека и исполнять это решение. В современном обществе и эта весьма ограниченная возможность лишать жизни кого-то по приговору суда всё больше исключается из правовой практики государств. В передовых странах мира, как мы знаем, смертная казнь отменена. Это значит, что современные мораль и право выступают против допущения убийства по приговору суда, т. е. против права на убийство¹.

Если проанализировать выражение «право на смерть» с точки зрения логики, то можно сказать, что те, кто употребляют это выражение как безотносительное (к себе, к дру-

¹ См. об отмене смертной казни [ПРИЛОЖЕНИЕ 3](#).

гим), совершают логическую ошибку подмены понятий. Понятие убийства подменяется понятием смерти. А это **принципиально разные** понятия. Когда говорят о праве на что-то, то имеют в виду право **делать** что-то. Смерть — это не делание чего-то (по желанию, хотению), а **результат** каких-то объективных процессов (смертельной болезни, аварии, катастрофы, несчастного случая и т. п.) или действий человека, когда он пытается лишить себя жизни (самоубийство) или жизни других (убийство). Если уж рассуждать на тему о праве лишать кого-то жизни, то нужно говорить не о праве на смерть, а о праве на убийство (в частном случае, на самоубийство), т. е. о **праве совершать действия**, ведущие к смерти. Говорящие о праве на смерть **вольнo или невольнo камуфлируют** свое желание иметь право на убийство (самоубийство). Употребляя выражение «право на смерть» вместо более правильного, точного выражения «право на убийство (самоубийство)», они как бы делают более нейтральным, облагороженным и, соответственно, более приемлемым это право на убийство (самоубийство). «Право на смерть» — звучит красиво, патетично. А вот выражения «право на убийство» и «право на самоубийство» практически не употребляют, поскольку обнажают аморальную, бесчеловечную суть этих «прав». Вот и получается, что говорящие о «праве на смерть» обманывают себя и/или обманывают других.

Вспомним, что те, кто убивает (по приговору суда или по личным мотивам), стараются избегать слова «убийство». Говорят о смертной казни, о высшей мере наказания (в случае приговора) или о ликвидации, мокром деле, употребляют также выражения «убрать», «прикончить», «замочить» и т. п. О чем это говорит? Это говорит о том, что **глубинная человеческая мораль осуждает любое покушение на жизнь**, но поскольку в отдельных случаях такое покушение на жизнь имеет место (со стороны государственных органов или по личным мотивам), то пытаются успокоить свою совесть или не тревожить ее откровенным словом «убийство», а выбирают более нейтральные, менее эмоционально окрашенные слова типа «высшая мера наказания» или «прикончить», «замочить», «ликвидировать».

3.1.4. Философия убийства

Апология смерти в философии и культуре воспитывает некоторых людей с преступными наклонностями в духе философии убийства.

Первый пример. В феврале-марте 2003 г. по ТВС был показан двухсерийный документальный фильм о петербургской банде убийц, в основном студентов, которые убивали по двум мотивам: нищенским и чтобы иметь деньги. Руководителем этой банды был студент Сергей Репников. Этот студент начался Ницше и был пропитан духом нищенства (он чувствовал себя сверхчеловеком, что он может, сильный, а другие, большинство — недочеловеки, мусор). Всё началось с просмотра им, Алексеем Дядькиным и Ксенией Ковалевой по видеомагнитофону фильма кинорежиссера Альфреда Хичкока¹ «Веревка», в котором рассказывалось о том, как два друга задушили веревкой третьего, спрятали его в сундуке, но были разоблачены из-за того, что не догадались спрятать шляпу убитого. Во время просмотра развернулась дискуссия. Репников и Дядькин не обсуждали моральную сторону убийства, а обвинили этих двух друзей в глупости, в том, что они попались на ерунде. Репников вспомнил при этом Раскольникова из «Преступления и наказания» Достоевского, которого он тоже обвинил в слабости. У Репникова и Дядькина возникла мысль переплюнуть этих героев, сделать поступок, т. е. убить кого-нибудь и так, чтобы не попасться. Случай представился. Эта компания пришла на квартиру к знакомому Репникова студенту Плоткину. Репников обрушился с кулаками на Плоткина, когда тот напомнил ему о долге в 200 долларов. Дядькин ударил жертву специально изготовленной металлической дубинкой. Друзья заставили и Ковалеву поучаствовать в убийстве: она воткнула спицу в ухо несчастного. Чтобы замести свои следы, «компаньоны» ограбили квартиру Плоткина. Репников забрал большую сумму денег. На следующее убийство эти «друзья» пошли уже вполне осознанно, опьяненные своей безнаказанностью и желая еще поживиться. Присоединившийся к ним четвертый участник банды Семенов сказал, что у студента Пацкевича есть деньги и что этот студент — ник-

¹ Специально о кинорежиссере Хичкоке см. ниже, стр. [252](#).

чемный человек. В убийстве участвовали те же и Семенов. У Репникова и К° разгорелся «аппетит». Понадобились еще деньги. Примкнувший к ним пятый член банды Некривда сказал, что его приятель, курсант военного училища Степан Пасько копит деньги на машину и хранит в квартире 1000-у долларов. Курсант был убит аналогичным образом. Таким же образом по наводке Некривды был убит его одноклассник, бизнесмен Искандеров. У него бандиты нашли 10 тысяч долларов. И, наконец, они убили бизнесмена Алексея Скороделова, бывшего возлюбленного Ковалевой, по тем же мотивам. Ковалева не хотела этого убийства и вынуждена была скрываться от своих «компаньонов». Узнав об убийстве Скороделова, она явилась с повинной в милицию, так как опасалась за свою жизнь. Репников после второго убийства расхваливал Ковалеву за то, что она своя, знает Заратустру, «Волю к власти» и вообще всё знает. После ареста Репникова на его письменном столе обнаружили книгу Ницше с подчеркнутыми словами «Нет ничего истинного; всё позволено». Знаменательно, что во всех случаях убийства бандиты оставляли на месте преступления знак фашистской свастики. Ницше был кровью скрещен с Гитлером.

Второй пример. Недавно в Рязани судили двух серийных убийц — Чурасова и Шурманова. Эти убийцы жестоко расправлялись со своими жертвами, убивали их топором, молотком, удавкой, затем расчленяли трупы и сжигали в печи. Головы некоторых жертв путем обработки становились предметами домашнего обихода. Из черепа девушки Ани Половинкиной Чурасов сделал вазу и постоянно любовался ею, испытывал наслаждение от ее созерцания. Он же развил целую философию убийства. Для него "жизнь и смерть стояли на одной грани" (со слов следователя по его делу), т. е. были равнозначными категориями. Ему было интересно "познать" эту грань, лишая жизни кого-либо, созерцая и переживая этот переход от жизни к смерти. Благодаря убийствам Игорь Викторович Чурасов ощущал себя сверхчеловеком, который вершит суд над людьми, в частности, очищает общество от мусора, от ненужных людей. Иными словами, убийства давали ему ощущение власти над людьми. В этой чурасовской "философии убийства" легко увидеть **ницше-**

анские мотивы¹. И кончил Чурасов также, как Ф. Ницше — в психиатрической больнице.

Можно привести много подобных примеров. Когда в смерти видят смысл, когда признают ее равнозначной жизни или даже оценивают выше жизни², то переход к философии убийства (или самоубийства) совершается легко и просто, а от философии убийства (самоубийства) один шаг к реальному убийству-самоубийству.

В случае **самоубийства** поучительны такие два примера.

1. В древней Греции жил философ *Гегесий* (ок. 320-280). Он получил прозвище Пейситанатос, что означает «проповедник самоубийства» или «учитель смерти». Гегель писал:

«Гегезий последовательно держался принципа киренской школы. Это всеобщее выражено в афоризме, который он довольно часто повторял: “Нет полного счастья. Тело мучимо многообразными страданиями, и душа страдает вместе с ним; поэтому безразлично, выберем ли мы жизнь или смерть. Само по себе ничто ни приятно, ни неприятно”, т. е. всеобщность удалена из критерия приятного и неприятного; поэтому сам этот критерий сделан совершенно неопределенным; а раз он в самом себе не имеет никакой объективной определенности, то он превратился в пустое слово. Пред лицом всеобщего, фиксируемого таким образом, исчезает, как несущественное, сумма всех неопределенностей, единичность сознания, как таковая, и следовательно, исчезает вообще даже сама жизнь. “Редкость, новизна или пресыщение удовольствием вызывает у одних удовольствие, а у других неудовольствие. Бедность и богатство не имеют никакого значения в отношении приятного, ибо мы видим, что богачи имеют не больше радостей, чем бедные. Точно так же рабство и свобода, аристократическое и неаристократическое происхождение, известность и отсутствие известности безразличны в отношении приятного. Лишь для глупцов может поэтому иметь значение жизнь; мудрецу же безразлично жить или не жить”, и он, следовательно, независим. (...) [*Diog. Laërt.*, II, 93 — 95.]. Всеобщность, вытекавшая для Гегезия из принципа свободы индивидуального сознания, он формулировал как отличающее мудреца состояние *полного безразличия*; это безразличие ко всему, представляющее собою отказ от всякой действительности, полнейший уход жизни в себя, является конечным выводом всех философских систем подобного рода. Легенда рассказывает, что царствовавший тогда Птолемей запретил Гегезию, жившему в Александрии, чтение

¹ См. о философии Ф. Ницше ниже, [стр. 264](#).

² Тот же Ницше утверждал, что смерть является более значительным моментом, чем жизнь.

лекций, потому что он вызывал во многих своих слушателях такое равнодушие к жизни, такое пресыщение ею, что они кончали самоубийством [*Cic., Tusc. Quaest., I, 34; Val. Max., VIII, 9.*]»¹

«По мнению Гегегия, — резюмирует Ю.В.Согомонов, — жить стоит лишь тогда, когда заранее известно, что сумма ожидаемых от жизни наслаждений будет превышать сумму приносимых ею страданий. Но стоит только заняться моральной арифметикой, как непредубежденный, по Гегегию, человек, немедленно придет к неутешительному выводу: фактически жизнь дает больше страданий, чем наслаждений. Простой расчет убеждает, как только баланс составлен, что жить не имеет смысла и необходимо, пока еще не поздно, уйти из жизни. Согласно преданию, рассказанному Цицероном, лекции Гегегия в Александрии были запрещены, так как способствовали частым самоубийствам.»²

Диоген Лаэртский отмечал, что *гегесианцы* фактически стирали грань между жизнью и смертью. Для них, писал он, «предпочтительны как жизнь, так и смерть», «сама жизнь для человека неразумного угодна, а для разумного безразлична»³. В другом переводе последняя мысль Гегесия звучит резко: «Лишь для глупцов может поэтому иметь значение жизнь; мудрецу же безразлично жить или не жить» (см. выше цитату из Гегеля).

2. Пример с сыном К. Э. Циолковского Игнатием. Он был очень способным юношей, но начитался Шопенгауэра, Ницше, наслушался разговоров на модную тему о тепловой смерти вселенной и не выдержал давления этой умственной некрофилии — покончил с собой. Вот как передает трагедию жизни К. Э. Циолковского К. Алтайский:

«Старшая сестра Люба записывает в дневнике:

«Игнатий все мрачнее и задумчивей. Спросишь — не слышит».

Игнатий с отцом в калужском загородном парке. (...) Он уже не только понимающий собеседник отца, но и его оппонент.

«Родной мой! Какое это счастье спорить с тобой!» — думает Циолковский, но тут же пугается. Сознание сына леденит стужа пессимизма. Он все чаще и чаще с непонятым упорством цитирует Ницше и Шопенгауэра. Отец напоминает ему, что есть такие

¹ Гегель. Лекции по истории философии. Книга первая.

² Согомонов Ю.В. Добро и зло. М., 1965. С. 7

³ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 121 (Кн. II, 94, 95).

светлые умы, как Белинский, Чернышевский.

— Я согласен с Белинским, который говорил, что действительность открыла нам глаза, — подхватывает Игнатий. — Но для чего? Лучше бы она их закрыла...

Есть тема, которая не оставляет равнодушными ни отца, ни сына. Тема эта — тепловая смерть. В научных кругах тех лет на все лады говорили о тепловой смерти Вселенной. Шло борец Света и Тьмы, Науки и Религии, Материализма и Идеализма. Это был беспощадный идейный бой. Сын говорил отцу.

— В природе идет невидимый глазу процесс рассеяния энергии. Солнце безвозвратно отдает свою энергию окружающей среде, энергия рассеивается, пропадает бесследно, в мироздании неслышными шагами шествует тепловая смерть. Солнце гаснет, а вместе с Солнцем и даже ранее его погаснет жизнь на всех планетах Солнечной системы. Тепловая смерть удел не только нашей, но и других Галактик. Ты, отец, предлагаешь человечеству управляемый дирижабль, аэроплан, наконец, летательный прибор, способный прорваться в межпланетное пространство. Но ведь это не выход, не спасение. Даже реактивный прибор — назовем его ракетопланом, — о котором я читал в твоей пока еще не опубликованной работе, — это снаряд, способный летать от могилы к могиле. Лететь от обреченной на смерть Земли к приговоренной Венере, к осужденному на гибель Марсу. Это же бессмысленность! Мужественнее признать смерть единственной закономерностью Вселенной.

Циолковский слушает сына и не узнает его: неужели это его сын, жизнерадостный, умный, одаренный и отважный? Откуда в нем эта мрачная философия неизбежности всеобщего распада? Всего страшнее, что в цепи его рассуждений есть бесспорно верные звенья. Да, Солнце обречено на угасание, как до него угасли уже миллиарды солнц. Да, со смертью Солнца обречены на гибель и Земля, и Марс, и Венера. Да, когда-нибудь перестанет существовать Млечный Путь, эта гигантская чечевица из миллиардов солнц. Человеческое сознание подавлено картиной смерти: принципиально неважно, что мотылек живет один день, однолетнее растение — несколько месяцев, животное — годы, человек — десятилетие, а Солнце — миллиарды лет. Важно, что все имеет конец и концом является смерть. Впрочем, и самое время сторонники тепловой смерти берут под сомнение. Игнатий повторяет чужие слова, что время и пространство не имеют реального объективного существования. Являются не сутью вещей, а лишь нашим представлением. Значит, одна секунда и миллиард лет разнятся только в том, как мы их воспринимаем. И только смерть абсолютно реальна и безусловна.

Говоря это, Игнатий смотрит на отца выжидающе, словно надеется, что отец найдет серьезные, убедительные возражения. Ведь мудр и проницателен его отец.

Вот тут бы и заговорить полным голосом Циолковскому старшему, убедить сына, что он на ложном пути. Ведь если признать, что тепловая смерть абсолютный закон, тогда триллионы

лет существующая Вселенная давным-давно погибла бы. Не вернее ли предположить, что во Вселенной идет никогда не прекращающийся грандиозный процесс: одни солнца остывают, гаснут, а другие в это же время возгораются. Во Вселенной идет вечная игра сил, одна энергия переходит в другую, и потому Вселенная вечно юна и цветуща. (...)

Циолковский не сомневается, что Игнатий незаурядный математик и естественник, гордость Московского университета, настоящий его наследник и преемник. Только как вернуть ему жизнерадостность, как вдохнуть в него оптимизм? Зашли недавно каляжские друзья в Москве к Игнатию и услышали его сегодняшнее кредо: «Самое лучшее для человека — смерть!»

И еще услышали запах водки. Водка и пессимизм — это плохая примета (...)

Бессвязно, отрывочно передают молодые люди в студенческих тужурках зловещие подробности:

— Ходил из угла в угол мрачный, взъерошенный и вдруг сказал: «Ничто не может изменить опостылевшую жизнь».

— Ни танцы, ни театр, ни концерты не посещал. Отмахивался с невеселой улыбкой. Твердил: «Все это игра в прятки со смертью».

— Сидел на лавочке на бульваре. Падали мягкие хлопья снега. Побелела голова, плечи, а он не замечал. Говорил в раздумье: «Снег — забвение всего. Уход в Ничто. Все бело. Вся Вселенная в белом саване. Некоторые народы белый цвет считают траурным».

— Оставил ли предсмертную записку?

Нет. Впрочем, может быть, записка и была, но ее изъяло университетское начальство. Все-таки самоубийство — тень на университет. Отравился цианистым калием¹.

Близка к философии самоубийства и философия **терроризма**. И самоубийца, и террорист в равной степени не дорожат жизнью. Разница лишь в том, что в сознании террориста совмещена психология убийцы и самоубийцы. На это указывал А. Камю. Восхищаясь эсерами периода первой русской революции за их готовность ценой собственной жизни воссоздать общество справедливости, он писал в «Бунтующем человеке»: «Эта сплоченная горстка людей, затерявшихся среди русской толпы, избрала себе ремесло палачей, к которому их ничто не предрасполагало. Они были воплощением парадокса, объединявшего в себе уважение к человеческой жизни и презрение к собственной жизни,

¹ Алтайский К. Циолковский рассказывает... М., 1974. С. 236-240.

доходившее до страсти к самопожертвованию. Дору Бриллиант вовсе не интересовали тонкости программы. В ее глазах террористическое движение оправдывалось прежде всего жертвой, которую приносят ему его участники... Каляев тоже готов был в любой миг пожертвовать жизнью. «Более того, он страстно желал этой жертвы». Во время подготовки к покушению на Плеве он предлагал броситься под копыта лошадей и погибнуть вместе с министром. А у Войнаровского стремление к самопожертвованию сочеталось с тягой к смерти. После ареста он писал родителям: «Сколько раз в юношестве мне приходило в голову лишиться себя жизни...»¹

3.1.5. Человек не является чисто смертным существом

Итак, человек не является чисто смертным существом. Хотя он и знает, что когда-то умрет, он все же постоянно отодвигает эту мысль о смертности на задний план сознания и думает, в основном, о жизни, о том, что он делает и что собирается делать.

Отодвигая на задний план мысль о смерти, человек, естественно, выводит на авансцену сознания мысль о нескончаемом существовании, т. е. фактически о бессмертии. И это резонно. Ведь многое в жизни человек делает с расчетом на долговременное, неопределенно долгое существование самого себя и уж тем более плодов своей деятельности, того, что он породил, создал, порождает и создает (детей, материальные и духовные ценности). У С. Я. Маршака есть стихотворение, удивительно тонко передающее замечательную черту человека — его неиссякаемый жизненный оптимизм:

Все умирает на земле и на море
Но человек суровой осужден:
Он должен знать о смертном приговоре,
Подписанном, когда он был рожден.
Но, сознавая жизни быстротечность,
Он так живет — наперекор всему,
Как будто жить рассчитывает вечность
И этот мир принадлежит ему.

Рассмотрим такой вопрос. С точки зрения чистой смертности человеку должно быть все равно, когда он умрет: в 20,

¹ Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 248.

50 или 80 лет, сейчас или когда-нибудь потом. В самом деле, для чисто конечного существования не имеет значения, когда это существование прекратится. Между тем человеку далеко не безразлично, когда он умрет: в 20, 50 или 80 лет. Существуют же такие выражения: “преждевременная смерть”, “безвременная кончина”, “ранняя смерть” и т. п. Они как раз и указывают на то, что смерть не является повластной хозяйкой жизни, что ее наступление, как правило, нежелательно, что в определенный период жизни она вообще не должна “возникать”. Значит и с этой точки зрения человек не просто смертен.

Существуют еще выражения: “находиться на грани жизни и смерти, между жизнью и смертью”, “находиться на волосок от смерти” — это о человеке, который находится в смертельной опасности или, как еще говорят, на краю могилы. Эти выражения указывают на то, что между жизнью и смертью имеются промежуточные, переходные состояния, когда человек еще не умер, но уже практически и не жив. К таким переходным состояниям относятся, например, состояния *клинической смерти*, т. е. смерти, которую можно обратить, повернуть вспять (сама смерть носит *необратимый* характер; необратимость — ее сущностная черта). Так вот, благодаря тому, что существует это переходное состояние между жизнью и смертью, врачи имеют возможность спасти умирающего, вернуть его к жизни. Кстати, врачи нередко употребляют фразу “будет жить”. Она тоже указывает на наличие переходного состояния между жизнью и смертью.

Другого типа переходное состояние мы встречаем в рассказе Джека Лондона “Любовь к жизни”. В результате хронического недоедания и сильного физического истощения герой рассказа оказался настолько беспомощным, что его ждала неминуемая смерть, если бы не подоспевшая вовремя помощь людей.

Наличие промежуточных, переходных состояний между жизнью и смертью свидетельствует о том, что последние различны и даже противоположны друг другу и не только в смысле внутренних, но и внешних (разделенных во времени) противоположностей.

3.1.6. Жить значит умирать?

В подготовительных материалах к “Диалектике природы” можно найти такую фразу Ф. Энгельса: “жить значит умирать”. Ее подхватили некоторые философы и ученые, стали даже рассматривать как пример диалектической мудрости. Между тем, если разобраться объективно, то следует признать, что это высказывание Энгельса является неудачным, псевдодиалектическим по существу. Ведь смерть (умирание) в точном смысле слова есть конец, прекращение жизни многоклеточного организма. Ни о каком умирании организма *в течение жизни, т. е.* умирании отдельных тканей, органов, клеток, белков в этом организме говорить нельзя. Эти “части” не являются самостоятельными живыми организмами. Говорят, правда об *отмирании* клеток. Но отмирание не есть умирание, смерть. Тем более нельзя говорить о распаде белков, как их смерти, умирании. Ведь белки не относятся к разряду живых систем; они всего лишь органические соединения, входящие в состав живых систем.

Умирание, смерть — это тотальный, всеохватывающий процесс разрушения многоклеточного организма, который относится к завершающему периоду его жизнедеятельности. Он происходит лишь при условии тотального разрушения клеток, распада белков. Как целое не сводится к части, так и смерть многоклеточного организма не сводится к отдельным распадам, разрушениям клеток, белков. Чтобы эти распады, разрушения вызвали смерть целого организма, нужно, чтобы они достигли в количественном и качественном отношении некоторого *критического* значения. А так распады, разрушения белков, клеток происходят с самого начала формирования многоклеточного организма. Они являются составной частью процесса диссимиляции. Энгельс имел в виду как раз эти распады, разрушения, когда говорил “жить значит умирать”. В сущности, он употребил слово “умирать” не в точном научном смысле, а в метафорическом, обозначив им любые процессы распада, разрушения, связанные с жизнедеятельностью организмов. И все же, употребляя слово “умирать” в метафорическом смысле, Энгельс не имел права приравнивать жизнь к смерти. Независимо от его субъективных намерений, от того, что он имел в виду, фраза “жить значит умирать” содержит, прямо скажем, ядо-

витый, гнилой смысл. С ее точки зрения мы — живые мертвецы и вся наша борьба против смерти, бессмысленна, так как сама жизнь есть смерть. Какая это, в сущности, насмешка над живой природой, живыми людьми, которые порой предпринимают героические усилия, чтобы одержать победу в борьбе со смертью! (Кстати, выражения “борьба за жизнь”, “борьба со смертью” ясно указывают на отношения противоборства, противостояния жизни и смерти. Формула “жить значит умирать” *смазывает* это противостояние жизни и смерти, как бы разрушает плотину, воздвигаемую жизнью против смерти).

У галлов в ходу была поговорка: “*не умирай — пока живешь*”. В этой поговорке выражено требование живых, здоровых людей — сопротивляться смерти до последнего вздоха. А что же мы видим в формуле “жить значит умирать”? Она, по существу, морально разоружает человека. Хирург, который делает операцию, чтобы спасти жизнь больному, вспомнив формулу, может подумать: — А зачем, собственно, я борюсь за жизнь этого больного? Ведь он все равно умрет, если не сегодня, так завтра. От смерти не уйдешь, как ни старайся. Жить значит умирать. Так пусть он (больной) умирает. Зачем я буду ему в этом препятствовать? Вот такие мысли могут быть навеяны энгельсовским тезисом.

Если бы герой рассказа Джека Лондона “Любовь к жизни” руководствовался этой философской сентенцией, то он наверняка бы в смертельно опасных обстоятельствах ослабил свою волю к жизни, а то и совсем потерял бы желание бороться со смертью.

Всем самоубийцам должна быть близка формула “жить значит умирать”. В ней они, наверное, нашли бы оправдание своему стремлению уйти из жизни.

В указанной формуле мы видим лишь псевдодialeктическую игру в отождествление, оборачивание противоположностей. Такой псевдодialeктикой можно доказать и оправдать все, что угодно.

Если мы посмотрим, в каком контексте возникла у Энгельса фраза “жить значит умирать”, то увидим, что она появилась в связи с обсуждением гегелевского тезиса о том, что смерть есть момент жизни, что последняя содержит в себе “зародыш смерти”. Точка зрения Гегеля, как видим,

достаточно осторожна. И насколько прямолинейна фраза Энгельса “жить значит умирать”.

Далее, почему собственно мы акцентируем внимание на соотношении жизни и смерти?! Ведь для жизни как таковой *рождение* имеет, по меньшей мере, такое же значение как и *смерть*. Жизнь — как весы; рождение — одна чаша весов, смерть — другая. Рождение означает начало индивидуальной жизни, смерть — ее конец. Отсюда можно видеть, что диалектика жизни не сводится к диалектике существования и перехода в небытие (а именно эта “диалектика” присутствует в формуле “жить значит умирать”). Диалектика жизни на самом деле есть диалектика рождения, развития, существования и смерти. С таким же успехом, с каким мы говорим “жить значит умирать”, мы можем сказать “жить значит рождаться”. Диалектика перехода из небытия в бытие так же значима для жизни, как и диалектика перехода в небытие. А с точки зрения общей перспективы жизни (как планетарного или даже космического явления) первая диалектика важнее второй.

Мы так подробно остановились на формуле “жить значит умирать” потому, что в ее основе лежит мысль, которую часто озвучивают философы и писатели в разных вариантах. Одни — с драматическим пафосом, другие — как бы кокетничая. Выше мы приводили известное выражение “бытие перед лицом смерти”. Совсем недавно писатель Виктор Ерофеев в программе НТВ “Намедни” (15.X.1994) бросил фразу: “Главное, наверное, не жить, выживать, а стареть, умирать”. Что это? Глупая оговорка писателя или желание поразить воображение обывателя своим нонконформизмом?

3.2. Смерти нет оправдания

(критика утверждений о положительной ценности смерти)

Один из героев повести А.П. Чехова “Три года” сказал: “Никакая философия не может помирить меня со смертью, я смотрю на нее просто как на погибель”. Он тысячу раз прав и, напротив, неправы те философы, которые ищут оправдание смерти и рассуждают даже о ее положительной ценности для жизни. Абстрактные рассуждения вроде “жизнь ут-

верждает себя *через смерть*”¹, совершенно неприемлемы для гуманистически мыслящих философов. Эти рассуждения способны только дезориентировать людей, морально разрушить их.

Все живое стремится к бессмертию и если умирает, погибает, то не потому, что жаждет этого, а в силу генетической запрограммированности или конкретных неблагоприятных условий жизни, которые весьма различны, многообразны. Философы и писатели, говорящие о положительном значении смерти, протаскивают, в сущности, мысль о том, что человек должен видеть в смерти нечто желанное, к чему он должен стремиться. Какая нелепость! Ведь положительное значение для нас имеет все, что является *благом*. Так что же, выходит, что смерть — благо? Рассуждая так, мы в конце концов придем к проповеди желательности смерти, потребности в ней и ненужности усилий в борьбе за жизнь. Жизнь и смерть исключают друг друга. Если жизнь для нас благо, то противоположное ей мы должны рассматривать как зло. (Посмотрите, кстати, как запутался К. Ламонт в своей попытке соединить несоединимое: “Когда мы достигаем понимания, — пишет он, — что со смертью все кончается, то мы знаем *самое худшее*, но это худшее *фактически не очень плохо* (?? — Л.Б.). Оно настолько далеко от плохого” и т. д. (курсив мой — Л.Б.)². В самом деле, как совместить утверждения о смерти как “самом худшем” и как “фактически не очень плохом”?)

В попытках доказать естественность, необходимость, полезность и, вообще, положительную ценность смерти используются самые различные аргументы, которые при внимательном рассмотрении оказываются построенными на песке.

3.2.1. Так ли уж естественна и необходима смерть?

Например, естественность и необходимость смерти человека доказывается ссылками на естественность и необходимость смерти животных и растений. Вот что пишет К. Ламонт:

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 276.

² Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 278-279.

“Обычно предполагалось, что смерть, как таковая, — это очень большое зло, худший враг человека... Но смерть сама по себе, как явление природы — это не зло... смерть — это совершенно естественное явление, она играла полезную и необходимую роль в ходе длительной биологической эволюции. Действительно, без смерти, этого столь поносимого учреждения, которое придало самое полное и серьезное значение факту выживания наиболее приспособленных и таким образом сделало возможным прогресс органических видов, животное, известное под названием человека, вообще никогда не появилось бы.

Человек, — пишет далее К. Ламонт, — не мог бы существовать также и в том случае, если бы ему не помогла рука смерти, которая предоставляет в его распоряжение самые основные средства человеческого существования. Топливо, пища, одежда, жилище, обстановка и материал для чтения — все они в значительной степени находятся в зависимости от того, делает ли свое дело смерть. Уголь, нефть и торф происходят из разложившихся органических веществ; дерево для топлива и строительства, для изготовления мебели и бумаги получают ценой гибели живых деревьев; уничтожая растения, человек обеспечивает себе пищу в виде овощей, хлеба и плодов, а также одежду в виде хлопковых, льняных и искусственных шелковых тканей. Смерть животных дает людям не только рыбу, птицу, дичь и мясо для еды, но также меха и шерсть для одежды и кожу для обуви”¹.

В этих рассуждениях Ламонт дважды совершает подмену понятий, путает их. Во-первых, говоря о конечности существования человека он перескакивает на другой предмет: конечность существования живых организмов. Здесь нарушается принцип конкретности истины: то, что справедливо для живой природы, не может автоматически переноситься на человека. Если для становления живой природы существенно важным моментом является поедание одних организмов другими (растений — животными, одних животных — другими), то для человека, для *самого* человека этот момент давно перестал быть существенно важным и вообще сколько-нибудь значимым: каннибализм канул в лету, а более высокоорганизованных существ, которые питались бы человечесиной, просто нет на Земле. Ламонт, по существу, не видит принципиальной разницы между человеком и другими живыми организмами, когда пытается доказать естественность и необходимость смерти для человека ссылками на естественность и необходимость смерти в живой природе. Это отчетливо видно также из другого его рассуждения: “для меня,

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 276.

— пишет он, — одно из лучших противоядий против мысли о личном угасании заключается в полном понимании естественности смерти и ее необходимого места в великом жизненном процессе эволюции”¹. Ссылки на эволюцию живой природы в прошлом *ничего не доказывают*. Смысл становления в том и заключается, что исчезает старое, прочно утвердившееся, кажущееся незыблемым и возникает новое, небывалое. Что было хорошо на одном этапе становления, может оказаться плохим, неприемлемым на другом этапе. Исторический прогресс является, конечно, продолжением биологической эволюции, но в то же время он несет в себе новое, небывалое, что было невозможным в рамках биологической эволюции. Точка зрения Ламонта — это, по существу, натуралистический редукционизм.

Во-вторых, Ламонт везде говорит о *смерти*, хотя на самом деле у него речь идет не только о смерти в результате завершения биологического цикла развития, но и о *насильственной гибели* организмов в результате убоя, поедания. Он, например, пишет: “смерть животных дает людям не только рыбу, птицу, дичь и мясо...”. В действительности, для животных это не смерть, а гибель, уничтожение. Для них самих такая гибель не является ни естественной, ни необходимой, ни полезной.

Представляя всякую гибель живых организмов как *смерть*, Ламонт тем самым непомерно расширяет смысл *понятия* смерти и этим *абсолютизирует* смерть, ставит ее на одну доску с жизнью. Это, в конечном счете, и проявилось в его тезисе: “жизнь утверждает себя *через* смерть”. Таким образом, даже такая, казалось бы незначительная подмена понятий (смерть вместо гибели) приводит к перекосам в понимании соотношения жизни и смерти.

3.2.2. Смерть — фактор прогресса?

В рассуждениях о необходимости и полезности смерти нередко фигурирует тезис о важности смены поколений для противодействия застою, т. е. для прогресса. Марк Аврелий, например, писал: “Все, что видишь, вот-вот будет превращено природой-распорядительницей всего; она сделает из

¹ Там же. С. 278.

того же естества другое, а из того еще другое, чтобы вечно юным был мир”¹. Видите, какой мотив: “*чтобы вечно юным был мир*”. Поверхностно мыслящие люди усмотрели бы здесь диалектику: тут тебе и вечность, и юность. Если же повнимательнее присмотреться к тезису о вечной юности мира, то мы увидим в нем абсолютизацию изменчивости, текучести, превращаемости одного в другое. Акцентирование внимания на *смене* поколений как раз ведет к такой абсолютизации.

Известно, что в обществе в один и тот же момент времени *сосуществуют* и *взаимодействуют* разные поколения: дети, взрослые, старики. Это обеспечивает *баланс динамизма* и *стабильности жизни*. Молодые придают жизни нужный динамизм. Старики оказывают стабилизирующее влияние на нее.

Факт сосуществования разных поколений указывает на то, что нет *чистой* смены поколений.

Теперь такой вопрос: почему временную связь, преемственность поколений непременно видеть только с отрицательной стороны, т. е. со стороны *смены* поколений в результате смерти стариков (уступления ими дороги молодым в результате ухода из жизни)? Не лучше ли эту связь поколений оценивать не с отрицательной стороны (смерти стариков), а с положительной стороны (рождения новых поколений). Ведь если новые поколения будут вновь и вновь нарождаться, то как бы долго ни жили люди баланс между разными поколениями будет всегда сохраняться. Многообразие поколений, их баланс, пропорциональное соотношение обуславливается не столько уходом из жизни старых поколений, сколько рождением новых. Смерть старых людей, долгожителей вовсе не необходима для поддержания равновесия между разными поколениями. Главное, чтобы был обеспечен определенный уровень рождаемости.

Чем дольше будут жить люди, тем шире будет, при прочих равных условиях, представительство разных поколений в каждый данный момент жизни общества, тем глубже будет противоположность между долгожителями и юными членами общества. А это обеспечит лучшую преемственность, лучшую связь поколений, большее их разнообразие,

¹ Марк Аврелий. Размышления. Л., 1985 (9,33).

более глубокое их взаимодействие и взаимообогащение. Вместо наблюдаемых ныне трех сосуществующих поколений (детей, отцов, дедов) будут четыре, пять, шесть и т. д. поколений. Сейчас люди радуются тому, что живы их родители, дедушки и бабушки, видят в этом проявление стабильности жизни, залог собственного долголетия. А как будет хорошо, когда будут живы прадедушки, прабабушки, прапрадедушки, прапрабабушки и т. д. Опыт предшествующих поколений передавался бы грядущим поколениям с большей основательностью, без потерь, связанных с уходом из жизни этих поколений. Ведь не секрет, что люди вновь и вновь повторяют ошибки прошлых поколений и чаще всего потому, что эти прошлые поколения не успели передать свой живой опыт. А сколько творческих находок, открытий, изобретений теряется по этой же причине?! Сколько людям приходится переоткрывать открытое, переизобретать изобретенное! (Могут сказать, что связь поколений обеспечивается через предметы материальной и духовной культуры (книги, например). На это нетрудно возразить: никакие предметы материальной и духовной культуры не заменят *живого общения* поколений, *живой передачи* опыта от одного поколения к другому.)

Таким образом, было бы прекрасно, если бы одновременно жили не два-три поколения, а *много* поколений. Перед нами была бы живая история, спрессованная в одном моменте времени.

Лучше поэтому говорить не о смене, а об *умножении поколений*. В умножении, а не смене, поколений — истинный источник прогресса. Соответственно и прогресс нужно понимать не как непрерывное изменение, обновление, а как живое диалектическое единство динамизма и стабильности, изменчивости и устойчивости жизни.

Смена поколений в чистом виде свойственна лишь самым примитивным формам жизни. Прогресс жизни помимо всего прочего состоит и в том, что постепенно увеличивается промежуток времени, в течение которого разные поколения (предшествующие и последующие) ведут *совместную* жизнь. Чем примитивнее животное, тем короче этот промежуток совместной жизни. Наиболее примитивные животные передают свой опыт только через зародышевые клетки, че-

рез гены. Высшие животные, напротив, передают новым поколениям не только гены, но и живой опыт, обучая и воспитывая детенышей, показывая им пример. Чем больше поколений будет находиться на одном “пяточке” времени, тем действеннее, эффективнее будет живая передача опыта от поколения к поколению, тем, следовательно, круче будет кривая прогресса.

* * *

Утверждают также, что если не будет смены поколений в результате смерти, то возникнет угроза перенаселения, истощения ресурсов. К. Ламонт, например, пишет: “Какой бы романтической и привлекательной ни казалась эта возможность (нескончаемого существования — Л.Б.) на первый взгляд, она не будет лишена своих недостатков. Если практически никто не будет покидать эту землю в результате смерти, возникнет проблема народонаселения, гораздо более трудная, чем любая другая проблема, с которой мир сталкивался до сих пор”¹. Выдвигаемый Ламонтом аргумент не выдерживает критики, так как он исходит из представления о принципиальной ограниченности жизненного пространства и ресурсов. Действительно, в каждый данный момент и жизненное пространство и ресурсы ограничены. Но кто сказал, что вместе с решением проблемы увеличения продолжительности жизни человечество не решит и проблему увеличения жизненного пространства и ресурсов?! Конечно, если исходить из предположения, что человечество будет жить *только* на Земле, то нетрудно предвидеть наступление момента, когда в результате размножения и увеличения продолжительности жизни людям станет тесно и ресурсы истощатся. В том-то и дело, что это предположение основывается на прошлом опыте эволюции живого и не учитывает возможности освоения человеком космического пространства. Чаще всего как раз и пытаются доказать естественность, необходимость смерти и смены поколений ссылками на живую природу, в которой гибель организмов и смена поколений обусловлены борьбой за существование и ограниченностью земных ресурсов. Но то, что верно для живой природы, нельзя механически переносить на челове-

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 272.

ческое общество. Люди, в отличие от животных, находят все новые и новые источники ресурсов и этому процессу нет конца. С созданием управляемой термоядерной реакции и освоением (обживанием) космического пространства люди практически обеспечат себя безграничными ресурсами и могут размножаться и увеличивать продолжительность своей жизни до каких угодно пределов.

* * *

Выдвигают еще такой аргумент: старики должны уступать дорогу молодым, иначе не будет движения вперед. В этом случае явно или неявно исходят не из представления о сотрудничестве поколений, а из их противопоставления, взаимоисключения (молодые-де должны вытеснять стариков, а старики, соответственно, должны сторониться, уступать им дорогу). Ламонт передает этот аргумент в такой обидной для старших поколений форме: “Уже при нынешних обстоятельствах остряки, наблюдая постаревших и упрямых людей, занимающих высокое положение, придумали девиз: ”Пока есть смерть, есть надежда!”¹. В самом деле, возможны ситуации, когда старый человек, потеряв нужные качества руководителя и творца, упорно цепляется за начальническое кресло. Но разве можно обобщать эти ситуации до размеров взаимоотношения старшего и молодого поколений? И разве обязательно здесь должна действовать рука смерти? Так ли уж она необходима? Борьбаться с отмеченными выше ситуациями можно разными путями. Самый простой — придерживаться принципов выборности и сменяемости руководства. Другой путь — не только продлевать жизнь (прибавлять годы к жизни), но добиваться сохранения и развития творческих потенций до конца жизни (прибавлять жизнь к годам). Вполне возможно достижение такого состояния, когда долгожители будут творческими людьми, способными *воспринимать новое* и *сами творить новое*. Есть и такой путь: идти по другой дороге, не по той, которая уже занята. В самом деле, почему старики непременно должны уступать дорогу молодым? Разве на свете только одна дорога? А почему бы молодым в некоторых случаях не поискать другие пути-дороги? В реальной жизни можно как

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 272.

раз наблюдать немало случаев, когда молодые покидают насиженные места, уезжают в необжитые края, чтобы прокладывать новые дороги, новые пути жизни.

В свете сказанного совершенно неприемлемыми следует признать рассуждения писательницы Энн Пэрриш и комментарий к ним Ламонта. «Каждый из нас, — цитирует Ламонт Энн Пэрриш, — должен умереть ради жизни, ради течения реки, слишком большой, чтобы ее можно было запечатать в каком-нибудь пруду, ради роста семени, слишком сильного, чтобы оставаться в одной и той же форме. Поскольку эти тела должны погибнуть, мы более велики, чем нам представляется. Самым эгоистичным приходится быть щедрыми и отдавать свою жизнь другим. Самому трусливому приходится быть достаточно мужественным, чтобы уйти». Далее Ламонт комментирует: «Таким образом, смерть открывает путь для наибольшего возможного числа индивидуумов, включая наших собственных потомков, с тем, чтобы они могли испытать радости жизни; и в этом смысле смерть — союзник нерожденных поколений людей вплоть до бесконечных веков будущего»¹. Ламонт был бы прав, если бы, действительно, ресурсы были ограниченными и невозобновляемыми. Поскольку это не так, *не смерть открывает путь для наибольшего возможного числа индивидуумов, а рождение*. Смерть отнюдь не является союзником нерожденных поколений.

3.2.3. Нужна ли смерть жизни (для жизни)?

В рассуждениях о пользе смерти нередко используется и такой тезис: смерть нужна, чтобы по-настоящему оценить значимость жизни.

Этот тезис звучит по-разному у разных авторов.

Религиозный философ Н. А. Бердяев пишет: «Смерть есть самый глубокий и самый значительный факт жизни, возвышающий самого последнего из смертных над обыденностью и пошлостью жизни»². Далее он добавляет: «И только факт смерти ставит в глубине вопрос о смысле жизни.

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 267.

² Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 216.

Жизнь в этом мире имеет смысл именно потому, что есть смерть, и если бы в нашем мире не было смерти, то жизнь лишена была бы смысла».

А вот что пишет К. Ламонт, представитель натуральной философии: «Я убежден, что откровенное признание смертности человека не только не подорвет нравственность и не остановит прогресс, но, при прочих равных условиях, будет действовать как раз в противоположном направлении. Люди тогда поймут, что именно здесь и сейчас, если они вообще собираются когда-либо это делать, они должны развивать свои возможности, завоевать счастье для себя и для других, принять участие и вложить свою долю в предприятия, которые имеют, по их мнению, наивысшую ценность. Они поймут, как никогда раньше, реальность быстротечного времени и осознают свою серьезную обязанность использовать его наилучшим образом»¹. В другом месте он пишет об объединяющем (!) значении смерти: «Социальное значение смерти также имеет свои положительные стороны. Ведь смерть делает нам близкими общие заботы и общую судьбу всех людей повсюду. Она объединяет нас глубоко прочувствованными сердечными эмоциями и драматически подчеркивает равенство наших конечных судеб. Всеобщность смерти напоминает нам о существенном братстве людей, которое существует несмотря на все жесткие разногласия и конфликты, зарегистрированные историей, а также в современных делах»².

Создатели концепции «гуманистической психологии» ввели в психологию тему смерти. «С их точки зрения, — поясняет Л. А. Петровская, — осознание человеком перспективы небытия формирует у него особое отношение к настоящему. Значимость настоящего возрастает, оно оказывается тем ограниченным временем, которое есть у личности для реализации ее потенциала. Дело не в том, чтобы жить в постоянном страхе или размышления о смерти, но в том, чтобы в полной мере оценить важность настоящего момента, значимость того, что мы делаем сейчас. «Чтобы полностью понять себя, человек должен столкнуться со смертью,

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 267.

² Там же. С. 278.

осознать личную смерть” (Corey G. Theory and practice of counseling and psychotherapy. Monterey, Calif., 1977, p. 49)”¹.

Некоторые философы видят положительное значение смерти в том, что вытекающее из нее сознание “цейтнота” учит человека ценить время, не растрачивать его впустую. “Смерть, — пишет Ю. В. Согомонов, — способна выполнять полезную роль. Она является могучим катализатором жизни. Ведь если бы человека ждала вечность, то стоило бы спешить, нужно ли было бы напрягать силы и волю, следовало ли бы бороться за земное счастье? Человек имел бы в этом случае способность к окостенению... Ясное сознание того, что жизнь не бесконечна, вовсе не терроризирует морально стойких людей. Сознание “цейтнота” учит человека ценить время, не растрачивать его впустую, на ничтожные дела и стремиться прожить жизнь таким образом, чтобы потом “не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы”. Человек, сознавая, что смерть придет неизбежно, и жить торопится и чувствовать спешит”². Или: “...сознание неизбежности конца жизни, — пишет Л. Н. Коган, — заставляет людей особенно ценить “биографически необходимое время”, наполнять смыслом каждое мгновение своей жизни”³.

Еще раньше в таком же духе высказывался русский философ Н. Н. Страхов. В главе «Значение смерти» своей книги «Мир как целое» он писал:

«Смерть — это финал оперы, последняя сцена драмы; как художественное произведение не может тянуться без конца, но само собою обособливается и находит свои границы, так и жизнь организмов имеет пределы. В этом выражается их глубокая сущность, гармония и красота, свойственная их жизни. Если бы опера была только совокупность звуков, то она могла бы продолжаться без конца, если бы поэма была только набором слов, то она также не могла иметь никакого естественного предела. Но смысл оперы и поэмы, существенное содержание требуют финала и заключения». «Если бы какой-нибудь организм, — продолжает он, — мог

¹ Петровская Л.А. Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга. М., 1982. С. 16-17.

² Согомонов Ю.В. О смысле жизни. Баку, 1964. С. 10, 14.

³ Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. М., 1984. С. 242

совершенствоваться без конца, то он никогда бы не достигал зрелого возраста и полного раскрытия своих сил, он постоянно был бы только подростком, существом, которое постоянно растет и которому никогда не суждено вырасти. Если бы организм в эпоху своей зрелости стал вдруг неизменным, следовательно, представил бы только повторяющиеся явления, но в нем прекратилось бы развитие, в нем не происходило бы ничего нового, следовательно, не могло бы быть жизни. Итак, одряхление и смерть есть необходимое следствие органического развития, они вытекают из самого понятия развития. Вот те общие понятия и соображения, которые объясняют значение смерти».

Все эти мнения исходят из той посылки, что без смерти человек не сознавал бы в полной мере ценности жизни. А теперь подумаем, правильно ли это? Если как следует (хорошенько) поразмыслить, то можно увидеть, что **есть тысячи способов чувствовать, сознавать, переживать ценность жизни без того, чтобы сознавать “перспективу небытия”, “сталкиваться со смертью”**. Когда человек любит и любим, разве он не ощущает величайшую ценность жизни? Когда человек горит творческим огнем и у него получается дело, разве он не сознает ценность жизни? Когда человек видит солнце, видит улыбки людей, когда он здоров, счастлив, разве ему нужно еще что-то другое, чтобы ценить жизнь? **Ценность жизни в ней самой** и искать ее на стороне — у смерти ли, у потустороннего бессмертия ли — пустая затея, напрасный труд. Сознание самоценности жизни вызывает у всех нормальных людей, не сбитых с толку пессимистической или утешительной философией, жажду жить как можно дольше, жажду *не умирать*¹.

В приведенных высказываниях звучит такой мотив: смерть нужна, так как она оттеняет жизнь, дает почувствовать ее прелесть и т. д. и т. п. Это известный мотив. Он звучит еще при сопоставлении добра и зла, здоровья и болезни, богатства и бедности. Например, когда пытаются доказать необходимость морального зла, то нередко рассуждают о

¹ Бетховен как-то воскликнул: “О, как прекрасно прожить жизнь тысячу раз!” Я вполне его понимаю. Для творческого человека стеснительны рамки *смертной* жизни.

том, что это зло оттеняет добро, что добро без зла как свет без тьмы — уже и не добро. Эти рассуждения фальшивы навсквозь. Моральное добро имеет ценность само по себе и во все не нуждается в оттенении злом. Людям нет необходимости творить зло, делать зло друг другу, чтобы жить интересной, яркой, нескучной жизнью. На свете много интересных и полезных дел, которые требуют совместных усилий, дерзания, проявления творческой индивидуальности и которым, напротив, мешает злоумыслие отдельных людей.

В отношении здоровья и болезни также можно слышать разговоры о том, что человек по-настоящему чувствует здоровье тогда, когда он переболеет, когда во время болезни он оценит, как плохо быть нездоровым и как хорошо быть здоровым. Опять ложь. Для того, чтобы ценить здоровье, вовсе не требуется быть больным. Есть люди, которые в жизни очень мало болели, практически всегда были здоровы. Так что же, они несчастные люди, раз не переболели серьезными болезнями? Какая чушь! Положительная сила здоровья достаточно проявляется в кипучей, полнокровной жизни человека, в заботах, радостях, наслаждениях и волнениях, в борьбе, победах и преодолениях. Можно, конечно, понять тех людей, которые живут вялой, скучной жизнью, которые по-настоящему не используют, не эксплуатируют свое здоровье. Когда они заболевают, начинают страдать, вот тогда они начинают чувствовать всю прелесть здоровья. Их можно только пожалеть.

Тот же мотив звучит в высказываниях о положительной ценности бедности, нужды для творчества. “Некоторые писатели, — свидетельствует Ян Парандовский, — открыто осуждают материальное благополучие”. По их мнению “нужда не позволяет заснуть, облениться. Держа художника в постоянном напряжении, она возбуждает его энергию, закаляет характер, заставляет быть гордым”¹. Парандовский справедливо им возражает: “Но что бы ни говорилось бы в похвалу бедности, что ни рассказывалось бы о триумфах гениальных одиночек в их борьбе с нуждой, не следует все же усматривать в изморе голодом наилучшее средство для развития таланта. Как правило, нужда губит, и в ее беспощад-

¹ Парандовский Ян. Алхимия слова, М., 1972. С. 55-56.

ных тисках погибли тысячи прекрасных умов, погибли в унижении и отчаянии”¹.

В более широком смысле говорят о необходимости страдания. Вот что по этому поводу пишет Ю.В.Согомонов:

«Говорят, например, будто страдания пробуждают силы человека. Но если внимательно разобраться, то окажется, что здесь просто совершается подмена понятий: «страданиями» называются «препятствия». Жизнь состоит в преодолении трудностей, наличие которых бесспорно стимулирует деятельность людей. Страдания же не обладают никакой стимулирующей ценностью, скорее, они толкают к пассивности, убавляют, а не прибавляют силы человека, хотя угроза страдания, очевидно, активизирует человека. Не столько сам голод дает толчок к действию, сколько опасность голода, не сама боль — а ее возможность. Разве человек ненавидит клевету только за то, что она его лично успела опорочить, или он начинает бороться с хулиганством только после того, как его разок пырнули ножом? И разве только страх от ожидаемого страдания побуждает человека к действию и не существует иных стимулов, например желания радости или потребности в творчестве?»

Утверждают иногда, что страдания очищают характер. Это возможно в отдельных случаях. Однако зачастую страдающие люди угрюмы, эгоистичны и раздражительны.

Может быть страдание делает человека сострадательным? Безусловно, существо, не испытывавшее никаких страданий, не способно понять чужих мук. Но величина страдания совсем не зависит от величины испытанного страдания. Неужели больные люди являются меньшими эгоистами, чем здоровые? Но может, страдание делает людей благоразумными и скромными? Вряд ли! Кант говорил, что страдание без вины бесит, а страдание за вину угнетает.

Ошибочна также мысль, что страдание необходимо как дополнение к радости. Хотя верно то, в общем, что при контрасте радость усиливается, но верно и то, что мы можем испытать радость без предварительного страдания, особенно это касается высших и наиболее прочных радостей, приносимых творческой деятельностью. Как говорил азербайджанский поэт XIX века Мирза Шафи,

Считает лишь дурак или злодей,
Что горе совершенствует людей.
Такое мнение сходно с заблуждением,
Что старый нож от ржавчины острее,
Что от дождей в ненастный день осенний
Вода в потоке чище и светлей.

Уверяют, будто страдания выявляют таланты, что без них нет творчества и вдохновения, которые не что иное, как «опьянение

¹ Там же. С. 56.

от несчастья». В этом утверждении молчаливо предполагается, что радость и счастье неминуемо ведут к духовному параличу. Фактически же радость и счастье содержат момент неудовлетворенности, как источника новых целей и желаний, подъема сил и вдохновения. Если же страдания голода и нужды берут верх над человеком, то у него не остается ни времени, ни желания заняться наукой и изобретательством; он расходует свои силы на то, чтобы прожить.»¹

Во всем можно было бы согласиться с Ю. В. Согомоновым, кроме одного: что жизнь состоит в преодолении трудностей и что трудности-препятствия однозначно стимулируют деятельность людей. Во-первых, жизнь не сводится к преодолению трудностей, и, во-вторых, не всякие трудности-препятствия полезны человеку. Есть такие трудности, которых лучше не было бы. Искусство жизни состоит как раз в том, чтобы преодолевать трудности, которые помогают расти, и избегать такие, которые мешают.

Из той же обоймы утверждение: «мы не замечаем прекрасного до тех пор, пока не лишаемся его» (к/ф «Русский сувенир», 1960 г.).

Во всех этих утверждениях делается попытка уравнять положительное и отрицательное в жизни, поставить их на одну доску. Это негодная попытка. Человеку не нужна смерть, не нужны болезни, не нужна бедность, не нужно зло.

Кроме того, все эти утверждения имеют один, логический изъян: в них положительное фактически определяется через отрицательное (жизнь через смерть, добро через зло, здоровье через болезнь, богатство через бедность, прекрасное через его лишение). В логике давно установлено: отрицательное определение понятия не является адекватным, т. е. не является по настоящему определением понятия. Логической ошибкой является отрицательное определение положительного понятия.

Все указанные утверждения своей странностью, парадоксальностью бьют на внешний эффект и не более того.

Конечно, сознание смертности определенным образом влияет на умонастроение человека. Это сознание в отдельных случаях, действительно, позволяет ярче почувствовать

¹ Ю.В.Согомонов. Добро и зло. М., 1965. С. 37-38.

ценность жизни. Но, во-первых, сознание смертности может не только оттенить ценность жизни, но и *затемнить, омрачить* ее и даже потушить свет жизни. Оно обоюдоостро. Во-вторых, совершенно очевидно, что *жизнь не нуждается в оттенении смертью*. Она, как мы уже говорили, самоценна. В ней к тому же хватает своих теневых сторон, которые дают почувствовать ценность жизни и без такой страшной тени как смерть. Жизнь есть борьба и в ней неизбежны потери, неудачи, поражения.

Выше мы приводили мнение Ю.В. Согомонова о том, что сознание “цейтнота” учит человека ценить время, не растрачивать его впустую. Это так. Но позволительно спросить: причем тут смерть? Разве она нужна для того, чтобы человек ценил время, не тратил его впустую? Жизнь состоит из больших и маленьких дел. Если человек принимается за какое-либо дело, то он стремится довести его до конца и не потому, что его лимитирует смерть, а просто в силу того, что этого требует *логика* дела. Мы сами себе назначаем сроки исполнения, ставим себя в условия цейтнота, дефицита времени и при этом абсолютно не думаем о смерти. Большие дела, большие цели требуют порой всей жизни человека и даже выходят за ее рамки.

Жизнь человека нельзя представлять как некоторую чистую непрерывность, которая прерывается только однажды — когда наступает смерть. Внутри себя она состоит из прерывностей: одно кончается, другое начинается. Жизнь есть развивающийся процесс и, естественно, она состоит из отдельных, относительно завершенных этапов, составляющих дискретный ряд жизненного цикла. Кроме того, жизнь, как мы уже говорили, представляет собой некоторую дискретную совокупность больших и малых дел, имеющих начало и конец. Это все свидетельствует о том, что внутри себя жизнь постоянно *оконечивает* себя. Таким образом, смерти нельзя приписывать абсолютное значение окончивания. Нельзя отождествлять смертность, имеющую *частное* значение, и конечность, имеющую *универсально-всеобщее* значение. Да, все реально существующее содержит в себе момент окончивания — такова диалектика конечности и бесконечности. Но из этого не следует, что *живое* окончивает себя только через смерть. Последняя — лишь один из “спо-

собов” окончивания живого. Одноклеточные организмы, делящиеся миллиарды лет, живут конечный срок (от одного деления до другого). А ведь они не знают смерти. Смерть как полное разрушение многоклеточного организма — до первичных органических и неорганических молекул — возникла на определенном этапе становления живой природы. Вполне возможно, что человек со временем найдет другой способ окончивания своей жизни, не такой разрушительный как смерть (об этом подробнее см. ниже).

У Согомонова встречается еще такой аргумент: “Человек, сознавая, что смерть придет неизбежно, и жить торопится и чувствовать спешит”. Во-первых, почему здесь следует видеть только положительную сторону этой зависимости? С таким же успехом можно представить ситуацию, когда сознание неотвратимости смерти, скоротечности жизни толкает человека на излишне торопливые действия, приводящие к плачевным результатам. Не напрасно же говорят: “поспешешь — людей насмешишь”. А у автомобилистов в ходу еще более острая поговорка: “быстро поедешь — тихо понесут”. Излишняя торопливость и нетерпение так же вредны, опасны, как излишняя медлительность и терпеливость.

Во-вторых, почему мы обязательно должны подхлестывать себя мыслями о неотвратимости смерти?! Человек и жить торопится и чувствовать спешит отнюдь не потому, что думает о маячащей впереди старухе с косою, а потому, что хочет жить кипучей полнокровной жизнью, чтобы каждое ее мгновение было прекрасным и значительным. Перефразируя известное изречение, можно сказать: *человек не терпит пустоты*, изначально стремится к полноте жизни. Это закон жизни. Смерть тут абсолютно не причем.

Выше мы приводили слова К. Ламонта об объединяющем значении смерти. С нашей точки зрения, это надуманный тезис. Сама по себе смерть не объединяет, а разъединяет людей. Если люди и объединяются перед лицом смерти, то лишь для того, чтобы защитить жизнь. Не смерть, а жизнь объединяет людей.

3.2.4. Бессмертие плохо, значит смерть хороша?

Ламонт говорит также о положительном нравственном значении откровенного признания смертности человека. Этот его тезис своим острием направлен против веры в потустороннее бессмертие, ослабляющей волю человека к реальной, земной жизни. Ламонт здесь фактически использует способ доказательства от противного по схеме “или-или” (бессмертие плохо, значит смерть хороша). С нашей точки зрения эта схема слишком проста для оценки соотношения смертности и бессмертия. В отдельности и бессмертие плохо, и смерть плохо. Чаще всего “откровенное признание смертности человека” имеет отрицательное нравственное значение, такое же, как вера в жизнь после смерти. Выше мы не раз уже говорили об этом. Человек, основывающий свою жизнь на этом откровенном признании, либо стремится жить одним днем, либо вообще пассивно ждет смерти и ничего серьезного не делает. В отдельных случаях он может даже покончить с собой, т. е. пойти на самоубийство. “Бытие перед лицом смерти” — психологически разоружающая позиция.

Вообще аргумент “бессмертие плохо, значит смерть хороша” часто используется для признания положительной ценности смерти. Ламонт, например, одобрительно цитирует такое высказывание: “профессор К. Дж. Кейзер в своем чрезвычайно выразительном очерке “Значение смерти” пишет: “если бы не было смерти, если бы жизнь не кончалась, если бы она была процессом бесконечной продолжительности, она была бы лишена тех ценных вещей, которые заставляют нас стремиться к увековечению себя... Все священные ценности, которые делают жизнь бесценным даром, нежно вращиваются во всепроникающем ощущении временной конечности. Смерть — это не трагедия жизни; это ограничение жизни, существенно важное для ее благодати; трагедия состоит в том, что, если бы не было смерти, жизнь была бы лишена ценности”¹. Сам Ламонт пишет: “И не может быть никакого сомнения, что решительное принятие ими (людьми — Л.Б.) того факта, что бессмертие есть иллюзия, имело бы только благоприятные последствия. Самое лучшее — не только не верить в бессмертие, но и *верить в*

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 154-155.

смертность”¹. Выше мы приводили аналогичное мнение Ю.В. Согомонова.

Мы согласны с тем, что индивидуальное бессмертие в чистом виде ведет к окостенению, застою и что оно вообще невозможно. Но из этого не следует, что смерть хороша, желательна, является источником прогресса и т. д. и т. п. Кто сказал, что возможны только два варианта — смерть *или* бессмертие? Доказательство от противного имеет смысл лишь в случае альтернативных ситуаций: или-или. Если одно неправильно, плохо, то другое правильно, хорошо. В отношении смертности и бессмертия это доказательство не действует, так как в данном случае возможен и реализуется третий вариант: *переход* от смертности к бессмертию, *синтез*, *взаимоопосредствование* смертности и бессмертия. Реальное бессмертие и реальная смерть являются, как бы сказать, подвижными, т. е. переходящими один в другой, моментами целостного универсума, именуемого жизнью. Жестко разделять их по принципу “или-или” нельзя. Кто так делает, тот просто не может или не хочет освободиться от разделения противоположностей, выраженного в формуле: “да-да, нет-нет, что сверх того, то от лукавого”. Справедливости ради отметим, что и *соединение* смертности и бессмертия — по принципу “и-и” — тоже не совсем правильно. Ведь нельзя же утверждать, что они мирно уживаются в составе жизни. Правильнее, наверное, сказать так: жизнь борется *против* смерти, со смертью *за* бессмертие. Жизнь соединяет и разделяет их. Стрела жизни направлена *от* смертности *к* бессмертию.

3.3. Эвтаназия — “хорошая смерть”

У смерти как социальной проблемы есть две стороны: 1) умирание, уход из жизни одного из нас и 2) похороны, расставание с умершим. Если вторая сторона смерти с незапамятных времен была обставлена ритуалами, обрядами, т. е. как-то осмыслена, окультурена, то первая сторона только в последние десятилетия стала предметом пристального внимания общественности. Это связано прежде всего с успехами медицины и с тем обстоятельством, что медицин-

¹ Там же. С. 279

ское обслуживание стало играть важную роль в жизни людей. Процесс умирания из сугубо частного дела превратился в *серьезную социальную* проблему. Люди придумали специальный термин для обозначения этой проблемы: *эвтаназия*.

Слово *эвтаназия* (от греч. *eu* — хорошо и *thanatos* — смерть) буквально означает “хорошая смерть”. Это достаточно широкий смысл понятия. Однако в практике словопотребления последних десятилетий в соответствии со спецификой обретения социального статуса эвтаназию понимают не вообще как хорошую смерть, а как легкую смерть с помощью врача, искусство врача облегчить умирающему смерть или ускорить смерть, чтобы избавить умирающего от мук¹.

Нам представляется все же, что эвтаназию следует понимать максимально широко, именно как “хорошую” смерть, т. е. смерть, которая приносит минимальные страдания умирающему и всем людям, кто соприкасается с нею.

В практическом плане эвтаназия есть способ *хорошо умереть*. Это весьма сложная, емкая проблема.

Прежде всего *хорошо умереть* — умереть как можно позже. Это обратная сторона медали, на лицевой стороне которой написано: хорошо и долго жить.

Затем *хорошо умереть* — умереть без особых мучений (своих и чужих).

Второе значение понятия “хорошо умереть” тесно связано с первым, основывается на первом.

В самом деле, смерть *всегда* сопровождается мучениями, страданиями, печальными переживаниями, если не своими (в случае мгновенной или легкой смерти), то чужими (близких, знакомых людей и просто людей, узнавших о смерти данного человека). Это обстоятельство означает, что умереть без особых мучений лучше всего в преклонном возрасте, когда лимит жизни исчерпан, израсходован до конца и когда вследствие этого окружающим не так тягостна смерть данного человека. Когда умирает молодой или полный сил

¹ См.: Краткая философская энциклопедия. М., 1994. Сравн.: эвтаназия — “добровольная безболезненная смерть безнадежно больного пациента” (С.В. Быкова, Б.Г. Юдин, Л.В. Ясная). — Биоэтика: принципы, правила, проблемы. М., 1998. С. 367. См. также: С. Рязанцев. Танатология (учение о смерти). — Петербург, 1994. С. 98.

— это всегда трагедия независимо от того, переживал ли эту смерть сам умерший.

Мы будем близоруки и недальновидны, если в эвтаназии будем видеть только второе значение: умереть без особых мучений. Культура умирания зависит от того, как мы живем в целом. Нужно думать прежде всего о жизни, а не о смерти. Зацикливание на теме смерти опасно как раз тем, что человек перестает думать о жизни, психологически подготавливает себя к уходу из нее.

С нашей точки зрения, уход из жизни смертельно больного человека с помощью медиков должен рассматриваться как крайний случай, когда все средства поддержания жизни исчерпаны. Здесь возможны два варианта: 1) уход из жизни по желанию самого больного и 2) пресечение жизни больного по решению врачей, близких, вообще других людей, т. е. не по желанию самого больного. В том и другом случае возникает проблема определения понятий “смертельная болезнь”, “умирание”, “неизлечимая болезнь”, “безнадежный больной”. Ошибки могут быть в ту и другую сторону. Тяжелую (несмертельную) болезнь могут принять за смертельную, за умирание, и, наоборот. Чтобы минимизировать эти ошибки, нужно соблюдать определенные условия.

1. Уход из жизни по желанию самого больного оправдан как минимум при соблюдении четырех условий:

— оказание психотерапевтической и иной помощи для снятия депрессии, преодоления угнетенного состояния;

— больной должен находиться в здравом уме (психиатрическая экспертиза) и оформить свое желание в письменном виде с помощью нотариуса, в присутствии двух свидетелей (немедиков);

— письменное заключение врачей о прогрессирующей смертельной болезни, т. е. невозможности поддерживать сознательную и немучительную жизнь больного без применения сложных технических средств;

— наличие соответствующей правовой базы в виде специального закона об эвтаназии.

Выполнение первого условия должно предварять юридическую процедуру оформления желания больного. Не исключено, что больной после преодоления депрессивного состояния откажется от своего желания умереть до срока.

2. Пресечение жизни смертельно больного без его желания оправдано при соблюдении следующих условий:

— больной не способен сам принять решение (психиатрическая экспертиза);

— письменное заключение врачей о прогрессирующей смертельной болезни;

— письменное согласие близких;

— наличие соответствующей правовой базы в виде специального закона об эвтаназии.

Выше мы говорили о том, что уход из жизни смертельно больного с помощью врачей должен рассматриваться как крайний, исключительный случай. В самом деле, жизнь человека священна. Поэтому даже несколько часов, дней, месяцев сознательной жизни больного до наступления смерти драгоценны и для него самого, и для близких, и вообще для людей. Если это творческий человек, если ему есть что сказать людям, то последние мгновения жизни могут быть вдвойне драгоценны.

* * *

В последние годы в вопросе о смерти человека в медицинских условиях возникла проблема уточнения понятия смерти. В Италии молодая женщина в результате автомобильной аварии была травмирована и 17 лет провела в коме, т. е. ее жизнь поддерживалась искусственным путем, через принудительное питание. Ее мозг был разрушен настолько, что организм мог жить только вегетативно (как растение). Врачи признали необратимый характер разрушения мозга, констатировали по существу смерть мозга. Родные женщины последние 10 лет добивались прекращения ее принудительного питания. Наконец, они этого добились. В результате жизнедеятельность организма женщины прекратилась окончательно... Так когда же женщина умерла? 17 лет назад в результате смерти мозга или сейчас? (9 февраля 2009 г.)

Мне представляется, нужно пересмотреть наше представление о смерти человека. Смертью человека нужно считать не только превращение организма в труп, а и необратимое разрушение личности человека, в результате которого понижается уровень его жизни до растительного (вегетативного). Вспомним, жизнь человека имеет три уровня: растительный, животный и культурный.

Если жизнь человека понизилась до растительного (вегетативного уровня) и врачи констатировали смерть головного мозга, то следует признать, что наступила смерть. В такой ситуации не может быть никаких разговоров об эвтаназии или о праве этого человека на смерть. Может стоять только вопрос о праве близких родственников сохранять или не сохранять тело умершего человека в вегетативном состоянии. Близкие родственники имеют право сохранять тело человека в вегетативном состоянии сколь угодно долго, если они этого хотят и если у них есть на это материальные возможности.

Глава 4. БЕССМЕРТИЕ КАК АБСОЛЮТ

4.1. О притягательности идеи личного бессмертия

Теперь рассмотрим представления, основывающиеся на идее абсолютного бессмертия, т. е. признания реальности индивидуального бессмертия при одновременном отрицании реальности смерти, ее игнорировании, объявлении ее ненастоящей, невозможной. Эти представления с высоты сегодняшних знаний кажутся наивными, нелепыми. Тем не менее на протяжении тысячелетий они “кружили голову” людям. Люди порой совершенно серьезно полагали, верили в то, что настоящей смерти нет, что они будут жить всегда. И.И. Мечников приводит такие удивительные факты:

“Многие первобытные народы буквально понимают религиозное учение о бессмертии и смотрят на обещание загробной жизни как на неопровержимую истину. Так, туземцы островов Фиджи убеждены, “что они возродятся в ином мире в том же точно виде, в котором они покинули землю; поэтому они желают умереть раньше наступления какой бы то ни было болезни”. И так как очень трудно достигнуть старости без болезни или какой-нибудь немощи, то “как только человек чувствует приближение старости, он предупреждает своих детей, что ему пора умирать. Если же он не говорит этого, то дети сами предупреждают его. Собирают семейный совет, назначают день и роют могилу. Старик делает выбор между удушением и погребением заживо”.

Следующий пример показывает, до какой степени может доходить вера в будущую жизнь. Молодой фиджиец однажды пришел к английскому путешественнику Генту для того, чтобы при-

гласить его на похороны своей матери. Гент принял приглашение и присоединился к похоронному шествию.

Удивленный отсутствием трупа, он спрашивает об этом молодого человека. Последний “указал ему на свою мать, идущую среди них столь же веселой и спокойной, как и все присутствующие. Гент выразил юноше свое удивление и спросил его, как он мог его обмануть, сказавши, что мать умерла, в то время как она жива и здорова. Ответом было, что только что совершилось похоронное пиршество и что теперь будут ее хоронить, что она достаточно пожила и что пора ее убить, на что она согласилась с удовольствием” (Lubbock, I, p. 372).

Приведенный пример не исключителен. Известны целые города с несколькими сотнями жителей, между которыми не было людей старше 40 лет, потому что все старики были погребены. Легко понять, что при такой ревностной вере люди могут не бояться смерти.

По Скулькрафту, индейцы Северной Америки очень мало боятся смерти. “Они не боятся перейти в страну, полную непрерывных наслаждений, в которой, как им приходилось постоянно слышать, нет ни горя, ни печали” (там же, с. 374).

Мне самому знаком пример православной девочки, которая была так убеждена в блаженстве рая, что во время серьезной болезни с нетерпением ожидала смерти. Перед смертью она уверяла, что уже видит чудные цветы и слышит дивное пение райских птиц¹.

В идее личного, индивидуального бессмертия есть огромная притягательная сила, которая вновь и вновь заставляет людей создавать различные учения, теории, концепции. Человек как существо деятельное, творческое, не может примириться с мыслью о неизбежности своей кончины, что бы там ни говорили философы-утешители². Также, когда умирает близкий человек, то это воистину безутешное горе и ничто не может его компенсировать, разве только слепая вера в потустороннее бессмертие, в то, что настоящей смерти нет.

¹ Мечников И.И. Этюды о природе человека. Опыт оптимистической философии. М., 1917. Гл. VII.

² По поводу философов-утешителей интересен такой факт. В античную эпоху существовал даже особый род литературы — утешения. Жанром “утешений” пользовался еще платоник старой Академии Крантор, позднее Цицерон, написавший “утешение” на смерть своей дочери Туллии, затем — Сенека, сочинивший “утешения” к матери Гельвии, к Полибию, к Марции. Известны также “Утешение к жене” Плутарха, “Утешение к Апполонию” Псевдо-Плутарха, “Утешение философией” Боэция. В этом же жанре написана, пожалуй, глава XX знаменитых “Опытов” Мишеля Монтеня под характерным названием: “О том, что философствовать — это значит учиться умирать”.

Поначалу идея бессмертия и родилась как идея отрицания, неприятия смерти. На это указывает само слово “бессмертие”, образованное путем приставления к слову “смерть” частицы отрицания “без”. Вполне логично, что бессмертие и понималось сначала только в этом своем отрицательном содержании, т. е. в противопоставленности смерти. Если есть бессмертие, то, значит, смерти нет. Или-или. Из этого противопоставления и из того, что люди полностью не могли отмахнуться от факта смерти и родилась вера в потустороннее бессмертие, в жизнь после смерти (или, как еще говорят, жизнь за гробом, загробную жизнь).

Люди по своей природе реалисты. Почему же они упорно тешили, убаюкивали себя сказками о потустороннем бессмертии? Это объясняется тем, что, во-первых, они страстно желали жить, жить и жить, а кто сильно чего хочет, то и видит это. Жажда нескончаемой жизни порождала иллюзорные представления о реальности бессмертия. В общем-то тривиальный пример того, когда желаемое выдается за действительное. Во-вторых, психическая жизнь людей при неразвитости их мышления давала массу квазифактов, якобы свидетельствовавших о жизни после смерти (образы памяти, сновидения, сила воображения, галлюцинации, убедительные рассказы обманщиков, фантазеров, психически нездоровых людей). В-третьих, определенное терапевтическое значение веры в потустороннее бессмертие. Она притупляла, ослабляла инстинктивное чувство боязни смерти, инстинкт самосохранения и этим позволяла людям действовать раскованнее, смелее, увереннее. (Правда, в больших дозах вера в потустороннее бессмертие превращалась из терапевтического средства в сильнейший яд: она подавляла инстинкт самосохранения и делала человека незащищенным перед всякого рода неблагоприятными воздействиями). В-четвертых, социально-политическое значение веры в потустороннее бессмертие. Власть имущим было выгодно по разным причинам поддерживать эту веру в народе. Например, военачальнику легче было управлять войском, легче было посылать на смерть людей, одурманенных верой в потустороннюю жизнь. Кстати, до сих пор среди религиозных фанатиков находятся террористы-камикадзе, которые идут на

смерть в полной уверенности, что на том свете их ждет райское блаженство.

4.2. Платон и Сенека: доводы в пользу бессмертия

Стихийную веру людей в бессмертие некоторые философы пытались осмыслить, объяснить, укрепить логическими доводами. Сенека, например, писал:

“(10) А если в тебе так сильно желание жить дольше, то подумай вот о чем: ничто исчезающее с наших глаз не уничтожается — все скрывается в природе, откуда оно появилось и появится снова. Есть перерыв, гибели нет. И смерть, которую мы со страхом отвергаем, прерывает, а не прекращает жизнь. Опять придет день, когда мы снова явимся на свет, хоть многие отказались бы возвращаться, если бы не забывали все. (11) Позже я растолкую тебе подробнее, что все, по-видимости гибнущее, лишь изменяется. А кому предстоит вернуться, тот должен уходить спокойно. Всмотрись в круговорот вещей, вновь спешащих к прежнему: ты увидишь, что в этом мире ничто не уничтожается, но только заходит и опять восходит. Лето минует, но следующий год снова приводит его; зима исчезает, но ее немедля прогоняет день. И разнообразное течение звезд таково, что они повторяют пройденный путь, и пока одна часть неба идет вверх, другая опускается вниз”¹.

Как видим, Сенека пытается доказать, что настоящего уничтожения, гибели нет, что смерть не прекращает жизнь, а лишь прерывает ее. Примечательно, что он использует аналогию с движением небесных тел. Получается, что бессмертие сродни бесконечному движению по кругу. Смерть Сенека понимает как обратимый процесс, как момент круговорота вещей. Аргументация философа оставляет желать лучшего. По форме она напоминает индуктивное умозаключение. Сенека перечисляет факты кругообращения (лето-зима, ночь-день, движение звезд) и ставит в один ряд с ними факты смерти и рождения. Он подобрал примеры, которые свидетельствуют как будто в пользу обратимости смерти. Мы знаем, однако, что индуктивное умозаключение не обладает достаточной полнотой логического доказательства. Сенека не заметил или проигнорировал факты противоположного порядка: когда процессы протекают необратимым

¹ Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 65 (Письмо XXXVI).

образом, в одну сторону. Смерть как раз принадлежит к ряду необратимых процессов.

Сенеку понять можно: в его время (в древности) люди не совсем хорошо представляли себе, что такое смерть и факт ее необратимости не был таким бесспорным, как это представляется сейчас, с позиций современного научного знания.

Еще раньше Сенеки подобным же образом аргументировал Платон. Однако не в пример первому он дал развернутую аргументацию, весьма интересную с логической точки зрения. Вот что мы читаем в “Федоне”:

“Итак, приступим к рассуждению. Начнем, пожалуй, вот с какого вопроса: что, души скончавшихся находятся в Аиде или же нет? Есть древнее учение, что души, пришедшие отсюда, находятся там и снова возвращаются сюда, возникая из умерших. Если это так, если живые вновь возникают из умерших, то, по видимому, наши души должны побывать там, в Аиде, не правда ли? Если бы их там не было, они не могли бы и возникнуть; и если бы мы с полной ясностью обнаружили, что живые возникают из мертвых и никак не иначе, это было бы достаточным доказательством нашей правоты. Если же все это не так, поищем иных доводов...”

— Тогда, — продолжал Сократ, — чтобы тебе было легче понять, не ограничивайся одними людьми, но взгляни шире, посмотри на всех животных, на растения, одним словом, на все, чему присуще возникновение, и давай подумаем, не таким ли образом возникает все вообще — противоположное из противоположного — в любом случае, когда налицо две противоположности. Возьми, например, прекрасное и безобразное, или справедливое и несправедливое, или тысячи иных противоположностей. Давай спросим себя: если существуют две противоположные вещи, необходимо ли, чтобы одна непременно возникала из другой, ей противоположной? Например, что сперва оно было меньшим, а потом из меньшего становится большим? — Да.

— И соответственно если оно станет меньше, то меньшим станет из большего?

— Конечно.

— И слабое возникает из сильного, а скорое из медленного?

— Несомненно!

— Какой еще привести тебе пример? Если что становится хуже, то не из лучшего ли? Если справедливее, то из несправедливого? Так? — А как же иначе?

— Значит, мы достаточно убедились, что все возникает таким образом — противоположное из противоположного?

— Совершенно достаточно.

— Тогда двинемся дальше. Нет ли между любыми двумя противоположностями как бы чего-то промежуточного? Так как противоположностей две, то возможны два перехода — от одной противоположности к другой или, наоборот, от второй к первой.

Например, между большей вещью и меньшей возможны рост и убывание, и об одной мы говорим, что она убывает, о другой — что растет...

— Но ведь не иначе обстоит дело с разъединением и соединением, с охлаждением и нагреванием и во всех остальных случаях; у нас не всегда может найтись подходящее к случаю слово, но на деле это всегда и непременно так: противоположности возникают одна из другой, и переход этот обоюдный...

— Теперь ответь мне, есть ли что-нибудь противоположное жизни, как сон противоположен бодрствованию? — Конечно есть. — Смерть. — Значит, раз они противоположны, то возникают друг из друга, и между двумя этими противоположностями возможны два перехода. — Ну, конечно! — Тогда я назову тебе одну из двух пар, которые только что упомянул, — сказал Сократ, — и самое пару, и связанные с нею переходы, а ты назовешь мне другую. Я говорю: сон и бодрствование, и из сна возникает бодрствование, а из бодрствования сон, а переходы в этом случае называются засыпанием и пробуждением...

— Теперь скажи так же о жизни и смерти. Ты признаешь, что жизнь противоположна смерти? — Признаю. — И что они возникают одна из другой? — Да. Стало быть, из живого, что возникает? — Мертвое. — А из мертвого что? — Должен признать, что живое. — Итак, живое и живые возникают из мертвого? — По-видимому, да. — Значит, наши души имеют пребывание в Аиде? — Похоже, что так. — Не правда ли, из двух переходов, связанных с этой парой, один совершенно ясен? Ведь умирание — вещь ясная...

— Как же мы теперь поступим? Не станем вводить для равновесия противоположный переход — пускай себе природа хромает на одну ногу? Или же мы обязаны уравновесить умирание каким-то противоположным переходом? — Пожалуй, что обязаны. — Каким же именно? — Оживанием. — Но если оживание существует, то чем оно будет, это оживание? Не переходом ли из мертвых в живые? — Да, конечно. — Значит, мы согласны с тобою и в том, что живущие возникли из мертвых ничуть не иначе, чем мертвые — из живых. Но если так, мы уже располагаем достаточным, на мой взгляд, доказательством, что души умерших должны существовать в каком-то месте, откуда они вновь возвращаются к жизни...

— А вот еще довод в пользу того, что не напрасно, на мой взгляд, пришли мы с тобою к согласию. Если бы возникающие противоположности не уравнивали постоянно одна другую, словно описывая круг, если бы возникновение шло по прямой линии, только в одном направлении и никогда не поворачивало бы вспять, в противоположную сторону, — ты сам понимаешь, что все, в конце концов, приняло бы один и тот же образ, приобрело одни и те же свойства и возникновение прекратилось бы... Представь себе, например, что существует только засыпание и что пробуждение от сна не уравнивает, — ты легко поймешь, что, в конце концов, сказание об Эндимионе оказалось бы вздором и потеряло всякий смысл, потому что и все остальное также погрузилось бы в сон. И если бы все только соединилось, прекратив разъединяться, очень быстро стало бы по слову Анаксагора:

“Все вещи /были/ вместе”. И точно так же, если бы все, причастное к жизни, умирало, а умерев, оставалось бы мертвым и вновь не оживало, — разве не совершенно ясно, что, в конце концов, все стало бы мертво и жизнь бы исчезла? И если бы даже живое возникло из чего-нибудь иного, а затем все-таки умирало, каким образом можно было бы избежать всеобщей смерти и уничтожения? — Никаким... — Вот и мне кажется, что это именно так, а не как-нибудь иначе и что мы нисколько не обманываем себя, приходя к согласию. Поистине существует и оживание, и возникновение живых из мертвых”¹.

В приведенном тексте Платон доказывает бессмертие души с помощью идеи взаимоперехода противоположностей. Если отвлечься от фактической стороны его рассуждений, то нельзя не согласиться с ним в том, что взаимопереход противоположностей лежит в основе долговременного существования, сохранения, бессмертия. Платон угадал логическую связь, соответствие между взаимопереходом противоположностей и бесконечностью, бессмертием. Его можно упрекнуть лишь в том, что он явным образом абсолютизировал взаимопереход противоположностей, т. е. не увидел (или не захотел увидеть) того, что в природе наряду с взаимопереходом имеет место необратимый переход одной противоположностей в другую.

Вот как Платон аргументирует.

Во-первых, он настойчиво проводит мысль о том, что если имеются противоположности, то между ними должен быть обоюдный переход. Для подтверждения этой мысли он приводит различные примеры взаимоперехода противоположностей (большого и меньшего, слабого и сильного, скорого и медленного, худшего и лучшего, справедливого и несправедливого, разъединения и соединения, охлаждения и нагревания, сна и бодрствования). В данном случае Платон, как и Сенека, использует индукцию. И как Сенека он явно переоценил возможности индуктивного доказательства. Даже если будут приведены тысячи примеров взаимоперехода противоположностей, все равно с их помощью нельзя доказать, что *все* природные процессы обратимы, что в природе нет необратимого перехода одной противоположности в другую.

Во-вторых, для обоснования идеи двойного перехода противоположностей Платон неявно исходит из идеи все-

¹ Платон. Собр. соч. Т. 2, М., 1993. С. 22-25 (“Федон”, 70c-72d).

общей симметрии природы. В одном месте он говорит, что обратный переход противоположностей (не только живого в мертвое, но и мертвого в живое) необходим для равновесия, иначе придется допустить, что “природа хромает на одну ногу”. Ничего не скажешь, образ сильный. Асимметричная природа, по Платону, такая же нелепость, как и хромоногий человек. Легко, однако, возразить философу: всякое сравнение хромает и сравнение природы с человеком в плане симметрии-асимметрии явно хромоногое. Платон видит в человеке только симметричное — две ноги, — и не замечает, что у человека много асимметричного (например, вид спереди — вид сзади, внизу две ноги — наверху одна голова). Так и в природе: наряду с симметрией полно всякой асимметрии. Философ, в сущности, использует негодный прием: пытается доказать противоестественность асимметрии природы ссылкой на противоестественность нарушения симметрии (хромоногости) там, где она (симметрия) должна быть, где она естественна.

В-третьих, Платон использует доказательство от противного: пытается дискредитировать идею необратимого перехода противоположностей и тем самым утвердить идею взаимоперехода противоположностей. Он доводит идею одностороннего перехода до логического конца и показывает ее нелепость (см. последний абзац цитированного выше фрагмента диалога “Федон”). Платону в данном случае изменяет чутье диалектика: он рассматривает проблему переходов противоположностей только в двух вариантах: либо взаимопереход, либо необратимый переход — третьего не дано; поскольку необратимый переход невозможен как всеобщее явление, постольку он вообще невозможен, а существует лишь взаимопереход противоположностей. Платон не видит того, что и взаимопереход противоположностей невозможен как всеобщее явление. Если бы все противоположности постоянно переходили друг в друга и не было бы односторонних переходов, то мы наблюдали бы картину вечного круговорота, вечного повторения одного и того же. А это означает полный застой, отсутствие подлинного возникновения, становления. Иными словами, мы приходим к тому же, что и в случае допущения всеобщности одностороннего перехода.

Ошибка Платона в том, что по отношению к природе в целом он позволяет себе мыслить в рамках ограниченного принципа “или-или” (избирает взаимопереход противоположностей и отвергает необратимый переход). Если живое переходит в мертвое, то, значит, существует обратный переход мертвого в живое, оживание. У Платона было мелькнула мысль об иных путях возникновения живого из неживого, но он тут же ее отбросил, настолько владела им мысль о всеобщем характере взаимоперехода противоположностей.

В-четвертых, в своей попытке обосновать взаимопереход живого и мертвого Платон использует аналогию с взаимопереходом бодрствования и сна. С позиции современной науки эта аналогия кажется наивной, но в древние времена она была одним из сильнейших аргументов в пользу идеи бессмертия души. Платона можно упрекнуть лишь в том, что он пошел на поводу у древних авторов этой аналогии, некритически заимствовал ее. Здесь Платона подвели пристрастие к общему, сходному, тождественному и нелюбовь к единичному, особенному, к подробностям, деталям. Если бы он скрупулезно разобрался во всех сходствах и различиях между двумя парами противоположностей (живым-мертвым и бодрствованием-сном), то увидел бы, что между ними больше различия, чем сходства и забраковал бы аналогию.

От Платона тянется нить к христианскому представлению о бессмертии души и смертности тела, о чем мы говорили выше, на стр. 12.

Итак, вернемся к критике идеи чистого, абсолютного бессмертия.

4.3. Почему абсолютное личное бессмертие невозможно?

По нашему мнению идея чистого, абсолютного бессмертия так же ошибочна, как и идея чистой смертности. Во-первых, чистое бессмертие невозможно хотя бы уже потому, что все рожденное должно умереть. Если человек когда-то был рожден, то он обязательно когда-то умрет. Факт физической смерти человека сейчас уже никто не отрицает. Все разговоры о бессмертии души, загробной, потусторонней

вечной жизни, жизни после смерти обречены оставаться чисто спекулятивными, бесплодными, так как с самого начала они основаны на противопоставлении духа телу, бессмертия смертности, потустороннего посюстороннему, потенциального актуальному.

Как только различные имморталисты (сторонники идеи бессмертия) пытаются представить существование личности человека после гибели его тела, сразу же возникают непреодолимые затруднения с точки зрения элементарной человеческой логики. И, в конце концов, им ничего не остается, как махнуть рукой на логику и просто верить в потустороннее бессмертие. А это уже религия. Никакой философией, а тем более наукой, здесь не пахнет.

О нелепостях, к которым приводит идея бессмертия души, отделенной от тела, хорошо написал К. Ламонт. Вот один характерный пример из его книги, который служит камнем преткновения для всех имморталистов:

“Но даже спириты не полностью последовательны. Например, хотя и в потусторонней жизни имеются половые различия, отношения между мужчинами и женщинами там должны быть чисто интеллектуальными и духовными. И хотя там существуют браки между подлинно близкими душами разного пола, дети никогда не рождаются. Таким образом, половые различия будут и на том свете, но без обычных эмоций и следствий, связанных с этим. Вопрос о поле в потусторонней жизни всегда вызывал замешательство у имморталистов любой секты. Мы помним, что скептики саддукеи поставили перед Иисусом такой же вопрос. “...Было у нас семь братьев, — сказали они, — первый, женившись, умер и, не имея детей, оставил жену свою брату своему; подобно и второй, и третий, даже до седьмого; после же всех умерла и жена; итак, в воскресении, которого из семи будет она женою? ибо все имели ее. Иисус сказал им в ответ... в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как ангелы божие на небесах” (Матф. 22:25-30).

Независимо от того, что Иисус имел в виду, когда давал этот ответ, православная христианская церковь, подобно спиритам, не поколебалась увековечить половые различия в будущей жизни. И, разумеется, воскресение прежнего естественного тела делает этот результат неизбежным. Святой Фома Аквинский и католики, однако, специально указывают, что точно так же, как в потусторонней жизни не будут есть, пить и спать, там не будет и зачатия. Хотя, таким образом, половые органы будут без употребления, они не будут “без цели, ибо они будут служить восстановлению целостности человеческого тела”. То обстоятельство, что фактически ни один имморталист на христианском Западе никогда не оставлял в великом потустороннем царстве места для блаженства полной и неограниченной половой любви, кажется печальным

комментарием не только к их логике, но и к их нормам относительно того, что хорошо и что прекрасно”¹.

Идея абсолютного бессмертия противоречит категоричной логике, всему категориальному строю мышления. Диалектика бессмертия и смертности сродни диалектике сохранения и изменения, устойчивости и изменчивости, всеобщего (общего) и специфического, типического (родового) и индивидуального. Бесконечное, субкатегорией которого является бессмертие, стоит в одном ряду с такими категориями, как тождество, сохранение, покой, устойчивость. Как невозможны абсолютное сохранение, абсолютный покой, абсолютная устойчивость, так невозможно и абсолютное бессмертие. Подумаем только: что такое индивидуальное личное бессмертие в чистом виде? Это бесконечно долгое сохранение тождественного самому себе индивида. Даже если мы допустим, что индивид внутри себя изменяется, развивается, всё равно его бесконечно долгое существование противоречит фактам всеобщего изменения, возникновения и уничтожения, переходов одного в другое.

Философы и ученые давно подметили, что идея бессмертия в его абсолютном варианте равносильна признанию застоя, вечного повторения одного и того же. Выше уже приводилось мнение философа Ю.В. Согомонова о том, что “если бы человека ждала вечность”, то он “имел бы в этом случае способность к окостенению”. По словам В. Пекелиса на главный вопрос у кибернетических авторитетов давно готов ответ: “Максимальная устойчивость — бессмертие — ведет к застою и кладет конец эволюции”². Историк А. Горбовский пишет: “В мире, где все обретут бессмертие..., бессмертие каждого человека в отдельности вступит в противоречие с эволюцией человечества как целого”³.

Действительно, вполне очевидна связь индивидуального бессмертия в чистом виде с застоем, вечным кружением подобно белке в колесе (вспомним, кстати, что круг — образ бесконечности).

Индивидуальное бессмертие в абсолютном варианте также невозможно, как горячий снег или круглый квадрат.

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 153.

² Пекелис В. Кибернетическая смесь. М., 1982. С. 217.

³ См.: Бобров Л.В. Поговорим о демографии. М., 1974. С. 149.

Прилагательное “индивидуальное” исключает существительное “бессмертие”, как прилагательное “горячий” исключает существительное “снег”. Соответственно и концепция, утверждающая безоговорочное бессмертие человека (ее все чаще именуют иммортализмом), не выдерживает никакой разумной критики и может быть оценена только как религиозная. В индивидуальное бессмертие можно только верить. Реально ему ничего не соответствует и не может соответствовать.

Глава 5. СТРЕЛА ЖИЗНИ: ОТ СМЕРТНОСТИ К БЕССМЕРТИЮ

5.1. Живая связь смертности и бессмертия

Философы и писатели давно высказывали в общей форме мысли о *живой* связи смертности и бессмертия.

Здесь прежде всего следует упомянуть Платона. Почти две с половиной тысячи лет назад в диалоге “Пир” он с удивительной ясностью и глубиной показал, *как* осуществляется связь смертности и бессмертия. Именно он выдвинул и обосновал тезис о том, что любовь и творчество — проявления бессмертного начала в смертном существе. Почти все сказанное им по этому вопросу мы можем включить в свою аргументацию. Вот что он писал:

“Нельзя ли поэтому просто сказать, что люди любят благо?”

— Можно, — ответил я (Сократ — Л.Б.).

А не добавим ли, — продолжала она (Диотима — Л.Б.), — что люди любят благо?

— Можно, — ответил я.

— А не добавить ли, — продолжала она, — что люди любят и обладать благом?

— Добавим.

— И не только обладать им, но обладать вечно?

— Добавим и это.

— Не есть ли, одним словом, любовь не что иное, как любовь к вечному обладанию благом?

— Ты говоришь сущую правду, — сказал я.

— Ну, а если любовь — это всегда любовь к благу, — сказала она, — то скажи мне, каким образом должны поступать те, кто к

нему стремится, чтобы их пыл и рвение можно было назвать любовью? Что они должны делать, ты можешь сказать? (...)

— Ну, так я отвечу тебе, — сказала она. — Они должны родить в прекрасном как телесно, так и духовно... Дело в том, что все люди беременны как телесно, так и духовно, и когда они достигают известного возраста, природа наша требует разрешения от бремени. Разрешиться же она может только в прекрасном, но не в безобразном. Соитие мужчины и женщины есть такое разрешение. И это дело божественное, ибо *зачатие и рождение суть проявления бессмертного начала в существе смертном*. Ни то ни другое не может произойти в неподходящем, а неподходящее для всего божественного — это безобразие, тогда как прекрасное — это подходящее. Таким образом, Мойра и Илифия¹ всякого рождение — Красота. Поэтому, приблизившись к прекрасному, беременное существо проникается радостью и весельем, родит и производит на свет, и приблизившись к безобразному, мрачнеет, огорчается, съживается, отворачивается, замыкается и, вместо того чтобы родить, тяготится задержанным в утробе плодом. Вот почему беременные и те, кто уже на сносях, так и жаждут прекрасного — оно избавляет их от великих родильных мук. Но любовь, — заключила она, — вовсе не есть стремление к прекрасному, как то, тебе, Сократ кажется.

— А что же она такое?

— Стремление родить и произвести на свет в прекрасном (...)

— А почему именно родить? Да потому, что *рождение — это та доля бессмертия и вечности, которая отпущена смертному существу*. Но если любовь, как мы согласились, есть стремление к вечному обладанию благом, то наряду с благом нельзя не желать и бессмертия. А значит, *любовь — это стремление и к бессмертию*.

Всему этому она учила меня всякий раз, когда беседовала со мной о любви. А однажды она спросила меня:

— В чем, по-твоему, Сократ, причина этой любви и этого вожделения? Не замечал ли ты, в сколь необыкновенном состоянии бывают животные, и наземные и пернатые, когда они охвачены страстью деторождения? Они пребывают в любовной горячке сначала во время спаривания, а потом — когда кормят детенышей, ради которых они готовы и бороться с самыми сильными, как бы ни были слабы сами, и умереть, и голодать, только чтобы их выкормить, и вообще сносить все, что угодно. О людях еще можно подумать, — продолжала она, — что они делают это по велению разума, но в чем причина таких любовных порывов у животных, ты можешь сказать? (...)

— Так вот, — сказала она, — если ты убедился, что любовь по природе своей — это стремление к тому, о чем мы не раз уже говорили, то и тут тебе нечему удивляться. Ведь у *животных, так*

¹ Илифия — богиня, помогающая роженицам; Мойра — богиня судьбы — определяет участь ребенка на всю жизнь. — Примеч. ред.

же как у людей, смертная природа стремится стать по возможности бессмертной и вечной. А достичь этого она может только одним путем — порождением, оставляя всякий раз новое вместо старого; ведь даже за то время, покуда о любом живом существе говорят, что оно живет и остается самим собой — человек, например, от младенчества до старости считается одним и тем же лицом, — оно никогда не бывает одним и тем же, хоть и числится прежним, а всегда обновляется, что-то непременно теряя, будь то волосы, плоть, кости, кровь или вообще все телесное, да и не только телесное, но и то, что принадлежит душе: ни у кого не остаются без перемен ни его привычки и нрав, ни мнения, ни желания, ни радости, ни горести, ни страхи, всегда что-то появляется, а что-то утрачивается. Еще удивительнее, однако, обстоит дело с нашими знаниями: мало того что какие-то знания у нас появляются, а какие-то мы утрачиваем и, следовательно, никогда не бываем прежними и в отношении знаний, — такова участь каждого вида знаний в отдельности. То, что называется упражнением, обусловлено не чем иным, как убылью знания, ибо забвение — это убыль какого-то знания, а упражнение, заставляя нас вновь вспоминать забытое, сохраняет нам знание настолько, что оно кажется прежним. Так вот, таким же образом сохраняется и все смертное: в отличие от божественного оно не остается всегда одним и тем же, но устаревая и уходя, оставляет новое свое подобие. Вот каким способом, Сократ, — заключила она, — приближается к бессмертию смертное — и тело, и все остальное. Другого способа нет. Не удивляйся же, что каждое живое существо по природе своей заботится о своем потомстве. Бессмертия ради сопутствует всему на свете рачительная эта любовь.

Выслушав ее речь, я пришел в изумление и сказал:

— Да неужели, премудрая Диотима, это действительно так?

И она ответила, как отвечают истинные мудрецы:

— Можешь быть уверен в этом, Сократ. Возьми людское честолюбие — ты удивишься его бессмысленности, если вспомнишь то, что я сказала, ипустишь из виду, как одержимы люди сделать громким свое имя, “чтобы на вечное время стяжать бессмертную славу”¹, ради которой они готовы подвергать себя еще большим опасностям, чем ради своих детей, тратить деньги, сносить любые тяготы, умереть, наконец. Ты думаешь, — продолжала она, — Алкестиде захотелось бы умереть за Адмета, Ахиллу — вслед за Патроклом, а вашему Кодру — ради будущего царства своих детей, если бы все они не надеялись оставить ту бессмертную память о своей добродетели, которую мы и сейчас сохраняем? Я думаю, — сказала она, — что все делают всё ради такой бессмертной славы об их добродетели, и, чем люди достойнее, тем больше они и делают. Бессмертие — вот чего они жаждут.

¹ Примечание ред.: обычная тема в античной поэзии. Ср. у Симонида Кеосского о царе спартанцев Леониде, который оставил “великое украшение доблести и вечную славу” (фр. 5D), или у Софокла в “Филоктете”, где герой “стяжал вечную славу” (с. 529).

Те, у кого разрешиться от бремени стремится тело, — продолжала она, — обращаются больше к женщинам и служат Эросу именно так, надеясь *деторождением приобрести бессмертие* и счастье и оставить о себе память на вечные времена. Беременные же духовно — ведь есть и такие, — пояснила она, — которые беременны духовно, и притом в большей даже мере, чем телесно, — беременны тем, что как раз душе и подобает вынашивать. А что ей подобает вынашивать? Разум и прочие добродетели. Родителями их бывают все творцы, и те из мастеров, которых можно назвать изобретательными. Самое же важное и прекрасное — это разуместь, как управлять государством и домом, и называется это умение рассудительностью и справедливостью. Так вот, кто смолоду вынашивает эти качества, храня чистоту и с наступлением возмужалости, но и испытывает страстное желание родить, тот, я думаю, тоже ищет везде прекрасное, в котором он мог бы разрешиться от бремени, ибо в безобразном он ни за что не родит. Беременный, он радуется прекрасному телу больше, чем безобразному, но особенно рад он, если такое тело встретится ему в сочетании с прекрасной, благородной и даровитой душой: для такого человека он сразу находит слова о добродетели, о том, каким должен быть и чему должен посвятить себя достойный муж, и принимается за его воспитание. Проводя время с таким человеком, он соприкасается с прекрасным и родит на свет то, чем давно беремен. Всегда помня о своем друге, где бы тот ни был — далеко или близко, он сообща с ним растит свое детище, благодаря чему они гораздо ближе друг к другу, чем мать и отец, и дружба между ними прочнее, потому что связывающие их дети прекраснее и бессмертнее. Да и каждый, пожалуй, предпочтет иметь таких детей, чем обычных, если подумает о Гомере, Гесиоде и других прекрасных поэтах, чье потомство достойно зависти, ибо оно приносит им *бессмертную славу* и сохраняет память о них, потому что и само *незабываемо и бессмертно*. Или возьми, если угодно, — продолжала она, — детей, оставленных Ликургом /его законы — Л.Б./ в Лакедомоне — детей, спасших Лакедомон и, можно сказать, всю Грецию. В почете у вас и Солон, родитель ваших законов, а в разных других местах, будь то у греков или у варваров, почетом пользуется много других людей, совершивших множество прекрасных дел и породивших разнообразные добродетели. Не одно святилище воздвигнуто за таких детей этим людям, а за обычных детей никому еще не воздвигали святилищ”¹ (Везде курсив мой — Л.Б.).

Гуманист эпохи Возрождения Пико делла Мирандола в “Речи о достоинстве человека” вложил в уста бога такие слова, обращенные к Адаму: “Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам,

¹ Платон. Собр.соч. в 4-х томах. Т. 2, М., 1993. С. 116-120. (Пир 206а — 209е).

свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные”¹. Пико делла Мирандола высказал очень важную мысль о том, что именно деятельность человека (как “свободного и славного мастера”) делает его смертным и/или бессмертным (сравн. Сенека: “Одни люди умирают при жизни, другие продолжают жить и после смерти” или Н. И. Пирогов: «В делах своих бессмертен человек!»).

А вот замечательные строки из оды “Бог” поэта Г.Р. Державина:

Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!

Л.Н. Толстой в “Исповеди” попытался преодолеть разрыв-противопоставление конечности и бесконечности существования. В связи с этой проблемой им был поставлен вопрос о смысле жизни: “Вопрос был тот: зачем мне жить, т. е. что выйдет настоящего, не уничтожающегося из моей призрачной, уничтожающейся жизни, какой смысл имеет мое конечное существование в этом бесконечном мире?” (с. 33). Сначала он пошел по пути рассудочного разделения конечного и бесконечного: “В рассуждениях моих я постоянно приравнивал, да и не мог поступить иначе, конечное к конечному и бесконечное к бесконечному, а потому у меня и выходило, что и должно было выходить: сила есть сила..., ничто есть ничто, и дальше ничего не могло выйти” (с. 34). “Поняв это, — пишет он далее, — я понял, что и нельзя искать в разумном знании (читай: рассудочном — Л.Б.) ответа на мой вопрос и что ответ может быть получен только при иной постановке вопроса, только тогда, когда в рассуждение будет введен вопрос отношения конечного к бесконечному” (с. 34)².

Вслед за Л.Н. Толстым И.А. Бунин формулирует: “Жизнь человека выражается в отношении конечного к бесконечному”³. Казалось бы лучше и не скажешь. Дело, одна-

¹ См.: Эстетика Ренессанса. Т. 2, М., 1981. С. 249.

² Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 23.

³ См.: Бунин И.А. Освобождение Толстого.

ко, в том, что это лишь общая фраза и за ней может скрываться самое различное содержание. Каков конкретный механизм этого отношения конечного к бесконечному — вот в чем вопрос. У Л.Н. Толстого есть отдельные мысли-догадки на этот счет, но нет стройной теории.

К сожалению, до сих пор нет реалистической философской концепции, которая раскрывала бы механизм живой связи смертности и бессмертия. Пора, наконец, перейти от общих рассуждений и отдельных догадок к конкретному объяснению диалектики смертности и бессмертия. В настоящей работе как раз делается попытка совершить этот переход.

До сих пор мы излагали и обсуждали *историю* вопроса. Теперь попробуем дать *теорию* вопроса.

Выше мы говорили о том, что жизнь создает и разрешает противоречие между конечностью и бесконечностью существования. Это — общее решение проблемы. Как же конкретно “работает” указанное противоречие? По нашему мнению, существуют три “механизма” связи (формы взаимоотношения) конечного и бесконечного применительно к человеку: *любовь, творчество, стремление к активному долголетию (продлению жизни)*. Как уже отмечалось, в живой природе взаимоотношение конечности и бесконечности существования осуществляется благодаря размножению организмов и, в особенности, половому размножению. Ясно, что и в человеческом обществе в снятом виде (на более высоком уровне становления) сохраняется это биологическое взаимоотношение. Семейно-брачные отношения и лежащая в их основе любовь являются естественным продолжением полового размножения. Воспроизведение себе подобных по-прежнему остается первой обязанностью людей как живых существ. Между тем противоречие между конечностью и бесконечностью существования обретает новые, специфически человеческие черты. Границы взаимоотношения этих противоположностей раздвигаются благодаря появлению и развитию *творческой* активности людей. Творчество, как и любовь, служит реальным “представителем” бессмертия (бесконечного существования) в конечной жизни людей. Дети и творения — реальные опосредователи конечного бесконечным.

Они же своеобразно оконечивают (сообщают завершенность) кажущейся бесконечной (нескончаемой) жизни индивидуума.

Третья форма связи конечности и бесконечности существования — стремление к активному долголетию, продлению жизни, последовательное решение проблемы нескончаемого существования.

Итак, с одной стороны, человеку суждено узнать, осознать, что он смертен, невечен. С другой, человек жаждет бессмертия, стремится к нему, добивается его. И это понятно. Смысл жизни во многом состоит в том, чтобы *делать* ее бессмертной. Мы не утверждаем, конечно, что человек может достигнуть полного бессмертия (личного, индивидуального бессмертия, как еще говорят). Но *стремиться* к бессмертию он *может* и *обязан*. Такую позицию, чтобы не путать ее с концепцией иммортализма, можно назвать — по аналогии с философией — *филоиммортализмом*. Как не существует абсолютной мудрости и философы скромно именуют себя лишь любителями мудрости (буквально любомудрами), так не существует абсолютного бессмертия и люди могут называть себя лишь *филоимморталистами*, т. е. стремящимися к бессмертию, охотящимися за бессмертием, любящими бессмертие, делающими его.

Стремление к бессмертию не есть просто стремление, подобно вечной охоте за убегающим призраком (как иногда бывает в дурном сне: мы чего-то добиваемся или пытаемся избежать и нам это никак не удается; в результате возникает ощущение мучительной неудовлетворенности, бессилия). Стремление к бессмертию осуществляется в форме его *действия*. Делание бессмертия как раз и выражает процесс движения, приближения к нему. Это движение, приближение осуществляется благодаря нашим сознательным усилиям, действиям — любви, заботе о потомстве, творчеству, борьбе за продление жизни.

Диалектика смертности и бессмертия сродни диалектике относительной и абсолютной истин. Абсолютная истина — это полное, исчерпывающее знание об объекте, иначе говоря, полное совпадение наших представлений с предметом познания. Мы никогда не достигнем абсолютной истины (объект бесконечен и познание его бесконечно), но стремит-

ся к ней должны, иначе не будет прогресса познания. Мы никогда не достигнем полного бессмертия, но стремиться к нему — наш долг, *иначе не будет прогресса жизни*. (Уподобление стремления к бессмертию стремлению к абсолютной истине тем более оправдано, что *познание* является видом творчества и в качестве такового вносит свой вклад в “делание” бессмертия).

В соотношении относительной и абсолютной истин есть еще один момент, который помогает понять соотношение смертности и бессмертия. Абсолютная истина не только цель познания, идеал, к которому стремится познающий субъект, но и нечто *налично присутствующее* в нашем знании. Говорят ведь философы, что в относительно истинном, ограниченном, приблизительном знании имеются *зерна* абсолютной истины. Абсолютная истина не отгорожена китайской стеной от относительной. И наше знание по-настоящему являет собой единство относительной и абсолютной истин. Так и жизнь человека. Да, она конечна, ограничена в пространстве и времени. Но, с другой стороны, в индивидуальной человеческой жизни есть зерна бесконечности, вечности, бессмертия. Эти зерна мы называем *актуальным* бессмертием. Делание бессмертия есть, таким образом, не только делание посмертного, *потенциального* бессмертия, но и делание сегодняшнего, прижизненного, актуального бессмертия.

Обычно говорят только о потенциальном бессмертии (об оставленных “следах” после физической смерти). В действительности же человек может быть бессмертен не только потенциально, не только в том, что после него останутся дети и дети детей, что его творения будут жить после физической смерти, но также и актуально (в данный момент, в настоящей жизни). Актуальное бессмертие человека — в актах творчества, в любви, т. е. как раз в том, что создает и потенциальное бессмертие. Напротив, конечность, брэнность, пустота и ничтожность существования особенно ясно выступают в моменты, когда отсутствует любовь, угас творческий порыв.

В творчестве и в любви, приносящей детей, соединяются потенциальное и актуальное бессмертие человека, т. е. разрешается дилемма: жить для будущего, во имя будущего

или жить настоящим, “срывать цветы удовольствия” теперь же, в данный момент.

Об этом подробнее будет сказано несколько ниже.

* * *

Итак, реальное бессмертие человека является биосоциальным выражением бесконечности. Бессмертие жизни так же реально, как бесконечность мира, и способом преодоления конечности индивидуального существования являются любовь и творчество.

5.2. Как мы “делаем” бессмертие?

5.2.1. Продолжение человеческого рода, любовь

Бессмертия ради сопутствует всему
рачительная эта любовь

Платон, Пир 208b

... любовь никогда не перестает...

Новый завет, 1 Кор 13: 8

Поскольку личное бессмертие невозможно, постольку перед людьми всегда стояла и будет стоять проблема продолжения рода, воспроизведения себе подобных. Как говорил Платон, смертное, в отличие от божественного, не остается всегда одним и тем же, но устаревая и уходя, оставляет новое свое подобие.

Пока люди не изобрели иной способ воспроизведения себе подобных, они должны рожать-растить детей и решать связанные с этим проблемы любви, брака и семьи.

Прежде всего о проблеме рождаемости. Социологи и демографы давно уже бьют тревогу: падает рождаемость, все более угрожающими становятся факторы, ведущие к *депопуляции*, т. е. вымиранию населения. Демографы называют порог — 2,15 ребенка на одну женщину, — ниже которого происходит уменьшенное воспроизводство человека. Имеются уже целые страны, в которых уровень рождаемости значительно ниже этого порога. Так, в Германии он равняется 1,4 ребенка на одну женщину. Не лучше положение в России, особенно в последние годы. Оно стало хуже и в Германии, и в России. (Добавление 16 февраля 2003 г.: в те-

лепередаче "Времена" по 1-му телеканалу С.П.Капица назвал цифру — 1,15 ребенка на женщину в Германии и в России. Надо бить в набат).

Бич современного культурного общества — малодетная семья (одндетные и двухдетные семьи). Демографы подсчитали, что если бы все семьи были двухдетными, то население страны уменьшилось бы вдвое через 350 лет. А если бы все семьи были одндетными, то оно уменьшилось бы вдвое уже через 53 года. Дело как раз идет к тому, что преобладающей формой семьи становится одндетная. Более того, сама семья как социальный институт распадается. И это понятно. Возникла ситуация порочного круга. Малодетность приводит к тому, что последующие поколения людей, выросшие в малодетных семьях, утрачивают необходимые качества для совместной жизни в семье, вследствие чего заключаемые браки становятся все менее и менее прочными.

Факты таковы, что современному цивилизованному обществу грозит медленная смерть¹, если не будут приняты серьезные меры по повышению рождаемости, укреплению семьи или ее преобразованию в иной социальный институт, благоприятный для воспроизводства человека.

Как видим, проблема “делания” бессмертия самым тесным образом связана с проблемой рождаемости и, соответственно, с проблемами любви, брака и семьи. Все наши успехи в области науки и техники, все наши культурные достижения ломаного гроша не стоят, если не будет решена проблема воспроизводства человека. В результате депопуляции, вымирания просто некому будет пользоваться плодами науки, техники, культуры. Современное общество раз-

¹ Обращаю внимание читателя: речь идет именно о *цивилизованном* обществе. В странах “третьего мира” наблюдается обратная картина. Медленная смерть им пока не грозит. Но о них нельзя говорить как о цивилизованных, культурно развитых странах. В целом для человечества важно соединение двух важнейших факторов жизни: нормальное воспроизводство населения и прогресс культуры, цивилизации. Пока людям не удастся скольконибудь удовлетворительно соединить эти два фактора. На одном полюсе мы наблюдаем расширенное воспроизводство жизни при недостатке ее качества, культуры. На другом полюсе — улучшение качества жизни, прогресс культуры, но: при убывающем народонаселении.

вивается однобоко и рискует оказаться невольным самоубийцей. Нужен сбалансированный подход. Логика “делания” бессмертия требует, чтобы проблемам воспроизводства человека уделялось, по крайней мере, не меньше внимания, чем развитию экономики, науки, техники, культуры. Пока этого нет. Взять хотя бы любовь. Она находится как бы в фокусе проблем воспроизводства человека. И что же? Может ли общество “похвастаться” достаточным вниманием к нуждам и запросам любви? Нет, конечно. Когда любящие молодые решают создать семью, то далеко не всегда они имеют возможность “свить свое гнездо”, т. е. жить совместно в нормальных жилищных условиях. Далее, очевиден такой факт, как ухудшение благосостояния семьи в результате рождения ребенка. Имеющие детей явно проигрывают в экономическом отношении тем, кто не имеет детей. Труд родителей по-настоящему не оценен обществом. Можно прямо сказать: **современное общество проводит антидетскую политику.** Такая политика близорука и чревата медленной смертью общества.

Вот, например, как в ООН понимают качество жизни. Прочитал в Интернете (20 октября 2007 г.) следующую заметку:

«Норвегия признана раем земным по качеству жизни»

Журнал The Economist опубликовал очередной ежегодник Pocket World in Figures («Мир в цифрах, карманное издание»). The Daily Telegraph приводит основной рейтинг книги: первую двадцатку стран по качеству жизни. Лидером рейтинга стала Норвегия, за ней идут Исландия и Австралия. Замыкает список Новая Зеландия. В двадцатку вошли также Швеция и Дания, традиционно славящиеся своим качеством жизни. Не остались в стороне и США — им принадлежит восьмая позиция списка. The Daily Mail уточняет, что рейтинг основан на индексе развития человеческого потенциала (Human Development Index, HDI), разработанного ООН. Он рассчитывается по трем основным показателям: ожидаемая продолжительность жизни при рождении, уровень образованности населения и уровень реальных доходов населения».

Обратите внимание: ООН качество жизни определяет по трем основным показателям: "ожидаемая продолжительность жизни при рождении, уровень образованности населения и уровень реальных доходов населения". Ни один из этих показателей ничего не говорит о качестве родовой жизни человека. Они говорят лишь о качестве индивидуальной жизни (продолжительность жизни,

образованность и уровень доходов). Вот вам и мнение нынешних "образованных" людей! Качество жизни они понимают в соответствии с полученным ими односторонним образованием как сугубо качество индивидуальной жизни. А то, что качество жизни невозможно без родовой составляющей — им невдомек. Ведь жизнь в целом — это не только жизнь индивида, но и жизнь рода! Жизнь индивида не существует без (и вне) жизни рода. Мы появляемся на свет и вырастаем благодаря родителям! В свою очередь и мы должны произвести на свет и вырастить детей. Иначе прекратится жизнь человечества, жизнь вообще. А может ли быть жизнь человека качественной, если за ней следует пустота, если она обращается в ничто? Нет, конечно. Поэтому качество жизни — не только качество индивидуальной жизни, но и качество родовой жизни! Следовательно, в число основных показателей качества жизни должен входить и такой показатель, как наличие детей (не меньше двух-трех). Да, этот показатель вступает в определенное противоречие по крайней мере с двумя из трех указанных показателей качества жизни. Ну что ж, качество жизни и на самом деле противоречиво. И оно тем выше, чем больше удастся минимизировать это противоречие, добиться определенного баланса разных сторон жизни. По-настоящему счастлив тот, кто добивается успеха и в творчестве (в профессии), и в любви (в семье, в продолжении рода).

А пока цивилизованное человечество в лице экспертов ООН будет определять качество жизни только как индивидуальное, до тех пор это цивилизованное человечество будет сокращаться как шагреновая кожа и просто вырождаться. Если бы в число основных показателей качества жизни включали наличие не менее двух-трех детей, то картина рейтинга стран по качеству жизни была бы совсем иной.

Нужно, наконец, осознать важность охраны самого человека как живого существа, как уже осознали важность охраны окружающей среды. Нужно осознать, наконец, необходимость неотложных мер по налаживанию устойчивого воспроизводства человека (не за счет "плодовитости" сельских жителей, которых становится все меньше и меньше, а за счет разумно организованного, сбалансированного труда, отдыха и быта городских жителей, за счет изменения менталитета российского общества).

Теперь о *любви*. Могут задать вопрос: почему мы связываем продолжение человеческого рода с любовью. Первое — нечто жизненно важное, необходимое, второе — вроде бы всего лишь чувство, нечто эфемерное, не очень обяза-

тельное. Действительно, если любовь — только чувство, то, наверное, неправильно связывать ее исключительно лишь с половой любовью, от которой появляются дети. В том-то и дело, что любовь не только и даже не столько чувство. В главном своем значении она есть деятельность — *деятельность ума, души и тела*. К любви следует относиться как к особой форме человеческой деятельности. Как чувство, противоположное ненависти, она проявляет себя во всех видах человеческой деятельности и общения, но как *специальная деятельность* она осуществляется только в половом общении мужчины и женщины. Половое же общение нужно не только и не столько ради самого общения, сколько для продолжения рода. Значит и любовь в главном своем значении есть то, что лежит в основе продолжения человеческого рода.

К сожалению, до сих пор нет целостной философской или научной теории любви. Как объект исследования она отдана на откуп медикам, психологам, специалистам по этике. А они рассматривают любовь каждый “со своей колокольни”. Медики — в аспекте отклонений от нормального полового поведения, сексопатологии, психологи — как эмоционально-психологическое отношение, специалисты по этике — как нравственную категорию. Недавно появилась новая научная дисциплина — сексология. Но и она рассматривает любовь преимущественно с физической стороны, как секс. Имеется также масса высказываний писателей, деятелей культуры, философов, ученых, религиозных проповедников, которые в силу своей разрозненности отнюдь не способствуют целостному пониманию любви. Отсутствие полноценной теории любви приводит к тому, что о ней формируются односторонние, искаженные представления. Среди этих представлений наиболее распространенным является представление о любви как чувстве, желании, влечении, т. е. как эмоционально-психологическом отношении субъекта к объекту любви. О любви как чувстве-страсти писали, наверное, почти все писатели прошлого. Да и современные писатели недалеко ушли от них. Данное представление настолько въелось в сознание философов и ученых, что они отдают ему дань в специальных книгах о любви, в словарных, терминологических определениях, призванных быть стандар-

тами научного понимания любви¹.

Большая путаница проистекает от того, что одним и тем же словом обозначают человеческое чувство, противоположное ненависти, и человеческую деятельность, лежащую в основе отношений мужчины и женщины. Путаница эта, правда, исторически объяснима: раньше понятия людей были недостаточно отдифференцированы друг от друга, недостаточно определены в своем содержании, расплывчаты. Так и любовью называли, продолжают называть все, сходное с самым сильным чувством, рождающимся в отношениях мужчины и женщины. Это в какой-то мере оправдано. Ведь в основе любви-чувства и любви-деятельности лежит одно и то же стремление — к гармонии, единству, красоте (прекрасному). Любовь является конкретным (эмоциональным и/или деятельностным) выражением гармонического противоречия и в качестве такового соответственна такому ряду категорий: тождеству, внутреннему, связи, единству, гармонии, органическому целому, всеобщему, однородному, подобию, бесконечному, равенству, покою, сохранению, симметрии, обратимости, необходимости, закону, порядку (антисоответственна такому ряду категорий: различию, противоположности, внешнему, столкновению, борьбе, дисгармонии, специфическому, разнородному, неподобию, неравенству, конечному, перемещению, изменению, необратимости, случайности, явлению, беспорядку)².

Любовь-деятельность есть не просто эмоциональное переживание стремления к гармонии, единству, красоте, а само это делание-воспроизводство гармонии, единства, красоты. Именно таковы отношения мужчины и женщины.

Почему мы подчеркиваем различие между любовью-чувством и любовью-деятельностью? Такое разграничение необходимо для уяснения сути любви как одного из важнейших средств, факторов “делания” бессмертия. В качестве чувства любовь есть лишь некоторое психологическое со-

¹ См., например: *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983. С. 328 (С.С. Аверинцев); *Краткая философская энциклопедия*. М., 1994. С. 251.

² О соответствиях между категориями см.: Балашов Л.Е. Соответствия — особый тип отношений между категориями (проблемы категориальной логики). — *Журн. “Философские исследования”*, 1993, № 2.

стояние и ее связь с продолжением человеческого рода, т. е. с реальным “деланием” бессмертия кажется проблематичной или весьма отдаленной. В качестве же специальной деятельности она непосредственно “участвует” в “делании” бессмертия.

Разграничивая любовь-чувство и любовь-деятельность, нужно еще отметить, что последняя не всегда связана с высоким накалом чувств, любовных переживаний, т. е. с тем, что обычно поэты и писатели-романтики только и называют любовью. Любовь-деятельность не есть что-то исключительное, встречающееся лишь изредка. Диапазон форм любви-деятельности весьма широк: от непосредственного полового импульса и контакта до высочайших форм любви, в которых половое влечение и общение “одеты” в самые нарядные, эстетизированные, духовно осмысленные “одежды” чувств и поведения любящих.

По мнению романтически настроенных людей не всякое половое общение есть любовь. Мы утверждаем, что если половое общение происходит между нормальными людьми, то оно заслуживает того, чтобы его именовали любовью — так ведь в простом народе половое общение и называют “любовной связью”, “любовной жизнью”; еще говорят: “занимаясь любовью”, т. е. вступить в половое общение. Конечно, есть любовь и любовь. Есть любовь примитивная, ущербная, неполная и есть любовь высокая, полная, настоящая. Вообще любовь такова, каков человек. И если мы всякого человека, каким бы он ни был, называем человеком, то и его половые отношения, какими бы они ни были, мы должны называть любовью.

Проблема любви и половых отношений приобрела в последнее время заостренную форму: как проблема любви и секса. Любовь и секс порой резко разделяют и даже противопоставляют. Конечно, если под любовью понимать только чувство, то, безусловно, любовь и секс — разные вещи. Если же любовь понимать как деятельность (в аспекте полового общения мужчины и женщины), то становится очевидным, что такая любовь необходимо предполагает секс. Ведь что такое секс, как ни поведение, связанное с удовлетворением половой потребности. А разве половая любовь воз-

можно без полового влечения и действий, направленных на его удовлетворение? Нет, конечно.

Некоторые утверждают еще, что секс возможен без любви, что удовлетворение половой потребности не всегда можно назвать любовью. Да, действительно, бывает так, что вступающие в половой контакт не называют свои отношения любовью и даже стыдятся называть их любовью. Но от этого любовь не перестает быть любовью. Миллионы людей любят и при этом никогда не употребляют слово “любовь”. (Это примерно так же, как все говорят прозой, но лишь немногие знают об этом.) Если половое поведение исходит от человека и направлено на человека же (на противоположный пол), то оно всегда не просто секс, не просто физические действия, манипуляции, а любовь, человечески осмысленная, в той или иной степени одухотворенная, окрашенная человеческими чувствами сексуальность. Еще В. Г. Белинский говорил: “человек не зверь и не ангел; должен любить не животное и не платонически, а человечески”¹. Мы скажем больше: человек не просто *должен* любить человека, а не может не любить человечески, т. е. *может любить только человечески*. Чисто по-животному человек не может любить, как бы он этого ни хотел; он не может отринуть от себя свою человеческую природу. Всякий секс человек и потому заслуживает названия человеческой любви. Даже половое поведение насильника можно назвать любовью, пусть ущербной, изуродованной, односторонней, но все же любовью. Ведь насильником является не животное, а человек, который при всем своем желании не может перестать быть человеком.

Неправы те, которые под сексом понимают чистую физику половых отношений. Человек целостен в своих жизненных проявлениях и поступает всегда не только как животное, биологическое существо, но и как существо духовное, нравственное, социальное. Да, секс — физика, но не как нечто самодовлеющее, а как часть любовных, человечески любовных отношений мужчины и женщины, как *физическая сторона* их любви. Бывают, конечно, случаи, когда любовь и секс рассматривают в аспекте известного противопоставления любви настоящей, полноценной, духовно богатой и

¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 10, М., 1958. С. 336.

любви ущербной, духовно бедной, приближающейся к чисто животным отношениям. Мир любви так же велик и многообразен, как и мир человека, и существует столько же видов любви, сколько людей.

Далее, следует сказать, что любовь включает в себя не только чувства, не только половое поведение. Как деятельность она охватывает собой и половое общение мужчины и женщины, и вообще их отношения, и их отношения к родителям, детям, к другим, к окружающему миру. Иначе говоря, любовь мужчины и женщины не ограничивается рамками их полового общения, а как бы расходится кругами, охватывая другие их отношения, отношения к родителям, детям, родным, близким и т. д. Прекрасно сказал в свое время В. Г. Белинский: *“Любовь — поэзия и солнце жизни”*. Да, любовь — солнце жизни. Ее лучи расходятся во все стороны жизни, освещают все, даже самые отдаленные уголки человеческой жизни. И это касается прежде всего отношений с родителями и детьми. Любовь к родителям подготавливает половую любовь, а любовь к детям завершает, венчает ее.

Любовь как великий фактор продолжения человеческого рода реализуется в полном смысле лишь в этом триединстве: как любовь к родителям, как любовная связь и как любовь к детям. Конечно, любовь к родителям и любовь к детям не носят характера специальной деятельности. Тем не менее, это не просто чувства симпатии, приязни, противоположные ненависти. Вместе с любовной связью они находятся на одной линии продолжения рода, являются выражениями могучего инстинкта продолжения рода. Напомним, что по этому поводу писал Платон: животные “пребывают в любовной горячке сначала во время спаривания, а потом — когда кормят детенышей, ради которых они готовы и бороться с самыми сильными, как бы ни были слабы сами, и умереть, и голодать, только чтобы их выкормить, и вообще сносить все, что угодно”¹. Это, конечно, верно и по отношению к человеческой любви. Как деторождение, так и воспитание детей невозможны без любви. Полноценный человек может родиться и вырасти только в условиях любви, в ее лучах.

¹ Платон. Собр.соч. в 4-х томах. Т. 2, М., 1993. С. 138. (Пир 207b).

Говоря о любви как факторе продолжения рода, нужно иметь в виду, что в *человеческом* обществе она имеет и другое значение — просто как фактор общения, как связь, скрепляющая-цементирующая отношения мужчины и женщины, как первичная социальная связь. Порой это второе значение любви оказывается единственным (для мужчин и женщин, не имеющих детей).

В обоих своих значениях любовь раздвигает рамки конечной жизни человека. Как фактор продолжения рода она раздвигает рамки отдельной человеческой жизни во временном аспекте, означает выход за пределы конечного существования во временном смысле. А как фактор общения (как чисто любовная связь) она раздвигает рамки отдельной человеческой жизни в пространственном аспекте, означает выход за пределы ограниченного пространственного существования. В самом деле, вступая в половой контакт, человек в буквальном смысле выходит за пределы самого себя, “вторгается” в чужое пространство. Вообще когда человек любит и любим, то его “эго” переходит в “альтер” и наоборот; он как бы растворяется в другом, отдает себя другому и одновременно обретает в другом самого себя, самоутверждается.

Примечателен тот факт, что во все времена писатели, поэты, художники рассматривали любовь как начало, раздвигающее пределы жизни, преодолевающее смерть. В одной песне так и поется:

*Мы любим — это значит,
Мы не умрем...*

В философской сказке Горького “Девушка и Смерть” с романтической горячностью утверждается тема любви, побеждающей смерть. В ней есть такие строки:

(Смерть говорит девушке:)
Собирайся, девушка, пора!
Девушка свое:
— Обнимет милый,
Ни земли, ни неба больше нет.
И душа полна нездешней силой,
И горит в душе нездешний свет.
Нету больше страха пред судьбой,
И ни бога, ни людей не надо!
Как дитя — собою радость рада,
И любовь любит себя собой!

Смерть молчит задумчиво и строго
Видит — не прервать ей этой песни!
Краше солнца — нету в мире бога,
Нет огня — огня любви чудесней!

Если у Горького идея любви, преодолевающей смерть, подана в условно-романтическом ключе, то у другого русского писателя — Л.Н. Толстого — эта идея осмысливается в социально-нравственном ключе. Ход мысли Л.Н. Толстого сравнительно прост: любовь — связь людей. А там, где связь, жизнь отдельного, “вот этого” человека перерастает рамки его собственного, конечного, ограниченного существования.

Остановимся подробнее на концепции Л.Н. Толстого. Воспользуемся талантливой интерпретацией этой концепции Ю.Н. Давыдовым. Вот что он пишет:

По Толстому “если человек превращает свою жизнь в нечто, что он расценивает как бессмысленное и злое, то повинна в этом не жизнь сама по себе, а прежде всего он сам, превративший благо в зло. Источник такого превращения Толстой видит в исполненной всякой неправды отъединенности индивидуальной жизни от жизни народа, шире — человечества. Причина этой отъединенности видится писателю в отпадении от общего процесса “добывания”, то есть постоянного воспроизведения этой жизни, каковое, по его убеждению, есть и призвание и долг человека: деятельное выражение благодарности за тот дар, что он получил. Воспроизводя жизнь свою в суровом и нелегком труде, который “труден” точно так же, как трудно любое участие в реальном процессе..., человек учится “изнутри” постигать осмысленность жизни, ее ритмичность, ее законосообразность, ее необходимость... (с. 53)

Но это осмысленное отношение к жизни уже не предстает как нечто “партикулярное”: вот “я”, а вот “жизнь”, и у “меня” с “нею” хорошие отношения. Жизнь потому и предстает для человека исполненной смысла, что отношение к ней раскрывается для него через отношения к окружающим его людям, ко всем “другим”...

Живя среди людей, разделяя с ними нелегкий труд по ежедневному воссозданию этой жизни (сохранение того, что было даровано как бытие), человек учится любить людей: всем существом своим понимая не только “необходимость”, “неизбежность” другого человека, но и глубокую осмысленность, благодатность этого факта: *бытия другого человека*. Опять-таки еще до того, как он начинает осознавать это, человек — коль скоро он не отъединен от других искусственным, ненормальным, аморальным образом — принимает свое отношение к “другому” (к “другим”) как внутреннее отношение своего собственного бытия: он не мыслит своего бытия вне отношения к “другому” (“другим”). Он воспринимает себя не как некую “беззаконную монаду”, самодовлеющий

“атом”, нечто “уникальное” настолько, что вообще исключается его соизмеримость с чем бы то ни было другим, от него отличным, а, наоборот, как открытость “другому” (“всем остальным”).

Здесь обнаруживается неделимость жизни (бытия) как дара, который дается всем людям вместе, хотя каждый из них несет за него совершенно индивидуальную, то есть ни с кем не разделяемую, ответственность. Только “незамкнутый” человек, открытый “другому” (“другим”), способен воистину оценить и сохранить этот дар, раскрыв и утвердив его высокий смысл, тогда как человек “закрытый” начинает с искажения смысла, дарованного ему, а потому и приходит к выводу о бессмысленности жизни. Заключившись в своей индивидуальности, он воспринимает смерть с безграничным, невыразимым ужасом.

Наоборот: для того, кто “открыт” другому (другим) в своем самом сокровенном, кто не мыслит себя без другого, кто еще с раннего детства привык мыслить себя “вместе” с другими, бессознательно принимая таким образом бытие не как свою “личную собственность”, но как нечто, дарованное людям всем вместе, кто, следовательно, действительно *любит других* — в истинно нравственном смысле, для того смерть перестает быть чем-то абсолютно непереносимым, поражающим его неизлечимой болезнью. Постигнув через эту любовь смысл жизни, он верно постигает и смысл смерти — и чем глубже он постигает этот смысл, тем меньше трепещет перед нею... (с. 54-55)

Внутренне постигнув, что жизнь есть нечто неизмеримо более широкое и глубокое, чем то, что он переживает, про-живая, изживает в качестве таковой, любящий человек всем своим существом чувствует: она не кончается с его собственной кончиной. Те, кого он *любит*, остаются жить, а в них — и он сам; и чем больше тех, кого он действительно любит, тем больше его — общей с ними — жизни остается и после его смерти...

Пытаясь в одном слове выразить то, что одновременно и *придает* смысл жизни, и *составляет* ее сокровенный смысл, Толстой произносил всегда одно и то же: *любовь* — как источник нравственной связи человека с миром и людьми, его окружающими. Любовь как этический принцип означает, по убеждению русского писателя, прежде всего бережное и благодарное отношение человека к своему бытию, понятому как дар — дар высшей любви... Такое отношение, в свою очередь, предполагает непосредственное бытия как абсолютной целостности и единства, и, следовательно, хотя и переживаемое каждым из существующих людей как его дар, как нечто дарованное *именно ему*, — в смысле ответственности за него, однако принадлежащий *ему вместе с другими*. Ведь стоит только “отмыслить” от моего бытия бытие всех других людей, как тут же исчезнет и мое собственное бытие.

По этой причине моя благодарная любовь к бытию, которое непосредственно раскрывается мне во мне самом, стою же непосредственностью переживается мною как *любовь к другим людям*, участвующим в “моем” бытии точно так же, как я участвую в

“их” бытия, — еще один способ постижения “всеединства”, бытия, непосредственно доступный, однако, лишь тому, кто не был *оторван* от жизни тех миллионов и миллионов людей, которые своим повседневным трудом и своим постоянным общением друг с другом оберегают дарованное всем людям благо: бытие человечества.

Эта идея, которая все глубже и глубже осознавалась Толстым, открывшись ему на рубеже 1880-1890 годов, легла в основу его последующего литературно-художественного творчества — здесь она выверялась и уточнялась на материале живых человеческих судеб... /В ряде произведений/ Толстой показал невыносимый страх смерти как выражение бессмысленности жизни человека, им одержимого, и преодоление этого страха на путях *прорыва* человека, отгороженного этим страхом от других людей, — к этим “другим”. Прорыва, который согласно Толстому дается только *любовью*. С ее помощью человек обретает сознание *истинного смысла жизни*, равно как и осознание того, что его панический, леденящий душу и парализующий ее страх перед смертью был лишь иным выражением бессмысленности его — “безлюбой” — жизни; и что не сам этот страх отгораживал его от других людей, а, наоборот, его изначальная отгороженность от них — его неспособность полюбить их — была истинной причиной этой настороженности, обрекшей человека на полнейшую “за мороженность”, “загинотизирован-ность” видением своей собственной смерти, разрушительных процессов его тела, толкающих человека в объятия небытия...

И эта пытка — пытка смертью, которой, как мы видели, был подвергнут не только знавший о своей безнадежной болезни Иван Ильич, но и вполне здоровый автор “Записок сумасшедшего” (...), продолжалось до тех пор, пока человек ощущал себя один на один со “своей собственной” смертью... И кончилась эта пытка лишь в тот момент, когда такому человеку... удалось наконец прорваться к другим...

Вот как происходил этот переворот у Ивана Ильича, которого главный вопрос его жизни — вопрос о смысле жизни вообще — застал лишь на смертном одре (...) “Все три дня, в продолжение которых для него не было времени, он барахтался в том черном ящике, в который просовывала его невидимая непреодолимая сила. Он бился, как бьется в руках плача приговоренный к смерти, зная, что он не может спастись; и с каждой минутой он чувствовал, что, несмотря на все усилия борьбы, он ближе и ближе становился к тому, что ужасало его (...)

“Да, все было не то, — сказал он себе, — но это ничего. Можно, можно сделать “то”. Что же “то”? — спросил он себя и вдруг затих (...)

Тут он почувствовал, что руку его целует кто-то. Он открыл глаза и взглянул на сына. Ему стало жалко его. Жена подошла к нему. Он взглянул на нее. Она с открытым ртом и с неотертыми слезами на носу и щеке, с отчаянным выражением смотрела на него. Ему жалко стало ее.

“Да, я мучаю их, — подумал он. — Им жалко, но им лучше будет, когда я умру”. Он хотел сказать это, но не в силах был выговорить. “Впрочем, зачем же говорить, надо сделать”, — подумал он. И указал жене взглядом на сына и сказал:

— Уведи... жалко... и тебя...

И вдруг ему стало ясно, что то, что томило его и не выходило, что вдруг выходит сразу... Жалко их, надо сделать, чтобы им не было больно. Избавить их и самому избавиться от этих страданий...

Он искал прежнего привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страху никакого не было, потому что и смерти не было”.

Так, согласно Толстому смерть как бессмыслица, как зло побеждается любовью, сообщающей осмысленность даже индивидуальной человеческой кончине. Это и означают последние слова Ивана Ильича: “Кончена смерть... Ее нет больше”. Страх смерти был болезненной “проекцией” существования одичавшего “я”, в котором все человеческое пожиралось обезумевшим инстинктом самосохранения: “я”, которое вообще “забыло” о том, что на свете существуют “другие”, “уничтоженные” эти “я” только за то, что им не предстояло умереть с сегодня на завтра. Нужно было вспомнить о них — вспомнить по-настоящему, приняв их в себя изнутри, пережив их горечь, их тревогу, их боль. Тогда кошмар всемогущей Смерти исчез: осталась жизнь, бытие — как дар человечеству, который не перестает быть даром оттого, что каждому человеку предстоит умереть (с. 59-61)”¹.

В передаче Ю.Н. Давыдова толстовская концепция любви, раздвигающей границы жизни, преодолевающей смерть, кажется неоспоримой. Действительно, нравственное и шире — социальное — значение любви Толстым раскрыто очень хорошо. У писателя есть также определенное понимание любви как деятельности, творящей жизнь. Не случайно в “Смерти Ивана Ильича” свою концепцию любви он “обыгрывает” на примере любви героя рассказа к жене и сыну, которая отнюдь не сводится к абстрактным чувствам симпатии, приязни. Да иначе и не могло быть. В противном случае мы имели бы еще одну художочную теорию-проповедь любви вообще, абстрактной любви к человечеству. Толстой, как писатель-реалист, склонен был понимать любовь именно как любовь-деятельность, воспроизводящую, творящую жизнь.

Тем не менее толстовская концепция любви имеет ряд серьезных недостатков. Во-первых, упрек Толстому может

¹ Давыдов Ю.Н. Этика любви и метафизика своеволия: Проблемы нравственной философии. М., 1982.

быть сделан в том плане, что в любви на первый план он выдвигал духовную, нравственную, психологическую сторону и недооценивал и даже игнорировал физическую сторону. Вследствие этого он постоянно “сбивался” с понимания любви как деятельности на ее понимание как чувства. Отсюда и толстовское преодоление смерти в любви кажется эфемерным, чисто психологическим. Ведь на самом деле преодоление смерти в любви — это гигантский жизненный процесс, это труд воспроизводства жизни, продолжения жизни в потомстве, а не просто сознание или чувство того, что смерти нет. Чтобы смерти не было, надо работать, трудиться, действовать, деятельно любить. Одних переживаний, чувств, одного изменения сознания мало для того, чтобы по-настоящему преодолеть смерть, преодолеть ограниченность отдельной, индивидуальной жизни.

Второй упрек Толстому: он некоторым образом абсолютизировал любовь, чрезмерно расширил ее границы, поставив в центр жизни. На самом деле кроме любви к “другим” есть еще и борьба с “другими”. Это не обязательно война на уничтожение. Это может быть честное соревнование, здоровая конкуренция. Это может быть борьба нового со старым, передового с отживающим. Это, наконец, может быть борьба со злом, с носителями зла. Такая борьба с “другими” не менее значима для жизни, чем любовь к “другим”. Любовь — лишь один полюс жизни. Другой ее полюс — борьба. Как специальная деятельность любовь выступает лишь в отношениях мужчины и женщины. Во всех других отношениях она выступает в качестве *чувства* любви, как *эмоциональная* компонента этих отношений. Поставив любовь в центр жизни, Толстой этим невольно обедняет, суживает значение самой жизни вплоть до ее значения лишь как семейно-брачной жизни. Ведь только в последней любовь играет роль центра. Во всех других формах человеческой жизни она является лишь одним из центров.

В-третьих, Толстого можно упрекнуть в том, что он трактует любовь не только в плане продолжения рода, а вообще в плане воспроизводства жизни. В любовь он старается включить все формы деятельности, с чем мы не можем согласиться. Да, любовь как чувство участвует во всех формах человеческой деятельности, направленных на воспроизвод-

ство (обессмертивание) жизни. Но это не значит, что она *одна* ответственна за воспроизводство жизни. Существует определенное “разделение труда” между любовью-деятельностью и трудом-творчеством. Любовь ответственна за воспроизводство живой родовой жизни. Творчество ответственно за воспроизводство “мертвой” жизни — материальных и духовных благ, материальной и духовной культуры. В той степени, в какой Толстой переоценивал значение воспроизводства живой родовой жизни, он недооценивал значение воспроизводства культурной жизни. Если он и ценил труд-творчество, то только в аспекте решения проблем любви-деятельности, воспроизводства живой жизни. Этим, кстати, объясняется его стремление к опрощению, настороженное отношение к некоторым достижениям культуры, недооценка роли науки в обществе.

* * *

Любовь не является единственной формой “делания” бессмертия. Другой формой обессмертивания жизни, как установил еще Платон, является *творчество*. Между любовью и творчеством существует тесная связь. Более того, они опосредуют друг друга. Можно сказать так: любовь — это творчество живого, животворчество, а творчество — это любовь к истине, добру, красоте. Любовь и творчество делают одно, общее дело, но только разными путями. Они взаимно дополняют друг друга. Любовь без творчества ведет к застою жизни, к вечному повторению одного и того же. Творчество без любви бессмысленно и просто невозможно.

Любовь мужчины и женщины питает и поддерживает любовь к истине, добру, красоте. На этот счет имеется масса свидетельств.

Бывает, конечно, когда любовь и творчество мешают друг другу. Но это не правило, а исключение из правила и вызвано чаще всего привходящими обстоятельствами, ненормальными условиями любви и/или творчества.

5.2.2. Творческое бессмертие

В делах своих бессмертен человек
Н.И. Пирогов

Все радости жизни — в творчестве.
Творить — значит убивать смерть.
Ромен Роллан

Творчество является специфически человеческой формой “делания” бессмертия. Когда говорят о социальном бессмертии, то чаще всего имеют в виду творческую деятельность и ее плоды, которые обессмертвляют человека.

Творчество незримиыми нитями соединяет человека с другими людьми, обществом, раздвигает границы его отдельной жизни до масштабов жизни общества. Поэтому и говорят, что реальное бессмертие человека неразрывно связано с его жизнью в обществе, с тем, насколько его жизнь переходит или сливается с жизнью общества в целом. Очень хорошо сказал Муса Джалиль:

Смерть страшна для тебя? Ты хочешь быть
вечно бессмертным?

В целом живи: ты умрешь, целое же
все будет жить.

С этими словами Мусы Джалиля перекликается афоризм Берне:

“Человечество — вот в чем бессмертие смертного человека”.

Или такое высказывание Д. Мамина-Сибиряка: “Отдельный человек не умирает, если он одушевлен общей идеей и служит общей цели”.

Как руководство к действию звучат слова Т. Пенна: “тому, кто живет ради жизни в веках, смерть не страшна”. В том же ключе рассуждает польский писатель Ежи Анджеевский: “Я не хочу сказать, что жить стоит только для великих проблем. Но если их имеешь, жизнь получает большой смысл... Жизни нужно придать смысл, ценность, такую, которая бы перерастала размерами меня самого и могла существовать независимо от того, буду ли я жив завтра или погибну, может быть, через час”¹.

Тем, какие услуги человек оказал обществу, и определяется мера его жизни, его смерти и бессмертия. Именно это, наверное, имел в виду Сенека, когда писал: “Одни люди

¹ Анджеевский. Ранний вариант романа “Пепел и алмаз”.

умирают при жизни, другие продолжают жить и после смерти”¹.

Связь человека с обществом — залог его бессмертия. Но эта связь не просто связь, не просто жизнь в обществе, совместно с другими людьми. Она выражается в *делах* человека и, прежде всего, в его *творческой деятельности*. Именно творческая деятельность выражает свободную человеческую связь человека с обществом. Подневольный нетворческий труд не обессмертывает человека, а напротив, укорачивает его жизнь, убивает при жизни, отчуждая от него его человеческую сущность.

С тех пор, как люди осознали важную роль творчества в своем человеческом бытии, они говорили и писали о творчестве как *реальном* “делании” бессмертия. Пушкинское “нет, весь я не умру — душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит” стало для многих бесспорным выражением реального человеческого бессмертия. Никакая религия и никакая мистика здесь не требуется. Будь творческим человеком и ты будешь бессмертен. Эту мысль в разных вариантах высказывали много раз. Вот некоторые вариации:

Гете: “Если человек проявил себя гениальным в науке, как Окен и Гумбольдт, или в военных и государственных делах, как Фридрих, Петр Великий или Наполеон... то все это одно и то же и связано только с тем, что дела и мысли не умирают”².

Гегель: “Круг жизни крестьянки очерчен ее коровами — Лизой, Чернушкой, Пеструшкой и т. д., сынишкой Маргеном и дочкой Уршелью и т. д. Философу так же интимно близки — бесконечность, познание, движение, чувственные законы и т. д. И что для крестьянки ее покойный брат и дядя, то для философа — Платон, Спиноза и т. д. Одно столь же действительно, как и другое, но у последнего преимущество — вечность”³.

В. Г. Белинский: “В какой бы сфере человеческой деятельности ни появился гений, он всегда есть олицетворение творческой силы духа, вестник обновления жизни. Его предназначение — ввести в жизнь новые элементы и через это двинуть ее вперед на высшую ступень. Явления гения — эпоха в жизни народа. Гения уже нет, но народ долго еще живет в формах жизни, им создан-

¹ Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Письмо ХСIII. Другой перевод: “Один пребывает и после смерти, другой погиб, не успев умереть” — Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 218.

² Цит. по: Гангнус А.А. Рискованное приключение разума. М., 1982. С. 198.

³ Гегель. Работы разных лет. Т. 2, М., 1971. С. 532.

ной, долго — до нового гения... Тот не гений в истории, чье творение умирает вместе с ним: гений по пути истории пролагает глубокие следы своего существования долго после смерти”¹.

Ян Парандовский: “У литературы свое собственное время, — оно не то, какое регулирует обыденную жизнь, и даже не то, которое передвигает стрелки на часах истории. Прошлое, настоящее, будущее в литературе не разграничены между собой простой последовательностью, собственно, у них вообще нет границ, они текут общим и единым потоком... Выражение “Прекрасное никогда не стареет” — не пустая фраза. Между поэмами Гомера и “Паном Тадеушем” Мицкевича лежат двадцать шесть веков. Но разве этот огромный отрезок времени, наполненный столькими переменами, имеет какое-нибудь значение для оценки художественности и даже актуальности этих поэм?” “Слово — сила. Увечное в письме, оно обретает власть над мыслью и мечтой людей, и границ этой власти нельзя измерить и представить. Слово господствует над временем и пространством... плох писатель, если он продолжительность жизни своего творения меряет переходящим мигом, плох, если думает, что мгновение не накладывает на него тех же обязательств и той же ответственности, что и столетие. Кто не работает над своим творением, видя его “aere perennius” — “более вечным, чем бронза”, кто сам себя разоружает убеждением в ничтожности им создаваемого, не должен брать в руки пера, ибо он — сеятель плевелов”².

П. И. Чайковский: “Моя вера в справедливый суд будущего непоколебима. Я заранее, при жизни, вкушаю наслаждение той долей славы, которую уделит мне история русского искусства”.

Весьма интересны рассуждения А. Шопенгауэра о творческом бессмертии. Он пишет:

“На честь может притязать каждый, на славу — лишь люди исключительные; ибо слава достигается только необычайными заслугами, а эти последние опять-таки выражаются либо в делах, либо в творениях, — так что к славе открыто два пути. По пути дел направляет главным образом великое сердце; по пути творений — великий ум. У каждого из этих путей имеются свои особые преимущества и невыгоды. Главная разница между ними та, что дела проходят, творения остаются. Благороднейшее деяние все-таки имеет лишь временное значение; гениальное же произведение продолжает жить и оказывать свое благотворное и возвышающее влияние на все времена. Дела оставляют по себе лишь память, которая становится все более слабой, искаженной и безразличной и даже обречена на постепенное угасание, если ее не подхватит история и не передаст ее в закрепленном состоянии потомству. Творения же сами обладают бессмертием и могут, особенно воплощенные в письменности, пережить все времена. От Александра Великого сохранилось имя и воспоминание; Платон же и Аристотель, Гомер и Гораций продолжают существовать са-

¹ Белинский В.Г. Рецензия на сочинения И.И.Лажечникова (1839).

² Парандовский Ян. Алхимия слова. М., 1972. С. 172-173, 307.

ми, живут и действуют непосредственно. Веды, со своими упанишадами, — перед нами, а обо всех современных им делах до нас не дошло совершенно никакого известия¹. Другая невыгода дел — это их зависимость от случая, который сначала должен обусловить их возможность; к этому присоединяется еще, что слава их определяется не одной только внутренней ценностью, но также и обстоятельствами, сообщающими им важность и блеск. К тому же, слава эта, если, как на войне, дела имеют чисто личный характер, зависит от показания многих очевидцев, а последние не всегда найдутся, да и не всегда бывают добросовестны и беспристрастны. Преимущество же дел, напротив, — то, что они, как нечто практическое, доступны суждению всех вообще людей... Обратное бывает с творениями: возникновение их зависит не от случайности, а исключительно от их творца, и пока они остаются тем, что они такое сами по себе. Зато с ними связана трудность оценки тем большая, чем высшего они порядка... Но зато опять-таки о славе творений решает не одна только инстанция, — здесь может быть и апелляция. Ибо если от дел до потомства, как сказано, доходит только память, да и то в таком виде, как передадут ее современники, то творения, напротив, выживают сами, притом так, как они есть, разве только утратятся отдельные части... Скорее даже, часто лишь время постепенно приводит с собою немногих действительно компетентных судей (...): они последовательно подают свой веский голос, и таким образом — иногда, правда, лишь по прошествии столетий — получается вполне правильная оценка, остающаяся уже незыблемой на все будущее время. Настолько прочна, даже прямо непреложна слава творений. (...) Обыкновенно даже, чем продолжительнее будет держаться слава, тем позже она появляется, — ведь все превосходное созревает лишь медленно. Слава, которой суждено перейти в потомство”²

Бессмертие бессмертию рознь. Бессмертие гения — одно. Бессмертие таланта — другое. Бессмертие просто способного в чем-то человека (вроде крестьянки Гегеля) — третье. Существует разная мера бессмертия, хотя во всех случаях человек стремится к бессмертию, делает его. Бессмертие нельзя понимать как нечто всегда равное себе. Существует большее или меньшее бессмертие. Человек стремится не просто к бессмертию, а к большему бессмертию. Это подобно тому, как человек стремится не просто к зна-

¹ Примечание А. Шопенгауэра: “Плохой, поэтому, комплимент, если, как это теперь в моде, думают почтить творения тем, что называют их делами. Ибо творения по самому существу своему выше дел.

² Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М., 1990. Ч. 1. С. 89-91. (Гл. IV).

нию, а к большему знанию. Если бы человек стремился просто к бессмертию, то он ограничился бы воспроизведением себе подобных — биологическим бессмертием. Но нет, ему подавай вечность. Он стремится раздвинуть границы жизни дальше и дальше. Если, например, Гораций мечтал о том, чтобы его муза жила до тех пор, пока существует Рим (“Буду я вновь и вновь восхваляем, доколь по Капитолию жрец верховный ведет деву безмолвную”), то А.С. Пушкин уже утверждает, что он будет славен “доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит”. Какой-нибудь поэт через десять веков, сочиняя стихотворение на тему горацевского “*Exegi monumentum*” (Воздвиг я памятник себе — лат.), будет говорить уже не о подлунном мире, а, как минимум, о мире Солнца, а то и о галактическом мире. Именно творчество в многообразных его формах (познание, изобретение, искусство) открывает перед человеком безграничные перспективы “делания” все большего бессмертия, все большего освоения-завоевания времени и пространства. “В человеке и его деятельности, — пишет М.А. Парнюк, — представлена тотальность природы, мир в его бесконечности, универсальной взаимосвязи и целостности. Поскольку это так, постольку человек выступает “мерой всех вещей”, тем самым реализуя свою бесконечность... Человек — это зеркало Вселенной, а мир человека — это мир бесконечности. Свободный творческий труд выступает как процесс преодоления конечного, как созидание нового, как сознательное формирование бесконечности в соответствии с целями и идеалами человека. Свобода как реализация сущностных сил человека, его абсолютности и как творческое преобразование мира по законам красоты и есть бесконечность в своей развитой форме”¹.

5.3. Потенциальное бессмертие

Стоит жить, чтоб в землю врезать
След поглубже, позаметней,
Чтоб твое осталось дело
Словно дуб тысячелетний.

Муса Джалиль

¹ См.: “Конечное и бесконечное”. Киев, 1982. С. 147.

До сих пор мы говорили о реальном бессмертии в плане различных форм деятельности (любви и творчества). Теперь “развернемся” на 90° и рассмотрим проблему “делания” бессмертия в плане разграничения самой деятельности и ее плодов. Реальное бессмертие в таком случае выступает в двух формах: как *актуальное* и *потенциальное*.

Хотя источник бессмертия один — деятельность человека в широком смысле, — само оно (бессмертие) расщепляется как бы на два вида соответственно тому, как деятельность “раздваивается” на *процесс* деятельности и *плоды* деятельности. Последние, хотя и являются результатами, следствиями процесса деятельности, живут затем *своей* самостоятельной жизнью, независимо от породившего их субъекта деятельности. Такова диалектика деятельности и она-то служит основой разграничения двух форм бессмертия — актуального и потенциального.

Люди прежде всего заметили, осознали вторую форму — потенциальное бессмертие. И до сих пор больше всего сказано и написано о *потенциальном* бессмертии (как в превращенной форме — в виде религиозных-мистических сказок о потусторонней, загробной жизни, — так и в реалистической форме — в виде представлений о посмертной славе, памяти потомков, об оставленных следах. Еще две с половиной тысячи лет назад Гераклит утверждал: “Лучшие люди одно предпочитают всему: вечную славу — бранным вещам, а большинство набивает свое брюхо, подобно скоту”¹. Сказано несколько грубо, резко, но верно по существу. Действительно, лучшие люди сознательно стремились через свои дела к жизни в веках. В прошлом веке Анатоль Франс, говоря о реальном бессмертии, имел в виду только “бессмертие души в памяти людей”: “Мы больше не рассчитываем на индивидуальное бессмертие; и чтобы утешиться в гибели этого верования, у нас есть только мечта о другого рода бессмертии, неуловимом, рассеянном, которым можно наслаждаться лишь в предвосхищении и которое к тому же суждено лишь очень немногим из нас: бессмертие души в памяти

¹ См.: Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1, М., 1989. С. 244 (29 DK).

людей”¹. Уже в нашем веке Томас Манн писал: “Срок, больший или меньший, покуда не стерся наш след, зовут бессмертием”².

Люди не просто поняли, осознали возможность потенциального бессмертия, но и сделали его объектом своих сознательных устремлений. Поэты, как никто другой склонные раскрывать свой внутренний мир, интимные мысли и переживания, прямо пишут о своем желании обрести такого рода бессмертие. Выше уже приводилось крылатое выражение *Exegi monumentum*. Этим выражением начинается одна из од древнеримского поэта Горация. В ней высказывается надежда, что весь он не умрет, что лучшая его часть — поэтические творения “меди /бронзы/ нетленнее” — избежит смерти:

Создал памятник я, бронзы литой прочней,
Царственных пирамид выше поднявшийся.
Ни снедающий дождь, ни Аквилон лихой
Не разрушит его, не сокрушит и ряд

Нескончаемых лет — время бегущее.
Нет, не весь я умру, лучшая часть меня
Избежит похорон. Буду я вновь и вновь
Восхваляем, доколь по Капитолию

Жрец верховный ведет деву безмолвную.
Назван буду везде — там, где неистовый
Авфид ропщет, где Давн, скудный водой, царем
Был у грубых селян. Встав из ничтожества,

Первым я приобщил песню Эолии
К италийским стихам. Славой заслуженной,
Мельпомена, гордись и, благосклонная,
Ныне лаврами Дельф мне увенчай главу.
(Перевод С. Шервинского)

На русском языке известны три вариации горациевского *Exegi monumentum*. Это стихотворения Ломоносова, Державина и Пушкина. Они интересны не только талантливой передачей основных тем оды Горация, но и самим фактом своего существования, тем, что поэты вновь и вновь усматри-

¹ Франс А. Собр.соч.. Т. 3, М., 1958. С. 303 (“Сад Эпикура”). Сравн.: «Человек всегда жив, когда жива о нем память» (В.Вульф. Мой серебряный шар. Борислав Брондуков).

² Манн Т. Доктор Фаустус (XLIII).

вают смысл своего творчества, своей жизни в “делании” бессмертия. Интересны детали, оттенки, особенности трактовки русскими поэтами темы «Eregi monumentum». Вот эти вариации:

М. В. Ломоносов (1747 г.):

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди
Что бурный аквилон сотреть не может,
Ни множества веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру, но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом...
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатной род препятствием не был...
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу дельфийским лавром.

Г. Р. Державин (1796 г.):

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! — весь я не умру: но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь Славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном Русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о бже
И истину царям с улыбкой говорить.

О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей бессмертия венчай.

А. С. Пушкин (1836 г.):

Exegi monumentum.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждая,
Что в мой жестокой век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глумца.

Обратите внимание на последние строки стихотворения А.С.Пушкина. По содержанию они несколько отличаются от соответствующих строк Горация и Державина. Пушкин прекрасно знает цену внешней славе и поэтому его муза не требует венца. В известном смысле он противопоставляет внешнюю славу и славу-бессмертие творчества.

Почти как поэт сказал К. Ламонт: “От рождения и до смерти мы можем жить нашей жизнью, работать ради того, что мы считаем дорогим, и наслаждаться этим. Мы можем придать нашим действиям значительность и наполнить наши дни на земле смыслом и размахом, которых не сможет уничтожить и наш конец — смерть. Мы можем внести вклад наших единственных в своем роде качеств в прогрессивное развитие нации и человечества; мы можем отдать наши луч-

шие силы на постоянное утверждение жизни ради большей славы человека»¹.

Связь потенциального бессмертия с деятельностью человека хорошо раскрыта в словах ученого — героя пьесы “Все остается людям” (автор — С. Алешин). В споре со священником, утверждавшим, что у атеистов, отвергающих веру в бессмертие, нет ничего святого в душе, ученый говорит: “Бороться и создавать. Для того и живем. А иначе — зря родился, напрасно существовал и навсегда умер. Человек должен знать — после смерти он живет только тем, что сделал... А того света нет, даже легендарного... Это дурная, дезертирская легенда, ибо обещает безделье за терпение... Чепуха! Человек не должен терпеть. Он должен добиваться справедливости для всех, а значит и для себя. Человеку надо сказать: “Те, кто говорят тебе: “Терпи, а на том свете ты получишь сполна”, обманывают тебя. Помни: все, что удалось тебе совершить на земле, — это вся твоя жизнь”. И это единственно смелый и честный разговор с человеком. Человек тогда начинает думать... Как живу? Не гонюсь ли за символами?.. Там — ничто. Все остается людям. Дурное и хорошее. И в этом оставшемся мое забвение или бессмертие”.

Говоря о потенциальном бессмертии как объекте сознательных устремлений человека нельзя не упомянуть о двух крайностях в подходе, отношении к бессмертию. Одна крайность — это когда стремятся обессмертить свое имя *любой* ценой, идут на какие угодно ухищрения и даже преступления, чтобы прославиться. Известный в истории пример: сожжение Геростратом в 356 г. до н.э. великолепного храма Артемиды Эфесской — одного из семи чудес света. Герострат сжег его с единственной целью — прославиться. Отсюда выражение — геростратова слава. В сущности, геростратовой славой обладают такие деятели как Гитлер. Стремление к славе ради самой славы — распространенный порок среди людей. В основе этого стремления лежит гипертрофированное представление о ценности, важности, значимости потенциального бессмертия.

Другая крайность — игнорирование возможности потенциального бессмертия или, попросту говоря, наплеватель-

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 285.

ское отношение к тому, что будет после смерти. Наиболее ярко это отношение выражено в известном высказывании Людовика XV — “После нас — хоть потоп”. В самом деле, некоторых не прельщает перспектива жизни после смерти. Стремление к бессмертию им кажется проявлением пустого тщеславия или даже выражением мистического умонастроения. Эти люди упускают из вида, что потенциальное бессмертие — не просто жизнь после смерти. Правильнее понимать его в более широком смысле — как *эстафету жизни*. Нам дали жизнь, нас воспитали, образовали, мы пользуемся плодами культурной деятельности предшествующих поколений. Поэтому и мы должны дать жизнь другим, внести свою лепту в сокровищницу человеческой культуры. На нас жизнь не замыкается; она лишь звено в цепи жизни человечества. Прекрасно сказал Бернард Шоу: “Я придерживаюсь мнения, что жизнь моя принадлежит обществу... Я хочу полностью истратить себя к моменту, когда умру, ибо чем больше я работаю, тем больше я живу. Жизнь сама по себе радует меня. Жизнь для меня не тающая свеча. Это что-то вроде чудесного факела, который попал мне в руки на мгновенье, и я хочу заставить его пылать как можно ярче, прежде чем передать грядущим поколениям”¹. То, что Б. Шоу сказал о себе, относится ко всем людям. *В эстафете родовой жизни человек должен стремиться к тому, чтобы факел его жизни не угас прежде, чем он передаст огонь другим людям, другим поколениям.*

Жизнь — самоподдерживающийся процесс и, как видим, не только в смысле самосохранения, но и в смысле продолжения рода, сохранения и развития-прогресса культуры. Жизнь истинная, — писал Л. Н. Толстой, — есть только та, которая продолжает прошедшую, содействует благу жизни современной и благу жизни будущей”. Как просто и вместе с тем сильно сказано! В другом месте Толстой объясняет, почему именно такую жизнь считает истинной: “Человек может рассматривать себя как животное среди животных, живущих сегодняшним днем, он может рассматривать себя и как члена семьи, и как члена общества, народа, живущего веками, может и даже непременно должен (потому что к этому неудержимо влечет его разум) рассматривать себя как

¹ См.: Хьюз Э. Б. Шоу. М., 1966. С. 127.

часть всего бесконечного мира, живущего бесконечное время. И потому разумный человек должен был сделать и всегда делал по отношению бесконечно малых жизненных явлений, могущих влиять на его поступки то, что в математике называется интегрированием, т. е. устанавливать, кроме отношения к ближайшим явлениям жизни, свое отношение ко всему бесконечному по времени и пространству миру, понимая его как одно целое”¹. Все правильно здесь за исключением маленького штриха: Толстой неправильно противопоставляет человека животному как якобы живущему сегодняшним днем. Животные, как мы уже говорили раньше, по-своему жаждут бессмертия, “делают” его. Если бы они жили только одним днем, то давно бы сгинули с лица Земли. В противопоставлении человека животным, в его возвышении перед животными мы усматриваем определенную идеалистическую (нереалистическую) тенденцию во взглядах великого писателя².

Потенциальное бессмертие одинаково “смотрит” в будущее и прошлое. В будущее — с точки зрения того, что оставляет после себя человек. Это проблема следа. В прошлое — с точки зрения того, как продолжается жизнь и дело других в нем самом. Это проблема продолжения рода, освоения культуры, “вживления” в культуру подрастающего человечества.

В первом случае потенциальное бессмертие — дело самого субъекта бессмертия. Во втором случае оно переживается и осваивается теми, кто принял от ушедших, уходящих людей-поколений эстафету жизни.

Человек, стремящийся к бессмертию, должен рассматривать себя не просто в плане жизни для будущего, для других, следующих поколений, а как *звено в цепи бессмертия*, т. е. и в том смысле, что в нем самом продолжается жизнь предыдущих поколений. Чтобы иметь право на свое собст-

¹ Толстой Л.Н. Полн.собр.соч.. Т. 35. С. 161.

² Толстой говорил еще в уничижительном смысле о “животной личности” в человеке. Между тем мы не так уж далеки от меньших братьев наших. Миллиарды лет развивалась и совершенствовалась живая природа. Человек со своей духовностью развивается каких-то несколько десятков тысяч лет. Было бы большим самонимением считать, что все, чем обладает человек, он приобрел эти несколько десятков тысяч лет.

венное бессмертие, человек должен пережить в себе бессмертие других, живших до него людей. Если этого нет, то можно сказать заранее, что он обречен на бесплодие и забвение.

Как жизнь предков продолжается в жизни потомков, так и жизнь гениев прошлого продолжается в нас самих, в жизни сегодняшних гениев. Ньютон как-то сказал, обращаясь к Гуку: “То, что сделал Декарт, было шагом вперед. Вы прибавили к этому новые возможности... Если я видел дальше, то потому, что стоял на плечах гигантов”¹. Видите, как считает Ньютон: он стал гигантом мысли потому, что *стоял на плечах гигантов*. Какое удачное выражение! Ясно, что стоять на плечах гигантов — не такая уж простая задача. Нужно ведь на них “вскарabкаться”, соответствовать, быть конгениальным. В другую эпоху и в другой связи Р. Шуман сказал, что понять гения может только гений. И в самом деле, если ты понял, осмыслил, пережил труд и творчество другого, то заслужил этим право нести факел бессмертия. Да дело не только в том, что ты “заслужил”, а в том, что ты *загорелся* и волей-неволей несешь в себе эстафетный факел. На примере музыкального творчества и восприятия музыки это особенно хорошо видно. Когда слушаешь музыку Бетховена, Чайковского, или Рахманинова, то переживаешь их творения, их мысли и чувства, наверное, так же, как переживали они сами. Через музыку они вливают в тебя огонь своей души. Таким образом их жизнь продолжается в тебе. Притом не просто какие-то общие моменты жизни, а весь их неповторимый, индивидуальный облик, запечатленный в их творениях. Разве можно спутать симфонию Бетховена с чем-либо другим? Нет, никогда! Слушаешь, например, его Героическую симфонию и такое ощущение, будто он здесь, рядом, в тебе самом. Невольно заражаешься его энергией, силой духа и хочется быть героем, хочется создать нечто подобное, под стать гению Бетховена. Так продолжается жизнь, жизнь рода и культуры.

Выше приводились разные примеры потенциального бессмертия. Они указывают на то, что потенциальное бессмертие многообразно по своему содержанию, выражается в

¹ Ньютон. Письмо к Гуку. Цит. по: Володин В. И тогда возникла мысль. М., 1980. С. 60.

различных видах и формах. Здесь впору говорить об упорядочивании, классификации видов и форм этого феномена жизни.

Мы видим, по крайней мере, два *параметра* потенциального бессмертия: полноту и глубину (степень).

Полнота потенциального бессмертия — это бессмертие, обусловленное полнотой жизни, наличием в ней основных моментов: любви, приносящей детей, и творчества. Если одного из этих моментов нет, то и жизнь представляется неполной и даже ущербной. В таком случае и потенциальное бессмертие не обладает нужной полнотой.

Глубина (степень) потенциального бессмертия — это то, как далеко вглубь прошедшего проникает взор человека и как долго сохраняется оставленный им след.

Наверное, самое короткое бессмертие — это бессмертие любви, продолжение жизни в детях. Ведь оно ограничено рамками жизни детей после смерти родителей. Внуки лишь отчасти продолжают жизнь дедов, а потомки, родившиеся после смерти предков, имеют с ними еще более отдаленную связь. Однако и это короткое потенциальное бессмертие имеет различную глубину, определяется тем, как к нему относится человек. Если он не только дал жизнь детям, но и воспитал их так, что они в свою очередь продолжают родовую жизнь, воспитывают своих детей в том же духе, то его потенциальное бессмертие глубже, значимее того продолжения жизни в детях, которое не идет дальше детопроизводства. Человек должен быть по-своему дальновиден в любви и в семейной жизни вообще. Ему нужно думать не просто о детях, а о том, чтобы заложить в них уважение к предкам и сознательное стремление к дальнейшему продолжению рода. Ведь не секрет, что родители часто не думают об этой стороне воспитания детей. Они либо стремятся воспитать просто хороших людей (а это утопия: просто хороших людей не бывает), либо думают лишь о профессиональной или творческой судьбе детей. Дети же, помимо всего прочего, должны продолжить род. Воспитание их в духе уважения к детопроизводству, животворчеству — отнюдь не простая задача. Жизнь мстит тем, кто об этом забывает. Сколько уже родов, генеалогий кануло в лету из-за пренебрежительного отношения к животворчеству! Вырождение, вымирание гро-

зит тем человеческим сообществам, которые легкомысленно относятся к ценностям продолжения рода.

Бессмертие дела, творчества тоже может иметь различную глубину. Об этом мы говорили выше, в предыдущем разделе. Бессмертие творчества может быть не только долговечнее продолжения жизни в детях, но и, как сказал поэт, “бронзы литой прочней”. Все зависит от человека. Совершенно ясно, например, что бессмертие гения неизмеримо обширнее, долговечнее бессмертия таланта. О. Бальзак говорил: “Великие гении опередили века, некоторые таланты опережают только годы”. Еще раньше М. Монтень говорил: “Людам дюжинным дано зреть плоды своих дел; семена, разбрасываемые гениальными натурами, всходят медленно”.

Конечно, не каждый может стать гением. Но стремиться в творчестве ко все более значительным достижениям — долг каждого творческого человека. В нравственном смысле все более значительные достижения суть не что иное как все более значительные услуги человечеству. Да и *сам* человек получает наибольшее удовлетворение от наиболее высоких результатов своей деятельности. “Самый счастливый человек тот, — говорил Д. Дидро, — кто дает счастье наибольшему числу людей”. Действительно, человек должен заботиться о благе и счастье не только в рамках своего личного “я”, а в масштабе всего общества. Только тогда он будет истинно счастлив, а имя и дело его переживут века.

5.4. Актуальное бессмертие (жить настоящим, в настоящем)

Бессмертие не будет и не было, оно *есть*.
*Л.Н. Толстой*¹

Жизнь — это вечность в миниатюре.
Эмерсон

Каждый человек буквально носит всю
вечность в своем собственном бытии
*К. Ламонт*²

Бесконечная сама в себе личность

¹ Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М., 1959. С. 229.

² Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 278.

Имеется множество свидетельств философов, ученых, деятелей культуры о том, что любовь и творчество раздвигают пределы жизни в глубину, открывают в ней самую настоящую бездну — то, что мы называем актуальным бессмертием.

Между тем феномен актуального бессмертия до сих пор мало изучен и осмыслен. Сам термин “актуальное бессмертие” был употреблен впервые совсем недавно, при первом издании книги в 1996 г., что говорит об отсутствии у людей *понятия* об этом феномене. Если о потенциальном бессмертии говорили и писали многие и много, то о существовании *актуального* бессмертия догадывались лишь некоторые. В чем тут дело? Здесь можно указать три причины.

Во-первых, как мы уже говорили, люди заметили, осознали прежде всего потенциальное бессмертие. Это связано с тем, что человек больше внимания обращает на конечные результаты, плоды деятельности, а по поводу самой деятельности, того, как она протекает, он не размышляет, а если и размышляет, то во вторую очередь. Потенциальное бессмертие, воплощенное в оставленных следах, кажется более зримым, реальным, чем актуальное бессмертие, переживаемое в процессе самой деятельности.

Во-вторых, религиозная концепция бессмертия ориентировала сознание людей лишь в направлении потусторонней, посмертной, загробной жизни, т. е. того, что мы называем иллюзорным потенциальным бессмертием. Земную жизнь религия обычно рассматривала как нечто весьма зыбкое, быстропроходящее, временное, лишь в аспекте ее конечности, (малости, ничтожности).

В-третьих, невыясненность проблем актуальной бесконечности в математике и споры математиков по поводу существования/несуществования актуальной бесконечности отрицательно сказывались на разработке проблем актуального бессмертия.

* * *

¹ Фролов И.Т. О жизни, смерти и бессмертии. — Вопросы философии. 1983. № 1. С. 98.

Понимание бессмертия только как потенциального ущербно. Ведь что получается? Моя смертная жизнь здесь, в настоящем, а моя бессмертная жизнь — там, в будущем, после моей смерти. Это разделение настоящей жизни и посмертного бессмертия мало чем отличается от христианского разделения земной жизни и бессмертной жизни души за гробом. Д. Дидро, имея в виду именно такое понимание бессмертия, писал: “потомство для философов — это потусторонний мир для верующего”. В журнале “Крокодил” по поводу такого понимания бессмертия горькая шутка: “бессмертие плохо тем, что оно приходит посмертно”. Человеку мало бессмертия потом. Ему подавай его сейчас, в этой жизни или вообще не говори о нем, молчи.

* * *

Весьма любопытна история возникновения идеи актуальной бесконечности в математике. Вот как описывает ее М. Клайн:

“Начиная с Аристотеля математики проводили различие между *актуальной бесконечностью* объектов и *потенциальной бесконечностью*. Чтобы пояснить эти понятия, рассмотрим возраст Вселенной. Если предположить, что Вселенная возникла в какой-то момент времени в далеком прошлом и будет существовать вечно, то ее возраст потенциально бесконечен: в любой момент времени возраст Вселенной конечен, но он продолжает возрастать и в конце концов превзойдет любое число лет. Множество (положительных) целых чисел также потенциально бесконечно: оборвав счет, например, на миллионе, мы всегда можем затем прибавить к нему 1, 2, и т. д. Но если Вселенная существовала в прошлом *всегда*, то ее возраст в любой момент времени актуально бесконечен. Аналогично множество целых чисел, рассматриваемое в “готовом виде” как существующая совокупность, актуально бесконечно.

Вопрос о том, следует ли считать бесконечные множества актуально или потенциально бесконечными, имеет длинную историю... По мнению Аристотеля, актуальная бесконечность не нужна математике... Последующие дискуссии нередко лишь затемняли существо дела, так как математики говорили о бесконечности как о числе, не давая явного определения понятия бесконечности и не указывая свойства этого понятия. Так Эйлер довольно легкомысленно утверждал в своей “Алгебре” (1770), что $1/0$ — бесконечность, хотя и не счел нужным определить, что такое бесконечность, а лишь ввел для нее обозначение ∞ . Без тени сомнения Эйлер утверждал также, что $2/0$ вдвое больше, чем $1/0$. Еще больше недоразумений возникало в тех случаях, когда речь шла об использовании символа ∞ для записи пределов при n , стремя-

щемся к бесконечности (например, для записи того, что предел $1/n$ при n , стремящемся к ∞ , равен 0). В подобных случаях символ ∞ означает лишь, что n неограниченно возрастает и может принимать сколь угодно большие (но конечные!) значения, при которых разность между 0 и $1/n$ становится сколь угодно малой. Необходимость в обращении к актуальной бесконечности при таких определенных переходах не возникает.

Большинство математиков (Галилей, Лейбниц, Коши, Гаусс и другие) отчетливо понимали различие между потенциально бесконечными и актуально бесконечными множествами и исключали актуально бесконечные множества из рассмотрения. Если им приходилось, например, говорить о множестве всех рациональных чисел, то они отказывались приписывать этому множеству число — его мощность. Декарт утверждал: “Бесконечность распознаваема, но не познаваема”. Гаусс писал в 1831 г. Шумахеру: “В математике бесконечную величину никогда нельзя использовать как окончательное; бесконечность — не более чем *façon de parler* (манера выражаться), означающая предел, к которому стремятся одни величины, когда другие бесконечно убывают”.

Таким образом, введя бесконечные множества, Кантор выступил против традиционных представлений о бесконечности, разделяемых великими математиками прошлого. Свою позицию Кантор пытался аргументировать ссылкой на то, что потенциальная бесконечность в действительности зависит от логически предшествующей ей актуальной бесконечности. Кантор указывал также на то, что десятичные разложения иррациональных чисел, например, числа $\sqrt{2}$, представляют собой актуально бесконечные множества, поскольку любой конечный отрезок такого разложения дает лишь конечное приближение к иррациональному числу. Сознывая, сколь резко он расходится во взглядах со своими предшественниками, Кантор с горечью признался в 1883 г.: “Я оказался в своего рода оппозиции к общепринятым взглядам на математическую бесконечность и к нередко отстаиваемым суждениям о природе числа”¹.

Интересно отметить, что как при сопоставлении актуального и потенциального бессмертия второе кажется более понятным, распознаваемым, так и при сопоставлении актуальной и потенциальной бесконечности вторая представляется математикам более понятной, интуитивно ясной и, соответственно, более оправданной (отвечающей реальности) формой бесконечности. На это обращает внимание Г.И. Рузавин:

“Поскольку актуальная бесконечность представляет собой чрезвычайно сильную абстракцию, то с пониманием ее связан це-

¹ Клайн М. Математика. Утрата определенности. М., 1984. С. 231-232.

льный ряд трудностей. Прежде всего наша интуиция восстает против представления бесконечности в виде заверщенного процесса. Завершенность бесконечности нередко понимается как ее уничтожение. Так, например, мы обычно мыслим натуральный ряд чисел как неограниченно продолженный, и нашей интуиции нелегко свыкнуться с представлением о законченности этого ряда. Но все эти возражения молчаливо предполагают потенциальную осуществимость математических объектов, между тем как актуальная бесконечность опирается на гипотезу абсолютной осуществимости.

Еще Аристотель возражал против использования в науке понятия актуальной бесконечности, ссылаясь на то, что нам известен способ счета только на конечных множествах. Он указывал, что конечное число разрушается актуальной бесконечностью. У средневековых схоластов отрицание бесконечности приняло форму изречения: “*Infinitum actu non datur*” (не существует действительной [актуальной] бесконечности).

Разбирая эти возражения Кантор указывает, что и с бесконечными множествами можно производить некоторые действия счета, если определенным образом упорядочить их. Разница будет состоять только в том, что если для конечных множеств порядок элементов не влияет на результат счета, то для бесконечных множеств он зависит от способа их упорядочения. (...) Часто отмечали также, что актуальную бесконечность нельзя целиком объять в мысли, так как она предполагает сосчитанным бесконечное множество. Возражая против этого, еще Б. Больцано заметил: чтобы вообразить целое, нет необходимости представлять отдельно его части”. “Таким образом, — подводит итог Г.И. Рузавин, — принимая гипотезу абсолютной осуществимости, мы обязаны принять и понятие актуальной бесконечности, хотя оно и приводит к чрезвычайно неожиданным следствиям”¹.

Трудность понимания и признания актуальной бесконечности вполне объяснима с философской точки зрения. В то время как потенциальная бесконечность означает выход за пределы конечного, воспринимается именно как бесконечное, актуальная бесконечность находится как бы *внутри* конечного, в стане своего собственного врага. Ее завершенность воспринимается как оконеченность, т. е. как ее уничтожение. Когда сопоставляют конечное и потенциально бесконечное, то первое рассматривают как нечто внутреннее, самодовлеющее, положительное, а второе — как нечто внешнее, производное, отрицательное. Но в том-то и дело, что конечное не является чем-то внутренним, самодовлеющим. Внешность (внешний характер) является, так сказать,

¹ Рузавин Г.И. О природе математического знания. (Очерки по методологии математики). М., 1963. С. 117-118.

сущностным определением конечного. Когда мы судим о конечности чего-либо, то всегда сопоставляем это что-либо с *другим*, с тем, что находится *вне*, за пределами чего-либо. Конечность не является *самоопределением* нечто. Лишь на границе, в отношении, во взаимодействии нечто с другим (другими) устанавливается, определяется конечность нечто. Напротив, подлинная бесконечность всецело внутренняя, самодовлеющая; она не вне нечто, а внутри. (Наглядный пример: живущему человеку представляется, особенно в молодости, что жизнь бесконечна, нескончаема, длится без конца.) Как только мы совершаем выход за пределы нечто, тут же оконечиваем его, как бы показываем ему его пределы. Отсюда можно видеть, что потенциальная бесконечность, которая тоже означает “выход за пределы”, является по сути переряженным конечным или негативным отпечатком конечного. Правда, в отличие от конечного, в ней акцент делается не на “пределах”, а на “выходе за”.

Как видим, не актуальная бесконечность ближе к конечному, а потенциальная.

За столетие своего развития теоретико-множественная математика пустила прочные корни в науке. Ее давно уже относят к классическому направлению математики. С. Клини, например, писал: “В классической математике бесконечность рассматривается как *актуальная*, или *завершенная*, или *протяженная*, или *экзистенциальная*. Бесконечное множество рассматривается как существующее в виде завершенной совокупности, до и независимо всякого процесса порождения или построения ее человеком, как если бы оно полностью лежало перед нами для нашего обозрения. В интуиционистской математике бесконечность рассматривается только как *потенциальная*, или *становящаяся*, или *конструктивная*”¹. И все же понятие актуальной бесконечности оказалось крепким орешком для многих математиков, ученых и философов. До сих пор идут споры о том, соответствует ли этому понятию что-либо в реальном мире или оно является лишь инструментом познания.

* * *

¹ Клини С.К. Введение в метаматематику. М., 1957. С. 49.

В связи с обсуждаемой проблемой актуального бессмертия нельзя не упомянуть имя *Гегеля*. В одной из своих работ он со всей ясностью поставил и решил, правда по своему — как идеалист, — вопрос об актуальном бессмертии. Он, во-первых, переосмыслил религиозную идею бессмертия души как бессмертие разума, мышления, познания, т. е. по существу в реалистическом духе — как творческое бессмертие человека. (“... человек бессмертен благодаря познанию, ибо лишь в качестве мыслящего он есть не смертная, животная душа, а душа чистая, свободная. Познание, мышление — это корень его жизни, его бессмертия, поскольку познание есть тотальность в себе самой”¹). Во-вторых, он подчеркивал, что бессмертие нельзя понимать только как потенциальное, потустороннее: “Когда речь идет о бессмертии души, то не следует представлять, что оно только позднее становится действительным; это качество, присущее ей уже в настоящем; дух вечен, а следовательно, он вечен *теперь*, в настоящем; дух в своей свободе не находится в сфере ограниченности, для него, как мыслящего, как знающего, предметом является всеобщее, и это есть вечность, которая не является простой продолжительностью, как продолжительно существуют горы, но является *знанием*. Вечность духа здесь осознана, она — в этом познании, в самом этом разрыве, который пришел к бесконечности для-себя-бытия”². Эти высказывания Гегеля вполне корреспондируются с его представлениями об истинной бесконечности как замкнутой в себе, всецело наличной, посюсторонней.

Гегель совершенно справедливо отмечал, что мы — как *познающие* существа — актуально бессмертны. В самом деле, разве мы не обнимаем умственным взором временные интервалы, которые практически бесконечно превосходят временной интервал нашей индивидуальной жизни. И с каждым годом, десятилетием человек все больше и больше раздвигает временные границы окружающего мира. Всего двести-триста лет назад ученые исчисляли реальное время мира в каких-то тысячах лет. Теперь они говорят о десятках миллиардов лет (таковы масштабы существования Метагалактики). Философы, свободно обсуждая проблемы беско-

¹ Гегель. Философия религии. Т. 2, М., 1977. С. 265.

² Там же. С. 264.

нечности, бессмертия, этим самым утверждают свою причастность и бесконечности, и бессмертию.

* * *

А вот размышления другого философа — Н. Н. Трубникова — об актуальном бессмертии. В недавно изданной книге “О смысле жизни и смерти” читаем:

“... проблема смерти, проблема страха смерти и страха небытия может быть удовлетворительно разрешена в зависимости от разрешения проблемы наполнения нашего настоящего жизнью, наполнения настоящей жизни настоящей жизнью. Значит, нужно обратиться не к прошлому, не к будущему, а к настоящему. И если нам удастся в нем найти возможность жизни, если мы в нем будем жить не для того, чтобы жить завтра или послезавтра, мы удовлетворительно решим и проблему смерти. Если мы в нем будем жить ради того, чтобы жить сейчас, здесь и теперь, то уже не время будет двигаться вокруг нас, все время оставляя нас где-то на периферии движения жизни, не оно будет идти помимо нас, как пейзаж мимо проходящего поезда или берега мимо плывущего корабля (наша общая очень вредная иллюзия восприятия времени, воспитанная у всех нас привычкой следить за стрелками часов и перелистывать страницы календаря). Нет, мы сами, отнюдь не как поезд, не как сцепленный с паровозом вагон по заранее проложенным железным рельсам и с заранее известными станциями, а как корабль, пусть как одинокая утлая ладья, направим свой путь к заветной цели в океане вечности, имея на борту избранный нами груз знаний и памяти. И тогда нам придется самим избрать, идти ли нам по ветру, куда он дует, куда влечет власть слепой стихии, или круче к ветру, против него, хотя и лавируя, делая галсы влево и вправо, но неуклонно приближаясь к свободно избранной цели.

Это новое времяощущение еще не задает нам цель, но оно помогает взять ответственность за направление движения на себя. Оно не вручает в виде награды рукоятку штурвала и компас, но оно пробуждает потребность в том и другом, оказывается необходимым условием становления ответственности за свою судьбу личности. Оно помогает человеку понять, что можно и не отдаваться на милость ветра и волн, что и в своей ладье он властен не ждать, что с ним будет, не ждать жизни, которая будет или может быть когда-то, но искать и созидать ее. Не ждать, куда бы его привели железные рельсы необходимости, если бы они были, или случайные порывы ветра, но выбирать, куда, с кем и с чем ему двигаться сейчас. И, выбирая путь, созидая свое настоящее, наполняя его, человек сам окажется способным выбирать, наполнять свое будущее, работать на него единственно достойным образом, т. е. созидать его, иметь его”¹.

¹ Трубников Н.Н. О смысле жизни и смерти. М, 1996. С. 75-76.

Да, действительно, человек может созидать-иметь будущее лишь созидая-имея настоящее. Н. Н. Трубников несколько витиевато, но верно по существу описал актуальное бессмертие и его связь с потенциальным бессмертием.

В этой проблеме **“жить настоящим, в настоящем”** есть вполне земной, практический-житейский смысл. Люди порой сильно переживают то, что было с ними вчера, и чрезмерно беспокоятся о том, что их ожидает завтра. А сегодняшний день, данный момент жизни они как бы выводят за скобки вместо того, чтобы использовать его на полную катушку. В итоге получается, что из-за прошлого и/или во имя будущего человек третирует настоящее...

Показательно, что С.Я. Маршак в стихотворении «БЕССМЕРТИЕ» говорил не вообще о бессмертии, а об умении жить настоящим:

Вы, что умеете жить настоящим,
В смерть, как бессмертные дети, не верьте.
Миг этот будет всегда предстоящим —
Даже за час, за мгновенье до смерти. (1960 г.)

Дейл Карнеги в книге “Как перестать беспокоиться и начать жить” посвятил этой проблеме целую главу, назвав ее: “Живите в “отсеке” сегодняшнего дня”. “Одним из самых ужасающих комментариев к нашему образу жизни, — писал он, — является то, что почти половина коек в наших больницах занята пациентами, страдающими нервными и психическими расстройствами, пациентами, которых сломил непомерный груз накопившихся вчерашних дней и устрашающих завтрашних дней. Ведь значительное большинство этих людей могло бы спокойно наслаждаться жизнью и быть счастливыми и приносить пользу окружающим, если бы они следовали совету Иисуса Христа: “Не тревожьтесь о завтрашнем дне” — или совету Уильяма Ослера “Живите в “отсеке” сегодняшнего дня”.

Вы и я в настоящую секунду стоим на пересечении двух вечностей: безбрежного прошлого, которое длилось вечно, и будущего, которое устремлено вперед до последнего момента летосчисления. По всей вероятности, мы не можем одновременно жить и в одной и в другой вечности — нет, даже ни одну долю секунды. Пытаясь этого добиться, мы можем подорвать свое физическое здоровье и умственные

силы. Поэтому давайте довольствоваться тем, чтобы жить в единственном отрезке времени, в котором мы, вероятно, можем жить, — от настоящего момента до отхода ко сну.¹

* * *

Часы любви, творчества реально раздвигают границы жизни. Грибоедовское “счастливые часов не наблюдают” очень точно по смыслу. Для любви времени как бы не существует. “В апогее близости, — пишет Ю. Рюриков, — человек испытывает совершенно особое состояние — когда вдруг пропадает время, и все вокруг исчезает, и ничего не остается. Человек выходит тут из всей цепи пространства и времени, из всех своих связей с миром. В нем остается одно только бескрайнее ощущение, одно — но такой слепящей силы, что затмевает миллионы его мыслей, понятий, привычек, чувств, воспоминаний”².

И дело не только в экзатичности любви (как бы исключенности ее из реальных времени-пространства). Сама любовь содержит внутри себя *бездну* переживаний, ощущений, движений. Ю. Рюриков по этому поводу пишет: “Многие, конечно, замечали по себе, что в разные моменты жизни бывают совсем разные ощущения времени. Особенно резко меняет чувство времени любовь. В часы любви время исчезает — исчезает почти буквально, его не ощущаешь, оно перестает быть. Об этом странном чувстве писал Роллан в сцене Кристофа с Адой. *И вместе с тем каждая секунда насыщена такими безднами переживаний, что время как бы останавливается и от одного удара пульса до другого проходит вечность. Время любви как бы состоит из бесконечных внутри себя мгновений — но эти бесконечности мгновенны, вечности молниеносны. И эта вечность секунды и эта мимолетность часов сливаются друг с другом, превращаются друг в друга и порождают друг друга* (курсив мой — Л.Б.)”³.

¹ Карнеги Д. «Как вырабатывать уверенность людей, выступая публично», «Как перестать беспокоиться и начать жить». М.: Прогресс, 1989. С. 233. Сравн.: “На день надо смотреть, как на маленькую жизнь” (М. Горький).

² Рюриков Ю. Три влечения. Любовь, ее вчера, сегодня и завтра. М., 1968. С. 55-56.

³ Там же. С. 96.

Актуальное бессмертие есть не что иное, как опосредствование конечного бесконечным, преходящего вечным. Если конечное обозначим К, а бесконечное — Б, то формула опосредствования конечного бесконечным будет: К-Б-К. Это — формула актуального бессмертия. (Соответственно формулой потенциального бессмертия будет: Б-К-Б). Актуальное бессмертие может быть большим или меньшим в зависимости от глубины опосредствования. А она зависит от человека. В. Г. Белинский об этом хорошо сказал: “Жить — значит чувствовать и мыслить, страдать и блаженствовать; всякая другая жизнь — смерть. И чем больше содержания объемлет собою наше чувство и мысль, чем сильнее и глубже наша способность страдать и блаженствовать, тем мы больше живем: мгновение такой жизни существеннее ста лет, проведенных в апатической дремоте, в мелких действиях и ничтожных целях”.

Время имеет для человека разную ценность, разную степень глубины. Чем больше человек делает и чем более важные события в его жизни происходят, тем *острее*, *глубже* ощущение им каждого мгновения жизни, тем *интенсивнее* протекает его жизнь. “Не думай о секундах свысока” — поется в одной известной песне. В самом деле, есть такие секунды в жизни, которые делают ее бессмертной.

О том, что время есть нечто *резиновое*, растягивающееся или сжимающееся, люди знали, догадывались давно. Сенека писал: “Жизнь долга, если она полна... Будем измерять ее поступками, а не временем”.

Об этом же писал Леонардо да Винчи: подлинная величина отпущенного человеку времени определяется тем, как он сумеет его использовать¹. С ним перекликается Джироламо Кардано: долгая жизнь коротка, если она проведена в лени и непродуктивном досуге, а с другой стороны, короткая жизнь длинна, если она наполнена прекрасными деяниями, запечатленными в вечном монументе истории; и тот живет мудро, долго и счастливо, кто использует каждый миг для работы над вещами, которые сохранят славу о нем до

¹ См.: Р.С.Гутер, Ю.Л.Полунов. Джироламо Кардано. М., 1980. С. 134.

конца времен¹.

Немецкая поговорка гласит: “трудолюбие из одного дня два делает”. Характерно название одного из разделов книги В. И. Демидова: “Резиновые мгновения”. Вот что говорится в этом разделе:

“Выходит, мы не только ощущаем бег времени, но даже отмечаем его своим внутренним эталоном? Может быть, не только сутки, но и часы, даже минуты? А то и секунды?”

“Я не успеваю встать, как снова ложусь. Когда я сажусь за стол, я думаю, что уже конец обеда и нужно вставать. Я иногда удивляюсь, неужели за две-три минуты я успела пообедать. Я часто отказываюсь верить, когда мне говорят, что прошло несколько часов. Неужели время может так быстро идти? Почему это так? Почему оно течет не так, как мне кажется?”

“Замер весь мир. Тоска. Люди движутся чересчур медленно. Все уплывает куда-то. Время остановилось. Оно текло и замерло. Я умерла или никогда не умру. Я знаю, что стрелка движется на ваших часах, но это лишь видимость движения... Вы приходите ко мне из другого времени”.

Это не отрывки из фантастического романа о неведомых пришельцах, научившихся управлять временем. Это говорит человек, пораженный тяжелым недугом — маниакально-депрессивным психозом. В маниакальной стадии — бурное возбуждение, в депрессивной — тяжелая апатия, длящаяся иной раз месяцами. И время то мчится вскачь, то плетется. Возбуждение — апатия... Какое отношение они имеют к ощущению времени? (...)

Да, время человек отсчитывает вовсе не с бесстрашием хронометра. “Как всегда в острых ситуациях, дрогнул, сдвинулся с места и пошел по какому-то странному, “двойному” счету масштаб времени. Каждая секунда обрела волшебную способность неограниченно — сколько потребуется — расширяться: так много дел успевает сделать человек в подобных положениях”, — вспоминает летчик-испытатель М. Л. Галлай об одном из многочисленных “случаев”, в которые ему приходилось попадать в воздухе. (...)

Итак, будет человек возбужден или апатичен, испытает приятные ощущения или неприятные, окажется до предела загружен работой или будет принужден воспринимать обстоятельства “как они есть” — в каждом случае один и тот же отрезок времени окажется психологически разным².

В. Демидов следующим образом объясняет феномен резинового времени:

¹ См. там же.

² Демидов В. Время, хранимое как драгоценность. М., 1977. С. 13, 14.

“Если восприятие длины отрезка времени действительно зависит от того, сколько “опорных точек” сохранилось в памяти, становится понятным и такой парадокс: старики жалуются, что жизнь промелькнула, как миг, а детям все кажется, что годы тянутся слишком медленно (...)” Для ребенка “каждый прожитый час открывает нечто неизведанное, любопытное. Память отмечает новые факты, — вот и ощущение медленного хода времени. А взрослый человек с устоявшимся бытом и привычками, в его жизни дни похожи друг на друга, а значит, нет информационно ценных обстоятельств, зацепок для воспоминаний, так что время субъективно ускоряет свой бег.

Мера информации — это мера неожиданности сообщения. Его нетривиальность¹.

Да, именно новизна является тем фактором, благодаря которому интенсифицируется жизнь человека. Она — мера актуального бессмертия. Чем больше новизны в жизни человека, тем больше она длится. Особенно ценна та новизна, которая рождается в актах любви и творчества. Ценна тем, что это не новизна ради новизны. Новизна в любви и творчестве созидательна, ведет к новой новизне, раздвигает границы жизни не только актуально, но и потенциально (порождает как актуальное бессмертие, так и потенциальное).

Нужно жить так, чтобы день ощущался как год, а год как жизнь.

На то, что жизнь внутри себя не равна самой себе, указывают своеобразные черные дыры жизни, такие как пустота жизни, скука, прозябание. Они — частичная смерть, небытие внутри бытия, нежизнь в самой жизни. Эмоциональным выражением такой пустоты является скука. А она, по меткому выражению С.Я. Маршака, — “звук небытия”.

5.5. Активное долголетие

Для глупца старость — бремя, для невежды — зима, а для человека науки — золотая осень.

Вольтер

Не тот стар, кто далек от колыбели, а тот, кто близок к могиле.

¹ Там же. С. 17.

5.5.1. Антитеза коротколетия и долголетия. Качество и количество жизни

Выше была рассмотрена взаимосвязь смертности и бессмертия в общем плане, безотносительно к конкретным срокам индивидуального существования человека. Здесь, однако, есть еще один вопрос, который обычно упускается философами из вида и лишь в последнее время привлек их внимание. Речь идет о проблеме активного долголетия. Осознав, что конечность бытия есть нечто неизбежное, люди стали думать над тем, а нельзя ли расширить границы своего конечного бытия, нельзя ли продлить молодость, жизнь и т. д. Вспомним гётевское: “Остановись, мгновенье, ты прекрасно!” Это, конечно, мечта. Но почему мечту нельзя спустить на землю, оформить в виде конкретной цели, чтобы хоть в какой-то мере она приближала нас к мечте?! Некоторые размышляют так: если мы смертны, рано или поздно умрем, то зачем нам еще заботиться о продлении жизни, о каких-то лишних годах жизни и вообще, какое крохоборство считать годы, стремиться прожить как можно дольше несмотря на дряхлость, немощь и т. д. Таким людям все равно, сколько жить: сорок или восемьдесят лет. Действительно, есть такой тип людей. Это, как правило, короткожители. Они психологически не настроены на долгую жизнь, на то, чтобы специально заботиться о ее длении. Большинство же людей стремится не просто жить, а жить возможно дольше. И это нормально.

Вообще среди реальных противоречий жизни существует и это: *антитеза коротколетия и долголетия*. Весьма примечателен спор двух выдающихся писателей — 32-летнего Карела Чапека и 65-летнего Бернарда Шоу. Последний написал философскую драму “Назад к Мафусаилу”, прославляющую долгожительство. Карел Чапек возразил ему комедией “Средство Макропулоса”. Бернард Шоу дожил до 94-х лет. Карел Чапек — всего до 48-и. Эти писатели своей жизнью продемонстрировали антитезу коротколетия и долголетия.

Проблема долголетия не сводима ни к проблеме продолжения рода, ни к проблеме творческого бессмертия. Не случайно пишущие на тему о смертности и бессмертии, как правило, игнорируют эту проблему и даже выставляют ее в односторонне негативном свете. И на это есть свои причины. В чистом виде стремление к долголетию, к возможно большему длению жизни превращается в пустое стремление прибавить годы к жизни, а не жизнь к годам.

Как есть короткожителю, которым все равно сколько жить, так есть и фанаты-долгожители, которые стремление жить возможно дольше превратили в самоцель. Об этой крайности в поведении людей говорят примеры *долголетнего* прозябания, "дрожания", такие как описанные в мировой литературе 100-летняя жизнь премудрого пескаря из сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина или такая же долгая жизнь Тимоти Форсайта из "Саги о Форсайтах" Д. Голсуорси.

М.Е. Салтыков-Щедрин очень ярко изобразил никчемную жизнь "премудрого" пескаря, отсутствие в ней какого-либо качества и заботу лишь о длении жизни, т. е. о ее количестве. Вот отрывок из его сказки:

"И прожил премудрый пескарь таким родом слишком сто лет. Всё дрожал, всё дрожал. Ни друзей у него, ни родных; ни он к кому, ни к нему кто. В карты не играет, вина не пьет, табаку не курит, за красными девушками не гоняется — только дрожит да одну думу думает: слава богу! кажется, жив! (...)

Сколько прошло годов после ста лет — неизвестно, только стал премудрый пескарь помирать. Лежит в норе и думает: слава богу, я своею смертью помираю, так же, как умерли мать и отец. И вспомнились ему тут шучьи слова: вот кабы все так жили, как этот премудрый пескарь живет... А ну-тка, в самом деле, что бы тогда было?

Стал он раскидывать умом, которого у него была палата, и вдруг ему словно кто шепнул: ведь этак, пожалуй, весь пескарый род давно перевелся бы!

Потому что, для продолжения пескарьего рода, прежде всего нужна семья, а у него ее нет. Но этого мало: для того, чтоб пескаря семья укреплялась и процветала, чтоб члены ее были здоровы и бодры, нужно, чтоб они воспитывались в родной стихии, а не в норе, где он почти ослеп от вечных сумерек. Необходимо, чтоб пескари достаточное питание получали, чтоб не чуждались обществу, друг с другом хлеб-соль бы водили и друг от друга добродетелями и другими отличными качествами заимствовались. Ибо только такая жизнь может совершенствоваться пескарью породу и не дозволит ей измельчать и вырождаться в сметка.

Неправильно полагают те, кои думают, что лишь те пескари могут считаться достойными гражданами, кои, обезумев от страха, сидят в норах и дрожат. Нет, это не граждане, а по меньшей мере бесполезные пескари. Никому от них ни тепло, ни холодно, никому ни чести, ни бесчестия, ни славы, ни бесславия... живут, даром место занимают да корм едят.

Всё это представлялось до того отчетливо и ясно, что вдруг ему страстная охота пришла: вылезу-ка я из норы да гоголем по всей реке проплыву! Но едва он подумал об этом, как опять испугался. И начал, дрожа, помирать. Жил — дрожал, и умирал — дрожал.

Вся жизнь мгновенно перед ним пронеслась. Какие были у него радости? кого он утешил? кому добрый совет подал? кому доброе слово сказал? кого приютил, обогрел, защитил? кто слышал об нем? кто об его существовании вспомнит?

И на все эти вопросы ему пришлось отвечать: никому, никто.

Он жил и дрожал — только и всего. Даже вот теперь: смерть у него на носу, а он всё дрожит, сам не знает, из-за чего. В норе у него темно, тесно, повернуться негде; ни солнечный луч туда не заглянет, ни теплом не пахнет. И он лежит в этой сырой мгле, незрячий, изможденный, никому не нужный, лежит и ждет: когда же, наконец, голодная смерть окончательно освободит его от бесполезного существования?"

Тимоти Форсайт из "Саги о Форсайтах" Д. Голсуорси — поразительный пример бессмысленного существования человека, пожертвовавшего качеством жизни во имя ее количества. Он был, пожалуй, единственным в Англии человеком, который не знал, что началась первая мировая война, а потом кончилась. В Англии на троне Викторию сменил Эдуард, а его — Георг, менялись правительства, менялись экономические программы и политические лозунги, менялись моды, прически, привычки, а Тимоти ничего этого не знал, он был занят почти до 100 лет одним — берег свою жизнь.

Антитеза коротколетия и долголетия чаще всего выражается именно в этом *противопоставлении качества и количества жизни*. Одни готовы пожертвовать или жертвуют количеством жизни во имя ее качества, а другие, напротив, готовы пожертвовать или жертвуют качеством жизни во имя ее количества. Действительно, порой возникают ситуации "или-или". Во имя высокого качества жизни человек может обречь себя на короткую, подобную молнии, жизнь. Такой человек — герой. Он рискует или вынужден рисковать в исключительных обстоятельствах. Есть целые профессии — военных, спасателей, испытателей и т. п., — в которых ко-

личество жизни приносится в жертву ее качеству. С другой стороны, боясь риска, люди жертвуют качеством жизни во имя ее количества. Их жизнь, хоть и долгая, но пресная, скучная.

Стремление к долголетию, если оно не сопровождается стремлением к достойной жизни, бессмысленно. Долголетие ради долголетия — все равно что страсть к накопительству, к деланию денег ради денег. Не существование ради существования, а *активное*, т. е. богатое чувствами, мыслями, действиями долголетие — вот задача для настоящего человека!

Воистину счастливы те люди, которые умеют соединить качество и количество жизни, для которых не существует ситуации “или-или”: прибавлять жизнь к годам или годы к жизни.

В свете сказанного представляются ошибочными мнения некоторых философов о том, что качество жизни важнее ее количества.

Эти мнения по-своему интересны. Приведем некоторые из них. Вот что пишет, например, Сенека:

“Заботиться нужно не о том, чтобы жить долго, а о том, чтобы прожить довольно. Будешь ли ты жить долго, зависит от рока, будешь ли в досталь — от твоей души”.

“Молю тебя, мой Луцилий, постарайся, чтобы жизнь наша, подобно драгоценностям, брала не величиной, а весом. Будем мерить ее делами, а не сроком”.

“Человек может быть совершенным и при тщедушном теле — так и жизнь может быть совершенной и при меньшем сроке. Возраст принадлежит к числу вещей внешних. Как долго я проживу, зависит не от меня, как долго пробуду — от меня”¹.

“Жизнь — пьеса: не то важно, длинна ли она, а то, хорошо ли сыграна. К делу не относится, тут ли ты оборвешь ее или там. Где хочешь, там и оборви — только бы развязка была хороша”².

А вот мнение Эпиктета: “Жизнь короткую, но честную, всегда предпочитай жизни долгой, но позорной”.

Мишель Монтень: “мера жизни не в ее длительности, а в том, как вы ее использовали”.

Похвально, конечно, стремление философов подчеркнуть значение качества жизни, но не ценой же третирования другой ее составляющей — количества (длительности, про-

¹ Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 218. (Письмо XCIII).

² Там же. С. 153. (Письмо LXXVII, 20).

должительности)! **Длительность, продолжительность жизни — как количественно-временная категория — далеко не так безразлична жизни, ее качеству, как это им представляется. См. об этом ниже.**

5.5.2. Почему люди стремятся жить как можно дольше и почему надо жить как можно дольше?

Жить нужно как можно дольше, во-первых, потому что человек лишь с годами накапливает опыт, знания, умения и чем больше он живет, тем богаче и продуктивнее его опыт, тем обширнее и глубже его знания и тем совершеннее его умения. Мудрость приходит с годами и чем больше лет, тем мудрее человек.

Во-вторых, нужно жить как можно дольше для того, чтобы решать *большие* задачи — такие, которые выходят за рамки нескольких лет или нескольких десятков лет жизни, которые требуют выхода за пределы обычного срока жизни. Для творческого человека нет предела дерзанию и его, конечно, стесняют рамки конечной жизни.

В-третьих, нужно жить как можно дольше для того, чтобы *живьем* передавать свой опыт младшим поколениям, чтобы предки и потомки (прапра-...дедушки и прапра-...внуки) имели возможность *живого* общения, чтобы была ситуация не смены поколений, а *умножения* поколений.

* * *

Противоречие смертности и бессмертия находит, так сказать, свое непосредственное разрешение в борьбе за продление жизни, за активное долголетие. Проблема долголетия — особая проблема, имеющая для человека и человечества относительно самостоятельное значение. Она обнаруживает подвижность, условность границ между конечностью и бесконечностью существования. Благодаря ей люди осознали, что конечное и бесконечное не застывшие, неподвижные противоположности, что между ними есть переходы, промежуточные звенья. Стремление к долголетию означает переход (хотя бы маленький, частичный) *от* конечности *к* бесконечности существования, от смертности к бессмертию, выход за рамки чисто конечного бытия, движение в сторону

бесконечного существования. Это стремление реализуется в разных формах и на разных уровнях.

На уровне отдельного человека решается задача так оздоровить жизнь, т. е. так наладить здоровый образ жизни, чтобы продлить ее до максимального предела видовой продолжительности жизни человека как представителя рода "homo sapiens". Этот предел по разным оценкам ученых равен 120-150 годам.

На уровне человечества решается научно-практическая задача раздвинуть рамки видовой продолжительности человека, изменить генетическую программу оконечивания индивидуальной жизни в сторону ее максимально возможного продления. Уже сейчас ученые трудятся над разгадкой генетического механизма, ограничивающего видовую продолжительность жизни человека. Безусловно, они разгадают этот механизм и найдут способы воздействия на него в сторону значительного увеличения видовой продолжительности жизни. Я убежден: недалеко то время, когда люди будут жить полноценной жизнью до 1000 лет и больше. И это самый скромный прогноз¹.

Почему люди не мирятся с тем сроком жизни, который им отвела природа? Позволительно ответить вопросом на вопрос: а почему, собственно, люди должны мириться с этим сроком жизни? Разве данное конечное число лет задано природой на все времена? Нет. Первые живые организмы на Земле существовали от деления до деления всего каких-то несколько часов. За три с лишним миллиарда лет станов-

¹ И.Т.Фролов в известных статьях «О жизни, смерти и бессмертии» пишет о том, что ученые говорят «о возможности в будущем увеличить видовую продолжительность человеческой жизни до 1000 и более лет, а иногда и до... бесконечности». «Речь идет в данном случае, — комментирует он, — не просто о какой-то футурологической эйфории, но и о прогностических высказываниях ряда ученых-специалистов (см. Купревич В.Ф. Бессмертие — сказка? // Наука и религия. 1965, № 7; Кларк А. Черты будущего. М., 1966 и др.). Существует международная ассоциация по проблеме «Искусственное увеличение видовой продолжительности жизни людей», которая исходит из того, что возможно и необходимо продлить жизнь человека на сотни лет. Что касается А.Кларка, то он считает, что человек достигнет бессмертия уже к 2090 году!» — См.: Академик Иван Тимофеевич Фролов: Очерки. Воспоминания. Избранные статьи. — М.: Наука, 2001. С. 441.

ления жизни этот срок жизни отдельного организма возрос с нескольких часов до нескольких десятков лет у высших животных и человека, т. е. примерно в 200 000 раз. Вполне естественно предположить, что природа отнюдь не остановилась на достигнутом сроке жизни и пойдет дальше в пролонгировании жизни. Нет никаких оснований полагать, что 100 лет жизни заказаны человеку на все времена. Если человек — вершина эволюции живой природы на Земле — живет в 200 000 раз больше простейших живых организмов, то значит возможно и такое положение, когда природа в лице человека, *становясь дальше, усложняясь и совершенствуясь*, выйдет на новые рубежи продолжительности жизни — в 200 000 раз против сегодняшних 100 лет.

5.5.3. Что надо делать для того, чтобы жить долго и счастливо?

Мы, люди, — живые существа, часть живой природы. С другой стороны, мы не просто продолжаем живую природу, а создали свой особый, *человеческий* мир и живем по *своим* законам, порой наперекор живой природе, вопреки ей. Природа заложила в нас определенный цикл развития — рождение, рост, зрелость, старение, смерть. Мы, конечно, не можем пока изменить этот цикл, устранить из него две стадии — старение и смерть. Но в наших силах отодвинуть наступление старческой немощи и следующей за ней смерти. Раньше ведь как было. Человек большей частью жил как животное и старость принимал как должное. Думал, что старческую немощь не отменить, что если на роду написано с годами стареть, дряхлеть, наживать болезни, тяжелеть, терять силу и т. д., так тому и быть. Иному пожилому человеку говоришь: у Вас лишний вес, — а он в ответ: так положено, это возрастное. Да, действительно, если жить по животному (как задано природой), то при переходе от зрелости к старости сытая жизнь неизбежно приводит к избыточному весу, ожирению. Теперь, однако, многие люди думают по-другому. Они рассуждают примерно так: мы — разумные существа, много уже знаем, понимаем и поэтому должны направлять, корректировать естественный ход жизни, сопротивляться в отдельных случаях заданному природой. Если природа заложила в нас постепенное снижение двига-

тельной активности после репродуктивного периода (20-30 лет), постепенное повышение аппетита сверх меры (вследствие понижения чувствительности к пище), то мы должны воспрепятствовать этому: не ослаблять двигательную активность, поддерживать ее на оптимальном уровне, питаться не в соответствии со своим аппетитом, а с учетом расхода калорий¹.

В самом деле, каждый из нас, из тех, кто живет 35 и больше лет, на себе ощутил почти фатальное снижение двигательной активности и, как следствие этого, уменьшение ловкости, гибкости, потяжеление, появление жировых отложений, учащение и усиление различного рода заболеваний. Каждый невольно замечал за собой, что стал больше лениться, больше стремиться к покою, к пассивному отдыху, быстрее уставать и т. д. и т. п. С понижением двигательной активности люди слабеют, а слабея, быстрее устают. Усталость же приводит к желанию отдохнуть, т. е. к еще большему снижению двигательной активности. Возникает порочный круг: снижение двигательной активности — устание — отдых — еще большее снижение двигательной активности и так до смерти.

Как мне представляется, каждый человек, если он не хочет плыть по течению жизни и быть рабом природы, должен на определенном этапе жизни выработать для себя программу полноценной, активной, долгой жизни. Это действительно должна быть *программа*, потому что от очень многих "вещей" зависит жизнь человека. Если кто-то думает, что может обеспечить активное долголетие с помощью каких-то пилюль или какой-то диеты или даже каких-то физических упражнений, тот глубоко ошибается. Нужен *комплекс мер*,

¹ **Вот пример такой активной и долгой жизни.** В октябре 2001 г. по Евровидению был показан сюжет: 102-летняя жительница Сингапура Тереза Сю занимается йогой, прекрасно выглядит, в половину своего возраста. Гибкость членов у нее как у настоящего йога. Ее секрет, как она сама объясняет, — занятия йогой. Тереза Сю ведет весьма деятельный образ жизни. Встает еще до рассвета, затем пробежка. Йогой начала заниматься в 70 лет. Она считает, что "в здоровом теле здоровый дух". Посоветовала "каждому заняться зарядкой". В свои 102 года дважды в неделю ведет занятия по йоге. Ученики восхищаются ею; один из них признался, что ему было стыдно, когда она выполняла позы, которые у него не получались.

действий, жизненных условий. Это не обязательно только специальные меры и действия по обеспечению долголетия, не обязательно какие-то особые жизненные условия. Если жизнь полноценна, то она при прочих нормальных условиях будет долгой и счастливой.

Я выработал для себя такую программу гармонического развития и активного долголетия. См. об этом ниже, стр. .

5.6. Виртуальное бессмертие

В связи с появлением-развитием компьютерной техники у людей появилась возможность создания виртуальных двойников, которые могут служить им при жизни и, в известном смысле, продолжать их жизнь после физической смерти. В случае прижизненного общения с виртуальным двойником возникает интересная возможность со-совершенствования и со-творчества. В случае же посмертного существования виртуального двойника возникает возможность как бы продолжить жизнь после физической кончины, в виртуальном виде.

Не буду говорить о других, но вот что можно было бы сделать с моей жизнью: все мои тексты (и дневники, и документы, и сочинения), все фотографии, аудиозаписи, видеофильмы поместить в виртуальное пространство и создать программу-сценарий виртуального поведения (путем экстраполяции прижизненного поведения + включения авторских текстов). В результате возникает возможность виртуального общения со мной и после того, как меня не станет. Я в некотором роде мог бы продолжать жить и после смерти. А именно, при сопоставлении-сравнении-столкновении моих текстов (мыслей, идей, взглядов), прижизненного поведения-облика-образа с новой реальностью и новыми проблемами (тех людей, которые виртуально общаются со мной) можно было бы как бы (виртуально) продолжить мое творчество, т. е. создать ситуацию, когда я, теперь уже виртуальный, мог бы продолжать сочинять, выдвигать и обосновывать идеи, давать оценки и предлагать решения. Это вполне возможно, поскольку мои основные философские идеи достаточно общи и могут при сопоставлении с новой и

меняющейся реальностью преломляться-
конкретизироваться в виде частных идей-мыслей сколь
угодно долго.

ГЛАВА 6. КОНЕЧНОСТЬ И БЕСКОНЕЧНОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ ЖИЗНИ

Имеется такое свидетельство об отношении Л.Н. Толстого к смерти. “Высокоцитимый граф Лев Николаевич, — писал И.Н. Янжул, — последние годы имел слабость охотно беседовать о смерти... Я заметил ему как бы для утешения (в начале 90-х г.г., на собрании в Московском университете — Л.Б.), с какой стати он так занят этим вопросом о смерти, когда он за свои великие труды уже *бессмертен* при жизни и будет таковым же после смерти. На что он мне ответил: “Да я-то не буду ничего чувствовать и сознавать”¹. В этом свидетельстве зафиксировано мнение творческого человека, который не может примириться с неизбежностью смерти. Борьба за активное долголетие решает только задачу продления жизни до каких-то пределов. Пусть это будут 120, 1000, 200 000 лет, но все же человек рано или поздно оказывается перед ситуацией *смерти*, когда его тело превращается в *труп*, т. е. в ничто.

Ни “делание” бессмертия в указанном выше смысле, ни активное долголетие не решают по-настоящему проблемы смертности и/или бессмертия.

Вопрос в том, можно ли вообще устранить смерть из жизни человека? Мы уже говорили, что смерть как эволюционное приобретение жизни возникла на этапе полового размножения многоклеточных организмов. Превращение живого в труп отнюдь не является абсолютной неизбежностью для всякого живого.

Жизнь как таковая не носит в себе зародыш смерти. Она, бесспорно, носит в себе зародыш изменения, преобразования, но не смерти, а тем более не гибели. Смерти нельзя приписывать абсолютное значение оконечивания. Нельзя

¹ Янжул И.Н. Страх смерти. Разговор с графом Л.Н.Толстым. Спб, 1910. С. 4. — Альманах “Прометей”. Т. 12, 1980. С. 137.

отождествлять смертность, имеющую *частное* значение, и конечность, имеющую *универсально-всеобщее* значение. Да, все реально существующее содержит в себе момент оконечивания — такова диалектика конечности и бесконечности. Но из этого не следует, что *живое* оконечивает себя только через смерть. Последняя — лишь один из “способов” оконечивания живого. Одноклеточные организмы, делящиеся миллиарды лет, живут конечный срок (от одного деления до другого). А ведь они не знают смерти. Смерть как полное разрушение многоклеточного организма — до первичных органических и неорганических молекул — возникла на определенном этапе становления живой природы. Вполне возможно, что человек со временем найдет другой способ оконечивания своей жизни, не такой разрушительный как смерть. Не исключено, что, изменив соответствующим образом свою генетическую программу, он может покончить со смертью.

Дальнейшее становление живой природы (уже на стадии человеческого общества) *может* привести к ликвидации смерти в смысле превращения живого в труп, к замене полного уничтожения *преобразованием* одного живого в другое наподобие деления одноклеточных организмов, в том смысле, что отдельный человек, прожив определенный срок жизни, как бы переходит в другого человека, сохранив при этом основное содержание своего “я”. Конечность существования остается как момент жизни, но она не будет носить характер смерти в смысле полного уничтожения.

Смерть (как превращение живого в труп) была необходимым моментом на стадии развития многоклеточных организмов и в какой-то мере оправдана на стадии развития человечества до определенного времени. Это связано прежде всего с ограниченностью жизненного пространства и ресурсов.

Действительно, в каждый данный момент и жизненное пространство и ресурсы ограничены. Но кто сказал, что вместе с решением проблемы увеличения продолжительности жизни человечество не решит и проблему увеличения жизненного пространства и ресурсов?! Конечно, если исходить из предположения, что человечество будет жить *только* на Земле, то нетрудно предвидеть наступление момента, когда

в результате размножения и увеличения продолжительности жизни людям станет тесно и ресурсы истощатся. В том-то и дело, что это предположение основывается на прошлом опыте эволюции живого и не учитывает возможности освоения человеком космического пространства. Чаще всего как раз и пытаются доказать естественность, необходимость смерти ссылками на живую природу, в которой гибель организмов и смена поколений обусловлены борьбой за существование и ограниченностью земных ресурсов. Но то, что верно для живой природы, нельзя механически переносить на человеческое общество. Люди, в отличие от животных, находят все новые и новые источники ресурсов и этому процессу нет конца. Наступает время, когда смерть человека перестает быть оправданной с эволюционной точки зрения, как ограничитель увеличения массы живого. С созданием управляемой термоядерной реакции и освоением (обживанием) космического пространства люди практически обеспечат себя безграничными ресурсами и могут увеличивать продолжительность своей жизни и размножаться до каких угодно пределов.

Человечество уже сейчас должно поставить перед собой задачу ликвидации смерти, т. е. замены ее каким-то *преобразовательным* механизмом, который позволил бы более мягко переводить одно “я” в другое “я” без того, чтобы первое “я” переживало ужас полного уничтожения-распада. Следующее за первым я” второе “я” должно наследовать не только генетическую программу первого, но и его разум, самосознание, личность. Это наследование должно быть подобно тому, как наше “я” в зрелости или в старости наследует наше же “я”, бывшее в детстве или юности. Ведь не секрет, что мы *разные* на *разных* этапах жизненного пути. Мы, конечно, сожалеем, что детство прошло, юность прошла, что мы *другие*. Но тем не менее горечь об ушедших годах, о том, что мы другие, не сравнима с переживанием того, что нас когда-то не будет, что наше “я” исчезнет.

* * *

Да, абсолютное индивидуальное бессмертие невозможно, но возможно и реализуемо *бесконечное приближение* к идеалу абсолютного бессмертия.

Идея индивидуального бессмертия сродни идее вечного двигателя. В сущности, это идеи-близнецы. Они ложны в своем абсолютном, предельном выражении, но истинны в смысле асимптотического приближения к некоторому пределу. Это можно видеть на примере идеи вечного двигателя. Эта идея основывается на представлении, что энергию можно получить из ничего. Если вместо слова “ничего” поставить выражение “все более энергоемкие источники”, то это представление будет справедливым. В самом деле, история развития энергетики такова, что человечество последовательно решало и продолжает решать задачи получения энергии из все более энергоемких источников. Сначала это были дрова, затем уголь, затем нефть и газ. В настоящее время осваивается ядерная энергия распада. На очереди — овладение термоядерной энергией синтеза, что даст человечеству практически неисчерпаемый источник энергии. Люди почти буквально будут получать энергию из ничего. Это ли не осуществление сказочной мечты о вечном двигателе!

Так и идея индивидуального бессмертия. В качестве религиозной сказки она вздорна, нелепа. А как научно-практическая задача “делания бессмертия” она не то, что вздорна, а необходима и решается.

ГЛАВА 7. ЗДОРОВЬЕ И БОЛЕЗНИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФИЛОСОФА

7.1. *Норма и здоровье*

Не нужно доказывать, что здоровье человека — чрезвычайно сложная, индивидуально варьирующая, развивающаяся категория, связанная с его сущностью. И в то же время это самая что ни на есть *норма*. Здоровье — норма, нормальное состояние человеческого организма. Болезнь — отклонение от нормы, патология. Смерть — прекращение, уничтожение нормы.

7.1.1. Норма

Только тот может сказать, что он изучил жизнь, кто сумеет вернуть нарушенный ход ее к норме.

И. П. Павлов

А. С. Мамзин в свое время справедливо отмечал, что понятию нормы уделяется "совершенно недостаточное внимание в работах наших философов"¹. Можно сказать больше: философы, занимающиеся фундаментальными проблемами и определениями бытия, еще не знают такого понятия, не осмыслили его как философскую категорию. Между тем это понятие стоит в одном ряду с такими категориями, как организм, органическое целое, развитие, поведение, деятельность, свобода, сущность, сложное противоречие, гармония.

Норма как категориальное определение является одной из фундаментальных характеристик живого и человеческого.

Норма — это мера применительно к органическому миру, мера, реализующаяся на стадии живой природы и человеческого общества, *сложная органическая развивающаяся деятельная свободная сущностная мера.*

Норма — это мера организма и сообщества организмов.

Норма объединяет сложное органическое качество и сложное органическое количество. Со стороны качества она индивидуальна и типична (типологична), со стороны количества — уникальна и серийна.

Таков категориально-логический портрет нормы. Этот портрет отличается от того, что люди нередко понимают под нормой. Понятие нормы — эмпирического происхождения, многозначно, используется не только для характеристики сложных органических мер, но и для других целей².

¹ Мамзин А.С. Очерки по методологии эволюционной теории. Л., 1974. С. 44.

² Например, как "средняя величина, характеризующая какую-либо массовую совокупность случайных событий, явлений. В таком смысле это понятие употребляется в исследованиях, проводимых с применением методов теории вероятностей и математической статистики" (Философский энциклоп. словарь. М., 1983. С. 441). См. также в Словаре С.И. Ожегова (М., 1991): норма — "установленная мера, средняя величина чего-н. Н. выработки. Н. высева семян. Н. выпадения осадков".

Это не должно нас смущать. Многие философские понятия, категории используются в некатегориальных значениях¹.

В норме часто видят лишь общее, типическое, среднее (усредненное), стандартное, свойственное лишь серии. Нередко даже отождествляют норму и стандарт. И это отчасти верно. В норме действительно присутствуют все эти моменты. Однако, *реальная* норма (как категориальное определение) охватывает оба аспекта реальности: общее и специфическое, типичное и индивидуальное, серийное и уникальное.

Пожалуй, наиболее ярким и характерным примером нормы как сложной органической меры является *здоровье*.

7.1.2. Здоровье

Здоровье — результат слаженной работы всех систем организма в их многообразных качественных и количественных определенностях². Насколько впечатляюща эта работа, можно судить по следующему фрагменту книги доктора медицинских наук В.И. Говалло:

"Марк Твен свидетельствует то ли почтительно, то ли иронически: "человек — это механизм. Самодействующий механизм. Он состоит из тысяч сложных и хрупких деталей, которые безупречно и в полной гармонии друг с другом выполняет свои функции согласно особым законам".

Твен не прав, это автомобиль состоит из десяти с чем-то тысяч частей, в амебе их уже миллионы. Тело человека включает 10²³(!) клеток, и гармония их безупречна. И хрупкими эти детали не назовешь.

В состоянии покоя сердце у нас перекачивает в одну минуту 4 литра крови, за сутки — 5-10 тысяч литров, а за год — более 2 миллионов. Но то в покое, при нагрузке эта цифра возрастает в пять, десять, а у тренированных людей — и в двадцать раз. При каждом сокращении сердечной мышцы в аорту выбрасывается до полстакана крови, в норме это происходит 60-80 раз в одну минуту, но даже эмоциональная реакция может увеличить частоту пульса в полтора-два раза. И работает эта незатейливая, казалось бы, система не год-два, а десятилетия, и без ремонта. Ничего подобного по выносливости, надежности и способности к быстрой

¹ См. об этом: Л.Е. Балашов. Мир глазами философа. (Категориальная картина мира). М., 1997. С. 16-17; Л. Е. Балашов. Ошибки и перекосы категориального мышления. М., 2002. С. 12-13.

² Еще пифагореец Алкмеон определял здоровье как "изономию" (соразмерность) присущих телу человека противоположностей, как соразмерную смесь [элементарных] качеств. См.: Мнения философов V, 30, 1 ["О здоровье, болезни и старости"]. Ср.: Платон, Пир, 186 с-е; Гиппократ. О древней медицине, 14.

смене ритма воображение конструкторов искусственного насоса придумать не может. Так что обычные мерки хрупкости, как способности предметов разрушаться после незначительной деформации, здесь не подходят.

Пять с лишним тонн крови за сутки протекают по 100 тысячам километров нашего разветвленного сосудистого русла, даря клеткам тела необходимый им кислород и унося углекислоту и шлаки. Скорость тока крови регулируется не только диаметром сосудов, но и изменениями их просвета в соответствии с нервными и гормональными сигналами. Стенка кровеносных сосудов определяет и ограничивает выход клеток в окружающие ткани. Некоторые из этих клеток становятся веретенообразными, чтобы пронзить стенку, другие же, более постоянной формы, из сосуда изливаются только при его ранении. Подвижные клетки — это лейкоциты или белые кровяные клетки, о них ниже.

Основная масса клеток крови — эритроциты, эти вечные труженики, плотно упакованные кислородом, который они сами почти не потребляют, но передают в тонкостенных капиллярах окружающим тканям. С помощью крупниц хрома они преобразуют атмосферный кислород в две молекулы атомарного кислорода (O_2 в $2O$). Пример экономии, достойный подражания: газообмен в организме обеспечивается 25 триллионами эритроцитов, каждый из которых содержит по 250 молекул гемоглобина. За одну минуту мы вдыхаем 5-10 литров воздуха, но содержание столь важного для химических реакций хрома в нашем теле не превышает... 7 граммов. Одновременно эритроциты принимают участие в водном и солевом балансе, они набухают в венозной крови и отдают лишнюю жидкость в крови артериальной, это важно для дыхания и потоотделения. Можно ли себе представить более тонкие взаимоотношения между диффузионной средой и мембраной, которая оказывается избирательно проницаемой в разных частях организма и неодинаковой при тех или иных физиологических состояниях?

Не устаешь удивляться надежности и целесообразности созданного природой. Эритроцит — самая простая безъядерная клетка организма, живущая 90-125 дней, является совершеннейшим кислородным "контейнером", используемым для транспортировки газа сотни тысяч раз и обладающим к тому же свойством связывать влагу. За сутки заменяется примерно 25 граммов крови. За 70 лет жизни костный мозг дает 650 килограммов эритроцитов и тонну лейкоцитов.

Мы вздохнули — такое естественное, до тысячи раз повторяемое нами каждый час движение. И миллионы ресничек слизистой оболочки нашего дыхательного тракта заколыхались, очищая воздух от частичек пыли, фильтруя его и согревая на всем пути следования по бронхиальному дереву. При спокойном дыхании в легкие человека за час поступает 400-500 литров воздуха. Попав в легкие, он растягивает стенки миллионов мелких ячеек — легочных альвеол. В стенках альвеол, общая площадь которых достигает 90 м^2 , происходит двусторонний газообмен между воздухом и кровью. Через тонкую перепонку с крохотными капиллярами проходят не только кислород и углекислота но, и эфир, хлороформ, камфора, ацетон, алкоголь, пары воды.

Именно из легких, от огромной площади легочных капилляров, занимающих поверхность 80 м^2 обогащенная кислородом кровь понесет жизнь клеткам, тканям. Но наряду с дыханием легкие еще выполняют выделительную функцию и регулируют теплоотдачу организма. По упругости и эластичности ткани легкие нельзя ни с чем сравнить — ведь при неизменном ритме дыхания легкие с окутывающей их плеврой наполняются воздухом и спадаются 25 000 раз в сутки и около миллиарда раз в год.

Пища размельчаемая и смоченная слюной во рту, затем подвергается перевариванию и ферментативной обработке в желудке, где на 1 мм^2 слизистой оболочки приходится около 100 желез, выделяющих пищеварительный сок. Оттуда пища поступает в кишечный канал, общая длина петель которого у человека не один десяток метров. Под действием желчи, сока поджелудочной железы и кишечных секретов пищевая масса расщепляется на составные элементы углеводов, белков и жиров. Все эти расщепленные продукты живого всасываются через стенку тонкой и толстой кишки в кровь. Однако только тонкая кишка имеет на своей внутренней поверхности около 5 миллионов ворсинок — тончайших выростов, через которые происходит всасывание питательных веществ. Здесь же всасываются токсические вещества, нейтрализуемые затем в печени, и некоторые шлаки.

Шлаки подлежат удалению, и важную роль в их устранении играют почки. Через сосудистые клубочки и извилистые канальца почки вся кровь проходит 300 раз в сутки, через каждую из почек за 1 минуту протекает более полулитра жидкой части крови — плазмы. Это огромное количество жидкости фильтруется через стенки множественных извитых канальцев, общая длина которых у человека достигает 100 км и занимает площадь 6 м^2 (а каждая из почек умещается на ладони). Отшлифованный механизм фильтрации обеспечивает обратное всасывание в кровь всех растворимых в плазме полезных веществ (глюкозы, витаминов, аминокислот) и формирует в сутки 1,5-2 литра мочи, с которой выводится до 30 граммов мочевины, излишки солей, не утилизируемые лекарственные вещества. Почки — не только выделительный орган, но и регулятор кислотно-щелочного равновесия крови. Почки регулируют и водный баланс.

Поверхность кожи человека составляет в среднем около 2 м^2 . Каждую минуту через кожу проходит около полулитра крови. В коже рассеяно 250 тысяч холодовых рецепторов, 30 тысяч — тепловых, миллион болевых окончаний, полмиллиона рецепторов осязания и 3 миллиона потовых желез. Общее число волос на теле, кроме головы, около 20 тысяч, а на голове от 88 до 140 тысяч (меньше всего у рыжеволосых, больше всего у блондинов). Волосы растут со скоростью 0,35-0,4 миллиметра в сутки, за 24 часа общий прирост всех волос составляет примерно 30 метров.

Все эти физиологические механизмы, находящиеся под контролем нервной и эндокринной систем, обеспечивают нормальное функционирование организма, то есть то, что мы называем здоровьем.

Нервная система человека содержит 10 миллиардов нейронов. Они неравной величины, самые крупные нервные клетки в 1000 раз больше самых мелких. Поперечник нервных отростков, свя-

зывающих клетки, колеблется от 0,5 до 20 микрометров. Более половины всех нейронов сосредоточены в больших полушариях головного мозга. Общая площадь коры головного мозга варьирует от 1468 до 1670 см². Масса мозга человека составляет 1/46 общей массы тела. За минуту через мозг протекает 750 миллилитров крови. Из черепа выходит 140 тысяч нервных волокон (входит 2,5 миллиона), они несут приказы к органам чувств, мимическим мышцам, жевательным, глотательным, к внутренним органам.

Мы знаем, что каждый человек отличается от всех других кожным узором на пальцах; столь же неповторимы силуэты ладоней и отпечатки губ. Но мало кто знает, что нет людей с одинаковой формой легких или сходным сосудистым строением двойной капиллярной сети почек. Первые признаки лежат, так сказать, "на поверхности", другие скрыты внутри тела. Несмотря на общую физиологическую универсальность, анатомически все люди не похожи друг на друга.

Даже количество костей в скелетах разных людей неодинаково. Один человек из десяти имеет отклонения в количестве позвонков, один из двадцати имеет лишнее ребро (чаще мужчины). Количество костей меняется с возрастом, некоторые из них срастаются (крестец). В руководствах осторожно говорится, что у человека более 200 костей. То же относится и к мышцам. Специалисты насчитывают у человека от 400 до 680 мышц. Костный мозг, наполняющий внутренние полости некоторых костей, весит у разных людей от 2 до 3,2 кг (в среднем 2,6 кг).

Приходится лишь удивляться гармонии нашей внутренней жизни, взаимозаменяемости и согласованной работе органов, выносливости и долговечности миллиардов специализированных клеток. Природой отшлифованное совершенство. Недостижимый для подражания и еще далеко не полностью постигнутый разумом многоголосый эфир командных импульсов, сигналов о включении в работу, указаний о благополучии и неблагополучии во всех излучинах тела. Неслышный нам разговор, согласованный ход совместной деятельности, напоминающий о себе лишь при помехах, при далеко зашедшем биологическом нарушении, которые мы с очевидным опозданием называем началом болезни"¹.

Этот фрагмент достаточно красноречив. Особенно впечатляют сведения о многообразии количественных параметров человеческого организма. Это вам не простая арифметика 2x2, а сложнейшее органическое количество, связанное миллионами "нитей" с органической качеством. Поражает воображение такая цифра — 10¹⁵ клеток в нашем организме. Это десять миллионов миллиардов клеток! А ведь каждая клетка *миллиано-мерна*. Это сколько же мер во всем организме?! Почти бесконечное количество. И это не хаотическая совокупность рядоположенных мер, а гигантская пи-

¹ Говалло В.И. Почему мы не похожи друг на друга. М., 1984. С. 73-78.

рамида-иерархия мер, называемая обобщенно здоровьем. В самом низу этой пирамиды-иерархии мер — бесчисленные меры неорганических тел, частиц. Выше — все более сложные органические меры-нормы. Их тоже неисчислимо количество. Венчает пирамиду-иерархию интегральная норма, норма всех норм. Именно она делает человека здоровым *в целом* (не отчасти здоровым или здоровым в каком-либо отношении, например, в физическом или психическом, а здоровым в целом).

В отличие от простой неорганической меры норма имеет сложные механизмы саморегуляции, основанные на принципе обратной связи. Это установил еще Н. Винер.

"В многочисленных примерах так называемого *гомеостаза*, — писал он, — мы встречаемся с тем фактом, что обратная связь не только участвует в физиологических явлениях, но и оказывается совершенно необходимой для продолжения жизни. Условия, при которых у высших животных возможна жизнь, особенно нормальная жизнь, довольно ограничены. Изменение температуры тела на полградуса по Цельсию обычно есть признак болезни, а при длительном изменении температуры на пять градусов жизнь вряд ли возможна. Осмотическое давление крови и концентрация в ней водородных ионов должны поддерживаться в узких границах. Отбросы организма должны извергаться, прежде чем они достигнут токсической концентрации. Кроме того, у нас должно быть надлежащее количество лейкоцитов и химических агентов защиты от инфекций; скорость сердечных сокращений и кровяное давление должны быть не слишком высокими и не слишком низкими; цикл половой деятельности должен соответствовать потребностям воспроизведения рода; обмен кальция должен быть таким, чтобы кости не размягчались и ткани не кальцинировались и т.д. Одним словом, наше внутреннее хозяйство должно включать в себя целую батарею термостатов, автоматических регуляторов давления и тому подобных приборов — батарею, которой хватило бы на большой химический завод. Все это вместе и составляет наш гомеостатический механизм"¹.

Выше были затронуты некоторые аспекты *биологической* составляющей здоровья. А что такое здоровье *в человеческом* смысле, что *значит* здоровье для человека? Вот что пишет по этому поводу В.И. Климова:

"все системы организма должны нормально функционировать. Здоровье ли это? Да, здоровье. Но изначальное здоровье. Вернее даже, биологическая предпосылка к нему. Изначальное здоровье предполагает совершенство саморегуляции и гармонию внутренних процессов.

¹ Винер Н. Кибернетика. М., 1983. С. 185.

Если же иметь в виду систему "человек-общество-природа", понятие "здоровье" станет значительно шире, ибо общественная жизнь, профессиональная деятельность, культурное развитие влияют на образ жизни, а значит, и на здоровье. Эти факторы в определенной степени направляют формирование организма и здоровья. Таким образом, выходит, что здоровье — мера жизнепроявлений человека, гармоническое единство физических, психических, трудовых функций, обуславливающее полноценное участие человека в разных сферах общественной деятельности.

Поэтому обладателем хорошего здоровья считают не просто того, кто не болеет, но кто физически крепок, духовно силен, сохраняет высокую работоспособность...

Здоровье... до того перевешивает все остальные блага жизни, что справедливо говорят: здоровый нищий счастливее больного короля. Однако обычно здоровье как счастье не воспринимается. Быть здоровым — нормальное состояние, когда и в голову не приходит, что здоровье несет с собой всем и каждому, помимо радости прекрасного самочувствия, еще и свободу действий и выбора, куда и как приложить способности, не сдерживает творческих исканий и осуществлений, служит фундаментом культурного развития.

Никто не станет отрицать, что здоровье — естественное состояние, когда жизнь и деятельность выливаются в гармоничную реализацию всех возможностей и качеств человека и как личности, и как живого существа.

Здоровый человек — обычно человек жизнерадостный, оптимистически настроенный, интересы его широки и многообразны, ему легче обходить жизненные препятствия, преодолевать трудности на пути к цели. Не случайно философски здоровье определяется как такая форма свободного проявления жизни, которая охватывает обширный круг разнообразной предметно-чувственной деятельности¹.

В.И. Климова дает интересный материал для анализа разных аспектов, параметров здоровья человека:

"По современным воззрениям, нормальное состояние здоровья подразумевает не только его состояние на "сегодняшний день", но и те его скрытые массы, которые могут понадобиться "на завтра"..."

Каждый имеет резервы здоровья, но у каждого они разные.

¹ Климова В.И. Человек и его здоровье. М., 1986. С. 44-45.

Современная медицина старается их выявить и даже подсчитать — ведь чрезвычайно важно знать, кто как может приладиться к изменившимся ситуациям, условиям, режиму. Для этой цели введено понятие "количество здоровья".

Академик Академии наук УССР Н.М. Амосов, например, определяет количество здоровья как сумму "резервных мощностей" организма. Подсчеты ученого просты и наглядны, поэтому воспользуемся ими.

Предположим, сердце в покое перекачивает в минуту 4 литра крови. Некто принялся выполнять энергичную работу. Сердце на нее настроилось и стало перегонять за то же время 20 литров. У другого при подобной работе увеличение "перекачки" крови незначительное — всего до 6 литров. У первого: $20 : 4 = 5$, то есть пятикратный "запас мощности"; у второго: $6 : 4 = 1,5$ — только полуторный. Если первому его резерва достаточно, чтобы напоить кислородом все ткани организма, то второму придется неважно. Его резерва не хватит, весь кислород из крови сгорит в работающих мышцах, через несколько минут ткани организма окажутся в условиях кислородного голода, и организм начнет работу на износ — в патологическом режиме.

Где же взять резервные мощности, как повысить количество здоровья? Оказывается, природа заложила их в каждом с солидным запасом, не поскупилась. Но заложила "с подвохом", резервы есть, пока ими пользуются. Без тренировки они угасают. И самый лучший способ тренировки, — опять-таки продиктованный природой, создавшей организм единым целым, не "накачка силы" в недостаточно хорошо работающее звено системы, а повышение адаптационных способностей организма в целом. Здоровье требует не "узкой специализации" на силу и выносливость того или иного органа, а широкого диапазона и высокого уровня "уживчивости" в среде, гибкой и пластичной приспособительности. Примером здесь могут служить всем известные и простые процедуры закаливания, гимнастика, бег. Тренируя сердце, легкие, мышцы, суставы, заставляя организм работать под "комплексной нагрузкой", они постепенно включают в постоянную работу резервные запасы, повышают общее количество здоровья. И тем самым помогают легче переносить физические и психоэмоциональные нагрузки...

В современной медицине прочно укоренилось понятие о факторах риска. Так называют доказанные или предполагаемые причины, предполагающие к какому-либо заболеванию. Например, при ишемической болезни сердца специалисты указывают на 35 факторов риска. Парадоксально, но за столь грозным термином "фактор риска" скрывается известное: повышенное содержание холестерина в крови, артериальное давление, лишний вес, малая подвижность, нервные перегрузки, курение и так далее... Если "сойдутся вместе" только три фактора: повышение холестерина, повышенное артериальное давление и курение, то смертность от ишемической болезни почти в 10 раз выше, чем среди тех, кто их не имеет".

"... что же такое — норма, что под ней подразумевают, когда говорят о здоровье? Та или иная наука иногда идет на заведомую "идеализацию". Физики, например, вводят понятие идеальной

жидкости, абсолютно черного тела, абсолютно гладкой поверхности и тому подобные "абсолюты". Для выведения закономерностей пренебрегают незначительными различиями ради сходства в главном — стремятся к идеализированной модели, к стандарту.

Нечто похожее происходит, когда речь заходит о норме здоровья. Здесь также стремятся к стандарту, но получают его через статистическое усреднение многочисленных данных о работе различных систем организма у разных людей. Это тоже, если хотите, идеализация. Данные об "абсолютно здоровом человеке" возникают в результате усреднения.

Однако усредненных людей в природе не существует, каждый индивидуален. Сами врачи вынуждены признаться, что такое понимание нормы лишает ее конкретного содержания, сводит к абстрактной математической точке, вне которой фактически оказываются все встречающиеся в жизни варианты индивидуальности.

Стандартная норма нужна. Она служит эталоном, но эталоном не жестким, а весьма гибким, подвижным, позволяющим то расширять, то сужать границы индивидуальной нормы. За этими границами — патология, нарушения, болезнь. За этими границами и резервы — так называемая экстремальная реактивность, повышение норм многих физиологических показателей. Благодаря экстремальной реактивности возможно отбирать и людей для "экстремальных" профессий: космонавтов, испытателей, каскадеров. Без этого не были бы достижимы и уникальные рекорды в спорте.

Итак, жестко регламентированного здорового человека в жизни нет. Главное отличие каждого — гибкость его индивидуальной нормы. Оно зафиксировано даже на обычном бланке для анализа крови: в каждом пункте что ни показатель, то обязательно две границы — норма лежит не выше и не ниже их, но в каком-то диапазоне, иногда достаточно широком.

Мало того, иногда норма для одних то, что для других явное ее нарушение. Артериальное давление (верхний предел) в 100-70 миллиметров ртутного столба — почти всегда основной показатель гипотонии, выражающейся в слабости, головокружении, подташнивании. Но для некоторых это давление — вариант нормы, и они никаких неприятных ощущений не испытывают...

Совокупность устойчивых признаков, свойственных конкретным людям, в биологии человека, антропологии, медицине называют конституцией. Схожие по конституции люди принадлежат к одному типу.

Изучая особенности конституции человека, можно уйти от усредненной нормы, заменяя ее типологическим пониманием: для каждой конституции норма своя... В.М. Русалов, обобщая большой накопленный материал, дает такую классификацию конституций. Биологические особенности организма и некоторые индивидуальные психические свойства объясняет его "общая конституция". Она, по мнению ученого, интегратор единства и целостности организма. Совокупности же основных свойств различных биологических систем — гормональной, иммунной, нервной и других — определяются как "частные конституции". "Рисунок" общей и частных конституций дает и многообразие различных связей, и конкретный тип их проявления...

Положив в основу не усредненную норму, не "человека вообще", а норму для типов людей разных конституций, ближе подвигаются к индивидуальной норме здоровья...

Конечно же, физические, физиологические показатели двух атлетов будут между собой ближе, чем у атлета и астеника. Значит, нормы для разных типов конституций будут различаться. Например, то, что для астеника физическая норма, для атлета — явно заниженные возможности его организма... Конституции соотносят людей друг с другом, но не по сортности, а только по их разности, неодинаковости. Пожалуй, самая наглядная иллюстрация тому — спорт, в частности бокс. Ни один тренер никогда не поставит противниками астенически сложенного боксера наилегчайшего веса против атлетов полутяжелой или тяжелой категории. Дело здесь не только в весе, следовательно, силе удара. Каждый, вероятно, сравнил, как по-разному ведут боксеры разных весовых категорий бой. Первые — легки, подвижны, увертливы, реактивны, пластичны, у классных спортсменов передвижение по рингу напоминает ритмический танец. Вторые — основательны, монументальны, бережливы на движения и кажутся экономнее в трате энергии, они больше "в себе", чем "на виду". Но те и другие три раунда сражаются за победу, те и другие все силы отдают бою, те и другие демонстрируют ловкость, выносливость, переносят колоссальные нагрузки мгновенно меняющихся ситуаций. И в легких, и в тяжелых категориях есть прекрасные мастера, использующие в сражении им присущие особенности, так что никто не скажет, что чемпион в тяжелом весе лучше чемпиона в наилегчайшем. Они — разные при одинаковой степени совершенства каждого в своей группе.

Вместе с тем было бы нелепо предполагать, что люди одного конституционального типа до такой степени похожи, будто скроены по одной выкройке. Чистые конституции, особенно выделяемые по телосложению, довольно редки, ярко выраженные эталонные признаки обычно пригашены, сглажены. Существует много переходных форм, вбирающих в себя черты соседствующих, пограничных конституций. Кроме того, конституция — совсем не мера неизменяемости организма, она не дана раз и навсегда. Наоборот, под влиянием реального жизненного уклада, преимущественно труда и быта, она может изменяться и меняться...

Нормальное состояние организма только тогда нормально, когда он может гибко перестраиваться на жизнь в изменившемся режиме и условиях, когда он способен компенсировать за счет резервов потери, ушедшие на такую настройку.

Любое отклонение от конкретного уровня работы, присущего конкретному организму, имеющему индивидуальную норму здоровья, сказывается на нем. Но сказывается неодинаково. В лучшем случае — приспособлением, в худшем — повреждением, а в крайнем — гибелью.

В результате изучения человека на системном уровне сформулировано понятие динамической нормы здоровья. Динамической нормой здоровья считают ту гармоническую совокупность и соотношение структур и функций организма, которая наилучшим образом поддерживает жизнедеятельность и трудоспособность. (См.: Философские и социально-гигиенические аспекты

учения о здоровье и болезни. М., Медицина, 1976. С. 13).

Динамическая норма... и мерило и страж здоровья. Допустим, некто узнал свою типологическую норму: он относится к конституциональному типу атлета, для которого характерны определенные морфологические и функциональные возможности организма. Понятие динамической нормы делает их не жесткими, а гибкими. Знать динамическую норму — это знать о своего рода демаркационных линиях в колебаниях самочувствия, когда с организмом "все в порядке". Динамическая норма "отвечает" за компенсацию любых затрат живой системы, восстановление ее силы, развитие резервов организма¹.

В.И. Климова отмечает также, что между здоровьем и болезнью, нормой и патологией существует "третье состояние":

"Каждый на собственном опыте испытал: бывает, не чувствуешь себя больным, но и здоровым — тоже. "Не в форме", — говорят иногда в таких случаях. Однако и само состояние "не в форме" может быть разным: то кажется, что ты ближе к здоровью, то, наоборот, — к болезни. Подобные неопределенности в самочувствии врачи со времен Галена условно называют "третьим состоянием"¹.

Она указывает три группы людей, находящихся в таком состоянии:

"Первая объединяет всех, кого отличает особый в данный период времени физиологический статус, когда организм здоров, но работает в особом — и тем не менее нормальном на это время — режиме. Период полового созревания подростков, добавляющий их организму эндокринные и нервные нагрузки, — это "третье состояние". В нем же пребывают женщины до и после родов — опять-таки организм работает нормально, но по — особому. В "третьем состоянии" находятся люди при здоровой старости. Здесь та же картина — отклонение от нормы, являющееся в данном случае нормой.

Во вторую группу попадут те, кто плохо привыкает к новым природным условиям. Климатические условия Севера, тропиков, засушливых регионов или, наоборот, районов с повышенной влажностью поначалу, а иногда и довольно долго, неблагоприятно сказываются на человеке, жившем до этого в другой зоне. Пока не привыкнет к новым условиям, он будет ощущать влияние неблагоприятных природных факторов, испытывать недомогание, плохое самочувствие, потерю сил.

Сходная картина наблюдается, когда осваивают новые виды труда или новую профессию, когда испытывают чувство повышенной ответственности за порученное дело или взятые на себя обязательства, требующие большого физического, а чаще нервного, напряжения...

Когда человек пребывает в "третьем состоянии" из-за своего особого физиологического режима, за это, можно сказать, отвечает только природа. Когда он недостаточно адаптирован к услови-

¹ Климова В.И. Человек и его здоровье. М., 1986. С. 44-56.

ям жизни и работы, то за это отвечает и природа, и жизненные ситуации, обстоятельства. И в первом, и во втором случае оно или неизбежное, или необходимое, или вынужденное, или оправданное. Но есть целая группа людей — к сожалению, очень большая, — которая без нужды и необходимости, а только, мягко выражаясь, по малому разумению держит себя на грани "ни здоров — ни болен", уходя постепенно от здоровья к болезни. Эту группу людей в "третьем состоянии", какой могло бы и не быть, составляют все курящие и все выпивающие. Они сами прививают себе физиологическую некомфортность, физическую усталость, нервное напряжение и как следствие этого — снижение работоспособности"¹.

В.И. Климова дает весьма объемный, впечатляющий, но все же *эмпирический* портрет здоровья-нормы. Современная наука еще только вырабатывает подходы к построению теоретической модели здоровья. *Нормология* в значительной мере остается наукой будущего.

Интересную методологическую модель здоровья предлагает И.А. Гундаров. Он однозначно оценивает здоровье как разновидность нормы, а последнюю связывает с *сущностью* ("Норма — значит соответствие сущности"²).

"Прежде всего следует указать, — пишет он, — что в медицине понятие "норма" возникло как оценочное понятие, сформировавшись как результат движения познания "от явления к сущности" при изучении человека и условий его существования. Оно используется для оценки значения тех или иных свойств организма в отношении к его сущности. Нормальным для человека представляется то, что включается в его сущность ила гармонично с ней сочетается.

Исходя из этого понимания "нормы" очевидно, что для изучения здоровой жизнедеятельности необходимо иметь представление о природе человеческой сущности... Во-первых, нормальный человек предстает как материальное тело, которое подчиняется механическим, физическим и химическим законам. Во-вторых, нормальный человек предстает в своем биологическом существовании как представитель вида *Homo sapiens*, здоровье которого регулируется законами биологического порядка. В-третьих, его здоровье детерминируется совокупностью определенных социальных законов, характеризующих его как личность в структуре социальной формы движения материи... В здоровом организме разделение перечисленных аспектов имеется в определенной мере абстрактной процедурой. Здоровье человека и формирующие его законы предстают в виде целостной системы, в которой социальная сущность личности, биологическая природа индивида и фи-

¹ Климова В.И. Человек и его здоровье. М., 1986. С. 76-78.

² См.: Материалистическая диалектика и современное научное познание. Препринты докладов. М., 1984. С. 109.

зико-химические свойства материального тела являются всего лишь абстрактными частями конкретной сущности человека в целом"¹.

И.А. Гундаров соотносит здоровье также с развитием, рассматривает его в координатах отдельного, особенного, общего и качества, количества, меры:

"Применение принципа "историзма" для методологического анализа нормы (здоровья) указывает на относительность разделения признаков на нормальные и ненормальные, поскольку в процессе развития организма уничтожение одних сторон его сущности и возникновение на их месте новых является результатом эволюции. Последняя представлена "узловой линией" сменяющихся этапов с конкретными индивидуальными нормами каждого из них. В таком случае выявляется, что для описания законов здоровья недостаточно располагать только функциональными критериями, оценивающими состояние организма в момент исследования. Следует опираться и на прогностические критерии, поскольку здоровье в целом определяется как по "нормам функционирования", так и по "нормам развития"...

Большое значение для изучения здоровья имеет принцип "движения от отдельного к единичному, особенному и общему". При его использовании обнаруживается, что для здорового человека состояние своей нормы, не похожей на другие, столь же нормально, как и быть похожим абсолютно на всех. Умение выявлять биосоциальную неоднородность здорового населения имеет большое значение для медицины, особенно профилактической. Становится возможным изучать предрасположенность или устойчивость различных типов нормы к развитию соответствующих заболеваний, т.е. следить за ними как факторами риска или антириска определенной патологии.

Изучение здоровья с позиций диалектики "качества-количества-меры" выявляет ограниченность распространенной точки зрения, по которой норма отождествляется с оптимальностью и нормальными считаются только оптимальные формы организации и функционирования. При изучении здоровья следует ориентироваться на такую методологию, которая давала бы возможность фиксировать не только качественную, но и количественную определенность нормы. Если количественный запас здоровья достаточен, организм функционирует нормально даже в неоптимальных условиях. Поэтому нормальным окажется любое состояние, которое располагается от оптимума до повреждения, отражая функционирование организма в объеме имеющихся резервов. Весь этот диапазон мы определяем понятием "рациональная норма". Степень оптимальности рациональной нормы

¹ Гундаров И.А. и др. Методологический анализ понятия "норма (здоровье)" с позиций принципов диалектической логики. — В Тезисах конференции "Социально-философские и мировоззренческие проблемы здоровья человека". М., 1984. С. 21.

может варьировать от пика оптимума до границы с повреждением. Зона нормы, непосредственно примыкающая к повреждению, определяется условно как предпатология. Учитывая это, становится возможным говорить не только о качестве, но и о количестве здоровья, что особенно важно для целей профилактической медицины"¹.

Подытоживая методологический анализ понятия норма (здоровье), И.А. Гундаров дает такое определение:

Норма (здоровье) — "это такое функционирование и развитие живого объекта, которое соответствует его сущности, обеспечивая рациональное взаимодействие в конкретной системе отношений, проявляясь через единство общих, групповых и уникальных показателей"².

Представленная И.А. Гундаровым методологическая модель здоровья-нормы во многом корреспондируется с нашей концепцией нормы как сложной органической меры, соответствующей сущности, развитию, деятельности и т.д.

Многие авторы указывают также на связь здоровья-нормы со *свободой*. Мнение В.И. Климовой мы уже привели. А вот что пишет С.Я. Чикин:

"Гален писал: "То состояние, при котором мы не страдаем от боли и не ограничены в нашей жизнедеятельности, мы называем здоровьем". Следовательно, здоровье — это не только то состояние, когда нет болей, но, что не менее важно, оно должно быть источником деятельности человека, делающего его свободным в активной жизни"³.

По мнению В.Д. Жирнова "перспективными следует считать те определения здоровья, в которых оно связывается с возможностью или способностью активной жизнедеятельности". С его точки зрения "*свобода* целеполагающей деятельности" есть "неотъемлемый атрибут здоровья". В целом В.Д. Жирнов определяет здоровье "как состояние деятельности, осуществляющей всю полноту развивающихся атрибутов человеческой жизни"⁴.

¹ Гундаров И.А. и др. Методологический анализ понятия "норма (здоровье)" с позиций принципов диалектической логики. — В Тезисах конференции "Социально-философские и мировоззренческие проблемы здоровья человека". М., 1984. С. 22-23.

² Там же. С. 24.

³ Чикин С.А. Здоровье — всему голова. М., 1983. С. 10.

⁴ Жирнов В.Д. Мировоззрение и методологические аспекты определения понятия "здоровье". — В Тезисах конференции "Соци-

Если здоровье — условие свободы, то "болезнь есть стесненная в своей свободе жизнь" (врач Шубин).

* * *

Приведенный материал о здоровье дает богатую пищу для размышлений о категориально-логическом портрете нормы. К сказанному добавим еще несколько штрихов.

1. Для здоровья-нормы характерна глубоко эшелонированная оборона — от глубокого тыла до переднего края борьбы за жизнь. Подобно матрешке здоровье-норма имеет несколько уровней, слоев или барьеров, отделяющих нормальное от аномального. В самой середине находится маленькая матрешка — норма-оптимум, тот глубокий тыл, который обеспечивает наинормальнейшее существование человека, всю полноту его жизнепроявлений. Затем следует охраняющая глубокий тыл линия обороны — отклонения от нормы первого порядка. Этими отклонениями являются естественные и разумные потребности, например — потребность в пище (голод), в воде (жажда), в общении (желание дружбы, любви). Эти отклонения-потребности вместе с нормой-оптимумом входят в более широкую норму — собственно здоровье. Отклонениями от этой более широкой нормы являются предпатология, предболезни, именуемые в медицине "третьим состоянием" (между здоровьем и болезнью). К ним относятся гипертрофированные или извращенные потребности (например, обжорство, пьянство, пристрастие к наркотикам). Далее следуют еще более выраженные отклонения от нормы-здоровья — болезни. Эти отклонения обозначают границу между жизнью (нормой в самом широком смысле слова) и смертью. В своем минимуме болезни обратимы, заканчиваются возвратом к норме-здоровью. В своем максимуме они ведут к необратимым повреждениям — инвалидности или к смерти. Последний рубеж обороны, сохраняющий норму лишь в каком-то отношении, частично — инвалидность. Про человека-инвалида, человека-калеку говорят, что это частичный человек, получеловек. Тем не менее инвалидность — такое необратимое нарушение нормы, которое еще не ведет к ее уничтожению. Напротив, в

ально-философские и мировоззренческие проблемы здоровья человека", М., 1984. С. 13-15.

каких-то отношениях инвалиды могут вести весьма насыщенную жизнь и быть даже образцами для подражания (спортсмены-инвалиды, ученые-инвалиды, например, Луи Пастер, политические деятели-инвалиды, например, Ф. Рузвельт и т. д.).

2. В свете мерного представления здоровья-нормы очень важным является понятие "*количество здоровья*", введенное Н.М. Амосовым. Это понятие отражает тот факт, что может быть больше или меньше здоровья в пределах нормы (отсутствия патологии). Практически все люди давно знали и использовали это понятие, употребляя выражения "слабое здоровье", "крепкое здоровье", "богатырское здоровье" и т.д.

Для полноты мерного представления здоровья-нормы следует разрабатывать и понятие "*качество здоровья*". Оно во многом аналогично понятию "качество жизни", характеризует не просто наличие здоровья и отсутствие болезней, а *полноту жизнепроявлений*, выражающуюся прежде всего и главным образом в *творчестве* и *любви*. Качество здоровья, естественно, зависит от количества здоровья, от того, *насколько* человек здоров. Но и забота о количестве здоровья, просто о здоровье, долголетию обесценивается, обесмысливается, если нет достаточного качества, если человек не реализует себя как человек. В последнем случае особенно наглядны примеры *долголетнего* прозябания, "дрожания", такие как описанные в мировой литературе 100-летняя жизнь премудрого пескаря из сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина или такая же долгая жизнь Тимоти Форсайта из "Саги о Форсайтах" Д. Голсуорси, М.Е. Салтыков-Щедрин очень ярко изобразил никчемную жизнь "премудрого" пескаря, отсутствие в ней какого-либо качества и заботу лишь о длине жизни, т.е. о ее количестве.

3. Норма есть единство нормы как чего-то среднего, усредненного, промежуточного и отсутствия нормы. Ее нельзя представлять только как нечто усредненное, исключаящее противоположности. Она есть единство противоположностей, т. е. в известном смысле *обнимает* собой противоположности. (Норма исключает крайности, но не противоположности!) Это хорошо видно на примере здоровья человека.

Понятия здоровья и болезни, нормы и патологии применимы не только к отдельному человеку, но и к совокупности людей, к той или иной социальной группе, сообществу и даже обществу в целом. Говорят же о "здоровом обществе", "больном обществе", "оздоровлении общества", "общественных недугах, язвах" и т.д. и т.п.

Здоровье общества складывается прежде всего из здоровья отдельных людей. В этом смысле о нем можно говорить как о медицинском и биологическом феномене, в частности как объекте медицинских исследований и воздействий.

Но здоровье общества — не только сумма здоровья отдельных людей. Общество есть некоторая статистическая целостность, статистический ансамбль людей и оно имеет свои нормы здоровья, не сводимые к нормам здоровья отдельных людей. Этими нормами здоровья общества являются *нормы человеческого общежития*, регулирующие отношения людей, их поведение в обществе. Исторически сложились две нормативные системы, стоящие на страже здоровья общества, — *мораль* и *право*. Они обеспечивают, каждая по-своему, нормальное состояние общественной жизни. Насколько эти две системы полноценны и эффективны, настолько мы можем говорить о здоровом, т.е. нормальном, благоприятном для жизни людей обществе. И напротив, насколько они ущербны и/или неэффективны, настолько мы можем говорить о больном, т.е. ненормальном, не благоприятном для жизни людей обществе.

7.1.3. Как поправить-укрепить свое здоровье?

Беседа с человеком, беспокоящаяся о своем здоровье

Кто рассчитывает обеспечить себе здоровье, пребывая в лени, тот поступает так же глупо, как человек, думающий молчанием усовершенствовать свой голос.

Плутарх

...человек сам, как правило, является причиной собственных болезней и страданий... и почти всегда он сам виноват в том, что болен и что должен за это просить прощения у общества, как и за то, что пьянствует.

С.Грэхем (из эпитафии к книге Г.Шелтона “Натуральная гигиена. Праведный образ жизни человека”)

Есть два способа борьбы с болезнями. Один в том, чтобы закалять себя, чтобы болезнь не пристала (правильно жить), другой в том, чтобы, заболев, лечить болезнь... Первый способ — медленный, но гораздо важнее.

Л.Н. Толстой (из письма Д.П. Маковецкому)

Не нужно доказывать, что здоровье человека — чрезвычайно сложная, индивидуально варьирующая, развивающаяся категория, связанная с его сущностью. И в то же время это самая что ни на есть *норма*. Здоровье — норма, нормальное состояние человеческого организма. Болезнь — отклонение от нормы, патология. Смерть — прекращение, уничтожение нормы.

В одной книге я увидел такую таблицу:

20% — природа

50% — образ жизни

20% — наследственность

10% — медицина

В общем и целом она верна. Действительно, среднестатистически здоровье человека процентов на 50-70 зависит от образа жизни. А от других факторов (наследственности, медицины, чистой случайности) оно зависит процентов на 50-30.

Здоровый образ жизни, как правило, зависит от сознательных усилий **системного** характера. Человек должен еще в молодости выработать для себя **программу** гармонического развития и активного долголетия и следовать ей всю жизнь. Береги платье снову, а честь смолоду. То же касается и здоровья.

Некая реклама медицинских средств оздоровления (радио «Эхо Москвы», 10.12.2002) начиналась с фразы: «К сожалению, мы начинаем ценить здоровье только тогда, когда

теряем его (начинаем болеть)» — в соответствии с поговоркой «что имеем — не храним, потерявши — плачем». Я же утверждаю: **пока мы ценим здоровье, до тех пор не теряем его.** Ведь цenia здоровье, заботимся о нем, делаем всё, чтобы быть здоровыми, а пока заботимся о нем — не теряем его.

7.2. Программа гармонического развития и активного долголетия

Все усилия благоразумного человека должны направляться не к тому, чтобы чинить и конопатить свой организм, как утлую и дырявую ладью, а к тому, чтобы устроить себе такой рациональный образ жизни, при котором организм как можно реже приходил бы в расстроенное положение и, следовательно, как можно реже нуждался бы в починке.

Д.И. Писарев

Я выработал для себя такую программу гармонического развития и активного долголетия:

1. Постоянная ориентация на полноценную жизнь, активное долголетие, бодрость духа, оптимизм, жизнерадостность и жизнелюбие.

2. Любимая работа, творческий труд.

3. Любовь, семья, дети.

4. Духовное совершенствование, постоянный контакт с духовной культурой человечества.

5. Физическое совершенствование, регулярная физическая нагрузка, всесторонняя тренировка тела, подвижный образ жизни.

6. Рациональное, полноценное, сбалансированное, экологически чистое питание.

7. Физическое и психологическое закаливание, повышение сопротивляемости организма к различным возмущающим факторам.

8. Контакт с людьми, соблюдение баланса между общением и уединением. Жизнь в соответствии с золотым правилом поведения: "не делай другим того, чего не хотел бы,

чтобы делали тебе" и "поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой".

9. Соблюдение баланса между трудом и отдыхом, между активным и пассивным отдыхом, напряжением и расслаблением.

10. Общение с природой; пребывание по возможности в благоприятной окружающей среде.

Программа учитывает практически все факторы и условия жизни. Тем не менее я не претендую на то, чтобы она считалась образцовой. Вполне возможны другие варианты программы. Люди весьма различны и по своей генетике, и по своему воспитанию, и по условиям жизни. Здесь не может быть шаблона.

Десять пунктов программы — это концентрированное выражение огромного количества жизненных правил и действий. Они — всего лишь схема жизни. Попробую теперь детализировать их и дать необходимые пояснения.

7.2.1. Постоянная ориентация на полноценную жизнь, активное долголетие, бодрость духа, оптимизм, жизнерадостность и жизнелюбие

Жизнь — это праздник, на который мы пришли

Древнеиндийская мудрость

Свою жизнь я старался проводить не в печали и воздыханиях, но в спокойствии, радости и веселье, поднимаясь с одной ступеньки на другую, более высокую.

Б. Спиноза

Все здоровые люди любят жизнь
Г.Гейне

Ничто не старит так, как готовность стареть.
Н. М. Амосов

Положительное отношение к жизни — первое условие нормальной и полноценной жизни. Без постоянной ориентации на полноценную жизнь не может быть и речи о сознательном отношении к жизни, о каком-то сознательном управлении жизненным процессом.

Жизнерадостность. Жизнерадостный — не знающий уныния, радостный, бодрый. Жизнеутверждающий — про-

никнутый бодростью, оптимистическим отношением к жизни.¹

Одной из составляющих жизнерадостности является то, что Шопенгауэр называл **веселым настроением**.

“После всего этого ближайший путь к счастью, — писал он, — веселое настроение: ибо это прекрасное свойство немедленно вознаграждает само себя. Кто весел, тот постоянно имеет причину быть таким, — именно в том, что он весел. Ничто не может в такой мере, как это свойство, заменить всякое другое благо, — между тем как само оно ничем заменено быть не может. Пусть человек молод, красив, богат, пользуется почетом: при оценке его счастья является вопрос: весел ли он при этом. С другой стороны, если он весел, то безразлично, молод ли он или стар, строен или горбат, беден или богат, — он счастлив. В ранней молодости мне пришлось однажды открыть какую-то старую книгу, где я прочел: “кто много смеется, тот счастлив, а кто много плачет, тот несчастен”, — очень простодушное замечание, которое, однако, благодаря заключающейся в нем простой истине, навсегда врезалось мне в память, каким бы крайним трюизмом оно ни было. По этой причине мы должны широко раскрывать свои двери веселью, когда бы оно ни являлось: ибо оно никогда не приходит не вовремя. Между тем, мы часто колеблемся допустить его к себе, желая сначала знать, действительно ли у нас есть полное основание быть довольными, или же боясь, что оно помешает нашим серьезным размышлениям и важным заботам; но какой прок выйдет из последних, это далеко не известно, тогда как веселость представляет собою прямую выгоду. Только в ней мы имеем как бы наличную монету счастья, а не банковские билеты, как во всем остальном: только оно дает немедленное счастье в настоящем и потому есть высшее благо для существ, по отношению к которым действительность облечена в форму нераздельного настоящего между двумя бесконечными временами. Поэтому приобретение и охрану этого блага мы должны ставить впереди всех других забот. А ведь несомненно, для веселости духа нет менее благоприятного условия, чем богатство, и более благоприятного, чем здоровье: у людей низших, трудящихся, особенно земледельческих классов мы видим веселье и довольные лица; богатым же и знатым свойственно угрюмое выражение. Нам надлежит, следовательно, прежде всего стремиться к возможно более полному здоровью, лучшим выражением которого является веселость.”²

Смайл — улыбка. Так называется движение в США. Надо сознательно вызывать улыбку на лице и тогда через некоторое время настроение в самом деле улучшится. Мимическое движение лицевых мышц (“улыбка”) вызывает об-

¹ См.: С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1991.

² А. Шопенгауэр. Афоризмы житейской мудрости. М., 1990. Ч. 1. С. 28-30.

ратный поток нервных импульсов в мозг, которые в конце концов приводят к улучшению настроения.

Улыбка и смех характерны для тех, кто растет, развивается. Малые дети смеются до 300 раз в день. Взрослые — лишь до 15-и раз (данные научных исследований).¹

Жизнелюбие. Говорить о жизнелюбии как будто банально. Кто не любит жизнь?! Помните слова песни:

Я люблю тебя, жизнь,
Что само по себе и не ново.
Я люблю тебя, жизнь,
Я люблю тебя снова и снова.

(Слова К. Ваншенкина)

Тем не менее приходится говорить и об этом. В философии и культуре в целом можно встретить таких, кто явно или неявно проповедует жизнененавистничество, разочарованность жизнью, отвращение к жизни. Вот, например, какую двусмыслицу сказал в свое время Л. Н. Толстой: «Чтобы полюбить жизнь, надо полюбить смерть». Воистину язык без костей! Эта фраза Л. Н. Толстого навеяна подобными парадоксальными высказываниями религиозных деятелей.

¹ Улыбайтесь! Это целебно

Инстинктивно многие пациенты понимают, что правильнее быть веселым. Многочисленные исследования подтверждают, что у весельчаков действительно есть определенные выгоды медицинского характера. Хохот убивает двух зайцев: позволяет забыть неприятности и серьезно укрепляет иммунную систему. Смех снижает уровень гормона кортизола, выделяющегося при напряжении, способствует выработке гормона радости эндорфина и уменьшает чувствительность к боли. Люди, смеющиеся полчаса в день, менее подвержены сердечному приступу, у них отмечается более низкое артериальное давление.

Американские специалисты по лечебному юмору давно уже доказали, что веселье помогает быстрее выздоравливать. В связи с этим во многих госпиталях и клиниках работают специально нанятые больничные клоуны, работа которых сильно отличается от цирковых представлений: на банановой кожуре никто не падает. У больничных клоунов очень тонкий и ненавязчивый юмор.

Идея госпитальной клоунады находит все более широкое применение. Недавно французскими коллегами был принят профессиональный кодекс клоуна, работающего в тяжелых отделениях: "Смеяться можно над всем, даже над смертью. Самое важное требование - чувствовать грань между конструктивным юмором и разрушающим".

Исследователи считают, что в больницах должны работать самые талантливые мимы и шуты, выступления которых можно будет смотреть по многу раз без чувства скуки: не исключено, что поглядеть на клоунов захотят и врачи, на которых смехотерапия должна действовать расслабляюще, а не раздражающе.

Газета "АИФ-Здоровье", май 2003, №9

Жизнь плохо относится к тем, кто не лелеет ее, кто относится к ней без трепета, без уважения, без любви. **Она любит только тех, кто любит ее.**

Оптимизм и пессимизм

В общем контексте жизни оптимизм предпочтительнее пессимизма. Оптимизм настраивает на хорошее и лучшее. Пессимизм — на дурное и худшее. Оптимизм мобилизует, пессимизм разоружает.

Неправы и оптимисты, и пессимисты, когда пытаются доказать правильность своей позиции ссылкой на объективную действительность (что она прекрасна или ужасна). Чаще всего оценка действительности зависит от субъективного умонастроения оценщика. Есть такой полушутливый пример: стакан с водой. Оптимист говорит: стакан наполовину полон; пессимист утверждает обратное: стакан наполовину пуст. Оба видят одно и то же, говорят об одном и том же, но оценивают эту действительность с противоположных позиций. Есть еще более яркий пример, поясняющий противоположность позиций оптимиста и пессимиста. В известном анекдоте пессимист пьет коньяк и морщится: фу, пахнет клопом. Оптимист давит на стене клопа и нюхает палец: хорошо! — пахнет коньяком.

Пессимист в прекрасной действительности (коньяке) находит плохое (запах клопа). Оптимист в ужасной действительности (клопе) находит хорошее (запах коньяка).

В отдельных случаях пессимизм предпочтительнее оптимизма. Например, сейчас теперь уже ясно, что оптимизм, связанный с реализацией таких якобы светлых идей, как национал-социалистическая (в Германии) и коммунистическая (в России), был необоснован.

Вообще, частные оптимизм и пессимизм, касающиеся выдвижения и реализации разных идей, проектов, могут быть и со знаком минус, и со знаком плюс. Частный оптимизм ничуть не предпочтительней частного пессимизма. Он может быть необоснованным, розовым, шапкозакидательским, пиром во время чумы. Тот оптимизм, о котором я здесь говорю, касается жизни в целом, жизнеутверждения.

Жизненный оптимизм — признак молодости, роста, развития, становления. Жизненный пессимизм — признак старости, увядания, одряхления, деградации.

Притча о надежде

В одной книге приводится мудрая притча о надежде. Ее рассказал Александр Жебровский, один из героев-моряков, выдержавших 82-дневное вынужденное плавание на небольшом катере в океане. Вот как передает этот рассказ писатель Л. Наумов:

— А кто из вас, ребята, знает старого моряка Ивана Аурова? — спросил Жебровский...

— Это прадед мой. Толковый был старик. Рассказывал он как-то своему сыну — деду значит моему, а уж тот — мне. Эта сказка, как вам сказать, стала вроде нашим семейным гербом... Пришел как-то моряк к мудрецу и говорит: “пропаду, наверное. В такую бурю в последний раз попали — не приведи господи! еле жив остался. Посоветуй мне, ты все знаешь: как мне живым остаться до старости?” Что же, — отвечает мудрец, — это можно. Вот тебе, говорит, кувшин, с ним не пропадешь”.

Плавает моряк год-другой. Шторма переносит почище того, в который мы сейчас попали. И ничего — живет. “Что же, — думает он, — за кувшин такой, что он от беды меня оберегает?” Отвинтил он раз пробку и заглянул внутрь. А в кувшине ничего нет — пустой. “Вот тебе и раз — удивился моряк. — Что же мудрец мне голову морочит?”

Пришли они в порт, где этот мудрец жил, и моряк пошел к мудрецу. “Что же ты, мудрец, мне пустой кувшин дал? Там же ничего нет”. “Как нет? — спросил мудрец. “Так и нет, смотри сам”. Заглянул мудрец в кувшин и говорит: “Э-э, плохо ты смотришь, парень. Там есть одна вещь. Надеждой она прозывается. Надеждой! С нею моряк никогда не пропадет. Все может моряк потерять, но надежду он терять не должен. С нею из любого шторма, из любой беды выйдет моряк, и какая бы буря ни разразилась, какой бы шторм ни бушевал, — всегда у моряка должна жить надежда, что все будет хорошо. Она его и хранить от всех невзгод будет. Вот так!”...

Понравилась тогда моему деду — Ивану Аурову — эта

сказка, и определил он тогда так: пусть в нашем моряцком роду будет жить вот эта самая надежда. И что ж! У нас в роду никто в море не погибал, все до старости доживали, а ведь моряками были все — и прадед, и дед, и отец мой. Вот какие дела-то, ребята. Так что надежду никогда терять нельзя”¹.

Надо бороться с кислым настроением, перестать ныть, скулить, жаловаться. Кто-то очень хорошо сказал: *«Пока ты не доволен жизнью, она проходит»* (в передаче Л. Б. Лебединской). В макаренковской детской колонии («Флаги на башнях») висел лозунг: **«Не пиццать!»**.

Поговорка **«глаза страшатся, руки делают»** описывает случаи, когда нужно делать что-то важное, несмотря на тяжесть-опасность ситуации.

Жизнестойкость (травя сквозь асфальт)

Жизнестойкость, воля к жизни, сила духа — это всё понятия, отражающие самые основы жизни.

Существует много спекуляций по поводу силы духа, что это чисто человеческое качество. Я согласен: дух — чисто человеческое явление. Никакого духа у животных, а тем более растений, нет. Но: в основе **силы духа** лежит биологический феномен, обусловленный действием двух фундаментальных или витальных факторов. Это фактор самосохранения (у животных — инстинкт самосохранения) и фактор продолжения рода (у животных — инстинкт продолжения рода). Всё живое живет на основе действия этих факторов (самосохранения и продолжения рода). Так что, когда мы наблюдаем у людей силу духа, проявленную в исключительных обстоятельствах, то не должны гордиться этой силой как чисто человеческой, духовной способностью. Она имеет мощные биологические корни, называемые инстинктами (шире: факторами) самосохранения и продолжения рода. Без этих корней ее не существует!

Вот яркий пример действия фундаментальных факторов в живой природе: К. Э. Циолковский рассказал своему биографу о том, как после пожара, уничтожившего все его тру-

¹ Наумов Л. 82 дня в океане. В: “Океан покоряется людям”. Владивосток. 1961. С. 99-100.

ды, осы помогли ему преодолеть депрессию:

"С весны и почти до осени за научную работу взяться не мог... Трудно поверить, но помогли мне осы (...) Когда человек застигнут большим горем, любая самая малая тварь может ему помочь.

Я часто ходил на Протву одной и той же дорогой, вернее, тропой. Кое-где тропа поросла травой, и вот на этой самой тропке, словно другого места не было, выбрали осы себе пристанище. Мне приходилось видеть осиные гнезда — серые, словно бумажные коконы с сотами внутри. Встречал их либо на чердаке, либо в дупле дерева. А тут земляные осы поселились в какой-то норке, вырытой не то землеройкой, не то кротом. Ос было множество: одни хлопотливо прилетали, другие улетали. Полюбовавшись крылатыми хищницами, я двинулся к Протве. На обратном пути, на той тропе встретил ребяташек. Мальчуганы часто бывают недобрыми, порой даже жестокими. Подобно мне, они обнаружили осиное гнездо, но не прошли мимо, а решили разорить его. Они натаскали дикого серого камня и, рискуя быть искусанными, намертво заложили отверстие в осиное жилище. Осы защищались. Один мальчуган, как теленок, бегал по лугу, отмахиваясь от разъяренных ос. У другого от укусов затек глаз. Но, несмотря на это, мальчишки делали свое злое дело.

Вскоре на месте осиного подземелья возвышался небольшой каменный курган. Решив, что с осами покончено, мальчишки убежали к реке, а я пошел к городу, помимо воли думая о судьбе осиного гнезда.

На другой день опять отправился к реке. Каменный курган стоял на том же месте, но вот удивительно — осы по-прежнему улетали и прилетали.

Подойдя поближе, я увидел новое отверстие, сделанное у самой каменной груды. Осы перехитрили ребят, мужественно выстояли против жестокой воли и поправили разрушенное.

В тот же день, чуть позже, я стал свидетелем нового набега мальчишеского племени на осиный городок...

Удрученный своим горем, я забыл об осах. Велико же было мое изумление, когда недели через полторы я увидел на знакомом месте, выгоревшем от костра, новый леток, откуда опять выползали осы. Неимоверное упорство насекомых, долготерпение и презрение к превратностям судьбы были столь очевидны, что я задумался над этим.

Вот, рассуждал я, не одна оса, а целое сообщество их подверглись нападению двуногих великанов, которые обрушили на их жилье гигантские обломки серых скал, потом забили вход огромным заостренным бревном, затем напустили небывалый испо-

линский пожар, но насекомые не отступили, а продолжали жить и бороться, не впадая ни в отчаяние, ни в уныние. Чем я хуже их? Почему меня пожар выбил из колеи и я хожу потерянный?

И что вы думаете? В тот же вечер я принялся за научную работу." (К.Алтайский. Циолковский рассказывает. М., 1974. С. 216).

Подобное поведение репейника описано Львом Толстым в "Хаджи Мурате".

Притча о двух лягушках, попавших в банку со сметаной

Существует притча о двух лягушках, попавших в банку со сметаной. Одна из них смирилась со своей участью, прекратила сопротивление и погибла. Другая же продолжала прыгать, хотя ее прыжки и казались бессмысленными. Под ударами лягушачьих лапок сметана постепенно загустела, превратилась в комок твердого масла. Лягушка обрела в нем опору и выпрыгнула из банки. Притчу эту придумали люди, и в основу ее, судя по всему, лег далеко не лягушачий опыт. (Из книги: Н.А.Агаджанян, А.Ю.Катков. Резервы нашего организма. М., 1979. С. 119).

Подобная притча существует о рыбаках, попавших в шторм. Два баркаса относил сильным ветром к скалам. В одном баркасе рыбаки смирились с участью и легли на дно баркаса. В другом баркасе рыбаки изо всех сил гребли против ветра. Первый баркас разбился о скалы. Второй — спасся. (См. «Повесть о настоящем человеке» Б.Полевого)

Бывает, когда человек не волей своей, не упорством добывается спасения, выхода из тяжелой-опасной ситуации, а своеобразной медитацией, размышлением-отвлечением, положительными эмоциями. В одном из своих рассказов В. В. Вересаев описывает ситуацию с женщиной, которая заболела и собралась умирать. Она закрыла глаза и стала в ожидании смерти читать на память стихи А. С. Пушкина. Смерть не приходила. Она читала Пушкина двое суток. Когда врач в последний раз взял ее руку для определения ее состояния, то обнаружил, что температура спа-

ла, женщина выздоровела. (См.: В. В. Вересаев. Невыдуманные рассказы).

7.2.2. Любимая работа, творческий труд

Любимая работа, творческий труд придает жизни смысл, делает ее по-настоящему интересной и содержательной, развивает творческие силы человека, отвлекает от нездоровых и пагубных увлечений, предохраняет от праздношатания и паразитизма.

«Радость труда, — пишет Г. И. Косицкий, — радость участия в общем деле создает ощущение полной жизни, страстное желание жить. Здесь снова хочется вспомнить И. П. Павлова: «Очень хочу жить еще долго, — говорил он, — хоть до ста лет... и даже дольше! Хочется долго жить потому, что небывало расцветают мои лаборатории... Что ни делаю, постоянно думаю, что служу этим сколько позволяют мне мои силы, прежде всего моему Отечеству».

Не случайно типичными образцами долголетия являются люди, до глубокой старости занимающиеся любимой работой, жизнь которых наполнена радостным творчеством. «Многие опасаются того, что большие умственные перегрузки, в частности, у ученых, легко приводят ко всякого рода расстройству. Но когда ученый занимается страстно любимым делом, предел нагрузки бывает необычайно высоким, без всяких вредных последствий. Наоборот, при занятии делом, которое не приносит удовлетворения, такой предел очень низок. Это — поразительное свойство организма», — говорит лауреат Нобелевской премии академик Н.Н.Семенов.

Любимый интересный труд создает моральные предпосылки для долголетия. Еще отец медицины Гиппократ 2300 лет назад указал, что устремление ума к чему-либо приносит с собой бодрость, вечно направляемую к укреплению жизни.

Увлечение связано с возникновением в центральной нервной системе очага доминантного возбуждения («доминанты» по А.А.Ухтомскому), что само по себе резко увеличивает защитные силы организма. В большом количестве специальных экспериментов нами было показано, что очаг доминантного возбуждения тормозит реакции организма на болезнетворные агенты.

Ряд сильнейших воздействий, вызывающих тяжелые заболевания у контрольных животных, совершенно не оказывал подобного эффекта в случае возникновения в центральной нервной системе сильного очага доминантного возбуждения. Нужно ли повторять, что интенсивная деятельность может быть обеспечена лишь при появлении сильных доминант, источник возникновения которых лежит в сфере высших человеческих интересов? Тот факт, что возникновение каждой из доминант может одновремен-

но понижать восприимчивость организма к действию ряда болезнетворных агентов, является воодушевляющим ответом на вопрос о том, как строить собственную жизнь — бояться ли трудностей или идти навстречу им и учиться их преодолевать, вечно остерегаться напряжения или понимать, что разумное напряжение необходимо, без него нет развития силы нервной системы и силы личности, оно — моральный двигатель, основа нашего прогресса.

Множество фактов, подтверждающих сказанное, дает сама жизнь...

Вот почему так важна целеустремленность, увлеченность, любимая работа, занятие интересным делом.»

7.2.3. Любовь, семья, дети, род

1. Любовь

Без любви не может быть полноценной счастливой жизни. В ней проверяются-проявляются все достоинства человека и, в свою очередь, она развивает их дальше, совершенствует.

Любовь — эпицентр семейной жизни, начало воспроизводства жизни, умножитель жизни, делательница новой жизни.

Любовь — солнце жизни, мощнейший двигатель-фактор жизни, благодаря которому и другие ее стороны и сама она в целом, обретают смысл-значение, обогащаются, расцветаются тысячами красок. Под лучами любви всё представляется в самом лучшем свете, сама жизнь не только обретает смысл, но и становится постоянным источником радости-наслаждения. Любящий человек предрасположен к добру, к гармоничным отношениям с другими людьми, вообще со всем миром. Любящий человек, безусловно, любит природу, животных, растения. Любящий человек любит себя, свое тело и душу, свою любовь, хочет соответствовать ей, ее чарующей красоте-гармонии, хочет быть лучше, учиться, совершенствоваться до бесконечности, творить, созидать, дерзать, быть достойным предмета любви (любимой или любимого).

Любовь имеет величайшую ценность благодаря тому, что она является одним из самых сильных источников положительных эмоций, наслаждения и радости. А значение

¹ Г.И.Косицкий. Цивилизация и сердце. М., 1977. С. 148-150.

положительных эмоций трудно переоценить. Они ободряют, мобилизуют и, с другой стороны, смягчают действие разных стрессоров. Если положительных эмоций мало, то жизнь постепенно превращается сначала в прозябание, пустое существование, а затем в самый настоящий ад.

Без любви, без любовных утех человек лишается значительной части положительных эмоций. Он может стать из-за этого мизантропом, психопатом, быстро увядать, дряхлеть, стареть и т.д.

Недостаток любви — это не только недостаток положительных эмоций. Свято место пусто не бывает. Положительные эмоции замещаются отрицательными. Последние порождают либо депрессию, угнетенное состояние, скуку (пустоту жизни), либо раздражительность, озлобленность, агрессию. Много, очень много проблем возникает от недостатка любви. Человек часто и не подозревает об этом. Например, большая часть конфликтов с людьми вызвана отсутствием или недостатком любви в жизни человека. Человек нелюбящий или малолюбящий в лучшем случае холоден-равнодушен к людям, а в худшем — раздражителен-злобен. Или проблемы со здоровьем. Недостаток любви — ненормальность. А ненормальность дурно влияет на состояние здоровья.

В жизни должна быть определенная *сумма любви*. Она равна примерно половине жизни. Человек должен быть постоянно настроен на волну любви, по-хорошему озабочен ею, стремиться к ней, делать всё для того, чтобы она была, продолжалась, совершенствовалась. Ни один день жизни не должен быть потерян для любви.

Любовь — естественный защитник от пороков. Если она служит злу, то это для нее привходящее обстоятельство. В большинстве случаев она *нормальна*, т. е. такая, какой она *должна быть* или *имеет место* у большинства мужчин и женщин. Сама любовь внутри себя — целый мир, восхитительный и прекрасный!

Любите больше, не стесняйтесь, не стыдитесь любви, идите к ней навстречу!

2. Семья, дом

Только муж и жена вместе образуют дейст-

вительного человека; муж и жена вместе есть бытие рода, ибо их союз есть источник множества, источник других людей. Потому человек, сознающий свою мужественность, чувствующий себя мужчиной и считающий это чувство естественным и закономерным, сознает и чувствует себя существом частичным, которое нуждается в другом частичном существе для создания целого, истинного человечества.

Л. Фейербах

Семья — это дом любви, место ее пребывания. Вне семьи любовь ущербна, неполна. В семье любовь реализуется во всех своих ипостасях: как половое общение, как любовь к родителям и любовь к детям.

Семья — это и просто Дом. Без семьи нет дома, а без дома нет семьи. В коммунистическую эпоху в нашей стране слово «домохозяйка» стало чуть ли не бранным, оскорбительным. Да и слово «дом» в значительной мере обесценилось, стало обозначать чаще некое безликое многоэтажное сооружение с рядом комнат (коридорная система, коммуналка) или отдельных квартир-клеток. Это извращение жизни. Быть хозяином или хозяйкой дома — величайшая ценность. Не надо только понимать домашнее хозяйство узко, лишь как обеспечение удобств, порядка и чистоты в доме. Вести дом — это наладить, поддерживать, развивать, совершенствовать жизнь семьи в определенном пространстве-времени со всеми ее атрибутами: супружеством, отцовством-материнством, культурой быта, любовью-дружбой-общением с самыми близкими людьми, животворчеством.

Примером настоящей Домохозяйки была Наталья Петровна Кончаловская, писательница, жена писателя Сергея Михалкова, мать, воспитавшая троих детей, в том числе таких прекрасных как Андрей Кончаловский и Никита Михалков...

Нужно стремиться жить отдельным домом с отдельным участком земли. Только тогда семья может полноценно жить и развиваться. Е. С. Савченко, губернатор Белгородской области, справедливо сказал: «Человек чувствует себя полноценной личностью только в собственном доме» (из телепрограммы «Крестьянская застава», ТВЦ, 27.04.2008).

Нынешние многоэтажные города, многоквартирные до-

ма — это черная дыра человечества как биологического вида.

И. Кант говорил: «Человек без дома — потенциальный преступник». Сказано резко, но верно по существу. Человек без дома — перекасти поле, пустоцвет.

3. Дети

И вершина любви —
Это чудо великое — дети!

К. Ваншенкин

Если дом не наполняется детьми,
то он наполняется призраками¹

Наличие детей является мощным фактором жизни. Без них жизнь наполовину теряет смысл. Дети — плоды творчества самой жизни, животворчества; они олицетворяют собой эстафету жизни — от настоящего к будущему. Они — представители будущего в настоящем, цветы жизни (и не только в смысле ее украшения, а и во всех других смыслах).

Малые дети дают ощущение бесконечной нежности, любви, счастья, силы и радости жизни.

Подростки дают ощущение вечной молодости, юности, свежести, чистоты, энергии.

Взрослые дети — это опять малые дети, дети детей, внуки, это гарантия от одиночества в старости, естественные помощники в старости.

4. Род

Сейчас в России много говорят о ценностях семьи. Это хорошо. Но недостаточно! Нужно говорить также о ценностях рода. Семья в современном понимании может быть и без детей или с одним только ребенком. А это значит, что акцент на ценностях семьи не решает принципиально вопрос хотя бы о простом воспроизводстве жизни, о продолжении рода.

Нужно пропагандировать ценности рода! Здесь две сто-

¹ Сравн.: «Если к сорока годам комната человека не наполняется детскими голосами, то она наполняется кошмарами» (Ш. Сент-Бёв).

роны вопроса:

1) нужно привлечь внимание к прошлому рода, т. е. воспитать уважение в людях, в обществе к родителям и предкам (в частности, труд родителей должен быть по достоинству оценен и, по возможности, восстановить родословные, генеалогии, прививать «любовь к отеческим гробам» (А.С.Пушкин));

2) нужно фундаментально заниматься продолжением рода, в частности, проводить такую политику, чтобы было простое и даже расширенное воспроизводство человека (= или > 2,15 ребенка на одну семью).

Я считаю, что политика государства должна быть направлена не просто на оказание помощи семье, родителям, детям или на поощрение рождаемости (в виде оплачиваемого декретного отпуска, детских пособий и льгот, материнского капитала, отцовских алиментов и т.п. — это всё паллиативы), а на создание условий, когда труд родителей будет по достоинству (морально и материально) признан и оценен обществом наравне с трудом в избранной профессии. То есть в известном смысле родительский труд должен быть также оплачиваем, как и любой другой общественно значимый труд.

Человек бессмертен, пока он продолжает род. Воспитание подрастающего поколения в духе продолжения (бессмертия) рода, жизни — чрезвычайно важная задача. Если человек не только дал жизнь детям, но и воспитал их так, что они в свою очередь продолжают родовую жизнь, воспитывают своих детей в том же духе, то его бессмертие глубже, значимее того продолжения жизни в детях, которое не идет дальше детопроизводства. Человек должен быть посвящен дальновиден в любви и в семейной жизни вообще. **Ему нужно думать не просто о детях, а о том, чтобы заложить в них уважение к предкам и сознательное стремление к дальнейшему продолжению рода.** Ведь не секрет, что родители часто не думают об этой стороне воспитания детей. Они либо стремятся воспитать просто хороших людей (а это утопия: просто хороших людей не бывает), либо думают лишь о профессиональной или творческой судьбе детей. Дети же, помимо всего прочего, должны продолжить род. Воспитание их в духе уважения к детопроизводству, животворчеству — отнюдь не простая задача. Жизнь мстит

тем, кто об этом забывает. Сколько уже родов, генеалогий кануло в лету из-за пренебрежительного отношения к животворчеству! Вырождение, вымирание грозит тем человеческим сообществам, которые легкомысленно относятся к ценностям продолжения рода.

7.2.4. Духовное совершенствование, постоянный контакт с духовной культурой человечества

Хотелось бы, чтобы в здоровом теле был еще и здоровый дух.

Ювенал (Сатиры)»

Способности, как и мускулы, растут при тренировке.

В.П. Обручев

Духовное совершенствование — это сложный комплекс усилий и действий по развитию-совершенствованию духовности. Оно включает в себя следующие элементы:

1. Развитие умственных способностей (ума, рассудка, разума; логики, интуиции, диалектики).
2. Развитие любознательности, пополнение научных знаний и других полезных сведений.
3. Совершенствование культуры чувств, эстетическое воспитание и развитие.
4. Воспитание и развитие воли, совершенствование волевых качеств.
5. Нравственное развитие и совершенствование.

1. Развитие умственных способностей

Как мы думаем, так и живем

«Горе от ума» — так называлась знаменитая пьеса А. С. Грибоедова. Еще говорят: «рыба с головы гниет». И в самом деле, ум — главноуправляющий поведением человека; в качестве такового он несет основную долю ответственности за это поведение. И радость от ума, и горе от ума. **Наша жизнь зависит от качества и направления наших мыслей. Как мы думаем, так и живем. Лучше думаем — лучше живем.**

Д. Карнеги был во многом прав, когда писал:

«Все на свете ищут счастья — и существует один верный способ найти его. Для этого *вы должны научиться управлять своими мыслями*. Счастье не зависит от внешних условий. Оно зависит от условий внутреннего порядка.

Вы счастливы или несчастны не благодаря тому, что вы имеете, и не в связи с тем, кем являетесь, где находитесь или что делаете; *ваше состояние определяется тем, что обо всем этом думаете* (курсив мой — Л.Б.). Например, два человека могут находиться в одном и том же месте и заниматься одним и тем же; оба могут иметь примерно одинаковое количество денег и одинаковое положение — и все же один может быть несчастен, а другой — счастлив. Почему? Вследствие различия в их умонастроениях. Я встречал не меньше счастливых лиц среди китайских кули, в поте лица работавших при изнурительной жаре в Китае за семь центов в день, чем встречаю на Парк-авеню в Нью-Йорке.

По утверждению Шекспира, ничто не является хорошим или плохим, — все зависит от того, как мы смотрим на вещи.

Эйб Линкольн однажды заметил, что «большинство людей счастливы настолько, насколько они решили быть счастливыми». Он был прав. Не так давно я видел наглядную иллюстрацию, подтверждающую справедливость этой истины. Я поднимался по лестнице на станции метро «Лонг-Айленд» в Нью-Йорке. Прямо передо мной с огромным трудом преодолевали ступени примерно тридцать—сорок мальчиков-калек, опиравшихся на палки и костыли. Одного мальчугана несли на носилках. Меня удивило, что они веселы и смеются, и я сказал об этом сопровождавшему их человеку. «О да, — ответил тот, — когда ребенок осознает, что останется калекой на всю жизнь, он вначале бывает потрясен, а затем, когда это состояние у него проходит, он обычно покоряется своей судьбе и становится счастливее здоровых детей».

У меня было желание снять перед этими ребятами шляпу. Они преподали урок, который, надеюсь, никогда не забуду. (Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. М.-Баку. 1990. С. 96-97.)»

Осознав эту роль ума в нашей жизни, мы должны сделать для себя естественный вывод: чтобы не было горя от ума, его надо развивать и совершенствовать.

Надо развивать логическую способность, рассудительность.

Надо развивать интуицию, чутье, способность к смекалке.

И, наконец, надо развивать разум, способность к мудрости, становиться мудрым.¹

¹ Ученые говорят о необходимости тренировки ума.
«СРЕДСТВО ОТ БЕСПАМЯТСТВА»

Развитие логической способности, рассудительности

Известный английский философ и логик Д. С. Милль сто пятьдесят лет назад писал: «Логика есть великий преследователь темного и запутанного мышления; она рассеивает туман, скрывающий от нас наше невежество и заставляющий нас думать, что мы понимаем предмет, в то время как мы его не понимаем. Я убежден, что в современном воспитании ничто не приносит большей пользы для выработки точных мыслителей, остающихся верными смыслу слов и предложений и находящихся постоянно настороже против терминов неопределенных и двусмысленных, как логика».

Рассуждение — это половина спасения. — Так написано в одной старинной русской книге. Знаменитый английский физик Кельвин заявил сторонникам узкой специализации студентов: “Из-за незнания логики погибло больше кораблей, чем из-за незнания навигации”.

1. Для развития логической способности нужно прежде всего знать правила логики, уметь решать логические задачи. Для этого надо учиться логике, знать основы науки логики. Это, так сказать, теоретическая база развития логической способности.

2. Кроме того, нужно больше рассуждать, аргументировать, искать доводы за и против, не бояться вступить в по-

Если вы хотите, чтобы ваше мышление сохраняло остроту и точность, тренируйте мозг подобно мышцам. К такому выводу пришли ученые из США. Мозг, считают они, нуждается в постоянных упражнениях. Если он не получает регулярной нагрузки, это неминуемо влечет за собой ухудшение памяти и многие другие неприятные последствия. Регулярные тренировки мозга способны даже предотвратить возникновение болезни Альцгеймера.

Немаловажную роль, по-видимому, играет и образование. Люди, получившие хорошее образование - реже становятся жертвами страшной болезни. 9-летнее школьное образование — это тот порог, который разделяет группы повышенного и меньшего риска. Однако речь идет не только об официальном образовании, считает врач. С его точки зрения, при-вычка к чтению, которая закладывается у человека в возрасте от 6 до 18 лет, создает некий «познавательный запас», который может противостоять болезням, связанным с разрушением мозга. До недавнего времени считалось, что клетки мозга формируются в раннем возрасте, а затем человек только теряет их. Но последние исследования показали, что мозг самообновляется на протяжении всей жизни, и это происходит даже в пожилом возрасте. Поэтому ослабление умственных способностей отнюдь не неизбежно, и врачи единодушно советуют: тренируйте свой мозг.»

Газета "АИФ-Здоровье", 2003, №19

лемику, в дискуссию. Это — опытная, эмпирическая база развития логической способности.

Логическое мышление — правильное мышление, т. е. мышление **по правилам**. Каковы эти правила? Их много. Основные правила называют обычно законами логики. Среди последних выделяют четыре закона: тождества, запрета противоречия, исключенного третьего, достаточного основания. Эти законы выражают коренные свойства логического мышления — его определенность, непротиворечивость, последовательность, обоснованность.

Закон тождества — всякая мысль в процессе рассуждения должна быть тождественной самой себе (**а** есть **а** или **а=а**). Этот закон требует, чтобы каждая мысль в процессе рассуждения сохраняла одно и то же содержание, сколько бы она ни повторялась. Иными словами, закон тождества требует определенности, то есть ясности и точности мысли как важнейшего условия правильного рассуждения. Этот закон направлен против туманности, расплывчатости в мыслях. В жизни мы нередко сталкиваемся с людьми, которые выражаются туманно, двусмысленно, перескакивают с одной мысли на другую. Именно о них говорят: “С ворон начал, а на сорок перевел”.

Закон запрета противоречия — два несовместимых друг с другом суждения не могут быть одновременно и в одном и том же отношении приемлемыми, правильными; по крайней мере одно из них неприемлемо, неправильно, ошибочно (— неправильно, что **а** и не-**а** или $\neg(p \wedge \neg p)$). Например, из двух суждений: “Байкал — самое глубокое озеро в мире” и “Байкал — не самое глубокое озеро в мире” — только одно может быть истинным. Таким образом, закон запрещает отвечать на один и тот же вопрос, в одно и то же время и в одном и том же смысле “да” и “нет”.

Закон запрета противоречия учит последовательности в рассуждении. О том, кто отличается крайней непоследовательностью в суждениях, говорят обычно: он, точно флюгер, поворачивается то в одну, то в другую сторону при малейшей перемене ветра.

Н. Г. Чернышевский подчеркивал, что непоследовательность в мыслях ведет к непоследовательности в поступках. У кого не уяснены принципы во всей логической полноте и

последовательности, писал он, у того не только сумбур в голове, но и в делах чепуха.

Закон исключенного третьего — два противоречащих суждения не могут быть вместе истинными или ложными: одно из них необходимо истинно, другое необходимо ложно (**a** есть либо **b**, либо не-**b** или $p \vee \neg p$).

Как и закон запрета противоречия обеспечивает последовательность мышления: если установлено, что одно из противоречащих суждений истинно, то другое необходимо признать ложным, и наоборот. Третьего, среднего между противоречащими суждениями, нет.

Закон достаточного основания — всякая мысль признается правильной, если она имеет достаточное основание. Если есть **a**, то есть и его основание **b**.

Этот закон утверждает, что всякая правильная мысль должна быть обоснована другими мыслями, правильность которых доказана практикой, на опыте. Когда мы утверждаем что-то, то мы не должны делать это голословно, а обязаны обосновать наше утверждение, доказать его правильность. Закон достаточного основания требует обоснованности, доказательности, то есть связи любой мысли с действительными фактами, примерами из реальной жизни, а также с научно обоснованными законами, теоретическими положениями. Он предостерегает против необоснованных суждений, пустых деклараций, “волевых” решений, слепого поклонения перед авторитетами.

Что нужно для развития чутья, интуиции?

1. Набираться опыта как можно больше: жизненного — для развития интуиции вообще, и специального (в частной, избранной деятельности) — для развития специальной (профессиональной и иной специфической) интуиции.

2. Быть по возможности всеядным, интересоваться всем. Богатство опыта, жизненных наблюдений и впечатлений — основа хорошей интуиции.

В самом деле, в интуиции важен момент связывания самых различных предметов, кажущихся на первый взгляд совершенно чуждыми друг другу. Это связывание тем более вероятно, чем *многообразнее, богаче* опыт человека.

3. Развивать в себе эмоциональное начало (через любовь,

искусство, спортивные и иные игры).

Хороший эмоциональный фон (неравнодушие, страстность) служит питательной средой или играет провоцирующую роль в возникновении *вдохновения*. А без вдохновения невозможно рождение интуитивной мысли. С. В. Рахманинов, например, говорил, что на его творчество влияет “любовь — никогда не ослабевающий источник вдохновения. Она вдохновляет как ничто другое. Любовь становится стимулом для расцвета интеллектуальной энергии”¹.

4. Развивать невербальное, картинное, образное мышление. Картины и образы позволяют охватить одним разом (единым взором) много разных вещей. Это охватывание-схватывание — хорошая питательная среда интуиции.

5. Развивать воображение, способность к фантазии. Декарт говорил: “интуиция — ум воображения”. Точно сказано! Без развитого воображения не может быть развитой интуиции.

6. Развивать способность мечтать, строить планы. Бескрылый человек не способен творить, открывать или созидать новое.

Мечта задает вектор поиска, подталкивает к поиску, подогревает вновь возникшую мысль, в целом создает положительный эмоциональный фон для возникновения мысли и ее последующего утверждения. Д. И. Писарев отмечал: “Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать, если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руководством, — тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни...”²

7. Развивать дерзость (в хорошем смысле слова), не бояться идти на риск. Дерзание, смелость — необходимое условие интуиции. Человек, боящийся вступить в область не-

¹ См.: С. В. Рахманинов. Литературное наследие. Т. 1, М., 1978. С. 94-95.

² Д. И. Писарев. Избр. соч. Т. 2, М., 1955. С. 124-125.

изведанного, не может рассчитывать на развитую интуицию.

Мудрость

“Разумность, — писал Николай Кузанский, — есть знание истины, чувство красоты и желание блага”. И в самом деле, в мудрости добро, красота и истина соединяются как в фокусе. От такого соединения их сила многократно увеличивается. К мудрости как нельзя лучше подходит новомодное слово “синергизм”. Она не является в отдельности, ни истиной, ни добром, ни красотой. Она то, что ведет или может привести к истине, добру и красоте, что является предпосылкой или условием истины, добра и красоты.

Для того, чтобы быть мудрым, нужно две вещи: опыт и труд мысли.

Мудрый человек — здравомыслящий; он избегает крайностей. (П. Буаст: “Чтобы стать циником, нужно быть умным, чтобы хватило ума не стать им, нужно быть мудрым”)

Мудрый человек способен решать и решает большие задачи. (“Сильный телом одолеет одного, сильный мудростью одолеет многих”)

Мудрый человек впитывает в себя мудрость многих. (Вудберри: “Знанием может владеть ум ученого, но мудрость — это дыхание народа”)

Мудрый человек становится таковым лишь благодаря себе. (М. Монтень: “Если можно быть учеными чужой ученостью, то мудрыми мы можем быть лишь собственной мудростью”. Л. Н. Толстой: “Для того, чтобы человеку принять чужую мудрость, ему нужно прежде самому думать”).

Мудрость — сплав личного опыта и коллективного разума людей.

Мудрый человек по хорошему всеяден, любознателен и пытлив, извлекает пользу из всего. (Индийская мудрость: “Мудр человек, умеющий всюду найти достойное изучения и из каждой незначительной вещи извлечь полезный для себя урок”. Д. Рёскин: “Мудрый находит себе помощь во всем, потому, что его дар состоит в том, чтобы извлекать добро из всего”).

Мудрый человек — дальновидный, прозорливый. (Китайская мудрость: “мудрый человек не лечит болезни, а предотвращает их”).

Мудрость — воплощение глубины разума, притом бездонной. Правильно сказал Олджер: “Ученый человек — суд, мудрец — источник”.

Мудрость — соединение знания с благом (Эсхил: “Мудр не тот, кто знает много, а тот, чьи знания полезны”. “Мудр — кто знает нужное, а не многое”).

Мудрость рождается в союзе знания и умения. Она не в том, чтобы владеть истиной, а в том, чтобы уметь находить истину. И не в том, чтобы уметь, а в том, чтобы знать, как научиться умению.

Мудрость не в знании самом по себе, а в том, чтобы уметь применять знание на деле, и не в умении самом по себе, а в том, чтобы принимать решения со знанием дела.

2. Развитие любознательности, пополнение научных знаний и других полезных сведений

Знание — сила!
Ф.Бэкон

Знать больше сегодня — значит быть более сильным завтра
Э.Теллер

Любознательность есть постоянная неудовлетворенность духа.
Джеремии Тейлор

Наиболее любознателен-любопытен человек в детстве. Затем эта способность постепенно затухает. В старости человек почти ничем не интересуется и ничему не удивляется. Отсюда ослабление интереса к жизни и, соответственно, стимула к ее продолжению-длению.

В той мере, в какой человек поддерживает и развивает в себе любознательность, он сохраняет интерес к жизни и живет-живет-живет.

3. Совершенствование культуры чувств, эстетическое воспитание и развитие

С одной стороны, надо развивать-совершенствовать положительные чувства: любви, удовольствия, наслаждения, радости, красоты, прекрасного. С другой, надо учиться сдерживать-ограничивать негативные эмоции: раздражения, гнева, ненависти, печали, страха.

Хорошая музыка, живопись, литература культивируют в нас хорошие-сильные-тонкие чувства, поддерживает и развивает душевную гармонию, настраивает, мобилизует на хорошие дела.

4. Воспитание и развитие воли, совершенствование волевых качеств

Что такое воля? — *Воля есть способность человека управлять своим поведением.*

Воля складывается из *терпеливости* и *настойчивости*, терпения переносить трудности-страдания и настойчивости в достижении цели. Терпеливость — пассивная воля, настойчивость — активная воля. Вместе они составляют волю как таковую. Не случайно говорят: «терпение и труд всё перетрут».

Как укреплять волю?

Учиться терпеть. — Я занимаюсь бегом на длинные дистанции и давно пришел к выводу, который звучит как афоризм: чем длиннее дистанция, тем сильнее воля.

Развивать настойчивость. — «Основное правило воспитания воли: нельзя воспитывать волю взрывами. Это ежедневный процесс. Поставил себе цель — нужно постоянно «бить в точку». Разве покончишь, например, с сутулостью, если сегодня за своей осанкой следишь, а завтра согнулся за уроками в три погибели. Воспитать волю нелегко. Но чем больше на твоём счету выполненных собственных приказов, тем легче управлять собой». (Б. С. Алякринский).

Упорство — настойчивость в ситуации, когда человек терпит поражение (поражения). Когда А. Линкольн потерпел поражение на выборах в сенат США, то он сказал своим сторонникам: нельзя «сдаваться не только после одного, но и после ста поражений».

В детстве на меня сильно повлияла китайская народная сказка «Упорный Юн Су». Я вспоминаю ее всю жизнь. Вот эта сказка:

«Когда-то жил близ Фучжоу маленький мальчик по имени Юн Су. Отец его умер, остался он один с матерью. В доме у них было бедно и пусто. Иной раз нельзя было найти даже горсточку рису. Пришло время Юн Су учиться, а у него не было ни бумаги, ни туши, ни кисточки для письма. Однако Юн Су твёрдо решил: "Буду учиться!" И стал придумывать, как обмануть нужду.

Наутро он пришёл к богатому соседу и сказал: — Я слышал, вы ищете работника в дом. Возьмите меня! Лет мне немного, это правда, да ведь я многого и не прошу: позвольте мне изредка лишь смотреть, как учатся ваши сыновья, и я буду доволен. Богач обрадовался: пришёл бесплатный работник! И согласился. С утра до вечера трудился Юн Су в доме богача. Всю грязную и тяжёлую работу оставляли ему. Но зато Юн Су мог изредка заглядывать в книги, по которым учились дети хозяина. А иногда удавалось прослушать и целый урок: придёт учитель — а Юн Су спрячется в угол и слушает. Так и учился.

Через год начал уже сам разбирать слова. Но вот беда — писать не умел! Не на чем было. Задумался Юн Су: как тут быть? И придумал

мал. Жил Юн Су со своей матерью в маленьком домике на самом берегу моря. Волны целый день ровняли тонкий морской песок. И вот Юн Су взял длинную палку и пришёл на берег моря. Быстро нарисовал на песке слово. Накатилась волна — и всё смыла. Нарисовал опять — и опять всё смыла другая волна. Так он мог бесконечно писать без кисточки и бумаги. Но теперь стало ему не хватать книг. Однажды Юн Су подошёл к своему богатому хозяину и сказал: — Я работал на вас бесплатно — теперь хочу просить о плате. Однако если вы разрешите мне читать ваши книги, я согласен работать у вас так же ещё год. Хозяину жаль было терять такого выгодного работника, и он разрешил.

Теперь у Юн Су были книги. Очень часто ему приходилось работать дотёмна, а учиться только ночью. Он был так беден, что не мог купить даже масла для лампы. Однако Юн Су не сдавался. Когда светила луна, он читал и писал при лунном свете. А когда луны не было, Юн Су набирал в траве светлячков и клал их в бумажные фонарики. При слабом свете живых светлячков упорный Юн Су продолжал читать по ночам.

Прошло много лет. Юн Су добился своего — он стал великим учёным. И до сих пор люди вспоминают упорство маленького бедняка Юн Су.» — По книге "Братья Лю"

Воля может чудеса делать, поспорить даже с другими способностями человека. Д. Карнеги писал: «Случалось, что более способные люди охладевали к этому делу или были слишком заняты погоней за деньгами и поэтому особых успехов не достигали, но средний человек, обладавший характером и целеустремленностью, в конце концов оказывался впереди»¹.

Я давно выработал для себя формулы поведения, которыми стараюсь руководствоваться в жизни:

"Человек только тогда достигает чего либо, когда он оказывается сильнее обстоятельств".

"Отсутствие самодисциплины ведет к тому, что даже маленькие препятствия преодолеваются с большим трудом".

"Слабые духом склонны все усложнять, сильные, напротив, упрощать".

"Склонность слабых людей — винить других в своих несчастьях".

Положительные волевые качества человека: мужество, храбрость, отвага, смелость, сила духа, бесстрашие, упорство.

¹ Карнеги Д. Как вырабатывать уверенность и влиять на людей, выступая публично. Москва-Баку, 1990. С. 92.

Отрицательные волевые качества: трусость, робость, боязливость, малодушие, упрямство, безрассудство.

5. Нравственное развитие, совершенствование

Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать... А спокойствие — душевная подлость.

Л. Н. Толстой

Всякое сравнение себя с другими для оправдания себя есть соблазн, препятствующий и доброй жизни и главному ее делу — совершенствованию. Сравнивай себя только с высшим совершенством, а не с людьми, которые могут быть ниже тебя. (Смирение. М., 1911)

Л.Н. Толстой

Нравственность является одной из важнейших форм регуляции поведения человека, межчеловеческих отношений, охватывает область тонких, гибких, пластичных взаимоотношений людей, осуществляет духовную связь, единение людей. Без нравственности невозможны такие формы взаимоотношения людей как любовь, дружба, товарищество, сотрудничество, кооперация, соревнование, спорт и т. п. Без нравственности невозможна даже война. На войне тоже есть свои правила, свой кодекс чести.

Иными словами, нравственность — часть человека как общественного существа. И в качестве таковой она играет существенную роль в жизни человека, служит средством ее внутренней и внешней гармонизации. В той мере, в какой человек лишен нравственности, нравственных принципов-чувств, он лишен внутренней гармонии, гармонии души и находится в конфликтных отношениях с собой и с людьми, обществом, со всем миром.

Человек, осознавший значение нравственности для своей жизни, будет неустанно работать над собой, чтобы быть добрее и лучше. Просто нравственный человек делает добро по мере своих сил и избегает делать зло. Человек же нравственно развитый идет дальше: он не ограничивается выбором в пользу добра, а стремится принести людям как можно больше пользы. Почему это так? Потому что «развитой че-

ловек по мере расширения своего развития должен оплатить и более значительную цену, израсходованную человечеством на это развитие»¹.

Человек по своей природе добр или почему быть добрым хорошо

(добро и зло относятся друг к другу как норма и патология)

Существуют разные мнения относительно того, добр или зол человек по своей природе. Одни считают, что человек по природе добр, другие, что он зол, третьи — что он не добр и не зол.

Ф. Ницше, например, характеризовал человека как злое животное².

А Ж.-Ж. Руссо в “Рассуждении о неравенстве” [1754] утверждал, что “человек по натуре своей добр и только общество делает его плохим” — антитеза доктрине первородного греха и спасения в церкви.

Еще одно мнение, повторенное совсем недавно в Вестнике Российского философского общества: “Человек по своей природе не добр и не зол”³.

С моей точки зрения, *человек по своей природе — т. е. изначально, сущностно — добр. Злой человек — это аномалия, исключение из правила, нравственно больной человек*. Добро и зло относятся друг к другу как норма и патология, здоровье и болезнь. Добрый человек — нравственно здоровый. Злой человек — нравственно больной, нравственный урод, инвалид.

Нравственность родилась вместе с человеком, неотделима от него. А она не может быть без доброты, без добрых поступков. Утверждать, что человек по своей природе не добр (и не зол) — все равно, что утверждать, что человек по своей природе не нравственен, не является нравственным существом.

Наличие зла и злых людей в мире вовсе не подрывает основы человеческого добронравия. Если люди болеют, то это не значит, что они не здоровы по своей природе.

¹ Лавров П.Л. Социальная революция и задачи нравственности. — Избр. произв. в 2-х тт. Т. 1, М., 1965. С. 417.

² См.: Ф.Ницше. Соч. в 2-х т.т. Т. 2, М., 1990. С. 421 (К генеалогии морали).

³ Е.Лаврухина. — Вестник РФО, 1999, № 4. С. 94.

Кстати, нравственность человека появилась не на пустом месте. Она, безусловно, имеет биологические корни. Американский биолог Э. Уотсон считает, что поведение всех живых существ от бактерии до человека основывается на одних и тех же принципах, что в жизни человека и животных множество схожих ритуалов, этических норм... В самом деле, у высших животных есть то, что можно было бы назвать пранравственностью. Ведь что такое нравственность по жизни? Это правила человеческого общежития, т. е. правила поведения человека в обществе. Подобные правила есть и у животных.

Попробуем порассуждать на тему: что может следовать из каждого тезиса («человек по своей природе добр, зол или не добр и не зол»)?

1. Если мы придерживаемся мнения, что *человек по своей природе зол*, то из этого могут следовать два варианта поведения, соответственные преступному и несчастному сознанию. Если я считаю, что человек по своей природе зол, то, следовательно, меня окружают в основном, в большинстве своем злые люди, т. е. люди, от которых следует ждать всяких неприятностей. Как я должен к ним относиться? Настороженно-бдительно, всё время ожидая от них какой-нибудь гадости, подлости. Налицо конфликтное сознание и конфликтное поведение. В этом случае вырабатывается преувеличенная реакция отстранения/отторжения/агрессии на поведение людей (как в случае аллергии, т. е. чрезмерной реакции иммунной системы на тот или иной внешний или внутренний раздражитель). Такую реакцию часто можно наблюдать в современных фильмах — прежде всего, триллерах, боевиках и т. п.

Если ты относишь себя к злому большинству, то у тебя вырабатывается аморальное сознание вплоть до агрессивного и преступного.

Если ты относишь себя к незлому (доброму) меньшинству, то у тебя вырабатывается сознание жертвы, несчастное сознание. Здесь могут быть разные варианты поведения: изоляционистское (человек бежит от людей, общества, на природу, в пустынь, в леса, в монастырь, в книги, в свой узкий семейный мир и т. п.), ноюще-раздражительное, вечно

брюзжащее-недовольное жизнью, людьми, порядками в обществе и т. д., и т. п.

В том и другом случае человек настроен на волну конфликта, конфронтации, изоляционизма, постоянного недовольства или агрессии. У такого человека нет в душе гармонии или она искусственная, страусиная, вызванная уходом-бегством от людей, общества (как у страуса: прятанием головы в песок).

«Мир жалок лишь для жалкого человека, мир пуст лишь для пустого человека» — говорил Л. Фейербах. Всякий человек должен иметь в виду: как он представляет мир, таков и он сам. Если он представляет мир полным злом, то он либо сам таков, либо близок к такому состоянию, либо пребывает в состоянии постоянной душевной дисгармонии (тревоги, беспокойства, недовольства).

2. Если мы придерживаемся мнения, что *человек по природе своей ни добр, ни зол*, то рано или поздно вырабатывается «скользкий» подход к людям, обществу: вроде бы с ними надо общаться, дружить, сотрудничать, иметь дела, но при этом «держать ухо востро», быть бдительным и т. д., и т. п. (по поговорке «доверяй, но проверяй»).

Из указанного похода следует такое статистическое рассуждение: если ты считаешь, что человек по своей природе не добр и не зол, то, следовательно, встречающиеся на твоём пути люди равновероятно могут быть добрыми или злыми, т. е. баш на баш, половина на половину. Как ты должен относиться к людям, если ты считаешь, что, как минимум, от половины из них можно ожидать чего-то дурного? Доверчиво-недоверчиво, подозрительно-благодушно.

«Скользкое» поведение характерно своей неустойчивостью, непредсказуемостью, чревато срывами в сторону добра или зла, любви или агрессии. С человеком, обладающим «скользким» сознанием, трудно общаться, иметь дело. Сегодня он добрый, настроен благодушно, а завтра зол, недоверчив-подозрителен, агрессивен. Иными словами, такой человек постоянно балансирует на грани несчастного или аморального-преступного сознания. Он фактически лишен нравственного стержня, нравственных убеждений. А без убеждений человек подобен флюгеру: куда ветер подует туда и он.

3. Если мы будем придерживаться мнения, что *человек по своей природе добр*, то, соответственно, будем считать, что большинство людей — нормальные, добрые, порядочные и будем настроены на волну общения, сотрудничества, любви и приязни. Соответственно, будем относиться к людям (изначально, по определению) по-доброму, благожелательно и добросердечно. С таким отношением к людям в душе укрепляется-усиливается гармония, процветает гармоническое ощущение жизни, вырабатывается гуманистическое убеждение, которое можно выразить афоризмом: будем лучше думать о людях и они на самом деле станут лучше.

Когда ты встречаешь человека где-нибудь на улице, в незнакомом месте, общаешься с ним в связи с тем или иным делом, то заранее настроен на то, что перед тобой нормальный, порядочный, добрый человек, такой же как ты. В итоге создается непринужденная атмосфера доверия, взаимопонимания, согласия. Конечно, при таком подходе есть вероятность, что ты можешь нарваться на злого, дурного человека и обмануться в своей доверии, добром расположении. Но это лучше, чем если ты заранее будешь предполагать в партнере по общению злого-дурного человека и относиться к нему настороженно-подозрительно. Потому что наша жизнь протекает и дела делаются, как правило, в контакте-сотрудничестве с другими людьми и вечное недоверие-подозрительность только мешают нормальной жизни и делам. Вот почему в человеческом общении лучше ошибиться в сторону доверия, чем недоверия.

Когда ты убежден, что человек по своей природе добр, то и себя однозначно оцениваешь как доброго человека, т. е. относишь себя к доброму большинству человечества. Отсюда и стиль поведения: постоянная готовность делать добро, оказывать помощь людям, открытый и доброжелательный характер, искренность и честность, деликатность и такт.

Я не могу согласиться с Л. Толстым, который считал, что человек не должен считать себя хорошим, если он хочет быть лучше¹. **Считать себя хорошим — это значит жить в согласии-гармонии с самим собой, в ладу со своей сове-**

¹ «Главное дело жизни всякого человека, это то, чтобы становиться добрее и лучше. А как же можно становиться лучше, когда считаешь себя хорошим.» — *Л.Н. Толстой*. Смирение. М., 1911.

стью, жить гармоничной жизнью. А если считаешь себя плохим, то это уже дисгармония, душевный разлад, раздвоенность сознания.

Считать себя хорошим и стремиться быть лучше — одно не исключает другое, как не исключают друг друга хорошая и отличная оценки в учебе. Ты хорошо учишься, но это не значит, что ты не можешь учиться еще лучше. На этот счет есть мудрая поговорка «лучшее — враг хорошего».

Когда пытаются *доказать необходимость морального зла*, то нередко рассуждают о том, что это зло оттеняет добро, что добро без зла как свет без тьмы — уже и не добро. Эти рассуждения фальшивы насквозь. Моральное добро имеет ценность само по себе и вовсе не нуждается в оттенении злом. Людям нет необходимости творить зло, делать зло друг другу, чтобы жить интересной, яркой, нескучной жизнью. На свете много интересных и полезных дел, которые требуют совместных усилий, дерзания, проявления творческой индивидуальности и которым, напротив, мешает злоумыслие отдельных людей.

Сопоставление добра и зла как света и тьмы или порядка и хаоса — ложное сопоставление. Здесь есть определенное лукавство. Это тот случай, когда сравнение хромает. Да, благодаря взаимодействию света и тьмы (света и тени, черного и белого) мы можем видеть. В чистом свете и в чистой тьме ничего нельзя увидеть. То же с порядком и хаосом. Мы живем в мире, в котором порядок и хаос, упорядоченность и неупорядоченность находятся в сложном переплетении. Чистый порядок — порядок твердого тела — неживой, мертвый. И чистый хаос, беспорядок — как инертный газ — безжизнен, мертв. Если же говорить о добре и зле, то трудно представить доброго человека, который для того, чтобы быть полноценным человеком, должен совершать и злые поступки. Тем более трудно представить творческого человека, который для того, чтобы достигнуть результатов в своей деятельности, непременно должен сделать что-то дурное.

Мотив оттенения добра злом — известный мотив. Он звучит еще при сопоставлении жизни и смерти, здоровья

и болезни, богатства и бедности. (См. об этом выше, стр. [81-83](#), [88-94](#)).

Совестливость

Совестливость — хорошее русское слово, которое сейчас, к сожалению, редко звучит. А зря. Совестливый человек, как правило, отдает себе отчет в своих действиях, соизмеряя их с интересами и чувствами других-всех людей.

Совестливый человек, что бы он ни делал, всегда думает о других людях, о жизни, о том, насколько его поведение вплетается в ткань жизни вообще и человеческой, в частности.

Совестливый человек и наедине с самим собой будет стараться выполнить свой человеческий долг.

Совестливый человек как врач руководствуется принципом «не навреди». Он не будет мусорить, где бы он ни находился, не будет сквернословить, злословить и т. д., и т. п.

Благородство

Благородство — высокая степень самоуважения, сочетающаяся с такой же высокой степенью уважения других, всех людей, развитое чувство человеческого достоинства, достоинства себя и других. Благородство — это великодушные к поверженным, сочувствие к слабым, униженным и оскорбленным.

Благородный человек — не просто порядочный, а высокопорядочный, высоконравственный человек, с развитым умом, совестью и честью. Он органически не способен совершать злые поступки, злорадствовать, быть циником.

Противоположность благородства — низость. Низкий человек способен на всякую гадость и подлость.

Вежливость

Вежливость — внешнее выражение уважительного отношения к человеку. Противоположность вежливости: грубость, хамство. Они — внешние выражения неуважительного, т. е. пренебрежительного или унижительного отношения к человеку.

Вежливость не обязательно означает действительно уважительное отношение к человеку, так же как грубость не

обязательно означает действительно неуважительное отношение к человеку. Человек может быть грубым в силу того, что он вращался в грубой среде, не видел иных образцов поведения.

Хамство — явное или скрытое выражение неуважительного отношения к человеку. Явное хамство выступает в форме грубости, грубого обращения с человеком. Скрытое хамство — внешне уважительное отношение, а по сути — неуважение к человеку.

Волшебные слова

Три волшебных слова: пожалуйста, спасибо, извините (простите).

Всякая просьба должна сопровождаться словом «*пожалуйста*».

За всякую услугу или помощь нужно *благодарить*, говорить «*спасибо*».

За всякую неприятность, причиняемому другому, нужно *извиняться* или просить *прощения*.

Эти волшебные слова нужно научиться говорить не задумываясь, автоматически. Отсутствие этих слов в соответствующих ситуациях или их неавтоматическое, неестественное употребление означает либо невежливость, хамство, либо объявление-демонстрацию вражды.

7.2.5. Физическое совершенствование, регулярная физическая нагрузка, всесторонняя тренировка тела, подвижный образ жизни

Гимнастика есть целительная часть медицины.

Платон

Тысячи и тысячи раз возвращал я здоровье своим больным посредством упражнений.

Гален

Движение может по своему действию заменить любое лечебное средство, но все лечебные средства мира не могут заменить действия движений.

Тиссо (французский врач XVIII в.)

Физическое совершенствование:

- укрепляет здоровье;
- противодействует болезням. Об этом знали еще древние. Авиценна (Ибн-Сина), например, писал: «Если заниматься физическими упражнениями, нет никакой нужды в употреблении лекарств, принимаемых при разных болезнях». Или Х. В. Гуфеланд: «Жизнь, проводимая в праздности умственной и лени физической, жизнь какая-то отрицательная, самая жалкая, нездоровая и испорченная, ибо при отсутствии возбуждения и деятельности она уподобляет человека стоячему, мертвому пруду или болоту. Физическая часть организма застаивается... сила органов утрачивается от недостатка упражнения и через это внедряется в организм зерно всевозможных болезней.»;
- противодействует наступлению старости и одряхления;
- уменьшает риск травматизма в опасных ситуациях и смерти в результате несчастного случая;
- способствует развитию умственных способностей, внимания, памяти, воли;
- способствует гармоническому развитию тела, сообщает ему динамическую и статическую красоту (грацию и красоту форм);
- помогает укреплению и развитию половой любви, гармонических отношений мужчины и женщины;
- укрепляет нервную систему, повышает ее устойчивость к стрессовым ситуациям.

* * *

Н. М. Амосов («Почему и как мы стареем»): «Советский геронтолог И. А. Аршавский выдвинул еще одну теорию и доказал, что продолжительность жизни в огромной степени зависит от физической активности, которая, по его мнению, является мощным фактором, регулирующим уровень обмена веществ. Яркое подтверждение этому мы находим в мире животных.

Сравним: малоподвижные кролики живут 4-6 лет, а дикие зайцы 10-12 лет, домашняя малоподвижная свинья живет 15 лет, а дикий кабан в два раза больше 30 лет. Из этого следует вывод, что двигательная мышечная активность яв-

ляется для организма мощным стимулятором процессов восстановления. Теория И. А. Аршавского подводит нас к мысли о том, что двигательная активность необходима для продления жизни, для поддержания здоровья, так как физические нагрузки улучшают кровоснабжение и обмен веществ в различных тканях, тренируют нервную и эндокринную системы.

Теория, разработанная И. А. Аршавским, указывает нам реальные пути, ведущие к увеличению продолжительности жизни. Кстати, если вернуться к приведенному выше примеру с кроликом и зайцем, то следует заметить: стоит дать домашнему кролику нагрузку зайца, которого выручают ноги, довольно скоро многие показатели его обмена веществ будут приближаться к показателям дикого зайца. При систематических нагрузках увеличится и продолжительность жизни. Нужно ли говорить о том, что жители современных больших городов больше напоминают кроликов, чем диких зайцев? Подчеркнем: оптимизация двигательного режима — верный путь к укреплению здоровья и, следовательно, к долголетию.»

Сейчас у нас в России физкультурой и спортом занимаются около 8 процентов населения. В США занимаются 30-40 процентов. В странах Скандинавии — до 60 процентов. (Информация прошла по СМИ в конце января 2002 г. в связи с заседанием Госсовета РФ 1 февраля по вопросам развития физической культуры и спорта в стране).

Соответственно и продолжительность жизни в России на 13 лет ниже, чем в Европе. Женщины живут в среднем 72 года, мужчины — 59 лет.

В Швейцарии, горной стране, средняя продолжительность жизни — 82 года! Швейцарцы взяли за правило регулярно делать вылазки в горы.

У горских народов долгожители — не редкость. Почему? Потому что горы поневоле заставляют людей двигаться, совершать большую физическую работу. Показателен такой анекдот про горцев: 80-летний старик с плачем выскакивает из дома; его спрашивают, что случилось; он объясняет: его побил отец за непочтение к дедушке.

Известен случай, когда москвичи, муж и жена, дожили до весьма преклонных лет потому что, живя на последнем этаже пятиэтажного дома без лифта, были вынуждены совершать регулярные подъемы с первого на пятый этаж.

Чем больше физики, тем меньше психики

Любая физическая нагрузка является мощным противовесом всяким психологическим стрессам. Чем больше физики, тем меньше психики! На это постоянно указывал Н. М. Амосов. Вот что он писал:

«Развитие образования и массовой культуры привело к росту интеллекта. Это выражается в усилении памяти, способности к дальнему предвидению. Увеличилась длительность планов, разнообразие их целей и особенно удельный вес «мыслительной части» деятельности в ущерб двигательной. Человек стал гораздо больше думать и меньше двигаться. Взрослые животные двигаются или спят, думать они не умеют. У них тоже полно неприятных эмоций, но они разрешаются тут же, в физическом напряжении. У человека не так. Он думает о неприятностях. Именно последние 20—30 лет произошли значительные сдвиги в этом направлении...»

Поэтому именно теперь есть основания рассматривать систему напряжения как важнейшую по своему влиянию на состояние здоровья и возникновение болезни.» (Н.М.Амосов. Преодоление старости. М., 1996. С. 173).

В другом месте: «...при физической работе быстрее разрушаются гормоны стресса и тем самым уменьшается торможение иммунного ответа на инфекцию. Поэтому, чем сильнее психические стрессы, тем больше нужна физической работы для нейтрализации их вредного влияния на регуляцию внутренних органов.» (Там же. С. 173).

И еще: «Для того, чтобы не болеть гипертонией, нужно очень немного: молодому человеку для профилактики — полчаса в день хорошей (физической — Л.Б.) нагрузки. Ну а если тратится очень много нервов, то и нагрузка должна быть соответственно больше — час или два. Особенно после всплесков эмоций.» (Там же, с. 119).¹

Во-первых, мы, городские жители, живем в условиях постоянной гиподинамии, двигательного голода. Отсюда наши нервы, наша скука, наши страсти-мордасти во многом.

Во-вторых, наша жизнь такова, что она все больше **психологизируется**, т. е. увеличивается нагрузка на нервы, на

¹ Николай Михайлович Амосов своей жизнью доказал правильность своей теории. Он прожил почти 90 лет!

психику. Возьмем хотя бы движение по дорогам. Появились железные дороги, автомобиль, самолеты... Значительная часть людей стала управлять этими средствами. Что такое, например, автомобиль? Это гигантская психологическая нагрузка при минимальной физической. Автомобиль, компьютер и многие другие технические средства значительно увеличивают психологическую нагрузку жизни современного человека.

Значит, с одной стороны, **гиподинамия**, а, с другой, **психизация, гиперпсихология**. Отсюда перекося в соотношении физики и психики и необходимость устранения этого перекося. Современный человек должен искусственно создавать условия для поддержания оптимальной физической нагрузки.

Вред гиподинамии

Ничто так не разрушает человека, как продолжительное физическое бездействие.

Аристотель

Гиподинамия — бич современной жизни. Мы, городские жители, в большинстве своем ведем малоподвижный, гиподинамичный образ жизни.

Любопытен случай, рассказанный Д. Карнеги: “Говоря о самоубийстве, я вспомнил случай, описанный доктором Генри С. Линком в его книге “Вторичное открытие человека”. Доктор Линк — вице-президент Психологической корпорации, и он беседует с множеством людей, страдающих от беспокойства и депрессии. В главе “О преодолении страхов и беспокойства” он рассказывает о пациенте, который хотел покончить жизнь самоубийством. Доктор Линк знал, что спорить с больным бесполезно, от этого его состояние только ухудшится. И он сказал своему пациенту: “Если вы все равно намерены покончить жизнь самоубийством, вы могли бы по крайней мере вести себя героически. Бегайте вокруг квартала до тех пор, пока не упадете замертво”.

Пациент попробовал это сделать, и не один, а несколько раз, и каждый раз чувствовал себя лучше — психически, если не физически. На третий вечер было достигнуто то, чего добивался доктор Линк в первую очередь. Больной настоль-

ко физически устал (и расслабился физически), что спал как убитый. В дальнейшем он вступил в атлетический клуб и стал участвовать в спортивных соревнованиях. Вскоре он почувствовал себя настолько хорошо, что ему захотелось жить вечно!”¹

Этот случай говорит о многом и прежде всего о том, что потенциальному самоубийце нужен был не психиатр и даже не психолог, а практический философ, т. е. специалист, оценивающий состояние человека в целом, в единстве психической и физической составляющих. Ведь он не был психически больным и, соответственно, не должен был быть пациентом врача-психиатра. Обращение к психиатру скорее усугубляло ситуацию. (Врачи “умеют” порой “загонять в болезнь”). Лишь отчаянная интуиция доктора Линка спасла положение. Он отказался от попыток вести с пациентом душеспасительные беседы, а предложил ему всего навсего побегать... Оказывается, у человека был нарушен баланс между психическим и физическим: психическая активность явно преобладала над физической. С помощью бега он восстановил этот баланс и депрессии как не бывало.

7.2.6. Рациональное, полноценное, сбалансированное, экологически чистое питание

Правильное-хорошее питание не менее важно для жизни, чем все остальные ее стороны.

Чтобы питание было правильным-хорошим, нужно соблюдение следующих условий:

1. Еда должна быть в удовольствие. Я не согласен с тем, что говорил Сократ: нужно есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть. — **Нет ничего плохого в том, чтобы есть ради того, чтобы есть и жить отчасти для того, чтобы есть.**

2. Соблюдение режима питания: в среднем три-четыре раза в день. Возможны отдельные нарушения режима питания.

3. Соблюдение баланса прихода и расхода калорий. Этот баланс нужно соблюдать для того, чтобы не худеть и не пол-

¹ Д.Карнеги. Как перестать беспокоиться и начать жить. (гл. 27). — Д.Карнеги. Как выработать уверенность в себе и влиять на людей... Москва-Баку, 1990. С. 439.

нет. Установлено, что нормальный вес тела в килограммах должен равняться в среднем росту в сантиметрах минус 100.

Сегодня наибольшее распространение в научных исследованиях и клинической практике получил индекс Кетле — индекс массы тела [ИМТ]. Чтобы подсчитать индекс Кетле, надо массу тела в килограммах поделить на квадрат роста (в метрах). Согласно классификации ВОЗ, по индексу Кетле можно определить весовую категорию человека: недостаточная масса тела — менее 18,5 кг/кв. м, нормальная — 18,5–24,9 кг/кв. м, избыточная — 25–29,9 кг/кв. м, далее — ожирение. Ожирение I степени — 30,0–34,9 кг/кв. м, II степени — 35,0–39,9 кг/кв. м, III степени — 40 кг/кв. м и более.

Нужно иметь в виду, что с возрастом, после 40-50-и лет, аппетит повышается сверх меры, поскольку чувствительность к пище понижается и человек (сам того не замечая) ест больше, чем ему надо.

4. Соблюдение баланса белков, жиров и углеводов. Исследованиями установлено, что по массе их соотношение должно быть таким: 1 : 1 : 4, при тяжелом физическом труде — как 1 : 1 : 5, а при малоподвижном образе жизни — как 1 : 0,9 : 3,2.

5. Соблюдение баланса животных и растительных белков. Белки животного происхождения должны составлять 50–60 % общего количества белка.

6. Соблюдение баланса животных (полиненасыщенных) и растительных (полиненасыщенных) жиров.

7. Поддержание кислотно-щелочного равновесия. Это поддержание обеспечивается сбалансированным потреблением продуктов, дающих кислую и щелочную реакцию. Кислую реакцию дают такие продукты: мясо, яйца, жирная, и мучная пища. Щелочную реакцию дают овощи, фрукты... Сдвиг в кислую или щелочную сторону ведет к гастритам и язвам желудочно-кишечного тракта.

8. Соблюдение баланса жидкой и сухой пищи.

9. Соблюдение баланса грубой и щадящей, рафинированной пищи.

10. Соблюдение баланса сырой и вареной пищи.

11. Соблюдение баланса холодной и теплой-горячей пищи.

12. Соблюдение баланса витаминов и микроэлементов.

13. Не увлекаться приемом лекарств. К ним нужно относиться как к скорой или неотложной помощи, т. е. применять их как можно реже.

О лекарствах

Лекарства формально относятся к средствам питания. Их также нужно рассматривать в общем балансе проблем питания.

К лекарствам нужно относиться как к скорой помощи. Ненормально живет тот, кто постоянно, изо дня в день принимает лекарства. Парацельс говорил: «Нет лекарств и нет ядов. Тех и других делает доза»/ Я скажу больше: неумеренное и систематическое употребление лекарств больше вредит человеку, чем лечит его.

Возьмем антибиотики. Они ведь уничтожают не только болезнетворные микроорганизмы, а и полезные микроорганизмы, блокируют действие витаминов (т. е. являются своеобразными антивитаминами).

Часто при головной боли хватаются за обезболивающие лекарства, анальгетики. Между тем головная боль возникает не сама по себе. Она лишь симптом заболевания. Избавляясь от головной боли, человек избавляется от симптома, а не от заболевания.

Если человека стали регулярно посещать головные боли, то он должен тщательным образом разобраться в причинах этих головных болей. Чаще всего глубинными причинами головных болей является не непосредственные переживания, не непосредственные воздействия неблагоприятных факторов, а расстроенное здоровье, заболевания сердечно-сосудистой системы, внутренних органов.

Мой опыт. Еще в 30-35 лет я нашел эффективный способ избавления от головных болей и их недопущения впредь. Это, во-первых, систематические занятия спортом (сначала каратэ, затем атлетической гимнастикой и бегом на длинные дистанции). И, во-вторых, избегание по возможности воздействия неблагоприятных факторов. Например, ситуации пассивного курильщика (курение, как известно, вызывает сначала расширение, а затем спазм сосудов головного мозга и соответствующие головные боли). Или нахождения в не-

проветриваемом помещении с большим количеством народа (повышенное содержание углекислого газа в воздухе ведет к головным болям).

7.2.7. Физическое и духовное, морально-психологическое закаливание, повышение сопротивляемости к различным возмущающим факторам

Закаливание — это повышение сопротивляемости к различным возмущающим факторам. Без такого закаливания человек — дряблый, тряпка, тьюфак. Профессор Г. И. Косицкий писал: «Пагубно стремление чрезмерно «щадить» себя. Многие люди предпочитают жить «вполсилы», остерегаясь физических и психических перегрузок, переохлаждения, перегревания, создавая искусственную, «оранжевую» обстановку, «тепличные» условия... Не трусливое стремление избегать ситуаций, вызывающих состояние напряжения («стресса»), а воодушевленное великой целью смелое преодоление трудностей должно стать нашим девизом; не страх перед возможным «истощением адаптационной энергии», а сознание того, что защитные силы организма и нервная система в процессе управления усиливаются и крепнут. Наш организм — не кладовая скупого рыцаря, ресурсов «адаптационной энергии» в нем про запас не накопишь. Только разумная деятельность, гармонически включающая в интенсивную функцию все системы, может служить надежным средством против дегенерации и истощения.»¹

Духовное, морально-психологическое закаливание

Чтобы страдания не брали человека за горло, он должен заранее либо устранить-минимизировать их причины, либо закалить себя, заняться, в частности, каким-нибудь видом спорта, физической культуры, т.е. **научиться страдать**, идти навстречу страданиям, не бояться их. Научиться быть немного мазохистом — это неплохо. (Я давно занимаюсь бегом на длинные дистанции, бегаю как минимум 10 км за-

¹ Косицкий Г. И. Цивилизация и сердце. М., 1977. С. 131.

раз. Каждый раз это испытание, страдание. Испытывая управляемое не очень сильное страдание, я, таким образом, как бы делаю себе прививку против разрушительного воздействия сильных страданий).

Морально-психологическая закалка нужна во многих случаях. Например, против дурных влияний. Сейчас мощное влияние на молодежь оказывает наркотическая антикультура. Когда молодой человек испытывает много страданий, мучений (плохо в семье, в школе, на работе, неважно со здоровьем, питанием, плохие друзья, знакомые, соседи), он начинает употреблять наркотики. Одним словом, когда у него накапливается много проблем — он разрешает свои проблемы, как бы разрубая гордиев узел, одним ударом: уходом в наркотический кайф.

Вот некоторые мудрые мысли на тему духовного, морально-психологического закаливания:

В. М. Мухачев: «Удары судьбы ломают слабых людей и закаляют сильных»¹.

Ингерсолл: «Величайшее испытание мужества человека — потерпеть поражение и не пасть духом».

Пословица: «Не тот пропал, кто в беду попал, а тот пропал, кто духом упал».

О необходимости духовного, морально-психологического закаливания подрастающего человека говорил польский педагог Януш Корчак:

«60. Мой принцип:

«Пусть дитя грешит».

Не будем стараться предупреждать каждое движение, колеблется — подсказывать дорогу, оступится — лететь на помощь. Помни, в минуты тягчайшей душевной борьбы нас может не оказаться рядом.

«Пусть дитя грешит».

Когда со страстью борется еще слабая воля, пусть дитя терпит поражение. Помни: в конфликтах с совестью вырабатывается моральная стойкость.

«Пусть дитя грешит».

Ибо, если ребенок не ошибается в детстве и, всячески опекаемый и охраняемый, не учится бороться с искушениями, он вырастает пассивно-нравственным — по отсутствию возможности согрешить, а не активно-нравственным — нравственным благодаря сильному сдерживающему началу.

¹ Мухачев В.М. Как рождаются изобретения. М., 1968.

Не говори ему:
«Грех мне противен».
Скажи лучше:
«Не удивляюсь, что ты согрешил».
Помни:

«Ребенок имеет право солгать, выманить, вынудить, украсть. Ребенок не имеет права лгать, выманивать, вынуждать, красть».

Если ребенку ни разу не представлялся случай выковырить из кулича изюминки и тайком съесть их, он не мог стать честным и не будет им, когда возмужает...

Лжешь.

— Иногда я от тебя этого не ожидал... Значит, даже тебе нельзя доверять?

То-то и плохо, что не ожидал. Плохо и то, что безоговорочно доверял. Никудышный ты воспитатель: не знаешь даже, что ребенок — человек.»¹

Эти парадоксальные высказывания выдающегося педагога замечательны своей пронзительной правдой-бесстрашием. Ведь обычная, прямолинейная мораль говорит: не лги, не кради и т. д. и т. п. А Януш Корчак утверждает как опытный педагог-воспитатель, что ребенок, молодой человек может позволить себе иногда и солгать, и украсть, и смошенничать, и принудить. Одним словом, иногда вступить в конфликт со своей совестью. Иначе он не научится моральной стойкости, не будет активно-нравственным.

И в вопросах морали нужны прививки (вакцинация небольшими дозами дурного), чтобы выработать у человека иммунитет против сильного дурного влияния.

Здесь, правда, есть проблема: какова должна быть доза дурного для вакцинации? Ведь с этим попустительством-оправданием можно попасть в ситуацию, описанную Эзопом еще две с половиной тысячи лет назад:

«Мальчик-вор и его мать. Мальчик в школе украл у товарища дощечку и принес матери. А та не только его не наказала, но даже похвалила. Тогда в другой раз он украл плащ и принес ей, а она приняла это еще охотнее. Время шло, мальчик стал юношей и взялся за кражи покрупнее. Наконец поймали его однажды с поличным и, скрутив локти, повели на казнь; а мать шла следом и колотила себя в грудь. И вот он сказал, что хочет что-то шепнуть ей на ухо; подошла она, а он разом ухватил зубами и откусил ей кусок

¹ Я. Корчак. Как любить ребенка. М., 1990. С. 141-142.

уха. Стала мать корить его, нечестивца: мало ему всех его преступлений, так он и родную мать еще увечит! Перебил ее сын: «Кабы наказала ты меня, когда я в первый раз принес тебе краденую дощечку, — не докатился бы я до такой судьбы и не вели бы меня сейчас на смерть».

Басня показывает: если не наказать вину в самом начале, она становится все больше и больше.»

Физическое закаливание

Хорошая двигательная активность и\или занятия спортом автоматически не закаляют человека, не предохраняют его от разных инфекций, травматизма и т. д. Известно, что спортсмены бывают более подвержены простудным заболеваниям, чем обычные люди.

Хорошая физическая нагрузка должна сопровождаться закаливающим режимом и специальными мероприятиями по физическому закаливанию, в частности, к холоду и жаре.

Нужно также иметь в виду, что человек должен закаливать себя в самых разных направлениях. Закаливание к чему-то одному не приводит к общему закаливанию организма. Любители зимнего плавания обычно плохо переносят жару.

Физическое закаливание может быть настолько важно, что буквально вмешивается в вопросы жизни и смерти. Психолог М. Норбеков описывает такой случай:

«У нашего дальнего родственника, живущего по соседству, много лет не было детей. В сорок лет родился сын. Жена и мать так его лелеяли, что даже летом тепло одевали.

В конце концов ребенок заболел и умер. Родился второй ребенок, но тоже умер. Дошло чуть ли не до развода. Жена обвиняла мужа, а муж обвинял жену.

Моя мама сказала:

— Я воспитала семерых детей и тридцать пять внуков. Следующего ребенка я возьму под контроль.

Родился третий ребенок. Моя мама ухаживала за ним. Она голенького малыша подставляла солнечным лучам, ветерку. А они протестовали и говорили ей: «Вы что делаете?! Ребенок простудится!»

Она сберегла этого ребенка от слепой, нерадивой и, как показал опыт, губительной любви родителей. Сейчас этому мальчику 15 лет. До пяти лет он и зимой, и летом ходил голый, потому что на него невозможно было ничего одеть. Он тут же одежду снимал.

В нашем доме дети до пяти лет не одеваются. А мы живем в горах.»

Таких случаев довольно-таки много. Отсутствие или недостаток закаливающих процедур обычно влечет за собой серьезные заболевания и преждевременную смерть.

Напротив, закаливание помогает выбраться из ямы хилости, слабости и болезненности. Вспомним нашего полководца А. В. Суворова. Он рос хилым и болезненным мальчиком. И только благодаря неотступно проводимому на протяжении долгих лет закаливанию, Суворов сумел стать выносливым, стойким человеком, который до преклонного возраста сохранил неукротимую энергию. «Он ходил несколько часов обнаженным, чтобы приучить себя к холоду и превозмочь слабость своей природы. При этой привычке и обливании себя холодной водой он, можно сказать, закалил свое тело от влияния непогод, казался существом сверхъестественным», — вспоминал позднее подкамердинер полководца сержант Иван Сергеев².

7.2.8. Контакт с людьми, соблюдение баланса между общением и уединением

Когда слишком много общения, человек как бы растворяется в других, теряет себя, свою личность. Когда слишком много уединения, он начинает испытывать чувство одиночества, заброшенности, покинутости, ненужности. И то и другое плохо. «Не будьте сладким — проглотят; не будьте горьким — выплюнут».

Нельзя жить слишком тесно. Притчей во языцех стали коммунальные квартиры, которые насаждали большевики в 20-е годы XX века. Все коммуны тоже канули в лету.

Но нельзя жить и в полном одиночестве. Тогда теряется связь с людьми, с обществом, а вместе с этим теряется и смысл жизни.

В притче А. Шопенгауэра о дикобразах говорится: «Стадо дикобразов легло в один холодный зимний день тесною кучей, чтобы, согреваясь взаимной теплотою не замерзнуть. Однако вскоре

¹ Норбеков М. Опыт дурака, или ключ к прозрению. Как избавиться от очков. СПб.: ИД «Весь», 2001. С. 230-231.

² См.: Если хочешь быть здоров. М.: «Физкультура и спорт, 1960. С. 78-79.

они почувствовали уколы от игл друг друга, что заставило их лечь подальше друг от друга. Затем, когда потребность согреться вновь заставила их придвинуться, они опять попали в прежнее неприятное положение, так что они метались из одной печальной крайности в другую, пока не легли на умеренном расстоянии друг от друга, при котором они с наибольшим удобством могли переносить холод. — Так потребность в обществе, проистекающая из пустоты и монотонности личной внутренней жизни, толкает людей друг к другу; но их многочисленные отталкивающие свойства и невыносимые недостатки заставляют их расходиться. Средняя мера расстояния, которую они наконец находят как единственно возможную для совместного пребывания, это — вежливость и воспитанность нравов. Тому, кто не соблюдает должной меры в сближении, в Англии говорят *keep your distance!* Хотя при таких условиях потребность во взаимном теплом участии удовлетворяется лишь очень несовершенно, зато не чувствуются и уколы игл...»

Важным условием нормального (очного, непосредственного и заочного, косвенного) общения людей (дружбы, товарищества, сотрудничества и т. п.) является соблюдение золотого правила поведения: «не делай другим того, чего не хочешь, чтобы делали тебе» и «поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой». Отрицательная формулировка золотого правила запрещает делать зло, положительная формулировка побуждает к добру, добродетели.

7.2.9. Соблюдение баланса между трудом и отдыхом, между активным и пассивным отдыхом, напряжением и расслаблением

Чрезмерный труд разрушает, а чрезмерный отдых изнеживает.

Слишком большое напряжение как сильно натянутая струна — может привести к разрыву-коллапсу.

И напротив, праздность — мать всех пороков. С древних времен об этом постоянно говорили мудрые люди, прежде всего врачи:

Гиппократ: «Праздность и ничегонеделание влекут за собой порочность и нездоровье, напротив того, устремление ума к чему-либо приносит с собой бодрость, вечно направленную к укреплению жизни».

Цельсий: «Праздность расслабляет тело, которое укрепляется только работой». Или: «Праздность вызывает раннюю дряхлость, а работа — длительную молодость».

Жизнь представляет собой непрерывную цепь напряжений и расслаблений. Она — синусоида, состоящая из сменяющих друг друга движений к пику напряжения и к пику расслабления.

Вред трудоголизма

Трудоголик не умеет отдыхать, расслабляться. Этим он вредит себе и другим.

Себе тем, что исподволь разрушает свой организм, в частности способствует возникновению заболеваний, ведущих к инфаркту или инсульту.

Другим тем, что своей постоянной деловитостью-хлопотливостью-озабоченностью создает неудобства для окружающих и в смысле общения, и в смысле укора-упрека-диктата. Ведь в норме (в большинстве случаев) человек в меру трудится и в меру отдыхает. Трудоголик вольно или невольно заставляет других нарушать эту норму-меру.

О значении сна в жизни человека

Приходится специально говорить на эту тему. Я преподаю в вузе и вижу, как много студентов не высыпается. Молодые люди порой весьма небрежно относятся к соблюдению режима сна и бодрствования. Им кажется, что, сокращая время сна, они увеличивают время жизни. Это самообман. Как правило, сон составляет одну треть жизни (8 часов в сутки). Если постоянно недосыпать, то организм ослабевает, снижается его иммунитет и на этом фоне он оказывается легкой добычей всяких болезней (инфицирования, травмирования и т. п.). Заболевший человек вынужден тратить время и силы на борьбу с болезнью, на восстановительные процедуры, в том числе на дополнительный сон. Таким образом, сон бумерангом берет свое. Не будешь досыпать сейчас, будешь пересыпать позже, когда заболеешь.

7.2.10. Общение с природой; пребывание по возможности в благоприятной окружающей среде

1. Общение с природой

Потому мы и радуемся, попадая в природу, что тут мы приходим в себя.

М. Пришвин

Человек — наполовину природное существо. Он подобен Антею. Это значит, что по-настоящему сильным он может быть лишь будучи постоянно связан с Матушкой-Природой. Городские жители часто забывают об этом. Отсюда их слабое здоровье, постоянные жалобы на нездоровье, нервность, ранимость, предрасположенность к депрессивным состояниям (скука, хандра).

Воля к жизни в значительной мере зависит от количества и качества общения с живым, с живой природой. «Перед человеком открылась радость жизни потому, — писал В. А. Сухомлинский, — что он услышал шепот листьев и песню кузнечика, журчание весеннего ручейка и перепевы серебряных колокольчиков, жаворонка в горячем летнем небе, шуршанье снежинок и стон метели, ласковое плескание волны и торжественную тишину ночи — услышал и, затаив дыханье, слушает сотни и тысячи лет чудесную музыку жизни.»

Не случайна любовь городских жителей к домашним животным, прежде всего, к кошкам и собакам. Они этим восполняют недостаток общения с живой природой. Наиболее популярны домашние кошки. И это понятно. Общеизвестен психотерапевтический и иной положительный эффект от общения с ними.

То же можно сказать о разводимых дома цветах и растениях. Они не только украшают жилище, но и обеспечивают живую связь с природой. Уход за ними, их созерцание, наблюдение за их ростом-развитием настраивают человека на то, чтобы жить и любить, ценить красоту, добро, всё живое.

2. Пребывание по возможности в благоприятной окружающей среде:

1) солнце, воздух и вода; прием солнечных, воздушных и водных ванн.

2) жить в зеленой зоне или вблизи зеленой зоны;

3) постоянно жить не в квартире, а в собственном доме с земельным участком (садом, парком, бассейном, спортивными площадками).

4) как можно чаще бывать в разных природных зонах и условиях (лес и поле, река, озеро и море, холмы и горы), путешествовать, странствовать.

3. Избегать неблагоприятной окружающей среды:

- техногенного шума,
- плохого воздуха (близ магистралей, вредных производств),
- радиоактивных излучений,
- пребывания в искусственной среде, несвойственной для человека как живого существа (в каменных джунглях больших городов, на промышленных предприятиях или близ них и т. п.).

ГЛАВА 8. НЕГАТИВ ЖИЗНИ: АНТИКУЛЬТУРА И АНТИФИЛОСОФИЯ

8.1. Антикультура

8.1.1. Антикультура — болезнь цивилизации

В последние 80-100 лет пышным цветом "расцвела" антикультура¹. Сначала она поразила Запад, а после 1991 года активно внедряется в нашу российскую действительность. Черты антикультуры:

1) постоянная обращенность к теме смерти, некрофилия: бесконечные романы и фильмы ужасов, катастроф, триллеры, боевики и т.п., информационная некрофилия в средствах массовой информации [СМИ].

2) проповедь-пропаганда аномального в разных его видах: театр абсурда; философия абсурдизма; психоделиче-

¹ Не следует путать этот термин с термином "контркультура". Контркультура — это протестная культура; в ней могут быть как положительные моменты для культуры, так и отрицательные.

ская философия; наркотическая антикультура; романтизация преступника [когда антигерои-преступники изображаются как герои], чрезмерное внимание к отклонениям в сексуальном поведении [садизму, мазохизму, гомосексуализму]; пристрастие к изображению психопатологии, болезненных проявлений человеческой психики, достоевщина.

3) нигилизм по отношению к старой культуре, разрыв с ней или попытки ее "осовременивания" до неузнаваемости, одним словом, нарушение баланса между традициями и новаторством в пользу последнего; новаторство ради новаторства, соревнование за то, чтобы своим "новаторством" сильнее удивить, поразить воображение зрителя, читателя, слушателя.

4) воинствующий иррационализм: от постмодернистских изысков и вывихов до восхваления мистицизма.

К сожалению, деятели культуры всё больше превращаются в оборотней — деятелей **антикультуры**.

Во-первых, вместо того, чтобы "чувства добрые" "лирой пробуждать" (А.С.Пушкин), "сеять разумное, доброе, вечное" (Н.А.Некрасов), они пустились во все тяжкие: в изображение картин и сцен, демонстрирующих насилие, убийство, преступное поведение в целом, грубость, хамство, цинизм, всякие кривлянья, ёрничанья, издёвки.

Во-вторых, красота, прекрасное у нынешних деятелей культуры не в моде: чем уродливее-безобразнее изображаемое, тем лучше (примеры: "Жизнь с идиотом" Виктора Ерофеева, "Лебединое озеро" в постановке Мориса Бежара, "Идиот" Достоевского в телепостановке Ф.Бондарчука и т.п.).

В-третьих, истина не приветствуется. Характерный пример: в телевизионной рекламе (телеканал ОРТ от 15.01.99-12.30) прозвучало: "Реальные факты менее интересны, чем фантазии и заблуждения". Эта реклама многократно передавалась по телевидению. Вдумайтесь только, что внушается людям: мир иллюзий, ирреальный мир более интересен, чем реальная жизнь?! Да здравствуют маниловщина, мюнхгаузеновщина, кастанедовщина, всякого рода дурманы, духовные и материальные! — Это почти прямой призыв к безумствованию, к уходу из реальной жизни вплоть до наркотической бредомании.

Одним словом, *добро, красота, истина* — фундаментальные человеческие ценности, на которых основывается жизнь, — деятелей антикультуры почти не интересуют, а если и интересуют, то только в обертке-окружении аномального (отклоняющегося или патологического).

Антикультура — это чрезмерное развитие определенных теневых сторон культуры, раковая опухоль на ее теле. Опасность антикультуры не только в прямом действии на сознание и поведение людей. Она мимикрирует, маскируется под культуру. Люди нередко обманываются, ловятся на удочку антикультуры, принимая ее за культуру, за достижения культуры. **Антикультура — болезнь современного общества. Она разрушает культуру, разрушает человеческое в человеке, самого человека как такового. Она страшнее любой атомной бомбы, любого Усамы бен Ладена, потому что она поражает человека изнутри, его дух, сознание, тело.**

Русский философ В. С. Соловьев писал: «Что же такое, в самом деле культура? Это все, решительно все, производимое человечеством. Тут — мирная Гаагская конференция, но тут и удушающие газы; тут Красный Крест, но тут и обдавание друг друга струями горячей жидкости, тут Символ Веры, но тут и Геккель с «Мировыми загадками». К сожалению, этот взгляд В. С. Соловьева на культуру разделяют многие, понимают под ней нечто аморфное и безбрежное, включают в ее состав вещи, несовместимые с нормальной человечностью. Я решительно не согласен с таким пониманием культуры. Мне ближе такие высказывания философов: «Культура — это сгустки накопленных ценностей» (Г. Федотов); «Культура — это среда, растягивающая и питающая личность» (П. Флоренский).

К культуре относится только то, что служит сохранению, развитию и прогрессу жизни. Точнее, **культура — это совокупность знаний и умений, направленных на самосохранение, воспроизводство, совершенствование человека¹ и воплощенных отчасти в нормах жизни (обычаях, традициях, канонах, стандартах языка, образования и т. п.), отчасти в предметах материальной и духовной куль-**

¹ Под *человеком* здесь я имею в виду и отдельного человека, и разные общности людей, и человечество в целом.

туры. Всё, что выходит за рамки этих знаний и умений, что разрушает человека или препятствует его совершенствованию, — не имеет отношения к человеческой культуре и служит только одному богу: богу антикультуры.

Различают культуры: духовную и материальную, внутреннюю и внешнюю, отдельного человека и того или иного сообщества. Говорят еще о научной, художественной, политической, нравственной, технической, педагогической, языковой (речи) и т. д. культурах.

8.1.2. Пропаганда аномального в современном обществе

Современное общество, его атмосфера в целом заражены бактериями аномального (аморального, преступного сознания). Кино и телевидение переполнены сценами насилия, убийства, всякими ужастиками, монстрами, показами катастроф, гибели людей. Преступники и убийцы нередко выступают героями (наглядные примеры: часто демонстрируемый по телевидению отечественный кинофильм "Гений", где в главной роли известный киноактер А.Абдулов; или недавний сериал «Бригада»). Мы наблюдаем бесконечное смакование подробностей-деталей насилия, преступлений, убийства, грубого/жестокое обращение с людьми. Язык и поведение литературных и киногероев, как правило, лишены нормальной человечности, деликатности, такта. Сплошное хамство, грубое обращение, грубый площадный язык вплоть до мата. Всё это дети, подростки, молодые люди видят, впитывают в себя как губка, заряжаются этой негативной энергией, начинают подражать. Им начинает казаться, что всё в этом обществе возможно, допустимо, приемлемо. ***Отрицательная энергия преступного сознания, разлитая в современной культуре, в фильмах, книгах, в средствах массовой информации, проникает в неокрепшие умы молодых людей.***

Да что говорить о молодых людях?! И взрослые, зрелые люди порой не выдерживают этого давления криминализованной культуры. В октябре 2001 г. по каналу телевидения НТВ был показан сюжет с поимкой серийного убийцы, врача скорой помощи Максима Сергеева из Санкт-Петербурга. Уже в тридцатилетнем возрасте этот **большой**

любитель детективов (как он сам о себе сказал на одном из допросов) встал на преступный путь сначала ограблений, а потом и убийств. На его совести 10 убийств! Когда в литературе, в кинематографе, на телевидении — бесконечные боевики, детективы, то это неизбежно ведет к криминализации общества, к тому, что люди, вольно или невольно отравляясь всеми этими миазмами преступного сознания, всё в большем количестве становятся на путь преступлений.

(Мне на память приходит один сюжет из фильма Михаила Ромма "Обыкновенный фашизм". На предвыборный митинг в небольшой итальянский город должен был приехать Муссолини, лидер вновь образованной фашистской партии. Жителям городка он был малоизвестен. За несколько дней до приезда Муссолини главная площадь городка была обклеена плакатами с его изображением и характерным фашистским приветствием. Когда Муссолини появился на митинге и поднял руку в фашистском приветствии, то все собравшиеся на митинге жители городка как один подняли руку в этом же характерном приветствии... Вот сила многократного демонстрирования одного и того же в печати, в кино, в средствах массовой информации.)

Бесчисленные сцены с показом преступного поведения ведут лишь к увеличению преступности, воспитывают и плодят всё новых и новых преступников.

Вот несколько примеров. Выдающийся кинорежиссер Алексей Герман был избит вместе с сыном в доме творчества «Репино» (декабрь 2001 г.). Писатель-сатирик М.Жванецкий подвергся разбойному нападению с целью ограбления: был избит и у него отнят только-что купленный джип, стоивший писателю несколько десятков тысяч долларов (январь 2002 г.). Убит в своем подъезде директор Института психологии РАН, известный психолог Андрей Владимирович Брушлинский. Зверски убита вместе со своим другом дочь декана социологического факультета МГУ В.И.Добренькова (январь 2002 г.). Один из убийц — наркоман. Декан В.И.Добреньков в открытом письме президенту России потребовал отмены моратория на смертную казнь. К этому требованию присоединились более ста преподавателей МГУ. Да разве дело в моратории на смертную казнь?! Дело в общественной атмосфере. Почти открытая пропаганда аморального поведения в СМИ, отрицательная энергия преступного сознания, поддерживаемая-культивируемая современной антикультурой, — вот причина всех этих драм и трагедий.

Деятели кино-телевидения, писатели порой оправдывают свое пристрастие к детективному жанру тем, что криминальные сюжеты их фильмов, телепередач, книг отражают жизнь, что якобы такова жизнь¹. **Я с полной ответственностью заявляю: они клеветают на жизнь, на людей, на Россию, на человечество! В подавляющем большинстве своем люди живут нормальной жизнью, рожают, воспитывают, учат детей, строят, лечат, производят материальные и духовные блага. Преступность и борьба с нею — это лишь ничтожная часть жизни людей, России, человечества.** Преступники, подобно болезнетворным микробам, могут лишь паразитировать на теле общества. Не этим живет общество! Основная жизнь людей — это либо любовь, рождение и воспитание детей, воспроизводство новой жизни, либо производство материальных и духовных благ, жизнь в культуре, материальный-духовный прогресс. Всё остальное находится на периферии жизни. Преступность — это периферийная, маргинальная² жизнь. Соответственно и показывать ее нужно в этой пропорции. Не 80-90 процентов экранного времени, а каких-то 10 процентов. Художники, писатели, телевизионщики не должны идти на поводу у маргиналов и тех, кто готов смотреть жизнь этих маргиналов. Кстати, первые используют порой такую аргументацию для обоснования своей позиции: людям нужно показывать интересное, занимательное; боевики, детективы, как правило, интересны, занимательны; значит, людям нужно их показывать. — Это логически ошибочная аргументация. Боевики и детективы — лишь малая часть интересного, занимательного. Объем понятия "интересное, занимательное" неизмеримо больше объема понятия "боевик-детектив". Людям интересна любовь, перипетии любви, интересна борьба в разных ее некриминальных видах (в спорте, в поисках не-

¹ Оправдываясь, они порой аргументируют в духе поговорки «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива». Однако, есть другая поговорка, более подходящая для них: «В кривом глазу и прямое криво».

² Маргинальный — находящийся на краю, на периферии, на обочине, в стороне; маргинал — человек с маргинальным сознанием и поведением. К маргиналам относятся преступники, политические и религиозные экстремисты, люди с девиантным (отклоняющимся) поведением.

изведенного, непознанного, в творчестве, в науке, в политике, в экономике), в том числе соревновательные формы борьбы, конкурентная борьба. Занимательны путешествия, приключения, исторические события, жизнь животных, растений, юмор, сатира, комедия и т. д. и т. п. Ссылаются также на спрос, что де детективы пользуются повышенным спросом. **На самом деле это артефакт, искусственно вызванный феномен (когда предлагают на рынке в качестве интересного-занимательного преимущественно что-то одно, то и получают соответствующую реакцию в виде повышенного спроса на это одно).** Если бы писатели, кинематографисты, телевизионщики создавали больше интересной продукции недетективного характера, то и структура спроса изменилась бы в пользу этой продукции.

Кроме того, в таких ситуациях всегда есть **опасность пойти на поводу у дурных вкусов** или **искушение потакать им**. Народ не всегда прав. Он может увлечься антигероями, такими как Муссолини, Гитлер, в том числе всякими анти- в сфере искусства¹. Люди бывают падки до сенсаций, до всего необычного, дерзкого, крикливого. Еще две тысячи с лишним лет родилась поучительная легенда о Диогене из Синопа: «Однажды он рассуждал о важных предметах, но никто его не слушал; тогда он принялся верещать поптычьему; собрались люди, и он пристыдил их за то, что ради пустяков они сбегаются, а ради важных вещей не пошевелиятся». Люди вот такие. Не всегда глас народа — глас божий.

¹ Вот пример: некий Владимир Сорокин стал модным писателем благодаря своим по большей части скандальным произведениям (см. роман «Голубое сало», 1999 г.). В телепередаче «Накануне» (НТВ, телеведущий Парфенов) 30 июня 2002 г. воспроизводится видеоролик, в котором В.Сорокин пророческим тоном произносит слова: «Я чувствую как Россия замораживается. Она впадает в спячку... Традиционно... Это медведь». Сам на вид холеный, откормленный, с фигурной бородкой (явно за собой следит) и такое глупое самомнение, такие гадкие слова про Россию. Всё убожество-ничтожество В.Сорокина в этих словах! Его произведения издает издательство «Ad marginem» (директор — Александр Иванов), которое издает также Александра Проханова (ярого националиста) и Эдуарда Лимонова (придумавшего национал-большевизм). Хороша компания!

В мире, в том числе в человечестве, много всяких энтропийных, разрушительных элементов-процессов. Культура всегда противодействовала им. Она **негаэнтروпийна** по своей сути.

8.1.3. О влиянии средств массовой информации, художественной литературы, кино на поведение людей, общества в целом

Это влияние огромно и с каждым десятилетием, веком увеличивается чуть ли не в геометрической прогрессии.

После публикации в конце XVIII века романа Гете «Страдания юного Вертера», который завершается самоубийством главного героя, по Европе прокатилась волна аналогичных самоубийств молодых людей из-за неразделенной любви.

Известен эффект от показа ночью кабельным телевидением эротических фильмов в одном из подмосковных городов (кажется, в Клину). В течение короткого времени в этом городе резко увеличилась рождаемость.

1

В наше время негативное влияние книг, средств массовой информации (СМИ) на общество стало воистину угрожающим. Характерные примеры:

1. В США в конце марта 1998 г. два школьника устроили бойню в школе. Они устроили засаду напротив входа в школу. Один из них нажал кнопку пожарной сигнализации. Из школы стали выбегать учащиеся и преподаватели. В этот момент малолетние преступники открыли огонь по выбегавшим. В результате несколько школьников и одна преподавательница были убиты. Об этом расстреле с подробностями сообщили все информационные агентства. В течение нескольких дней СМИ вновь и вновь муссировали эту тему. И что же в итоге? Через некоторое время в другом американском городе школьник убил учительницу. Прошло еще некоторое время и опять школьник стрелял. Это уже волна преступлений в детских учреждениях. Дело дошло до курьеза. 8 мая 1998 г. СМИ сообщили, что дошкольник 5-и лет (!) попытался застрелить из пистолета свою воспитательницу за то, что она поставила его в угол. К счастью, в стволе не

было патрона. Он был вынуден незадолго до этого приятелем маленького преступника. 5-летний преступник задержан за ношение оружия.

22 мая 1998 — сообщение информационных агентств: в США, в городе Спрингфилд 15-летний школьник в кафе школы устроил беспорядочную пальбу. В итоге 1 убитый, 16 раненых, из них 8 в тяжелом состоянии. Дома у этого школьника обнаружили два трупа. Предполагают, что это его родители. Сообщается также, что на прошлой неделе в США зафиксировано два подобных случая. Говорят об эпидемии подростковой преступности.

26 апреля 2002 г. произошла ужасная трагедия в Эрфурте (Германия). Бывший школьник, 19-летний Роберт Штайнхойзер ворвался в гимназию имени Гутенберга, застрелил 13 учителей, 2-х школьниц, женщину-полицейского и затем застрелился. Всего погибло 16 человек, а вместе с ним — 17. Гимназия лишилась четверти преподавательского состава. Штайнхойзер стрелял из пистолета. С собой у него было также помповое оружие. Он мстил за исключение из гимназии. А исключили его в декабре 2001 г. за подделку документов и за неуспеваемость. Штайнхойзер был хорошим стрелком, состоял в клубе стрелков. Он не ладил с матерью. Примечательная деталь из его биографии: он любил слушать песню, в которой были слова «убей учительницу». В Германии был объявлен двухдневный траур.

Не прошло и недели, как в другом конце Европы, в городке Власеница (Босния) старшекласник Петкович убил учителя истории и стрелял в учительницу, ранив ее в шею, и затем покончил с собой. Это случилось 28 апреля. Полиция связывает эту трагедию с недавним убийством в Эрфурте бывшим школьником 16-и человек.

2. В последние годы в нашей стране отмечается целая серия трагических инцидентов в армии, когда военнослужащие применяют огнестрельное оружие против сослуживцев. Это самая настоящая информационная эпидемия. СМИ растиражировали информацию об этих инцидентах и в итоге возник эффект домино. Растиражированная информация об одном инциденте подготавливает в умах некоторых военнослужащих почву для совершения подобных действий.

3. То же самое с заказными убийствами. Эпидемия таких убийств в последние годы в нашей стране вызвана в значительной мере распространением информации об этих убийствах. Потенциальные заказчики убийств и сами платные убийцы психологически подготавливаются к подобным преступлениям, получают информацию по технологии и обстоятельствам преступлений. СМИ нередко смакуют детали этих убийств, подробно рассказывают об их технологии, обстоятельствах, многократно, до навязчивости воспроизводят все перипетии убийств в информационных программах и специализированных передачах (типа «Криминальной хроники», «Дорожного патруля», «Петровки 38»).

4. Список преступлений, самоубийств, инициированных СМИ можно продолжать и продолжать. К их числу можно отнести распространение наркомании, некоторые виды самоубийств наркоманов (совсем недавно рассказывалось о самоубийстве молодой пары наркоманов, прыгнувшей с крыши многоэтажного дома, и тут же через несколько дней произошел аналогичный случай — молодой наркоман выбросился из окна и убили на смерть), захват заложников, телефонный терроризм.

5. В отдельных случаях некоторые авиакатастрофы, автокатастрофы и подобные катастрофы могут провоцироваться СМИ. Когда о них подробно рассказывается в СМИ, смакуются детали, то некоторые психологически неустойчивые летчики, автомобилисты под воздействием этой информации могут сильно тревожиться и даже запаниковать. А от этого один шаг к ошибкам в управлении транспортным средством и катастрофе.

6. Давно известен криминальный эффект детективной литературы и детективных фильмов. Фантазия писателей и кинематографистов порой реализуется один к одному преступниками. Последние, используя детективы как руководства, как учебные пособия, насыщаются информацией по технологии преступлений, психологически настраиваются на совершение преступлений.

Романтизация преступника в искусстве и литературе (например в фильмах «Крестный отец», «Бригада») — один из факторов, способствующих совершению преступлений.

7. Еще один негативный эффект распространения ин-

формации: сообщения о беспорядках, забастовках и голодовках вызывают цепную реакцию новых беспорядков, забастовок и голодовок.

Я убежден: если бы не было этих сообщений в СМИ, то не было бы этих эпидемий. Надо, наконец, понять обществу, что информационные сообщения оказывают мощное психологическое воздействие на массы людей. Если эти сообщения со знаком минус, то они вызывают всплеск в обществе разных фобий и агрессий¹.

В последнее время журналисты и руководители СМИ все чаще поступают как малые дети, играющие с огнем на территории нефтебазы. Вот два примера с видеоклипами, показанными по РТР и музыкальному телеканалу Муз-ТВ в конце декабря 2001 г.: в первом случае поющая девушка (Вилли Винки) разбивает тяжелым предметом витрину магазина и забирает куклу (медвежонка); во втором случае (группа «Тату») девушка поет, сидя на унитазах и подготавливая адское устройство к взрыву (девушка вполне профессионально вставляет в тротил взрыватели), в конце песни это устройство взрывается; она убивает то ли себя, то ли своего недруга. Эти видеоклипы — какое-то **негодяйство**. Другого слова не подберу.

Видеоклипы указывают еще на одну серьезную проблему: неважное состояние дел в молодежной субкультуре. В ней сплошь и рядом демонстрируется-пропагандируется аморальное-преступное поведение. Видеоклипы — лишь маленький кусок этой демонстрации-пропаганды. Посмотрите, как называют себя поп-музыканты. Они прямо-таки соревнуются в изобретении названий **похлеще-покруче-пострашней** («Ногу свело», «Руки вверх», «Авария», «Отпетые мошенники», «Акула», «Ночные снайперы», «Стройный ряд авантюристов», «Динамит» и т. д.). По поводу названия группы «Отпетые мошенники» я имел неприятный разговор с 17-летней дочерью. Я выразил недоумение и возмущение этим названием, а она сказала, что ничего страшного в нем нет, при этом ссылаясь на авторитет первоис-

¹ Фобия – навязчивое переживание страха, развивающееся при некоторых психозах. Агрессия – неспровоцированное нападение с нанесением вреда-ущерба или угроза такого нападения.

точника, откуда взято название (какой-то американский фильм). Мне пришлось возразить: нет ничего более абсурдного, чем называть музыкальную группу, исполняющую красивые лирические песни (самая известная: «люби меня, люби») именем, весьма далеким от прекрасного и просто даже противоречащим ему. Вдумайтесь только: мошенники, да еще отпетые! Какие-то рецидивисты... Разве может быть красивым преступление, а красота преступной?! Разве можно есть торт, намазанный горчицей или, еще хуже, калом?! Мне говорят: название «отпетые мошенники» — всего лишь шутка, прикол, желание привлечь внимание. На это ответчу: есть шутки и шутки. Есть такие шутки, за которые бьют по физиономии. И вообще, разве можно шутить с преступным сознанием?! Одни пошутят, а другие всерьез воспримут.

Удивляемся разгулу преступности, ругаем милицию за плохую работу, требуем ужесточения наказаний и не видим того, что сами мы, нормальные люди, вот такими своими заигрываниями с преступным сознанием толкаем людей в объятия преступности.

Здесь еще есть один поворот проблемы. Когда юные *не видят ничего страшного* в аномальном, когда люди *привыкают* к антикультуре аномального, то возникает ситуация «переоценки ценностей», перевертывания вверх дном. Нормальное становится редким, а, следовательно, ненормальным. Ненормальное же становится обыденным, привычным, почти нормальным. Честное, совестливое, доброе, нравственное поведение всё больше не в чести, а отклоняющееся поведение (со всякими вывихами, динамитами, ночными снайперами, отпетыми мошенниками) воспринимается как нормальное.

(Вот пример. Известный писатель-поэт Дмитрий Пригов договорился до того, что дважды назвал человека подлецом в телепрограмме «Деликатесы» по ТВЦ 23 марта 2003 г. Второй раз он сказал так: «Человек по своей натуре все равно подлец». Что можно на это сказать? Эпатаж, безответственность, клевета на человека или потеря ориентиров, растерянность. Пригова можно только пожалеть. Настолько он отравлен ядом антикультуры и антигуманизма... Видно, он мало видел в жизни любви, доброты, сердечности, благородства, совестливых, порядочных, достойных людей.

[К сведению: слово «подлец» в русском языке означает «подлый, низкий, бесчестный человек, негодяй, мерзавец», а слово «подло» — в высшей степени бесчестно, т. е. низко, гнусно¹]

Тот, кто утверждает, что человек по своей натуре подлец, сам в сущности является таковым. «Всякий негодяй, — говорил В. В. Стасов, — всегда подозревает других людей в какой-нибудь низости»². (Сравн.: «если человек сам стал хуже, то все ему хуже кажется» — М. Ю. Лермонтов). О том же говорит грузинская мудрость: «злой человек полагает, что все люди подобны ему». И, напротив, «чем порядочнее человек, тем труднее ему подозревать других в бесчестии» (Цицерон).

Утверждающий, что человек по своей натуре подлец, не просто не порядочный, а идейно-сознательно не порядочный, делающий философию из своей не порядочности. Либо свою личную не порядочность он возводит в не порядочность всех людей, либо всех кроме себя считает подлецами... В том и другом случае человек демонстрирует прямо или косвенно свою не порядочность.)

2

Что делать обществу во всех этих случаях? Пассивно созерцать и ждать очередного преступления, катастрофы, беспорядков или же принять меры по ограничению распространения информации о преступлениях, катастрофах, беспорядках? Защитники свободы слова, конечно, против каких-либо ограничений в распространении подобной информации. Конечно, они не правы. **Свобода как таковая имеет ограничения внутри себя. Иначе это не свобода, а своеволие, произвол³.**

Мне представляется, что **СМИ должны руководствоваться определенным кодексом поведения, сами себя ограничивать в распространении информации.** Ведь не показывает же телевидение, скажем, половой акт в подробностях. Почему же оно показывает в подробностях сцены на-

¹ См.: С.И.Ожегов. Словарь русского языка; Словарь синонимов. Л., 1975.

² См.: К. Чуковский. Современники. М., 1962. С. 683.

³ Прошу понять меня правильно: я не выступаю против свободы; напротив, мне близки идеалы либерализма. См. об этом: Л.Е.Балашов. Либерализм и свобода. М., АCADEMIA, 1999.

силы, убийства, следы насилия, смакует показ жертв убийства, без меры и без конца демонстрирует всякие разрушения, катастрофы?

Нормального в жизни гораздо больше аномального. Люди любят друг друга, рожают, воспитывают детей, учатся, занимаются творчеством, делают открытия, изобретают, отдыхают, развлекаются, путешествуют, имеют разные хобби и т.д., и т.п. Это всё нормальные формы деятельности. Чем же переполнено информационное пространство кино-, теле-, видео-, печатной продукции? Показом аномального: преступлений, насилия, катастроф, беспорядков, наркомании, алкоголизма, самоубийств. В итоге в обществе создается гнетущая психологическая атмосфера. Люди больше, чем это необходимо, тревожатся, боятся. Предрасположенные к болезненным реакциям (фобиям) и к разным экзам (агрессиям) чаще совершают безумные поступки и преступления. Возникает порочный круг: СМИ показывают-смакуют аномальное; этот показ вызывает вторичный эффект, более широкую волну аномального. СМИ в расширенном варианте демонстрируют аномальное, что вызывает следующий, еще более мощный вал аномального, и так до коллапса.

Безусловно, аномальное в определенных размерах нужно показывать — для выработки иммунитета, для знания того, что с человеком может случиться и к чему он должен быть готов. Но *показывать аномальное ради самого аномального, чтобы пощекотать нервы и просто занять умы чем-то острым — аморально!*

Говорят еще: нормальное неинтересно, а аномальное интересно¹. Это какое-то извращенное мнение. Как могут любовь, творчество, творческие искания и достижения, хобби, развлечения, путешествия и приключения неинтересны?! И как могут быть интересны убийство, насилие, злокозненное поведение преступника, вывихи маньяка?! К сожалению, нормальное в жизни воспринимают иногда как что-то обыденное, ординарное и потому скучное, неинтересное. Да, в ней есть и это: обыденное, ординарное, рутинное. Однако, как я уже говорил, нормальная жизнь не сво-

¹ Я уже приводил пример с телерекламой: см. стр. 231.

дится к этим вещам. Нормальны ведь и любовная страсть, и творческий порыв, и многое, многое другое.

Если бы я был поэтом, то сочинил бы оду, поэму, гимн нормальному поведению, нормальной жизни человека. В нормальности есть всё для того, чтобы дерзать, чтобы любить жизнь и радоваться ей!

8.1.4. Чему учит нынешняя реклама?

А что творит реклама? Она становится всё более циничной, дерзкой, наглой, вызывающей; она почти напрямую пропагандирует аморальное и преступное поведение. Вот реклама последних дней (октябрь 2001 г.): девушка криком разрушает витринное стекло магазина и добывает из магазинного холодильника прохладительный напиток Пепси. Сцена сопровождается весьма вольной надписью: "Бери от жизни всё". По форме — прикол, занимательная картинка, а по сути дела — демонстрирование преступления в юридическом смысле и поощрение-призыв к нему в виде указанной надписи поступать подобным образом. Совершенно очевидно, что здесь имеет место разбойное нападение на магазин, покушение на частную собственность. Неважно, что девичьим криком на самом деле нельзя вызвать разрушение витринного стекла. Важно другое: реклама указывает путь к достижению цели, **преступный** путь. В реальной жизни молодые люди, подражая этой рекламе, могут просто взять и разбить витринное стекло ногой, кулаком, каким-либо тяжелым предметом. И будут оценивать свои действия как прикол.

Или в рекламе пива, начинающейся словами "Хочешь, я угадаю, как тебя зовут...", молодой человек брызгает в лицо девушки этим набранным полный рот пивом. Опять вроде бы смешно, прикольно. А что должна чувствовать девушка, когда ей в лицо с близкого расстояния брызгают целым фонтаном липковатой жидкости изо рта вместе с вонючими слюнями и остатками пищи? Какой-то черный юмор. **Фактически реклама-пропаганда хамства.** Многочисленная аудитория телезрителей вынуждена терпеть это не получающее отпора, многократно повторяемое телевизионное хамство. Родители, педагоги учат детей, молодых людей

уважительному отношению к людям, правилам приличия, хорошего тона, чтобы они не были хамами, а тут телевидение открыто, беззастенчиво пропагандирует хамство (не демонстрирует, а именно пропагандирует: ведь молодой человек не просит извинения и ему не оказывается должный отпор)¹...

(Немного о *черном юморе*. Сейчас он вошел в моду. Деятели искусства, представители средств массовой информации прямо-таки соревнуются в демонстрации-пропаганде черного юмора. А что такое он по сути? — **Злорадство в чистом виде**, т.е. радость, переживание приятных эмоций при виде неприятностей и страданий других людей. Черный юмор — это культивирование злорадства и, в конечном счете, садизма, садистических чувств. Черный юмор фактически означает моделирование, реабилитацию и пропаганду зла, злых чувств и действий. Отсюда один шаг к преступности. **Мы гоним преступность в дверь, а она лезет к нам в окно.**)

Вот уже больше года (с мая 2002 г.) по отечественному телевидению идет реклама бульонного порошка Knorr, которая сопровождается такими словами: «...но правила существуют, чтобы их нарушать». Я никогда не думал, что публично (по государственному телеканалу РТР, по ОРТ, НТВ и др.!) могут фактически пропагандировать пренебрежение правилами как таковыми, практический хаотизм. Понятно, конечно, что субъективно, с позиции рекламщиков и руководителей телеканала, эти слова — не более, чем полушутливый эпатаж, цель которого привлечь внимание телезрителей к предмету рекламы. Объективно же этот эпатаж ничем

¹ К сожалению, рекламные сюжеты с черным юмором множатся как тараканы. Появилась (декабрь 2001 г. — январь 2002 г.) реклама чипсов Лэйс, в которой жадный внук подкладывает деду вместо пакета с чипсами мышеловку: дед тянет руку к пакету, а попадает в мышеловку. Или реклама шоколадки, начинающаяся с трехкратного мощного крика группы подростков во дворе большого дома в ночное время и заканчивающаяся словами о том, что это круто.

Еще один рекламный сюжет (февраль 2002 г.), в котором рекламируется фрутелла. В супермаркете маленькая девочка, лет 5-и, бьет дядю-продавца ногой по колену, тот скрючивается от боли, а девочка, довольная, убегает в другой конец торгового зала, ворует эту фрутеллу и сразу впикивает в рот, наслаждаясь ее вкусом.

нельзя оправдать. Юные телезрители, да и многие неискушенные в подобных шутках взрослые воспринимают подобные слова всерьез, вплоть до того, чтобы квалифицировать их как руководство к действию. Представьте себе ситуации с моральным поведением (нарушение основных принципов морали, правил поведения в обществе), с политическим поведением (нарушение правил-законов демократического общества, политический экстремизм, терроризм), с поведением на дорогах (нарушение правил дорожного поведения), с жизненнозначимыми поступками вообще (нарушение фундаментальных правил жизни, охраняющих человека от смерти, болезней и настраивающих его на конструктивную деятельность — детопроизводство, творчество). Все эти ситуации можно охарактеризовать двумя словами: **разрушение жизни**. Сколько потенциальных убийц, грабителей, мошенников, наркоманов, террористов, виновников автомобильных аварий и т. д. и т. п. всерьез руководствуются этой сентенцией!

В радиорекламе одного кинофильма (по радио России или Маяку, точно не помню, сентябрь 2001 г.) говорится о главном герое фильма как обаятельном убийце. Разве может быть убийца обаятельным?! Человек — может, а убийца — никогда! Обаяние и убийство в принципе несовместимы. "Обаятельный убийца" — двусмысленное, скользкое выражение. Речь вроде бы идет о человеке, а ведь можно понять и так, что человек именно в этом своем качестве убийцы является обаятельным, т.е. от самого убийства исходит обаяние.

Еще я видел рекламу фильма "Идеальное убийство". Кинематографисты и рекламщики **пачкают** хорошее, благородное слово "идеальное", соединяя его с мерзким-отвратительным словом "убийство". И вообще, как может быть убийство идеальным?! Какое-то извращенное сознание...

Сейчас по НТВ (октябрь 2001г.) идет реклама новой телепередачи под названием "Алчность". Вдумайтесь только: **алчность**! Игровую телепередачу с позитивным содержанием назвали словом, которое в большинстве случаев используется для усиленной характеристики негативных моральных качеств — жадности-корыстолюбия. Алчность — это

жадность, корыстолюбие в квадрате или даже в более высокой степени. Да, конечно, слово "алчность", "алчный" используется в некоторых случаях не в негативном моральном смысле, а для характеристики вообще "страстного желания чего-либо" (см. Словарь С.И.Ожегова). Однако, называть телепередачу таким именем — это значит встать на скользкий путь заигрывания с аморальным, преступным сознанием¹. Ведь *как ни верти* алчность в большинстве случаев обозначает негативное моральное качество. (Слава Богу, телепрограмма с таким названием просуществовала не больше полугода; телевизионщики, по всей видимости, опомнились — примечание 21.05.2003).

Эта вольность в обращении со словами, понятиями (идеальное, обаятельный, алчность — список можно продолжить) говорит не только о низкой культуре нынешних кинематографистов, работников радио, телевидения, но и об их невысоких моральных качествах, их безответственности, попросту говоря, об их **низости** и **подлости**. Какое смятение в души миллионов они вносят таким легкомысленно-циничным отношением к нормам языка!

Вот в эту вакханалию аномального, в это заигрывание с преступностью вполне вписывается и наркотическая антикультура.

Я вынужден констатировать: в современном обществе для распространения наркотической антикультуры создана благоприятная почва.

8.1.5. Распространение наркотической антикультуры как заразы в современной России

Желание молодых попробовать наркотики возникает на фоне и под влиянием распространения в обществе наркотической антикультуры, духовной и материальной. *Духовная*

¹ Примечание 19 февраля 2002 г. Телепередача «Алчность» идет уже несколько месяцев. Мало того, что в названии телепередачи сохраняется это постыдное слово «алчность». Идеология телепередачи заряжена на воспитание, развитие и пропаганду алчности. Телеведущий постоянно призывает игроков «быть алчными», упрекает их в недостаточной алчности или хвалит за алчность. Обрзели совсем. Хоть бы посоветовались с филологами и со специалистами по этике.

наркотическая антикультура — это лукавая общественная атмосфера: формально общество, большинство людей против наркотиков, а фактически очень многие сейчас либо равнодушно относятся к этому бедствию, либо эпатируют общественное мнение своим двусмысленно-игривым отношением к наркотикам (музыканты, певцы, артисты, писатели, кинематографисты) или даже благосклонно относятся к приему мягких наркотиков и пропагандируют их. *Материальная наркотическая антикультура* — это развитый наркотический рынок, наркобизнес, т.е. возможность для потенциальных потребителей легко приобрести наркотики (на дискотеках, возле школ или даже в школах и т.п.)

Государство до самого последнего времени очень вяло реагировало на распространение наркотической антикультуры (эпидемии наркомании). Только недавно президент России провел специальное заседание Совета безопасности, посвященное этой беде. Было признано, что наркотическая зараза стала угрожать национальной безопасности России. Сейчас в стране — три миллиона наркоманов (по оценкам экспертов). Такую цифру привел министр внутренних дел Б.Грызлов, выступая 17 октября 2001 г. на заседании Государственной Думы.

Молодым нужно знать, что невесть откуда возникающее желание попробовать наркотики — это в значительной мере влияние (давление) наркотической антикультуры. Молодые люди порой не осознают это. Они думают, что желание попробовать наркотики — исключительно их личное желание, личный выбор. Еще 20 лет назад в нашем обществе наркотиков практически не было. И у молодых не было никакой материальной возможности и никакого желания употреблять наркотики. Сейчас ситуация круто изменилась. Возникла мощная наркотическая антикультура. Она — следствие того, что наше российское общество стало (после 1985-1991 гг) **открытым** и еще не успело приобрести иммунитет против экспансии внешней, зарубежной наркотической антикультуры, поразившей некоторые страны мира.

Мораль: нынешние молодые люди, думающие, что они свободно и самостоятельно принимают решение относительно потребления наркотиков, на самом деле находятся

под сильнейшим давлением наркотической антикультуры и уступают ее тлетворному влиянию, т.е. по-настоящему несвободны и несамостоятельны. Пусть они на этот счет не обманывают себя. Если они хотят быть взрослыми и действительно свободными-самостоятельными, то должны, напротив, противостоять натиску наркотической антикультуры. (Ведь в большинстве случаев наркотики начинают потреблять не взрослые, кому за 30, а юные-молодые и наркотическая эпидемия поражает не поколение взрослых людей, а поколение юных, не окрепших в своем иммунитете против дурных влияний.)

8.1.6. Некрофилия антикультуры

Об абсолютизации смерти как феномене культуры я писал выше, стр. 58-66. Некоторые философы активно поддерживают эту некрофилию. Говорят о смысле смерти, о ее положительном значении для жизни, о бытии перед лицом смерти и т.д. и т.п. И художники включились в эту погоню за смертью.

Вот яркий пример: кинорежиссер Альфред Хичкок (1901-1980).

Альфред Хичкок и другие

Телеведущий Иннокентий Иванов в программе «Сферы» на канале «Культура» (4 и 5 мая 2003 г.) рассказывает о Хичкоке следующее:

«...Его любимцем был Энтони Перкинс, звезда хичкоковской классики, психоза и типичный психопат, который в конце концов покончил с собой. Общаясь с такими людьми Хичкок вполне мог бы стать неуравновешенным типом, но его спасла буржуазная натура добродушного толстяка. По фильмам и не скажешь... 167 килограмм жира, уродства и комплексов. Такое жуткое зрелище являл собой Альфред Хичкок в конце славной жизни. Когда в Америке праздновали 80-летие страшного режиссера, его коллеги видели глыбу, пораженную артритом, пропитанную алкоголем и облаченную в неизменный темный костюм. Таких одинаковых костюмов у Хичкока за всю карьеру было 12 штук. Все они были сшиты сразу и одним портным, который каждый костюм-близнец делал на размер больше, предугадывая постепенное и неминуемое увеличение веса клиента. Мастер страха всегда был толстым и неуклюжим. Даже в детстве, когда воспитатели-иезуиты наказывали малыша за провинности резиновой палкой. В лондонском колледже Святого Игнатия, куда в 1906-м попал 7-летний Хич-

кок, царила демократическая традиция: тот, кого ожидала порка, имел право отложить наказание, но не больше, чем на одну неделю. Ученики, конечно, пользовались отсрочкой, а потом семь дней по ночам тряслись от безумного страха. Хичкок тоже трясся: его пугала не сама порка, а ожидание ее. Это нагнетание страха, получившее потом название саспинг, и стало режиссерским методом Хичкока. Мастер понимал, что сам момент убийства, хоть страшен и непонятен, но из-за очевидности не может довести до умопомешательства. Ожидание и предвкушение убийства, показанные художественно, могут. Главное: рассчитать их время и силу.

Комментарий Кирилла Разлогова, киноведа:

«...Ужас вызывает вид двери, ручка которой медленно поворачивается, потому что не знаешь, что за дверью и что тебе угрожает. А режиссерское мастерство — это найти точную скорость поворота ручки, потому что если она будет поворачиваться слишком быстро, страх не дойдет до апогея, а если она будет поворачиваться слишком медленно, зритель заскучает.»

Если какие комплексы человека нужно искать в детстве, Хичкок не исключение: его всегда считали толстым уродом. В детстве с ним не играли, в отрочестве с ним не дружили, в юности его не мечтали затащить в постель. Хичкок комплексовал и хорошо учился сперва в иезуитском колледже, потом в инженерно-навигационной школе и университете Лондона. Образованный и умный юноша был изгоем для сверстников и женщин, но не для боссов: им нужен был не секс-символ, а специалист. С работой Хичкок никогда не знал проблем. Сначала его взяли в телеграфную кампанию электриком, а затем он узнал о вакансии на киностудии. Толстяк проявил и первым оказался на собеседовании. Сначала ему доверили рисовать титры, а в 1925-м приказали снять фильм. Киностудии нужны были новые ленты, а режиссеров не хватало. Хичкоку, влюбленному в кино, выпал шанс, но он его испугался. Уверенность в него вселила сценаристка и ассистент режиссера рыжая и энергичная Альма Ревиль. Сначала она лишила 25-летнего Хичкока девственности, а потом женила на себе. Альма помогла снять будущему метру первый фильм и до своей смерти была тенью режиссера на съемочной площадке. Хичкок всегда боялся съемок: он не умел ничего организовать, с трудом общался с актерами, стеснялся давать указания. Но Хичкок точно знал, чего он хочет добиться от кино: ему нравилось создавать напряжение, пускать с экрана страшные импульсы. В душе режиссер навеки остался ребенком, которого страх гипнотизирует и влечет.

Комментарий Андрея Бильжо, психиатра и художника:

«Любой из телезрителей помнит, когда он был маленький, как привлекали страхи. Все сказки довольно страшные: волки съедают или там или сами волки погибают или их уничтожают добрые Красные шапочки, охотники и прочие. Кровь льется просто рекой. Я уж не говорю о том, что дети друг друга пугают, когда они собираются в маленькие компании: они рассказывают страшные

вещи про кладбища, про мертвецов, про черную, черную комнату, в которой черный, черный человек и так далее. Значит, это чем-то привлекает, значит этот инстинкт сидит в каждом из нас. Мы боимся, но он нас тянет в этот страшный мир.»

Напряжение и страх Хичкока чисто английские, воспитанные на романах Конан Дойля и Агаты Кристи, хотя все свои шедевры он снял в Голливуде. Американцы вовремя перекупили будущего гения. Хичкок везде экранизирует свои комплексы. Невнимание слабого пола режиссер запомнил навсегда. За это женщин он ненавидел и мстил им в кино. Любую блондинку Хичкок был готов убить, но при этом занимался мазохизмом. Он снимал лишь дам с копной светлых волос, алым ртом и пышным бюстом. Хичкок изображал их в соответствии со своими тайными желаниями. Он заковывал их в наручники и тащил в полицию и склывал их хищными клювами птиц, убивал и калечил. Для режиссера это было художественной и внутренней потребностью. При этом он привлекал своих звезд-блондинок, но делал это странно. Его любимицей считали Типпи Хедрен, мать актрисы Мэлони Гриффит. Когда Мэлони было всего 5 лет, режиссер вручил ей подарок: куклу с лицом Хедрен, лежащей в гробу. Дети вызывали у Хичкока страх и ненависть. Они никогда не дружили с пузатым Альфредом. Не питал он любви и к дочери Патрисии. Однажды он заставил ее залезть на самый верх колеса обозрения. Ребенок до смерти боялся высоты, а Хичкоку нужно было увидеть реальную, а не выдуманную реакцию страха.

Комментарий Кирилла Разлогова:

«Если мы посмотрим на фильмы Хичкока, то все эти фильмы с рациональным сюжетом: они вызывают страх, они вызывают трепет, они вызывают напряжение, но всегда разгадка носит вполне рациональный характер. Преступник обладает всеми признаками обычного, нормального человека, не оборотня, не женщин-змей, не опять-таки вот того самого чужого, на котором были /построены/, наверное, блестящие картины про пришельцев из космоса.»

Собственно фильмов ужаса в классическом понимании Хичкок снял только два: «Психоз» и «Птицы». Всё остальное — детективы и шпионские ленты, ставшие предтечей небылиц о похождениях Джеймса Бонда. Самого Хичкока считали куда ужаснее его персонажей. Так, голова режиссера была забита ненужной информацией: он запоминал абсолютно всё, что попадало ему на глаза. От Хичкока уставали, он заставлял говорить обо всем, выжимая визави как лимон. Отделаться от режиссера было невозможно. Существовал лишь один способ: Хичкока нужно было напоить. Тогда режиссер на время терял контроль над собой, а потом начинал храпеть. Но первые минуты пьяного бешенства Альфреда были ужасны. Однажды в полубреду он озвучил одно из своих неосуществленных сексуальных желаний: он уверял, что его хотела соблазнить Ингрид Бергман, суперзвезда Голливуда. Это была выдумка, но фантазия Хичкока разыгралась не на шутку. Он даже описал, как актриса бросалась к нему на кровать и

умоляла о плотской любви. Воображению и убедительности трезвого режиссера многие завидовали. Хичкок воссоздавал точные портреты внутренних человеческих состояний. Его коньком был реализм страхов, тайн и душевных демонов.

Комментарий Андрея Бильжо:

«Хичкок никого ничего не заставлял делать. Он не заставлял бояться, не заставлял совершать суициды. Художник вообще никого ничего не заставляет делать. Он просто делает то, что считает нужным, то, что ему нравится, решает какие-то свои задачи художника: будь-то кино, живопись, театр и т. д.»

Ужасы Хичкока были столь реальны, что благочестивые граждане обвиняли режиссера в тлетворном влиянии. В ответ британец зло шутил: на звонок возмущенного отца, сказавшего, что его дочь после сцены убийства — сильный психоз: боится лезть в ванну, — режиссер посоветовал сдать девочку в химчистку, а про себя порадовался, что снятая им сцена так удалась. Хичкоку нравилось: оно /убийство/ как и весь фильм было снято быстро и малобюджетно. Роль крови исполнила даже не традиционная кинознаменитость, а шоколадный соус из соседнего супермаркета. Даже в «Психозе» есть место смеху. Хичкок знал, что пугать надо дозированно: так страшнее.

Комментарий Кирилла Разлогова:

«В его фильмах очень много комических эпизодов: очкастые секретарши с несложившейся личной жизнью, комические интермедии и после этих комических интермедий следует что-то уж совсем страшное. Без комических интермедий многие зрители, даже любящие жанр фильмов ужасов, (...) в этот момент наступают перенасыщение и это перенасыщение способствует тому, что зритель перестает воспринимать, перестает перенапрягаться.»

Хичкок, несмотря на славу, чувствовал себя обиженным. Пять раз его фильмы выдвигали на Оскара и не дали ни одного. Тщеславному толстяку казалось, что его притесняют как в детстве. Коллегам Хичкок мстил злыми розыгрышами: гостей он обязательно сажал на подушки, которые издавали недвусмысленный звук больного желудка. Одной актрисе, которая ненавидела запах рыбы, он прислал в подарок четыреста копченых селедочек. Коллегам из маленьких квартир он дарил огромные шкафы, которые нельзя было даже внести в дом. Тем же, кто жил в особняках с центральным отоплением, Хичкок регулярно преподносил две тонны ненужного угля. Вся его карьера и успех были мстостью за прошлые притеснения и попыткой избавиться от маний, которых у Хичкока было предостаточно. Он боялся грязи и трат: после каждого умывания мастер протирал смеситель тремя полотенцами, а в магазинах миллионер спорил за каждый цент. Режиссер сильно /любил Альму/. Его жена — ангел-хранитель и помощник. Между ними не было сильной страсти, но был союз личностей, которым всегда было интересно вместе. После смерти верной Альмы Хичкок испугался не на шутку: он понял, что снимать фильмы ему больше не суждено. Он начал пить и толстеть уже не по годам, а по месяцам. Смерть для него была меньшим кошма-

ром, чем жизнь, а потому перед кончиной в конце апреля 1980-го режиссер сказал, что скоро сможет выспаться и отдохнуть. 80 лет жизни для Хичкока были тяжелым испытанием. Все эти годы он преодолевал страх. Это вечное преодоление и сделало его filmy шедеврами, страшными и реальными, как и сама жизнь Альфреда Хичкока.»

Из того, что человек был популярен, не следует, что он талант-гений. Герострата тоже многие знают. И Гитлера, и В.В.Жириновского знают. Это всё к тому: совместимы ли гений и злодейство. Хичкок спекулировал на теме страха, на отрицательных эмоциях, на теме насилия и убийства. Если Ф. Ницше — Гитлер философии, то А. Хичкок — Гитлер кинематографа. Сколько душ он растлил и загубил своими зловредными и зловонными фильмами! В телепередаче «Сферы» Хичкок изображается как мастер, который знал меру в показе ужасного. Да, действительно, чувство художественной меры является одним из несомненных признаков художественного дарования. Можно ли, однако, Хичкока считать настоящим художником? Я отвечаю однозначно: нет, нет и нет! Человек может быть в частных вопросах искусным, ловким, умелым, набившим руку и т. д., но в целом бесталанным, глупым и ничтожным. Возьмем того же Гитлера. Как он сумел завоевать голоса избирателей на выборах 33-го года! Как он затем всю Германию заставил плясать под свою дудку! Сколько у него было последователей, поклонников, настоящих фанатов! И что же? Лопнул как мыльный пузырь. Человек со знаком минус, античеловек, которого проклинают практически все на Земле. Так и Хичкок. На каком-то этапе он заморозил кинематографическую общественность. А в конечном счете он антихудожник, сослужил дурную службу человечеству. Да может ли человек, который способен издеваться над родной дочерью, который способен на мелкую месть-пакость, быть хоть в какой-то мере быть талантом-художником, а тем более гением?! Его «кино» направлено не на сохранение, поддержание, развитие и совершенствование жизни, а на ее разрушение. Поэтому он самый настоящий деятель антикультуры, антигений.

Как мелки и ничтожны Кирилл Разлогов и Андрей Бильжо в своей попытке оправдать Хичкока и даже представить его метром-мастером! Отвратителен А.Бильжо в своей кле-

вете на детские сказки, будто все они «довольно страшные», будто в них «кровь льется просто рекой». Да он либо по настоящему не знает детские сказки, либо преувеличивает страшное в них как психиатр, т. е. как человек, который много имел дела с психопатами и всё видит в искаженном свете патологии.

Хичкок породил целое поколение кинематографистов, которое изощряется в показе всего ужасного, уродливого, смерти, насилия. «Челюсти», «Кошмар на улице вязов», «Молчание ягнят», «Криминальное чтиво», «Имитатор», «Монстр», «Охотник», и т. д. и т. п. Десятки, сотни фильмов.

Последний пример: фильм Квентина Тарантино «Убить Билла» (октябрь 2003 г.). Кровавый фильм, переполнен сценами жестокости и насилия. Режиссер даже похвально этой кровавостью своего фильма. В одном интервью он заявил: требовать от него меньше показывать кровь, жестокость, насилие — это все равно, что требовать от группы «Металлик» уменьшить громкость звука. (3 октября 2003 г. в новостной программе НТВ был показан сюжет в связи с лондонской премьерой этого фильма. Фактически реклама фильма, гнусная и подлая. До каких пор это будет продолжаться?! До каких пор наши телевизионщики будут пропагандировать, рекламировать жестокость, кровь насилие, убийство?!).

И еще. Был такой весьма известный кинорежиссер Ингмар Бергман. В 1957 г. он поставил фильм «Седьмая печать». По телеканалу «Культура» 26 октября 2003 г. я смотрел передачу о нем и об этом фильме (вел ее Дмитрий Менделеев). Что меня насторожило? Фильм не относится к ряду фильмов ужасов, боевиков, триллеров. Но какова идеология фильма?! Какими сюжетами, мыслями, идеями он напичкан?! Главный герой играет со Смертью в шахматы. Он ищет смысл жизни. И на этом фоне разворачиваются события. Вот церковь. Художник расписывает стены. На них — изображение смерти. Главный герой спрашивает: зачем он это делает? Художник оправдывается и, в частности, произносит знаменательную фразу «череп он интереснее, чем голая девка». И такие сцены, в которых смерть так или иначе присутствует, заполняют весь фильм. Наконец, главный ге-

рой нашел смысл жизни. Оказывается, он, этот смысл жизни, находится... **за пределами жизни**. Тут тебе и парадокс, и любимая тема многих интеллектуалов XX века — жизни перед лицом смерти. Фильм заканчивается сценой: Смерть, танцует, уводит своих странников.

Стали появляться и у нас в России свои Хичкоки и Тарантины. Некий Сергей Епифанцев приобрел известность как театральный режиссер и актер тем, что с маниакальным упорством пытается внедрить на нашей почве все эти вывихи названных режиссеров и подобных им деятелей. Для Епифанцева чем больше на сцене насилия, жестокости, страхов-ужасов, всякого абсурда, уродства, тем лучше. По НТВ в новостной программе «Сегодня» (16.01.2004 г.) показали о нем сюжет, в котором он все время демонстрировал себя в майке с черепом и скрещенными костями. И смешно и грустно.

8.1.7. Бум мистицизма

Мы видим бурное возрождение мистицизма. Вдруг началось повальное увлечение астрологией. В моду вошли дзен-буддизм, йога, спиритические сеансы и колдовство. Создаются культы вокруг поисков дионисийских радостей, способов внязливой и даже внепространственной коммуникации.

О. Тоффлер («Столкновение с будущим», 1972 г.)

Мистика и мистицизм

Выше, на стр. 231 я говорил о воинствующем иррационализме как черте антикультуры. Всё одно к одному: и страсть к аномальному, и некрофилия, и наркотическая антикультура и это заигрывание с мистицизмом и даже его восхваление...

Могут спросить: что плохого в мистике? Резонный вопрос. Артисты, музыканты, художники, писатели и представители некоторых других профессий употребляют порой слова "мистика", "мистический" в положительном смысле (как слова "наваждение", "экстаз", "вдохновение"...). Их можно понять. Они **играют**, в том числе словами. Эта игра не вполне серьезна и часто напоминает детскую забаву или

хулиганские выходки подростков. К настоящей жизни она имеет лишь косвенное отношение, расположена как бы по касательной. (Все прекрасно понимают, что в искусстве всё понарошку, в отличие от жизни, где всё взаправду. Искусство есть искусство, а жизнь есть жизнь.)

Однако то, что для художника имеет лишь значение игры, для мистически настроенного имеет вполне реальный смысл (грозный, чудесный, роковой, фатальный и т. п.).

Мистика как *мистическое умонастроение*, как *мистицизм* — это уже серьезно, это род умственной болезни. В таком виде она не забава и не предмет игры, а нечто *противоречащее разуму и разумному*.

Спрашивается, откуда возникает мистическое умонастроение? Всякая болезнь есть результат отклонения от нормы, некоторого нарушения меры. Мистическое умонастроение возникает как результат нарушения баланса между логикой и интуицией в сторону переоценки (преувеличения роли, абсолютизации) интуиции, интуитивного мышления.

Интуиция — великая вещь, но без союза с логикой она беспомощна и даже вредна, превращается в легкомыслие и/или мистицизм.

В известной степени абсолютизацией интуиции является характерное для определенной части философов прошлого понимание ее как способности непосредственного постижения истины без предварительного логического рассуждения¹. На самом деле интуиция не может дать готовое знание или готовую идею. Она в лучшем случае *ведет* к знанию или к идее, но не более. Дело в том, что интуиция не имеет доказательной силы и, кроме того, далеко не всегда “попадает в точку”. Мысли, возникшие интуитивным путем, могут быть как истинными, так и ложными, как ценными, так и бесполезными. Поэтому, чтобы узнать, какие из них истинные (ценные), а какие ложные (бесполезные), нужно выйти за пределы интуитивного мышления и подвергнуть их логическому или эмпирическому/практическому испытанию или тому и другому вместе.

¹ См.: “Интуиция — “способность постижения истины путем прямого ее усмотрения без обоснования с помощью доказательства” — Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 216.

Интуицию можно принимать лишь постольку, поскольку она является источником новых мыслей; большего от нее ждать нельзя. Очень убедительно об этом сказал М. Бунге¹.

От понимания интуиции как способности непосредственного постижения истины один шаг к мистическому умонастроению. Питательная почва последнего — это когда человек полагается только на интуицию, т. е. на воображение и чувство и не считается ни с какими доводами рассудка или разума.

*Мистика (от греч. *mystikos* — таинственный) — стремление к таинственному или боязнь таинственного, страх перед таинственным.* Таинственное, таинственность, таинство — все эти слова происходят от слова “тайна”. Они так или иначе абсолютизируют тайну. Последняя — то, что мы не знаем, но предполагаем, что оно может оказывать влияние на нас.

Сама по себе тайна не содержит в себе ничего мистического. Очень много тайн люди хранят друг от друга. Известны такие виды тайн как военная, государственная, коммерческая, тайна вкладов, тайна исповеди, любовная тайна. В принципе, у каждого человека есть свои тайны, которые он хранит от других.

Тайна существует только в отношениях между людьми. Для нее нужны как минимум два субъекта. Один хранит тайну, а другой хотел бы раскрыть ее. Для тайны нужно, чтобы кто-то ее хранил и не просто хранил, но и охранял от кого-то. У природы нет тайн, так как она не субъект; она ничего не прячет и не охраняет. Приписывание тайны неодушевленным предметам или чему-то нечеловеческому — это уже мистика, мистическое умонастроение. Это приписывание является как раз результатом абсолютизации тайны, преувеличения ее роли в жизни человека. Преувеличенная тайна превращается в нечто таинственное, т. е. в такое, что нельзя раскрыть обычным, нормальным путем.

В основе мистического умонастроения — страх перед неизвестным или, напротив, желание чуда или надежда на него.

¹ См.: М. Бунге. Интуиция и наука. М., 1967. Раздел “Интуиция — недостоверный зачаток мысли”.

Своеобразную патографию мистического мышления дают авторы книги “Экспедиция в гениальность”. Вот что они пишут: “Известно, что особенность мистического мышления заключается в недостатке внимания. Между тем именно внимание вносит порядок в хаос явлений и группирует их так, что они уясняют нам мысль, преобладающую в уме наблюдателя. когда внимание отсутствует, мировая картина представляется наблюдателю однообразным сцеплением загадочных явлений, то возникающих, то исчезающих, ничего не говоря ни уму, ни сознанию. Необходимо постоянно иметь в виду этот основной факт душевной жизни. Возбуждаемость, достигающая патологического уровня, заставляет мистически ориентированного субъекта также делать выбор между явлениями, но руководствуется он при этом не сознательным вниманием, а влечениями бессознательной возбуждаемости. Он воспринимает только то, что согласуется с его настроением; наоборот, то, что не согласуется с его настроением, для него вообще не существует. (С. 265)

...мистическое мышление, мышление легко возбуждаемых натур, лишенных способности быть внимательными, позволяет им иногда схватить очень ясно тот или другой образ, находящийся в связи с их возбуждением, но не позволяет им уяснить себе разумную связь между отдельными образами именно потому, что необходимое для этого внимание у них отсутствует. (С. 296)” (Г. П. Колупаев и др. Экспедиция в гениальность. М., 1999).

Мистика и политика

Передо мной листовка баркашовской организации “Русское национальное единство (РНЕ)”, попавшая ко мне через почтовый ящик в подъезде дома. Эта листовка имеет заголовок “ИНН — ПЕЧАТЬ АНТИХРИСТА”. Речь идет о вводимом сейчас в России идентификационном номере налогоплательщика (ИНН). По мнению авторов листовки любой штрих-код ИНН содержит число 666. “...суть дела — “число зверя—антихриста. О нем говорит Иоанн Богослов в Апокалипсисе: “Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое, число это шестьсот шестьдесят шесть” (Откровение Святого Иоанна Богослова, 13).” В сущности, в политических целях используется так называемая мистика чисел, да притом с ссылкой на Священное писание — Новый Завет. Во-первых, с большой натяжкой штрих-коду ИНН можно приписать число 666. Это надо иметь хорошее воображение и очень-очень избирательные память-внимание. Ведь между тремя двойными полосами, интерпретируемыми как три шестерки, всегда имеются другие цифры, в том числе шестерки. Реально показав

ны только цифры между тремя двойными полосками, которые в данном случае выполняют роль разделителей. Как можно полоски-разделители интерпретировать как число 666?! Во-вторых, допустим даже, что в штрих-коде просматривается число 666. И что из того? Как можно одно из миллионов-миллиардов разных чисел наделять каким-то качественным-содержательным смыслом?! Нет никакого разумного основания это делать. Да, действительно, некоторые числа, привязанные к каким-то качественным отношениям, могут иметь индивидуальную характеристику. Например, число π (пи — 3,14...) соответственно отношению окружности к диаметру круга. Или число, обозначающее атомный заряд химического элемента. Например, числу 66 соответствует атомный заряд химического элемента диспрозия. В этих и им подобных случаях числа получают путем научных изысканий: через измерения, эксперименты, наблюдения, теоретические расчеты, основывающиеся на открытых или вновь открываемых законах природы. Приписывание числу 666 свойств зверя-антихриста не основано ни на каких научных наблюдениях, экспериментах и теоретических расчетах. Это означает, что мы должны принимать на веру сказанное об этом числе древним автором Апокалипсиса (почти две тысячи лет тому назад!). Кроме суеверного страха перед указанным числом такая слепая вера ничего не может породить.

Об использовании понятия "энергия" вне физической науки и ее практических приложений в технике

Основное значение слова "энергия" определяется его функционированием в физических формулах и законах. Его популярность обусловлена именно этим — достижениями физики и ее практических приложений в технике. Недобросовестные и/или наивные люди используют столь уважаемое физическое понятие энергии в разных других сферах: в медицине, в психологии, вообще во всем, что касается жизни человека. Они вольно или невольно эксплуатируют авторитет науки (в данном случае физики) для достижения своих целей. Они не понимают или не хотят понять, что использование слова или понятия "энергия" вне физики и ее практических приложений в технике автоматически меняет

смысл этого слова-понятия, просто обесценивает его. Из точного научного термина "энергия" превращается в метафору, в слово, употребляемое в переносном значении. А употребляемое в метафорическом или переносном значении, оно становится расплывчатым, неопределенным. Им можно крутить-вертеть как угодно, наделять какими угодно дополнительными значениями... И сохранять при этом его легенду как научного понятия, как фундаментальной физической величины.

Основной порок всех употреблений слова "энергия" вне физики и техники (точнее, вне процедур измерения физической величины энергии) состоит в *редукционизме, в сведении высшего к низшему, сложного к простому*, а именно в том, что вольно или невольно все сложные, высшие явления жизни, психики, духовной сферы пытаются напрямую, непосредственно объяснить через понятие-явление неорганической природы, т.е. через нечто относительно простое, свойственное всей неорганической природе. Человек, жизнь, дух низводятся до явлений физического мира. Ведь с точки зрения физического понятия энергии человек не отличается от камня, луны, молекулы, атома, элементарной частицы...

Конечно, и живое в определенном смысле не чурается энергетических понятий. Есть биомеханика (механика движений и усилий живого), есть приход и расход калорий в обмене веществ, есть весьма сложная биотехнология выработки-утилизации химической, тепловой и механической энергии. Это всё так. Однако во всех этих случаях энергия вполне физична, измеряема, вычисляема.

А что же нам предлагают, когда говорят об энергетике, энергетическом вампиризме, психической энергии, биоэнергии... и при этом забывают об измерениях-вычислениях? Ведь без последних понятие энергии теряет всякий научный смысл, превращается в игрушку, в объект манипуляций для всяких шарлатанов и проходимцев.

Сейчас очень модно говорить об энергетическом вампиризме. Журналы и газеты пестрят сообщениями-рассказами об этом. На самом деле нет никакого энергетического вампиризма. Есть люди нормальные, порядочные, добрые — их подавляющее большинство. И есть люди злые, подлые, с отклонениями и разной патологией — их незначительное

меньшинство. Сейчас нередко этих людей называют энергетическими вампирами. Обычную подлость и злобу мистифицируют. Наделяют некоторых злых или просто неприятных людей какими-то сверхъестественными качествами. Будто бы эти люди не по своей воле и сознанию действуют, а потому что они энергетические вампиры. Получается, с них снимают всякую ответственность за недобрые поступки. Они-де не вольны в своих воздействиях на окружающий мир.

Отсюда, кстати, и необычные способы борьбы с такими людьми: снятие порчи, сглаза и т. д. и т. п.

Суеверия

Своеобразным бытовым мистицизмом являются различного рода суеверия.

Суеверие — *суетная, пустяковая, маленькая вера, верчушка*, ближайшими причинами которой являются страх, надежда, невежество, глупость.

Страх и невежество вкупе с глупостью порождают суеверия, связанные с ожиданием дурного, худшего (дурные предчувствия, приметы, сны, предзнаменования).

Надежда, невежество и глупость, наоборот, порождают суеверия, связанные с ожиданием хорошего, лучшего (счастливые приметы, хорошие сны, гадания).

Суевериям больше подвержены женщины. Почему? Потому что они в целом более боязливы или, напротив, более восторженны по сравнению с мужчинами.

Суеверных людей много среди моряков, летчиков и артистов. Почему это так? Потому что представители этих профессий работают в условиях, связанных с большим риском. Чтобы как-то смягчить, нейтрализовать тревожные чувства они ищут опору в магических действиях (перекреститься, поплевать через левое плечо, постучать по твердому предмету и т. п.), предметах (талисманах и амулетах).

О вере в судьбу

Слово "судьба" имеет два основных значения. Первое значение: жизнь в целом, прожитая жизнь, состоявшаяся жизнь, непростая (сложная, трудная) жизнь (см. кинофильм "Судьба человека"). Когда "*верят* в судьбу", то под словом

"судьба" имеют в виду нечто иное, употребляют его в другом — втором — значении.

Второе значение: мифологический, полумифологический или просто суеверный образ будущего, возможности, в котором слиты наивные представления об объективном характере случайности и необходимости. В одних случаях люди подчеркивают аспект необходимости, неизбежности, говоря: "От судьбы не уйдешь", "чему быть — того не миновать", "что на роду написано, так тому и быть". В других случаях они выделяют аспект случайности, причем в двух вариантах: благоприятном (подарок судьбы) и неблагоприятном (удары судьбы). "Человек надеется и заботится потому, — пишет *В. Н. Шердаков*, — что его жизнь, с одной стороны, зависит от него самого, от его усилий, а с другой стороны, складывается в зависимости от обстоятельств, помимо его воли. Слово "судьба" и обозначало зависимость, предопределенность жизни от неподвластных человеку факторов — эпохи, природных, наследственных данных, воспитания, случая и т.д. Это понятие чаще всего имело мистический смысл, однако не следует забывать и о его реальном основании. Не случайно слово "судьба", уже лишенное религиозного смысла, удерживается в обиходной речи"¹.

Астрология

Сейчас в большой моде астрология. На страницах газет и журналов, в теле- и радиопередачах мы видим бесчисленные гороскопы и выступающих астрологов. По сравнению с религией астрология, так сказать, менее серьезна. Часто ее воспринимают как игру. И соответственно относятся к ее оценкам, советам, предсказаниям. Тем не менее и астрология делает свое черное дело, запутывает человека, пугает-запугивает его или тешит напрасными ожиданиями.

(Со мной еще в советское время произошел трагикомический случай, связанный с астрологией. Одна женщина хотела познакомиться. Я позвонил ей и мы почти договорились о встрече. Но когда она поинтересовалась — под каким знаком зодиака я родился, — то тут же отказалась от встречи, мотивируя отказ нашей несовместимостью по гороскопу. Я думаю, сейчас в условиях повального увлечения аст-

¹ Шердаков В.Н. Иллюзия добра. М., 1982. С. 210-211.

рологией и ее пропаганды в СМИ подобные случаи далеко не редкость.)

Астрология — *научообразная форма мистицизма*. Сами астрологи заявляют, что астрология — наука. Эти претензии на науку, научность ни на чем не основаны. Нет научного инструментария, нет научной методологии, нет открытых астрологами, строго установленных законов или явлений. В чем же тогда дело? А дело в том, что некоторые мистически настроенные люди и шарлатаны пытаются использовать авторитет науки. В современном обществе этот авторитет достаточно сильный и многие люди, настроенные на волну веры-мистицизма, не очень доверяя традиционным формам религии или даже относясь к ним скептически как к архаике, тяготеют к научнообразным или осовремененным формам веры-мистицизма, таким как астрология, сайентология, уфология и т. п.

Вообще коллективная людская глупость всегда имела место в обществе. Только сейчас она мимикрирует, пытается подделаться под науку. Даже в такой культурной стране как США людская глупость в виде увлечения астрологией пока непобедима. Видный американский ученый-астроном Саган с горечью говорил о том, что у него в стране насчитывается 15 тысяч астрологов и всего тысяча астрономов.

8.2. Антифилософия

(Геростраты философии)

Время от времени появляются, к стыду человечества, «философы», для которых высшие ценности жизни — добро, красота, истина — пустой звук и которые свой ум-язык используют для проповеди гнусных идей.

Выше, на стр. 71, я уже писал об одном из таких философов — *Гегесии*. Он получил прозвище Пейситанатос, что означает «проповедник самоубийства» или «учитель смерти».

Еще о об одном таком антифилософе мне хотелось бы рассказать особо. Это о Фридрихе Ницше. Он самый настоящий фюрер антикультуры.

8.2.1. Ф. Ницше — фюрер антикультуры

Ницше — *просто* сумасшедший
Куно Фишер

Черного кобеля не отмоешь до бела
Поговорка

Сейчас Ницше снова, как и в начале XX в., становится идолом для духовного обывателя, любителя острых, но бесплодных интеллектуальных ощущений

А.Л.Симанов

Заранее прошу извинить за резкость. Накопело! Фридрих Ницше снова «в моде». Без конца переиздаются его сочинения, делаются попытки обелить, представить хорошим, студенты с охотой пишут о нем рефераты. Даже орган Российского гуманистического общества, журнал "Здравый смысл", не выдержал, опубликовал в 19-м номере (2001 г.) ряд материалов, фактически реабилитирующих Ницше... Это с одной стороны. С другой, в обществе растут настроения, сходные с немецким национал-социализмом (PHE, скинхеды, национал-большевики Эдуарда Лимонова, В.В.Жириновский, А.Г.Дугин и т.д.). Всё это очень тревожит.

Кто такой Ф.Ницше на самом деле? Не как человек, не как философ, а как Явление. Я думаю, он — Гитлер философии и обращаться с ним нужно соответственно.

Философский юродивый, этакий философский Хлестаков—Жириновский

Я — авантюрист духа, я блуждаю за своею мыслью и иду за манящей меня идеей

Ф. Ницше

Главная книга Ф.Ницше «Так говорил Заратустра» имеет подзаголовок: «Книга для всех и ни для кого». Непредубежденный читатель скажет: у человека не все в порядке с головой. И в самом деле, Ницше в большинстве случаев говорил абсолютно аномальные вещи, как юродивый. Здесь он напоминает В.В.Жириновского. Ницше — певец аномального, всего, что отклоняется от нормы-середины вплоть до патологии.

Ницше — удивительно легковесный философ. Он с вдохновением, абсолютно раскованно-цинично, без зазрения совести (философской, человеческой) лепит фразы, как ему заблагорассудится. Лишь

бы было складно. Эдакий философский Хлестаков.

Тексты Ницше — сладкий яд, как сладкоголосое пение Сирен, губивших мореходов.

У меня эти тексты вызывают большей частью чувство омерзения. Это непрерывное хвастовство-ёрничанье, этот пророческий, поучающий тон, это злопахательство и осмеяние-очернение всего, что дорого нормальному человеку, эти бесконечные попытки всё перевернуть, поставить с ног на голову.

Ницше — **Гитлер философии**. Так я к нему отношусь. Пусть в отдельных случаях он говорил умные, путные вещи — я всё же не могу относиться к нему позитивно даже в малой мере, в частности, цитировать эти умные вещи в подтверждение каких-то своих мыслей. Ведь и Гитлер в каких-то случаях вел себя вполне порядочно и говорил умные вещи. Но из-за того, что он совершил многочисленные преступления против человечества, я не могу хоть как-то относиться к нему позитивно. Он для меня — негодяй, людоед и т. п. Ницше никого не убил, но он подготовил-взрыхлил духовную почву для преступников типа Гитлера, для преступлений против человечества. Он совершил многочисленные философские "преступления", попытался реабилитировать зло, "злую мудрость", "ложь", истину смешал-отождествил с ложью¹, постоянно высмеивал позитивные человеческие ценности (добро, милосердие...).

Да, Ницше — человек, представитель рода человеческого и как таковой он достоин уважения. И я его уважаю, как уважаю того же Гитлера. Если бы последний попался мне в руки, я не стал бы над ним издеваться, не стал бы его унижать, топтать его человеческое достоинство. Я просто отдал бы его в руки правосудия. То же и с Ницше. Я не буду употреблять площадных слов в его адрес, не буду ёрничать и издеваться над ним как философом. Я просто передаю его на суд философов как философского преступника.

Ницше скорее не философ, а просто умник. Он умничает, а не философствует. Он использует свой ум не по назначению, не для того, чтобы стремиться к мудрости² и решать проблемы на основе мудрости. Он вообще ничего не ищет. Он сразу лепит всё, что приходит на ум и непременно шокирующее, бьющее на внешний эффект. Он не аргументирует, не утруждает себя аргументами, а утверждает-изрекает как мистик-пророк. Он отвергает почти всё, что выработала философская мысль до него. Объявляя волю к власти основным

¹ «Что же такое в конце концов человеческие истины? — в упор спрашивает Ницше и без колебания отвечает: — Это — *неопровержимые* человеческие заблуждения» — «Веселая наука» (Ницше Ф. Соч. В 2-х т. Т. 1. М., 1990. С. 622). См. комментарий в: Кучевский В.Б. Философия нигилизма Фридриха Ницше. М., 1996. С. 65-67).

² Ведь "философия" означает буквально "любовь к мудрости".

стремлением человека, он поступает как антифилософ, как человек, который использует свой интеллект для объявления неинтеллектуальной способности (воли) главной человеческой способностью, т.е. для утверждения и обоснования антиинтеллектуализма (неразумия, безумия — говоря по-русски).

Вот пример ницшеанской антифилософии: одно из сочинений Ницше называется "Злая мудрость". Вдумайтесь в это название. Оно чудовищно-нелепо как круглый квадрат или горячий снег. Мудрость в принципе не может быть злой. Она средоточие-объединение трех фундаментальных ценностей жизни — добра, красоты, истины. От такого соединения их сила многократно увеличивается. К мудрости как нельзя лучше подходит новомодное слово "синергизм". Она не является в отдельности, ни истиной, ни добром, ни красотой. Она то, что ведет или может привести к истине, добру и красоте, что является предпосылкой или условием истины, добра и красоты.

Мудрость тем больше мудрость, чем лучше она ведет к добру и лучше защищает от зла, поскольку зло — антидоброе.

Антигуманист без всяких оговорок

Недавно журнал "Здравый смысл", орган Российского гуманистического общества, опубликовал (в 19-м номере, 2001 г.) ряд материалов, фактически обеляющих Ницше, этого воинствующего антигуманиста, антигуманиста без всяких оговорок. Что это? Неразборчивость редактора или его уступка нынешней моде на Ницше, заигрывание с теми, кто увлечен этой модой?

Ницше целиком на стороне выдуманного им сверхчеловека (господина, белокурого бестии...) и, соответственно, с презрением-пренебрежением говорит о "человеке" (и производном от человека: человечности, гуманности, гуманизме). Вот две цитаты:

1) "В основе всех этих благородных рас просматривается хищный зверь, роскошная, похотливо блуждающая в поисках добычи и победы белокурая бестия; этой скрытой основе время от времени потребна разрядка, зверь должен наново выходить наружу, наново возвращаться в заросли — римская, арабская, германская, японская знать, гомеровские герои, скандинавские викинги — в этой потребности все они схожи друг с другом. Благородные расы, именно они всюду, где только ни ступала их нога, оставили за собою следы понятия "варвар"; еще и на высших ступенях их культуры обнаруживается сознание этого и даже надмевание (...) Эта "смелость" благородных рас, безумная, абсурдная, внезапная в своих проявлениях, сама непредвиденность и неправдоподобность их предприятий... — их равнодушие и презрение к безопасности, телу, жизни, удобствам; их ужасная веселость и глубина радости, испытываемой при всяческих разрушениях, всяческих сладострастиях победы и жестокости, — все это сливалось для тех, кто страдал от этого, в образ "варвара", "злого врага", скажем "гота", "вандала". Глубокое ледяное недоверие, еще и теперь воз-

буждаемое немцем, стоит только ему прийти к власти, — является все еще неким рецидивом того неизгладимого ужаса, с которым Европа на протяжении столетий взирала на свирепства белокурой германской бестии..."¹

2) "Может быть, совершенно правы те, кто не перестает страшаться белокурой бестии, таящейся в глубинах всех благородных рас, и держит перед нею ухо остро, — но кто бы не предпочел стократный страх, при условии, что здесь в то же время есть чем восхищаться, просто *отсутствию* страха, окупаемому невозможностью избавиться от гадливого лицемерия всего неудачливого, измельченного, чахлого, отравленного? И разве это не *наша* напасть? Чем нынче подстрекается *наше* отвращение к "человеку"? — ибо мы *страдаем* человеком, в этом нет сомнения. — Не страхом; скорее тем, что нам нечего больше страшиться в человеке: что пресмыкающееся "человек" занимает авансцену и кишмя кишит на ней..."²

Под этими словами с большой радостью подписался бы любой фашист-нацист. (Именно благодаря всем подобным мыслям-идеям Ницше его главный труд "Так говорил Заратустра" оказался в ранце фашистского солдата наряду с Библией и "Майн кампф" Гитлера).

Вот еще:

"Проблема заключается в том, чтобы возможно больше утилизировать человека и чтобы по мере возможности приблизить его к машине, которая, как известно, никогда не ошибается; для этого его надо вооружить добродетелями машины, его надо научить переносить огорчения, находить в тоске какое-то высшее обаяние; надо, чтобы *приятные* чувства ушли на задний план. Машинальная форма существования, рассматриваемая как наиболее благородная, наиболее возвышенная, должна обожать сама себя... Единственной целью очень на много лет должны быть *умаление человека*, так как сначала надо построить широкое основание, на котором могло бы возвыситься сильное человечество. Умаление европейского человека — это великий процесс, которого нельзя остановить, но который надо еще ускорить..."³ Эти слова еще в большей степени отвечают идеологии национал-социализма.

И еще: "Властная раса может иметь только ужасное и жестокое происхождение"⁴. Сразу вспоминается мечта Гитлера и К^о о тысячелетнем рейхе. Гитлер ведь хотел господствовать над миром, создать властную расу. И, естественно, в своем стремлении установить диктаторский режим в Германии и в своих завоевательных походах он опирался на эти слова Ницше: тысячелетнему рейху фатально уготовано это "ужасное и жестокое происхождение". Ницше, таким обра-

¹ "К генеалогии морали". См.: Ницше Ф. Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 428.

² Там же. С. 429.

³ Цит по: Галеви Д. Жизнь Фридриха Ницше. Новосибирск, 1992. С. 198.

⁴ Цит по: там же. С. 200.

зом, как бы выдал (заочно) Гитлеру духовную индульгенцию: Ты, Великий вождь, не должен думать о морали, милосердии, гуманизме. Если ты хочешь создать тысячелетний рейх, то должен знать, что властную расу ждет "ужасное и жестокое происхождение". Не бойся ничего, лей реки крови, потому что так надо, так неизбежно, если хочешь господствовать на Земле.

Чтобы обеспечить победу властной расы Ницше предлагает, в частности, такие средства:

"обязательная *военная служба*, с настоящими войнами, которые прекратили бы всякие шутки"

"Поддержка *военного государства*, это последнее средство, которое нам осталось или для поддержания великих традиций, или для создания высшего типа человека, сильного типа. Все обстоятельства, которые поддерживают неприязнь, расстояние между государствами, находит себе таким образом оправдание..."¹.

В этих последних цитатах Ницше не только идейный вдохновитель гитлеризма, но и консультант, дающий конкретные советы всяким гитлерам.

От Ницше пошло выражение "падающего подтолкни"². Если человек в чем-то слаб, то не надо ему помогать – пусть сам выкарабкивается или гибнет. Нет, наверное, более циничного высказывания в устах философа!

Величайший философский террорист

Ницше — величайший философский террорист всех времен и народов. Видманн, швейцарский критик, написал этюд о "По ту сторону добра и зла" и увидел в этой книге только руководство по анархизму: "Книга пахнет динамитом", — сказал он. Сам Ницше, отвечая этому критику, написал "К генеалогии морали", в которой были в частности такие слова: "Я хотел, — пишет он через несколько месяцев по поводу этой маленькой книги, — я хотел произвести пушечный выстрел более гремучим порохом"³. Видите: Ницше даже динамита мало!

Философский терроризм Ницше даже не в этом. Это всё внешнее, поскольку лежит на поверхности. Ницше по своей сути духовный-моральный террорист. *Он попытался растоптать все, что дорого людям, философам, всё, на чем держится человеческая мораль и, соответственно, человеческое общежитие, человеческое общество вообще.* Ницше своим словом, своими идеями развязывает руки всем потенциальным убийцам, преступникам, террористам, диктаторам-тиранам. Он как бы подталкивает их к нарушению всех норм

¹ Цит по: там же. С. 201.

² «что падает, то нужно еще толкнуть!» — «Так говорил Заратустра». ч. 3 (Ницше Ф. Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 151).

³ Там же. С. 194.

жизни, теоретически обосновывает поведение таких (маленьких или больших) преступников, как Родион Раскольников или Адольф Гитлер.

Ницше — фактически духовный отец всех, кто совершает преступления против человечества (человечности). Почему? Потому что о большинстве людей он говорит презрительно-ненавидяще как о быдле, стаде, толпе, навозе. Восхваляя тип воинственного-злого человека (господина, сверхчеловека, белокурого бестии), он этим восхваляет войны, т. е. в конечном счете — массовое истребление людей. Если большинство людей — навоз, то нечего с этим большинством церемониться. Оно призвано к тому, чтобы унавоживать почву для сверхчеловека.

Презрительно-пренебрежительное отношение к женщине

"Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!" —
Так говорил Заратустра.

Это не случайно оброненная фраза. Она произнесена в таком контексте:

"А теперь в благодарность прими маленькую истину! Я достаточно стара для нее!

Заверни ее хорошенько и зажми ей рот: иначе она будет кричать во все горло, эта маленькая истина".

Дай мне, женщина, твою маленькую истину! — сказал я. И так говорила старушка:

"Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!" —

Так говорил Заратустра.¹

Это — фрагмент главного труда Ницше ("Так говорил Заратустра"). А посмотрите, какое название главки: "О старых и молодых бабенках". Ницше не стесняется в выражениях. Он груб, развязен, циничен. Цинизм его вдвойне усиливается тем, что эти уничижительные для женщины слова он вкладывает в уста женщины же!

Ницше — маскулинист, ненавистник женщин.

Посмотрите, как он характеризует "женское":

"Все женское, рабское, и особенно вся чернь: *это* хочет теперь стать господином всей человеческой судьбы — о отвращение! отвращение! отвращение!" (— "Так говорил Заратустра". Главка "О высшем человеке"²). Женское у него синоним рабского, черни. Уничижительно говорит о нем как "*этом*". Кроме того, он явно против эмансипации женщин. И три раза это "отвращение" с восклицанием, звучащее как проклятие по отношению к женскому началу жизни.

¹ Ницше Ф. Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 48.

² Там же. С. 206.

Короткий текст, но сколько злобы, презрения, отвращения к женщинам!

Нисколько не смущаясь, Ницше приписывает философам отрицательное отношение к супружеской жизни: "...философ чурается *супружеской жизни* и всего, что могло бы совратить к ней, — супружеской жизни, как препятствия и роковой напасти на его путях к оптимуму... Женатый философ уместен в *комедии*, таков мой канон" (— "К генеалогии морали"¹). Он явно выдает желаемое за действительное. (Велико самомнение Ницше: очень часто он выдает свой субъективный специфический взгляд за общепринятое мнение).

Расист, восхвалитель арийской расы как расы господ

Утверждают, что он не был протофашистом, духовным отцом гитлеризма. Разговоры о "крови", о расах, о расе господ, об арийской (в отдельных случаях, германской) расе — разве это не протонацизм?! Да, конечно, Ницше не был националистом в узком смысле слова, более того, он (нешадно) критиковал немцев за "национальную узость"².

Зато он был расистом, идеологом арийской расы как благородной расы или расы господ.

Говорят, что он не был антисемитом. Ложь! Да, он не был примитивным, грубым антисемитом. Но он был ненавистником евреев как расы рабов. "Все, что было содеяно на земле, — писал Ницше, — против "знатных", "могущественных", "господ", не идет ни в малейшее сравнение с тем, что содеяли против них *евреи*."³ — Этой фразы Ницше достаточно, чтобы его полюбили нацисты. На евреев он возлагал главную вину за всё, что было содеяно на земле против расы "господ".⁴

Его высказывания о евреях лили воду на мельницу антисемитизма. (Достаточно сравнить всю сумму высказываний Ницше о евреях с тем, что говорил о евреях наш великий философ В.С.Соловьев. Разительный контраст! В.С.Соловьев — вот был истинный противник антисемитизма. Потому что он выступал против него с позиций гуманизма. Позиция же Ницше в отношении евреев двусмысленна, так

¹ Там же. С. 480.

² См.: Галеви Д. Жизнь Фридриха Ницше. Новосибирск, 1992. С. 201.

³ См.: Ницше Ф. Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 422.

⁴ На заборе, окружающей православную церковь в Борисове (Москва), крупными буквами было выведено (2002 г.): «Христианство — религия жидовских рабов». Рядом с надписью — изображение свастики. Вот вам соединение ницшеанства с гитлеризмом. Ницше ведь считал, что христианство — религия еврейских рабов.

как у этой позиции не было этой твердой и светлой человеческой основы [гуманизма].)

Известны англофобские высказывания Ницше. Это тоже "дрова", которые разжигали костер гитлеризма.

Кстати, кто сказал, что философия Ницше — индивидуалистическая?! Его расизм, англофобия, антиеврейство, валовой подход к людям — разве не свидетельствуют об определенном, пусть неявном, коллективизме Ницше? Похоже, Ницше использовал двойной стандарт в отношении коллективизма. Когда ему выгодно было порочить коллективизм (в виде стадности) он делал это с энтузиазмом. Когда же ему был выгоден валовой подход к людям, не как к индивидуумам, а как представителям разных социальных групп, к некоторым общностям (раса господ и раса рабов, критика евреев, англичан, немцев...), то он с таким же энтузиазмом выступал с коллективистских позиций. Ницше причудливо сочетал индивидуализм с коллективизмом.

Философия Ницше — это философия конфликта, агрессии, воинственности

Стиль Ницше — напряженный, пророчески-безапелляционный или едкий-иронический. Он всё время воюет (на словах, конечно).

Философия Ницше в целом очень напряженная. Он постоянно говорит сильные фразы, патетические или язвительно-иронические, которые показывают, что человек — хищное, злое животное, что человек должен быть сверхчеловеком. Он абсолютизировал отношения антагонизма, конфликта, враждебности и напряженности. Либо ты победитель, либо ты побежденный (либо пан, либо пропал). Ницше утверждал, что общество — стая хищных волков. По Ницше человек реализует себя и всегда стремится утвердить себя как существо, которое стремится к власти. Он делил людей на победителей и побежденных, на героев и толпу, на сверхчеловеков и всех остальных¹. Это

¹ Такое деление людей весьма живуче. Вот что пишет А.Г. Дугин в своей «Консервативной революции» (М.: Арктогея, 1994): «Все люди делятся на две категории: на Человеко-Богов, Божественных Субъектов, Сверхлюдей (элита, духовная аристократия, высшие люди, «Зонненменшен», сыны света и т.д.) и на бессубъектных человеко-животных (плебс, низшие люди, недочеловеки, «Тиерменшен», «Сыны Тьмы»). Отсюда кастовая, расовая или интеллектуальная дифференциация...» (с. 89). Этот Дугин откровенно называет своим предшественником «германский национал-социализм в XX веке». Им опубликована недавно в газете «Лимонка» (№ 56, янв. 97) статья под характерным названием «С томиком Ницше на фронт культуры». В настоящее время Дугин — председатель движения «Евразия».

логически вытекает из его теории воли к власти. Тот, кто не стремится к власти – ничтожество.

Нигилизм Ницше

Философия Ницше пронизана нигилизмом. Он призывал к переоценке всех ценностей, постарался разрушить все, что было наработано человеческой культурой. Мораль добра – хлам, совесть – чепуха.

Гитлер наверняка был вдохновлен Ницше, когда напыщенно провозглашал, обращаясь к немцам: "Я освобождаю вас от химеры, именуемой совестью" (Вариант: «Я освобождаю вас от грязной и разлагающей химеры, именуемой совестью и моралью» — из к/ф «Г.К.Жуков»). Ср. Ницше: "Испытывал ли я когда-нибудь угрызение совести? Память моя хранит на этот счет молчание." (Т. 1. С. 722, "Злая мудрость", 10). Или: Угрызение совести — такая же глупость, как попытка собаки разгрызть камень" (Там же. С. 817, "Странник и его тень", 38).

Мартин Лютер Кинг говорил: «Принимающий зло без сопротивления — становится его пособником». Ф.Ницше — это воплощенное философское зло. Кто принимает Ф.Ницше — пособник зла.

8.2.2. Психоделический мистицизм Карлоса Кастанеды

(мысли, навеянные чтением его
«Учения Дона Хуана» и других сочинений)

В последние 15 лет у нас в стране в моду вошел философ Карлос Кастанеда. Показателем этой моды является то, что его книги издаются большими тиражами... Жуткая мода. Она тоже подливает масло в огонь наркотического безумия и вообще антикультуры.

Наши философы-преподаватели как-то беззубо-бесстрастно рассказывают о Кастанеде и даже похваляют его. Вот пример. В учебном пособии Л.З.Немировской «Философия» читаем:

«Книги Кастанеды посвящены урокам магии, которые он якобы берет у индейца дона Хуана, хранителя эзотерического знания из племени яки. Кастанеда уподобляет образ дона Хуана образу Иисуса Христа (только живущего в Мексике). Существенным отличием дона Хуана было то, что тот пользовался в обучении особым методом: обучающийся должен находиться в состоянии, вызываемом приемом психотропных растений (состояние «отдельной реальности»).

К.Кастанеда исследует новый способ познания, мало кем до сих пор изученный, — с помощью интуиции, интуитивный. При

этом он представляет этот путь познания как специфический путь знакомства с миром древнего мексиканского племени яки. А по существу, речь идет об одном из способов приобретения эзотерического (тайного, скрытого от обычного человека) миропонимания. Этот способ — употребление некоторых растений, обладающих наркотическим эффектом, вызывающих галлюцинации. (С. 175)...»

Рассказ о Кастанеде завершается словами: «Таковы произведения современного мыслителя-мистика, привлекающие нас духом искания, авантюризма и бесстрашия. В то же время мы видим в книгах современных мистиков проявление преемственности человеческой мысли, в них оживает мудрость веков...» (С. 178). Вот так, ни больше, ни меньше. Это учебное пособие издано тиражом 10 тысяч экземпляров!

Философия Кастанеды — результат использования психотропных средств, точнее психоделиков. Это, по существу, психоделическая философия, философия измененного сознания, искусственно вызываемой психопатологии.

Кастанеда продолжает традицию мистических, т.е. крайне иррационалистических учений. Он практически отрицает весь мир культуры и восстанавливает, по существу, мироощущение первобытного человека. Ее, пожалуй, можно назвать философией первобытного человека, голого человека, который ничего не имеет кроме своего тела, ничего не знает кроме своих непосредственных ощущений-восприятий, ничего не хочет и не умеет делать кроме элементарных поведенческих действий (ходить, есть, пить, одеваться, умываться и т.п.), да изготовления и приема психоделических средств.

Современный человек — это восприимчивый всей духовной и материальной культуры человечества, ее многотысячелетней истории. Для Кастанеды же ничего не значат ни Бетховен, ни Рахманинов, ни Аристотель, ни Гегель, ни Рафаэль, ни Рембрандт, ни Шекспир, ни Толстой, ни Эйнштейн, ни Дарвин, ни Петр I, ни Франклин Рузвельт, ни Эдисон, ни Форд или Королев. Кастанеде не нужна наука, не нужно знание, полученное учеными, не нужны открытые ими законы природы, не нужны изобретения человеческого гения, улучшающие и совершенствующие человеческую жизнь, не нужны ни серьезная, ни легкая, ни классическая, ни современная музыка, не нужна восточная культура единоборств-тела, не нужна индийская йога, не нужно освоение космоса, не нужны компьютеры, не нужно книгопечатание, не нужны радио, телевидение, не нужны автомобили, самолеты и т.п.

Мир кастанедовского человека — весьма упрощенный, примитивизированный, бедный — сосредоточен на чисто природных взаимоотношениях человека и среды. Пожалуй, он даже проще мира первобытного человека. Ведь последний по-своему много знал и умел: как добывать и поддерживать огонь, охотиться за животными, ловить рыбу, изготавливать орудия труда, рожать и воспитывать детей. Кас-

танедовский человек и в подметки не годится охотнику Дерсу Узала (см. повесть известного путешественника Арсеньева "Дерзу Узала").

Кастанеда на новом витке исторической спирали повторяет древнегреческих киников с их стремлением к опрощению, назад к природе, к животному состоянию.

Философию Кастанеды можно еще охарактеризовать как психоделический мистицизм. Мир для Кастанеды — тайна, а всё, что делает человек — «бесконечная глупость» («воин относится к миру как к бесконечной тайне, а к тому, что делают люди, — как к бесконечной глупости» — К.Кастанеда. Избр.соч., М., 1994. С. 395).

Фактически философия Кастанеды несет в себе дух нового варварства.

Укол Кастанеды

Под этим названием опубликован материал в книге писателя Сергея Баймухаметова «Сны золотые. Исповеди наркоманов» М.: Изд-во ИКАР, 1998. Материал интересен тем, что в нем отражено мнение человека, неискушенного в философии, но знающего о наркомании-наркоманах не понаслышке. Мы, философы, варимся порой в собственном соку и не ведаем, что думают о нас и как откликается философия в душах-поведении других людей. Материал С.Баймухаметова — это взгляд со стороны и поэтому весьма поучителен.

«В последнее время, — пишет он, — имя американского философа и писателя Карлоса Кастанеды становится довольно популярным под нашими родными осинами, чинарами и даже на ягельных пространствах тундры. Я бы сказал — модным. Его книги, в основном «Учение дона Хуана: путь знания индейцев яки», выходят в различных издательствах Москвы. И сюда, в столицу, просьбы купить их и переслать летят отовсюду, от Бишкека до Оймякона.

Кто захочет — тот прочитает, вникнет в суть. А я изложу только сюжет.

Герой книги, студент Калифорнийского университета, знакомится с индейцем по имени Хуан — знахарем, колдуном, магом. Становится его учеником, которому индеец открывает тайны мистического знания. Делается это так: герой под руководством учителя принимает те или иные экзотические наркотики, возносятся, перемещается во времени и пространстве, живет и действует в «необычной реальности», а затем подробно пересказывает свои видения и переживания. А дон Хуан уже ему все объясняет, открывает глубинную суть и связь явлений.

Другими словами, герой книги поставил эксперимент на самом себе. Что ж, это его право.

Точно так же безусловно право толкователей, авторов предисловий и послесловий рассуждать о том, что образ дона Хуана является «самым значительным персонажем человеческой фантазии после Христа», об «откровениях» и «немыслимых озарениях», о том, что «овладев эзотерическим знанием, человек достигает просветления духа».

К подобным пассажам вообще трудно относиться без некоторой неловкости, которую я прикрываю иронией. Пышные словеса тут говорят сами за себя. Но нашенские толкователи Кастанеды переходят к тому, что имеет под собой более или менее твердую почву.

«Каждый человек приговорен к конкретной земной участи. Это немножко безрадостно... Так хочется преодолеть свое «я». С одной стороны, человек изо всех сил старается закрепиться в собственной психологической нише, обжить ее. А с другой — сам ее взрывает, — пишет одни из наших толкователей в предисловии к книге Кастанеды. — И наше столетие, — продолжает толкователь, наглядно де-

монстрирует эту потребность. Молодые радикалы 60-х годов во многих западных странах представляли индивидуальную жизнь как смену карнавальных масок. Хватит быть клерком, поеду в индейскую резервацию. И наркотики пришлось ко времени...»

Стоп! Это в каких эмпиреях надо витать, чтобы вот так походя говорить о... пользе наркотиков?! Святая простота, никак не меньше. И это не обмолвка. Для основателя учения и для его истолкователей «галлюциногены... только средство приобретения знания...» Именно так и формулируется: только средство.

Тут, наверно, можно поговорить о том, что ясно для всех, в том числе и для философов: «средство» никогда не бывает «только», средство и цель всегда связаны. Но вспомним, что я зарекся «судить не выше сапога».

А мой «сапог» — наркотики. Апокалиптическая болезнь. Люди, ей подверженные, живут на грани: на грани сознания и умопомешательства, тюрьмы и воли, жизни и смерти. И уж конечно — за гранью закона, за гранью человеческого существования вообще.

Предвижу, что кто-то и возмутится: запрещенный прием, вулгаризаторский подход! А проще говоря: мол, какая может быть связь между нашими подлыми, жалкими, грязными наркоманами и — «озарениями духа», «эзотерическим мироощущением»?!

Осмелюсь сказать: прямая. В подвалах и на чердаках, конечно, об «эзотерическом знании» не рассуждают, но если «откровения» и «озарения» толкователей Кастанеды перевести на язык притонов, то получится — «кайф». В общем и целом. А если детально, то — «приход», «тяга». То есть разные стадии наступления все того же «кайфа».

И уж совсем один к одному подходят к судьбам заурядных наркоманов верные философские заключения о том, что «человек старается выскочить из самого себя», «преодолеть свое «я». Да, стремление к изменению своего состояния вообще свойственно натуре человеческой. Причем тут биологическое начало тесно переплетается с социальным. Это очень мощный импульс. Но из этого вовсе не следует, что можно с олимпийским спокойствием полагать: «И наркотики пришлось ко времени...» Не дай Бог, если такое случится с любым человеком, если этот мощный импульс соединится с наркотиком, найдет в нем утоление и упоение.

Наверно, одних только «исповедей наркоманов», приведенных здесь, вполне достаточно, чтобы убедиться: любое упоминание о наркотике как безобидном, тем более как лишь «средстве приобретения знания» — это все равно что пропаганда истребления детей. Пусть и невольная, по недомыслию.

Да, почти никто не знает о подлинной, внутренней жизни наркоманов, об их быте. О мерзости их существования, о той зловонной жиже, в которой барахтаются эти несчастные. Об отчаянии и безысходности. О деградации физической, умственной, духовной и говорить не приходится.

Но ведь если нормальные люди не знают эту жизнь в деталях, в подробностях, то могут хотя бы догадываться, предполагать. Это несложно. Догадываться — и не обольщаться на сей счет. Однако же нет, откуда-то возникают мифы о «снах золотых», «эйфорическом тумане». А уж когда они подкрепляются философскими трактатами

и рассуждениями истолкователей, то добра не жди...

А секрет, наверно, еще и в том, что незнание, полужнание всегда порождает мифы. Притягательные. Ярко окрашенные. Бездумный запрет тоталитарного режима на реально существующий мистический компонент культуры развил у многих стойкую приверженность ко всему «запредельному» без разбора. Причем, уходя в широкие слои, всякие полужапретные веяния тотчас становятся модными в определенных кругах людей, которые, по выражению Чехова, «стараятся казаться выше среднего уровня и играть роль, для чего нацепляют на лоб ярлыки». Этакая, знаете ли, претензия на кастовость, чуть ли не духовный аристократизм.

А ведь все сосуды в обществе сообщаются. Только в далекие шестидесятые годы курение анаши среди подростков безоговорочно считалось признаком придури. Над малолетними анашистами смеялись, жалели, держали за дурачков. А сейчас не только в подвалах и на чердаках, но уже и в университетских коридорах причастность к наркоманским тусовкам выдается за некий знак избранности, аристократизм. Там уже на алкоголь смотрят с презрением, называют его «грязным кайфом», «бычьей тягой».

Есть над чем задуматься.

И последнее. Сказав кое-что о «средствах приобретения знания» по Кастанеде, не могу не сказать и о самом методе.

Помню, один из моих однокурсников где-то услышал, будто бы на свете есть восемь книг, прочитав которые человек сразу станет образованным, духовно богатым и прочее. И все приставал к преподавателям, чтобы они дали ему тот заветный список. Ведь всего восемь (!) книг! Прочел — и готово, за неделю все науки превзошел.

Это не анекдот. И даже больше чем быть.

Это великий миф массового человека, который очень хочет «приобщиться», стать «духовным», но только побыстрее и попроще.

Лишь на первый взгляд представляется, что Кастанеда и его последователи очень далеки от «массового сознания», что они «элитарны». На самом же деле, по моему разумению, сам метод здесь что ни на есть пошло-упрощенческий, «массовый»: побыстрее, подешевле, без этих ваших умствований и сложностей... Ведь в действительности любые истины, в том числе и философские, открываются каждому человеку на долгом пути. Он учится, работает, читает книги, узнает, сомневается, спорит, познает себя и людей, разочаровывается, обретает... То есть добывает истину в постоянном труде ума и души.

А здесь, если снять все наслоения и оголить сюжет, то все куда как легко и даже приятно: поел грибы, попил сока экзотического растения, покурил зелья — и вот они, видения и даже «откровения», которые к тому же растолкует всезнающий учитель.

Этот путь и метод далеко не новы. Они существуют столько же, сколько существует человечество вообще. Ибо всегда существовал и существует соблазн легкого приобретения чего бы то ни было: богатства, знаний, секретов ремесла. Но к счастью, никто еще не осмеливается утверждать, что ремеслом сапожника можно овладеть, не прикладывая рук, ничему не учась, а выкурив лишь сто граммов анаши. Никто. А это все-таки внушает некоторые надежды на незыблемость здравого смысла.» (С. 146-153).

Антикультура разрушает здоровый дух, в т. ч. здоровое отношение человека к жизни, к людям, к человечеству, способствует тому, что растет число людей с несчастным и преступным сознанием. *Очень важно знать, что это такое:*

8.3. Несчастное и преступное сознание

Люди с таким сознанием исходят из того, что "мир полон зла", что все или большинство людей погрязли в грехе, порочны, эгоисты, сволочи и т.д. и т.п. *Несчастное сознание — это сознание жертвы, а преступное сознание — сознание злодея.*

Человек с несчастным сознанием пассивно относится к злу, как жертва, запуган, жалуется, кричит, вопит, но сам ничего не делает.

Человек с преступным сознанием, считая всех или большинство людей злодеями, и себя считает таким же. Такой человек рассуждает: раз люди плохие, то нечего с ними церемониться, а можно и нужно обращаться с ними, как они того заслуживают, т.е. жестоко, безжалостно.

Некоторые философы вольно или невольно подыгрывают людям с преступным сознанием, объявляя, в частности, человека злым животным (Фридрих Ницше), ошибкой, халтурой природы, самым мерзким существом на Земле и т. д.

Проявления несчастного и/или преступного сознания:

Женщины считают мужчин эгоистами, животными и т.п. (Героиня телесериала "Марш Турецкого", поставленного по одноименной книге Фридриха Незнанского, говорит: "Да мужиков нет нормальных, Саш").

Мужчины считают женщин потаскушками, глупыми созданиями. Они даже придумали поговорку "шерше ля фам" ("ищите женщину"). Главный герой польского фильма "Знахарь" Антоний Касиба прямо заявляет: "От баб всё зло на свете".

Представители одной национальности (рода, племени, расы) считают других низшими существами, грязными, подлыми, дикими.

Представители одной религиозной конфессии считают представителей других религиозных конфессий или неверующих неверными, т.е. ущербными, неполноценными и даже врагами.

Прокурор Вильфор из "Графа Монте-Кристо" А.Дюма говорит: "Все люди — вымогатели, милая моя". Эти слова он говорит своей бывшей любовнице, жене барона Данглара в оправдание своего жестокосердия по отношению к взрослому сыну, которого он не хочет знать. Очень часто такие или подобные слова можно слышать из уст людей, совершивших то или иное преступление. См. протоколы бесед в с преступниками или интервью с ними. Вот пример: бывший директор КРАЗа (Красноярского алюминиевого завода) Анатолий Быков, обвиненный в организации ряда убийств, — говорил в беседе, записанной на видеопленку: "Я знал его (своего бывшего "друга") как нормального человека, но **Москва всех портит и губит**". Вот так, ни больше ни меньше. Этот бывший директор без тени сомнения, категорично всю Москву (читай: всех ее жителей, москвичей) обвинил в том что она всех портит и губит. Он не задумался над тем, что с легкостью не-обыкновенной охаял, опорочил 9 миллионов москвичей. Конечно, с таким сознанием легко стать на путь преступлений.

Преступники в оправдание своих преступных действий, как правило, ссылаются на всеобщую испорченность, порочность или глупость людей.

Преступное сознание — это сознание человека, оправдывающего свои преступные действия (мошенничество, воровство, насилие, убийство) ссылкой на то, что все или большинство людей — такие сякие (мошенники, воры, вымогатели, насильники, одним словом, сволочи, подонки).

Еще одна особенность несчастного и преступного сознания: абсолютизация конфликтных отношений между людьми, деление всех людей на победителей и побежденных, на господ и рабов и т. п.

Вот как порой рассуждают люди с преступным сознанием: «Могу ли я преступить или не могу? Тварь я дрожащая или имею право?» (Родион Раскольников в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского); «или всех грызи или лежи в грязи» (так поучает юного Фому его дядя, наживший состояние преступным путем. См. "Фома Гордеев" М. Горького); «не хочешь быть бараном, которого стригут, так стриги сам» (так цинично говорит преступник Растегаев в к/ф «Дело пестрых») "либо ты ешь, либо тебя едят", либо властвуешь, либо подчиняешься" (эти "либо" называет "законом тайги" в кинофильме "Хозяин тайги" бригадир сплавщиков, совершивший преступление).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. БОЛЬШОЕ ОТКРЫТИЕ МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА (*от общего к частному или от частного к общему?*)

Самый известный силлогизм гласит:

*Все люди смертны
Сократ — человек*

Следовательно, Сократ смертен

Этот силлогизм кажется взрослому человеку трюизмом, не дающим никакой информации, никакой пищи для размышления (Гегель говорил о нем: «Такое умозаключение сразу же наводит скуку, как только его услышат»¹). Представим, однако, ситуацию, когда маленький человек, ребенок, впервые делает для себя вывод, что он смертен как и все люди. Скорее всего ребенок впервые задумывается о смерти (что это такое), когда видит смерть близкого или знакомого человека и слышит разговоры по этому поводу. Он узнает, что люди, живущие рядом с ним, могут умереть. Следующий шаг в его познании: это когда он узнает от одного или, скорее всего, нескольких людей (сверстников или старших), что все люди рано или поздно умирают, т. е. смертны. И вот он примеряет эту страшную истину к себе: если он как все (человек), то, следовательно, рано или поздно умрет. Для маленького человека это большое открытие². С этого момента он начинает размышлять о своей жизни как таковой, о том, что она не так прочна, что она имеет свои границы. И не просто размышлять, а делать дальнейшие выводы, выводить практические следствия из факта своей

¹ Гегель. Наука логики. Т. 3, М., 1974. С. 112.

² В. А. Сухомлинский описывает мальчика, у которого мысль о неизбежности собственной смерти вызвала нервное потрясение: «никогда не забуду тихого сентябрьского утра, когда до начала уроков ко мне в сад пришел Костя (воспитанники мои учились тогда в восьмом классе). В глубоких, тревожных глазах парня я чувствовал какое-то горе. «Что случилось, Костя?» — спросил я. Он сел на скамью, вздохнул и спросил: «Как же это так? Через сто лет не будет никого — ни вас, ни меня, ни товарищей... все умрем. Как же это так? Почему?...»

смертности, наконец, менять поведение. Например, он выясняет, что умирать плохо, что после смерти он превратится в прах, в ничто. Далее, он выясняет, что может умереть в любой момент, если не будет, например, осмотрительным и осторожным (при обращении с огнем, на улице, на воде и т. д. и т. п.).

В итоге указанный выше силлогизм не только приводит ребенка к важному открытию, но и в конечном счете меняет его поведение.

И так со всяким другим силлогизмом. Когда человек впервые умозаключает от общего к частному, он переживает это умозаключение как решение важной мыслительной и, в конечном счете, жизненной задачи.

Любопытную интерпретацию этого силлогизма дает Б. Рассел. Он пишет: «Мы согласимся, что, скажем, мистер Смит смертен, и мы свободно можем сказать, что знаем это, потому что мы знаем, что все люди смертны. Но в действительности мы знаем не то, что «все люди смертны», а скорее что-то вроде: «все люди, рожденные более полутора года назад, — смертны, и таковы же почти все люди, рожденные более ста лет назад». Таково наше основание для того, чтобы думать, что мистер Смит умрет. Но это доказательство является индукцией, а не дедукцией.» (Рассел Б. История западной философии. Т. 1, Новосибирск, 1994. С. 199). Можно согласиться с тем, что некоторые люди именно так рассуждают, когда приходят к выводу о том, что они когда-то умрут. Такой индуктивный путь рассуждения возможен, но он отнюдь не исключает дедуктивного пути. Есть люди, которые любят ползать по фактам и мыслить пошагово, идти от частного к общему, а есть люди, которые любят из принимаемых на веру или условно допускаемых общих утверждений делать частные заключения. Каждому свое.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВСЕМ УБИЙЦАМ И ЗАКАЗЧИКАМ УБИЙСТВ

Жизнь человека священна. Всякий покушающийся на неё должен знать: убивающий других людей убивает себя.

Не нарушая чужих прав, ты охраняешь собственные.

Из фильма Жака Ива Кусто 1984 г.

По телеканалу СТС 23 августа 1998 г. в передаче о тяжелой жизни банкиров в частности сообщалось, что киллеры (“профессиональные” убийцы) соглашаются убивать среднего предпринимателя за 2 тыс. долл., крупного предпринимателя — за 5 тыс. долл. Киллерами становятся, как правило, молодые люди, для которых ничего святого нет и которые для-ради куска хлеба готовы убивать. Это, по существу, больные люди...

Заказчики убийств нередко рассуждают как Сталин: “нет человека — нет проблемы”. Используя убийство как средство решения проблем, они игнорируют не только право, но и фундаментальные ценности их собственной жизни.

Муки совести. Нет человека, у которого совершенно отсутствовала бы совесть. Заказчики убийств и киллеры вынуждены всю дальнейшую жизнь жить с тяжелым камнем на сердце, с нечистой совестью, фактически постоянно испытывая моральный стресс. Мы все, люди, связаны друг с другом тысячами нитей, единством культуры, языка, места жизни. Лишая жизни кого-то, мы так или иначе разрываем часть своих связей, осуществляя буквально вивисекцию. В итоге образуется эффект пустоты жизни. Убийца одинок в неприятном для себя смысле: экзистенциально, по жизни.

Дальнейшая жизнь убийцы или заказчика убийства во многом бессмысленна, так как она лишается благородного содержания. Как может убийца, сделав свое дело, смотреть в глаза других людей спокойно-честно-прямо, без этой страшной тайны, без этого сознания, что он кого-то лишил

жизни? Убийство — злодейство, какими бы целями они ни оправдывалось¹.

Безусловно прав был А.С. Пушкин, утверждавший: “*гений и злодейство — две вещи несовместные*”. Злодейство и творчество несовместимы. Как можно сочинять стихи и при этом убивать людей! Для кого сочинять стихи, если ты убил одного из тех, кому они предназначены?

Несовместимы также злодейство и любовь. Убийца уже не может нормально любить женщину, детей, кого бы то ни было.

В первом случае (любви к женщине) это понятно. Красота и убийство несовместимы. Красота — это гармония, радость жизни, ее продолжение-умножение. Убийство — это дисгармония, мука жизни, ее уничтожение. Говорят: “у войны — неженское лицо”. То же можно сказать и об убийстве.

Во втором случае (любви к детям) это также понятно. Дети — цветы жизни, ее будущее, ее воспроизводство. Убийство — это препятствование к воспроизводству жизни, к ее продолжению, это уничтожение будущего жизни. Ведь убивая взрослых людей, убийца убивает неродившихся, но могущих родиться детей или оставляет сиротами родившихся.

Лишая жизни человека, убийца приносит *неисчислимые страдания* близким этого человека, его друзьям и знакомым. Разве близкие, друзья убитого виноваты в чем-то перед убийцей? Убийца фактически поступает как слон в посудной лавке.

Лишающий жизни других фактически лишает себя наследства, кастрирует себя. В самом деле, разве может убийца или заказчик убийства иметь нормальных детей? Ведь яблоко от яблони недалеко падает. Конечно, и у злодеев могут быть хорошие дети. Но это скорее исключение, чем правило.

Бумеранг. Если у убивающих совесть маленькая и им

¹ Я не беру случаи убийства на войне, на дуэли, по неосторожности или в целях самообороны. Это особые случаи. В них надо разбираться отдельно.

вроде бы на всё и вся наплевать, пусть подумают о возможном разоблачении и возмездии.

Убивая других, они должны помнить, что и сами подвергают себя опасности быть убитыми. “Поднявший меч — от меча и погибнет” — старая как мир истина. Решение проблем в своем кругу с помощью убийства порождает ситуацию “пауков в банке”.

Страх разоблачения. Страх разоблачения и наказания не менее силен, чем муки совести. Подумайте, потенциальные убийцы, о том, что после убийства вы будете вынуждены жить в постоянном страхе перед разоблачением и наказанием. Цель убийства — решить проблему, а в итоге, вследствие убийства, вы можете так усугубить свои проблемы, что прежние проблемы покажутся вам ничтожными.

Глупый шаг. Идущий на убийство не просчитывает все последствия своего шага. Он поступает глупо, недальновидно, поскольку обрекает себя на постоянный психологический-моральный дискомфорт до конца жизни. Он должен понимать, что он не только индивидуум, но и представитель рода человеческого. В нем общечеловеческого не меньше, чем сугубо личностного, индивидуального. Убивая другого человека, он убивает в себе Человека. Каждый человек — это целый мир. Лишая жизни кого-либо убийца обедняет человеческий мир, в том числе и себя. Пусть он подумает над тем, что если он убивает мужчину, то возможно он убивает отца своего будущего зятя, деда своих внуков и т. д. и т. п. Если он убивает женщину, то убивает еще не родившихся детей...

Решая свои проблемы с помощью убийства человек поступает не просто глупо, а *примитивно*, не как разумное существо, а как бездушная разрушительная стихия, которая не ведает, что творит. Давайте взвесим на чашах весов весь жизненный путь убиваемого (от утробы матери через рождение, кормление, воспитание, обучение, образование к весьма сложной — взрослой, профессиональной, творческой — жизни) и моментальное уничтожение вместе с его способностями, талантами, умениями, любовью близких и т.д., и т.п. Несоизмеримы эти две чаши весов. На одной чаше: длительное восхождение к вершинам жизни. На другой:

почти мгновенное исчезновение. Как трудно вырастить человека и как легко его убить! Об этом потенциальные заказчики убийств и убийцы должны помнить. Не мы дали человеку жизнь и не нам ее забирать у него!

Самоубийца. Идущему на убийство порой наплевать и на свою жизнь. Он не боится возмездия и даже своей гибели. Это так. Но пусть он подумает над тем, чего достигает убийством. Пытаясь убить другого и рискуя быть при этом убитым, он падает в бездну небытия.

Всякий подумавший об убийстве должен всерьез заняться своим *психическим здоровьем*.

Убийца поступает, в сущности, *как людоед*. Ведь он питается тем, что дает ему убийство.

Пусть потенциальные убийцы и заказчики убийств подумают о последствиях, а совершившие преступление покаются и отдадут себя в руки правосудия.

P.S.

Я обращаюсь к близким, друзьям, знакомым потенциальных и действительных убийц. Дайте им это письмо. И если мои слова не подействуют на этих людей прямо, то пусть они послужат материалом для бесед с ними. Личное влияние с теми же словами-аргументами может быть гораздо более действенным.

Я обращаюсь также ко всем людям доброй воли. В обществе нужно создать атмосферу нетерпимости к насилию и убийству. И пора, наконец, объявить бойкот всем тем писателям, кинематографистам, телевизионщикам, журналистам, которые без конца демонстрируют сцены насилия и убийства, смакуют их, а преступников-убийц изображают героями.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. К ДИСКУССИЯМ ОБ ОТМЕНЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Смертная казнь несовместима с принципами гуманизма. Она должна быть отменена раз и навсегда! Казнь по приговору суда — убийство, какими бы словами о правосудии она ни прикрывалось.

Я знаю: большинство людей, даже в цивилизованных странах, против отмены смертной казни. И тем не менее я выступаю *за* отмену. Это моя позиция. Вообще, трудно представить гуманистически ориентированного человека, который бы выступал за сохранение смертной казни.

1. Я считаю, что государство (в лице органов правосудия) не имеет право убивать своих граждан. Государство-общество не должно уподобляться убийце. Убивают либо по злоумыслию, либо по неосторожности, либо по халатности, либо в пределах необходимой самообороны. Смертная казнь — убийство по приговору суда. Какие мотивы такого убийства? Только один: кровь за кровь, смерть за смерть. Давно кануло в лету такое примитивное-первобытное возмездие.

2. Неискушенные люди думают, что отмена смертной казни означает отмену наказания или значительное его облегчение. Считается также, что смертная казнь — самое сильное (страшное) наказание. Очень часто ее характеризуют как высшую меру наказания. Это на самом деле не так и даже совсем наоборот: нет худшего наказания, чем долгое наказание, чем лишение свободы на всю оставшуюся жизнь (пожизненное заключение). Вот что говорит главный герой романа А. Дюма “Граф Монте-Кристо”:

"Пуля в сердце — разве это наказание? Настоящее наказание должно быть долгим."

Кстати, находятся такие приговоренные к смертной казни, которые считают, что лучше бы их казнили, чем обрекли на пожизненное заключение.

Приговаривая к смертной казни преступника, мы больше наказываем не самого преступника, а его близких и друзей. Для них его смерть — неутешное горе. В чем они-то виноваты?! Почему они должны нести такой крест?!

По большому счету, смертная казнь по приговору за преступление вообще не является наказанием. Наказывают ведь

только живого, чувствующего и сознающего. А что может чувствовать-сознавать мертвый преступник? Ничего.

3. Еще одно распространенное заблуждение: “применение смертной казни способно реально уменьшить количество тяжких преступлений в стране” (так считает относительное большинство в телестудии НТВ “Глас народа”).

На самом деле смертная казнь не влияет на количество убийств. Это — мнение криминологов во всем мире. Главное, по мнению специалистов, не ужесточение наказания, а неотвратимость наказания. “Нет никакой связи между смертной казнью и уровнем преступности. И это криминологи доказали” — так утверждает член Конституционного суда РФ.

Влияет ли страх смертной казни на возможность совершения тяжкого преступления? — “Нет, не влияет. Это знают все криминологи во всем мире, в том числе в нашей стране.” (С.Е. Визин, генерал милиции, в телепередаче, посвященной теме отмены смертной казни).

Угроза смертной казни может как отвести человека от совершения тяжкого преступления, так и подтолкнуть к такому преступлению. Одних преступников она останавливает, а других заставляет совершать убийство жертв и свидетелей. Поэтому в общем и целом смертная казнь не приносит нужного эффекта.

4. Еще один аргумент за отмену смертной казни — возможность судебной ошибки, т. е. казни невиновного. Такие ошибки судьи реально совершают достаточно много. Правозащитник В. В. Борщов называет цифру: «процент судебных ошибок в мировой практике — 5-10. У нас, несомненно, больше»¹.

5. Золотое правило поведения в его отрицательной формулировке (“не делай другим того, чего не хочешь, чтобы делали тебе”) запрещает убийство *в любой форме*, в т. ч. по приговору суда. Ведь приговаривают к лишению жизни люди, выполняющие обязанности судей. Они же не хотят, чтобы с ними поступили также, т. е. чтобы кто-то приговорил их к лишению жизни.

¹ Из телепрограммы НТВ «Протокол-расследование» 19 июля 2004 г., 14.45.

Справедливо сказал приговоренный к смертной казни:
"нельзя убивать людей вообще. Это аморально".

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. О КОНЦЕ СВЕТА (в форме письма)

Абдулла Сабирович Шаяхметов из Калуги в письме ко мне как руководителю Центра практической философии задал несколько вопросов. Его прежде всего волнует вопрос о возможном "Конце Света". Он попросил меня ответить и вот этот ответ.

Уважаемый Абдулла Сабирович!

Идея Конца Света обсуждается в религиозных кругах. Я же — нерелигиозный человек. Т. е. я не верю ни в Бога, ни в сопутствующие этой вере идеи, в том числе в идею конца Света. Идея конца Света для меня как философа **не имеет смысла.**

Философы и ученые тоже обсуждают нечто подобное, но только они говорят не о конце Света, а о возможной гибели человечества, в частности, о возможном сценарии гибели всего живого на Земле в результате наступления ядерной зимы, которая может случиться если Россия и США обменяются массированными ядерными ударами.

Ученые также обсуждают вероятности разных глобальных катастроф (падение большого метеорита на Землю, очень маловероятное столкновение Солнца с другой звездой и т. п. сценарии возможного). Обсуждают также неизбежное в конечном счете остывание Солнца (через многие миллиарды лет) и возможное в этой ситуации падение Земли на Солнце.

Все эти обсуждения не имеют никакой религиозной или мистической подкладки и носят реалистический характер, т. е. опираются на данные астрономии, физики, геологии и других наук.

Вы говорите о том, что существует народная молва о Конце Света. Я не знаю такой молвы. Я беседовал с тысячами людей, учу сотни студентов и практически не встречал хоть мало-мальски всерьез интересующегося проблемой Конца Света. На самом деле нет никакой народной молвы. Есть только отдельные люди, подобные гоголевскому Манилову, которые готовы обсуждать весьма далекие от жизни

абстрактные вопросы. Философ Гегель говорил о таких людях, что они тешат или волнуют себя всякими "пустыми возможностями". Единственно, кто со мной всерьез хотел поговорить о конце Света, так это свидетели Иеговы, иеговисты. А их ничтожное количество. Для руководителей этой религиозной организации разговоры о конце Света имеют вполне практическое значение. Через эти разговоры они "уловляют души" и в конечном счете получают доступ к имуществу "пойманных".

Мои представления о мире и о судьбе человечества основываются не на религиозных текстах (в том числе Библии), а на здравом смысле, который в свою очередь зиждется на опыте моей жизни, на знании проверенных и устоявшихся данных науки, на философских идеях и категориях.

Вы говорите о конце Света. Под Светом вы имеете весь мир? Если это так, то я, как философ, скажу Вам: мир не имеет начала и, соответственно, не имеет конца. Есть такие философские категории: конечное и бесконечное. Они обозначают определенный срез реальности (мира). В аспекте категории времени они фигурируют под именами "временное, преходящее" и "вечное". Так вот: мир обнимает собой вечное и преходящее. По отношению к миру в целом нельзя говорить: вечен он или преходящ. Вот Вы верите в Бога и не обсуждаете вопрос "вечен или невечен Бог". Для Вас Бог нечто такое, что выходит за пределы любых земных оценок и категорий. Представьте себе, что и мы, философы, примерно так же думаем о мире. К миру в целом неприменимы в отдельности категории конечного и бесконечного, качества и количества, целого и частей, причины и следствия, действительности и возможности, порядка и беспорядка. Говорить о начале и конце мира также бессмысленно, как говорить, если вы верящий в Бога, о рождении или смерти Бога (в христианстве, правда, говорят о рождении и смерти Иисуса Христа; но: Христос — не в полном смысле Бог; он по христианским представлениям рожден женщиной и является лишь частью божественной Троицы).

"Конец Света" — архаическое выражение сложного комплекса идей и понятий, представлений о мире и человеке. Древние люди, употреблявшие это выражение, понимали мир весьма узко, даже не в пределах земного шарика, а в

пределах своей территории (например, библейская легенда о всемирном потопе является повторением шумерской легенды о потопе, который случился в Месопотамии, в нижнем течении рек Тигра и Ефрата). Говорить сейчас о конце Света — это значит уподобляться древним людям, мыслить согласно их наивным представлениям об окружающем мире.

Сейчас философы уже не говорят о "Свете" в древнем значении слова. Они различают вопросы о мире в целом, о нашей части мира (которую ученые нередко именуют Вселенной, говоря, например, о Большом взрыве и расширяющейся Вселенной), о человеческом мире, жизни на Земле.

Если под концом Света Вы имеете в виду возможное прекращение жизни человечества как такового, то опять же философы, если это действительно философы, обсуждают данную проблему не в религиозных терминах, а в координатах философских категорий и на основе современных научных представлений. Здесь, действительно, есть **проблема**. В XX столетии человечество породило такую силу (ядерную бомбу), которая может уничтожить и его самого и почти всю живую природу на Земле. Обсуждение этой проблемы, однако, не терпит излишней эмоциональности, нагнетания страстей, запугивания кого бы то ни было. Во-первых, возможность самоуничтожения человечества весьма маловероятна (люди, прежде всего ученые и руководители ядерных держав, знают о такой возможности и это знание в значительной степени остужает горячие головы). Во-вторых, нормальные люди должны думать не о смерти-гибели, а о жизни: как лучше жить, как продолжить жизнь. Давно подмечено: о чем думаешь, то и случается, во что уверуешь, то и сбудется, чего хочешь, то и будет. Человек мнительный постоянно наталкивается на неприятности потому что он настраивает себя не на созидание, а на разрушение, не на продолжение жизни, а на конец жизни, не на положительное, а на отрицательное. Здесь работает механизм положительной обратной связи: человек настраивает себя на плохое; это плохое случается; он еще больше тревожится. Эта тревога усиливает его смятение и так до преждевременной смерти.

Зацикленность на теме смерти (в том числе, возможной гибели человечества, конца Света) свидетельствует о неко-

торой ненормальности данного человека (умственной или психической). Если Вы ощущаете себя нормальным человеком, испытывающим радость от жизни, то оставьте эти свои мысли о конце Света, **бросьте себя травить**. Тот, кто постоянно думает о смерти, уже не живет или одной ногой в могиле. У меня на этот счет есть формула: "Как мы думаем, так и живем. Лучше думаем — лучше живем". Если мы будем думать не о жизни (не о ее делах и радостях), а о смерти, то будем жить какой-то теновой, призрачной, неестественной жизнью.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аджалов В.* Пора назвать цель, или Новая версия смысла жизни. — М.: Издатель Иванова Т.О., 1999.
2. Академик Иван Тимофеевич Фролов: Очерки. Воспоминания. Избранные статьи. — М.: Наука, 2001.
3. *Алешин С.* Пьеса «Все остается людям»
4. *Алтатов В.В.* Проблемы долголетия. М., 1978.
5. *Анджеевский Е.* Ранний вариант романа “Пепел и алмаз”.
6. *Аргази В.* Смерть и время. — 2-е изд., испр., доп. М.: Примстрой-М, 2001.
7. *Аристотель.* Соч. Т. 1, М., 1976. С. 312 (Метафизика, 1073a 30-34).
8. *Аристотель.* Соч. в 4-х т.т. Т. 3, М., 1981. С. 121 (“Физика” 208a 1).
9. *Аристотель.* Соч. Т. 3, М., 1981. С. 204. (Физика, 241b 18-20).
10. *Баландин Р.К.* Жизнь, смерть, бессмертие?.. М.: Знание, 1992.
11. *Балашов Л.Е.* Соответствия — особый тип отношений между категориями (проблемы категориальной логики). — Журн. “Философские исследования”, 1993, № 2.
12. *Балашов Л.Е.* Мир глазами философа. (Категориальная картина мира).
13. *Балашов Л. Е.* Практическая философия. М.: МЗ Пресс, 2001.
14. *Балашов Л. Е.* Философия: Учебник. М.: Дашков и К, 2004.
15. *Белинский В.Г.* Полн.собр.соч. Т. 10, М., 1958.
16. *Белинский В.Г.* Рецензия на сочинения И.И.Лажечникова (1839).
17. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М.: Республика, 1993. Часть третья. Глава I. Смерть и бессмертие.
18. *Биоэтика: принципы, правила, проблемы.* М., 1998.
19. *Блаватская Е.П.* Смерть и бессмертие / Пер. с англ.; Сост. Т.О.Сухорукова, В.И.Мызников. - М.: Сфера, 1997.
20. *Бобров Л.В.* Поговорим о демографии. М., 1974.
21. *Богомолов А.С.* Диалектический логос: Становление античной диалектики. М., 1982.
22. *Бомбар А.* За бортом по своей воле. М., 1958.
23. *Бозций.* Утешение философией.
24. *Буль П.И.* Психотерапия, гипноз, внушение и современная медицина. Л., 1979.
25. *Бунин И.А.* Освобождение Толстого.
26. *Вернадский В.И.* Начало и вечность жизни.
27. *Вишев И.В.* Гомо имморалис — человек бессмертный. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 1999.

28. *Вишев И.В.* На пути к практическому бессмертию. М.: МЗ-Пресс, 2002.
29. *Вишев И.В.* Философская проблема человеческого бессмертия. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 1997.
30. *Вишев И.В.* Проблема бессмертия человека в русской философии: персоналии и идеи. Уч. пос. Ч. II. — Челябинск, 2000.
31. *Вишев И.В.* Проблема личного бессмертия. Новосибирск: Наука, 1990.
32. *Воронков С.* Трактат о жизни и смерти. — М.: Грааль, 1998.
33. *Гаврилов Л.А., Гаврилова Н.С.* Биология продолжительности жизни. М.: «Наука», 1991.
34. *Гангнус А.А.* Рискованное приключение разума. М., 1982.
35. *Гегель.* Энцикл. филос. наук. Т. 1, М., 1974, С. 206 /§ 81/.
36. *Гегель.* Наука логики. Т. 1, М., 1970.
37. *Гегель.* Работы разных лет. Т. 2, М., 1971.
38. *Гегель.* Философия религии. Т. 2, М., 1977.
39. *Голсуорси Д.* Сага о Форсайтах.
40. *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого. М., 1959.
41. *Гришанов Л.К.* О смысле жизни и счастье человека. Кишинев, 1977.
42. *Гроф С.* Человек перед лицом смерти / Пер. с англ. М.: АСТ..., 2002.
43. *Губин В.Д.* Онтология. Проблема бытия в современной европейской философии. — М.: РГГУ, 1998.
44. *Гуревич П.С.* Жизнь после смерти. М.: Советский писатель, 1990.
45. *Давыдов Ю.Н.* Этика любви и метафизика своеволия: Проблемы нравственной философии. М., 1982.
46. *Демидов В.* Время, хранимое как драгоценность. М., 1977.
47. *Демичев А.* Дискурсы смерти: Введение в философскую тантологию. — СПб.: ИНАПРЕСС, 1997.
48. *Джиоев О.И.* О некоторых типических постановках проблемы смысла жизни в истории философии. // Вопросы философии, 1981, № 7.
49. *Дильман В.М.* Большие биологические часы. М., 1981.
50. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. - СПб.: Соз, 1998.
51. *Еришов Г. Г.* Смысл жизни и социальное бессмертие. М.: Лен-издат, 1981.
52. Жизнь как ценность. (Под ред. Фесенковой Л.В.) М., ИФ РАН, 2000.
53. Жизнь, зачем ты нам дана? / Сост. Л.В.Василенко, В.И.Десятерик. М.: Фонд им. И.Д.Сытина, 2001.
54. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986.
55. *Завельский Ф.С.* Время и его измерение. М., 1977. С. 143.
56. Идея смерти в российском менталитете / Под ред. Ю.В.Хен.

- СПб.: РХГИ, 1999.
57. История античной диалектики. М., 1972.
 58. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.
 59. Карандашев В. Жить без страха смерти. — 2-е изд., испр., доп. — М.: Смысл, Акад. проект, 1999.
 60. Карнеги Дейл. Как перестать беспокоиться и начать жить.
 61. Клайн М. Математика. Утрата определенности. М., 1984.
 62. Клини С.К. Введение в метаматематику. М., 1957.
 63. Клюев А. Свобода от смерти. М.: АйФ-Принт, 2002.
 64. Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. М., 1984.
 65. Кольман Э. Кибернетические аспекты космологии в свете философии. — Вопросы философии, 1969, № 7.
 66. Конечное и бесконечное. Киев, 1982.
 67. Короленко Ц.П., Фролова Г.В. Вселенная внутри тебя. Новосибирск. “Наука”, 1979.
 68. Краткая философская энциклопедия. М., 1994.
 69. Кюблер-Росс Элизабет. О смерти и умирании. 1969.
 70. Кэнноскэ Накамура. Чувство жизни и смерти у Достоевского / Авториз. пер. с япон. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
 71. Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984.
 72. Красиков В.И. Явь покоя. — Кемерово: КГУ, 1998.
 73. Крывелев И.А. Критика религиозного учения о бессмертии. М., Наука, 1979.
 74. Маковельский А.О. Досократики. Ч. 3, Казань, 1916.
 75. Мамфорд Д. (Свами Анандакатила Сарасвати). Смерть: начало или конец? / Пер. с англ. М.: ФАИР-Пресс, 2002.
 76. Манн Т. Доктор Фаустус (XLIH).
 77. Марк Аврелий. Размышления. Л., 1985.
 78. Мечников И.И. Этюды о природе человека. Опыт оптимистической философии. М., 1917. Гл. VII.
 79. Монтень М. Опыты — Глава “О том, что философствовать — это значит учиться умирать”.
 80. Моуди Р. Жизнь после смерти. Исследование феномена продолжения жизни после смерти тела. М., 1990.
 81. Мулин Г. Смерть и умирание в тибетской традиции / Пер. с англ. СПб.: Евразия, 2001.
 82. Мухамедьянов С.А. Образ смерти в зеркале народного сознания. — Уфа: ТиД, 1998.
 83. Мэзия Д. Живая клетка. М., 1962.
 84. Наумов Л. 82 дня в океане. В: “Океан покоряется людям”. Владивосток. 1961.
 85. Носов Н.А. Виртуальное убийство // Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 5, 1999.
 86. Ньютон И. Письмо к Гуку. Цит. по: Володин В. И тогда возникла мысль. М., 1980.
 87. Осипов А.А. Игра на страхе смерти и на утешении «вечностью». — В кн.: Осипов А.А. Откровенный разговор с верую-

- щими и неверующими. Размышления бывшего богослова. Л., 1978.
88. *Панцхава И.Д.* Человек, его жизнь и бессмертие. М., 1967.
 89. *Панцхава И.Д.* О смерти и бессмертии. М., 1972.
 90. *Папазовы Дончо и Юлия.* С “Джу” через Тихий океан. М., 1983.
 91. *Парандовский Ян.* Алхимия слова. М., 1972.
 92. *Пекелис В.* Кибернетическая смесь. М., 1982.
 93. *Петровская Л.А.* Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга. М., 1982.
 94. *Платон.* Собр. соч. в 4 т.т. Т. 2, М., 1993.
 95. *Платон.* Собр. соч. Т. 2, М., 1993. (“Федон”, 70с-72д).
 96. *Платон.* Собр.соч. в 4-х томах. Т. 2, М., 1993. (Пир 206а — 209е).
 97. *Полосухин Б.М.* Феномен вечного бытия. М.: Наука, 1993.
 98. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2, М., 1992.
 99. *Пугачев О.С.* Этический контекст проблемы бессмертия в русской религиозной философии (конец XIX — начало XX вв). Пермь, 1998.
 100. *Рассел Б.* История западной философии. Кн. 3. Новосибирск, 1994.
 101. *Рубакин А.Н.* Похвала старости. М., 1979.
 102. *Рузавин Г.И.* О природе математического знания. (Очерки по методологии математики). М., 1963.
 103. *Рюриков Ю.* Три влечения. Любовь, ее вчера, сегодня и завтра. М., 1968.
 104. *Рязанцев С.* Танатология (учение о смерти). — Петербург, 1994.
 105. *Сенека.* Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. (Письмо ХСП).
 106. *Согомонов Ю.В.* О смысле жизни. Баку, 1964.
 107. *Спиноза Б.* Избр.произв. Т. 1, М., 1957.
 108. *Страхов Н.Н.* Глава «Значение смерти» в книге «Мир как целое».
 109. *Суворова О.С.* Человек: душа и тело, смерть и бессмертие. Поиски решения проблемы в истории культуры. М.: Прометей, 1994.
 110. *Толстой Л.Н.* Полн.собр.соч. Т. 23.
 111. *Толстой Л.Н.* Полн.собр.соч.. Т. 35.
 112. *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000.
 113. *Трубников Н.Н.* О смысле жизни и смерти. М, 1996.
 114. Смысл смерти. Коллективная работа под редакцией Г. Фейфеля, 1959.
 115. Фигуры Танатоса: Искусство умирания / Под общ. ред. А.В.Демичева, М.С.Уварова. — Спб.: Изд-во СПбГУ, 1998.
 116. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. (С.С.

- Аверинцев).
117. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1, М., 1989. (29 ДК).
 118. *Франк С. Л.* Смысл жизни. — Вопросы философии, 1990, № 6.
 119. *Франс А.* Собр.соч.. Т. 3, М., 1958. С. 303 (“Сад Эпикура”).
 120. *Фрейд З.* Мы и смерть. СПб, 1994.
 121. *Фрейд З.* По ту сторону принципа наслаждения. СПб, 1994. С. 59.
 122. *Фролов И.Т.* О жизни, смерти и бессмертии. — Вопросы философии. 1983. №№ 1-2.
 123. *Фролькис В.В.* Природа старения. М.: «Наука», 1969.
 124. *Хьюз Э. Б.Шоу.* М., 1966.
 125. Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. М.: Политиздат, 1991.
 126. *Шопенгауэр А.* Афоризмы житейской мудрости. М., 1990. Ч. 1. (Гл. IV).
 127. *Шперк Ф.* Страхи смерти и принципы жизни. СПб, 1895.
 128. Эстетика Ренессанса. Т. 2, М., 1981.
 129. *Янжул И.Н.* Страх смерти. Разговор с графом Л.Н.Толстым. Спб, 1910. С. 4. — Альманах “Прометей”. Т. 12, 1980.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аверинцев С.С.
Алешин С.
Анджеевский Е.
Аристотель

Бальзак О.
Белинский В.Г.
Бетховен Л.
Бобров Л.В.
Больцано Б.
Бомбар Аллен
Бозций
Буль П.И.
Бунин И.А.

Володин В.
Вольтер Ф.

Галилей Г.
Галлай М.Л.
Гангнус А.А.
Гаусс
Гегель
Гент
Гераклит
Гёте И.
Гибель
Гитлер
Гиппократ
Гоббс Т.
Гоголь Н.В.
Голсуорси Д.
Гольденвейзер А.Б.
Гомер
Горацій
Горбовский А.
Горький М.
Гук Р.
Гумбольдт
Гурьев В.

Давыдов Ю.Н.
Джалиль Муса
Декарт Р.
Демидов В.И.
Державин Г.Р.
Дидро Д.
Дильман
Екклезиаст
Ерофеев Виктор

Кантор Г.
Клайн М.
Клини С.
Коган Л.Н.

Коши

Ламонт К.
Лейбниц Г.
Леонид, царь спартанцев
Лондон Джек
Людовик XV

Кантор Г.
Кейзер К. Дж.
Клайн М.
Короленко Ц.П.
Крантор

Майр Э.
Мамин-Сибиряк
Манн Томас
Марк Аврелий
Маршак С.Я.
Матфей, евангелист
Мечников И.И.
Мицкевич А.
Монтень М.
Мэзия Д.

Наполеон
Наумов Л.
Ньютон И.

Окен Л.

Папазов Д.
Папазова Ю.
Парандовский Ян
Парнюк М.А.
Пекелис В.
Пенн Т.
Петровская М.А.
Петр Великий
Пико Делла Мирандола
Пиригов Н.И.
Платон
Плутарх
Псевдо-Плутарх
Пушкин А.С.
Пэрриш Энн

Размножение
Рахманинов С.В.
Роллан Ромэн
Роше Ш.
Рузавин Г.Л.
Рюриков Ю.
Рязанцев С.

Салтыков-Щедрин М.Е.
Сенека
Симонид Кеосский
Скульпрафт
Согомонов Ю.В.
Сократ
Софокл
Спиноза Б.

Толстой Л.Н.
Трубников Н.Н.

Фома Аквинский
Франс А.
Фридрих II
Фролов И.Т.
Фролова Г.В.

Хьюз Э.

Цицерон

Чайковский П.И.
Чапек К.
Чехов А.П.

Шоу Б.
Шуман Р.

Эвтаназия
Эйлер Л.
Эмерсон Р.У.
Энгельс Ф.
Эпиктет
Эпикур 209
Эсхил

Янжул И.Н.

Corey G.

Лев Евдокимович БАЛАШОВ
ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, БЕССМЕРТИЕ

